

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ КИТАЯ И СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Центр изучения Вьетнама и АСЕАН

Г.М. ЛОКШИН

**ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ:
поиск согласия продолжается**

Избранные труды

Москва
ИКСА РАН
2024

УДК 327(5-012)
ББК 66.4(55)
Л73

Рецензенты

д. полит. н. В.Е. Петровский
к. и. н. П.А. Гудев

Ответственный редактор
Е.В. Никулина

Локшин Г.М.

Южно-Китайское море: поиск согласия продолжается. Избранные труды / Г.М. Локшин; отв. ред. Е.В. Никулина; Ин-т Китая и современной Азии РАН. — М.: ИКСа РАН, 2024. — 271 с. — ISBN 978-5-8381-0475-5

Книга содержит избранные труды известного российского востоковеда Г.М. Локшина (1938–2022) о ситуации в Южно-Китайском море, где много лет сохраняется конфликт из-за территориальных претензий Китая и стран Юго-Восточной Азии. Автором дан детальный анализ конфликта и его история, выявлены цели, скрытые интересы, политика и практика главных действующих сил. Подробно описана роль АСЕАН в разрешении конфликта, прослежен путь к заключению Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море. Особое внимание автор уделил стратегическому соперничеству Китая и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В книге рассматриваются и интересы России как крупнейшей евроазиатской и тихоокеанской державы, ее усилия по сохранению мира и стабильности в Южно-Китайском море.

Издание предназначено для исследователей, преподавателей и студентов, изучающих Юго-Восточную Азию, практических работников, занимающихся вопросами политики России в АТР, а также для широкого круга читателей.

Ключевые слова: Южно-Китайское море, территориальные претензии, АСЕАН, Китай, США, Вьетнам, Филиппины, Россия, Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
INSTITUTE OF CHINA AND CONTEMPORARY ASIA
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Center for Vietnam and ASEAN Studies

Grigory LOKSHIN

**THE SOUTH CHINA SEA:
The Search for Harmony Continues**

Selected Works

Moscow
ICCA RAS
2024

Reviewers

V.E. Petrovsky, D.Sc. (Polit.), P.A. Gudev, Ph.D. (Hist.)

Edited by

Elena Nikulina

Lokshin G.M.

The South China Sea: The Search for Harmony Continues. Selected Works / Ed. by Elena Nikulina. Moscow: ICCA RAS, 2024. — 271 p. — ISBN 978-5-8381-0475-5

The book contains selected works by the famous Russian orientalist Grigory Lokshin (1938–2022) about the situation in the South China Sea, where conflict has persisted for many years due to the territorial claims of China and the countries of Southeast Asia. The author provides a detailed analysis of the conflict and its history, identifying the goals, hidden interests, policies and practices of the main active forces. He describes in detail the role of ASEAN in resolving the conflict, and traces the path to the conclusion of a Code of Conduct for the parties in the South China Sea. The author paid special attention to the strategic rivalry between China and the United States in the Asia-Pacific region. The book also examines the interests of Russia as the largest Eurasian and Pacific power, its efforts to maintain peace and stability in the South China Sea.

The publication is intended for researchers, teachers and students studying Southeast Asia, practitioners involved in Russian policy issues in the Asia-Pacific region, as well as for a wide range of readers.

Keywords: South China Sea, territorial claims, ASEAN, China, USA, Vietnam, Philippines, Russia, Code of Conduct for Parties in the South China Sea

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ: ТРУДНЫЙ ПОИСК СОГЛАСИЯ	11
АНАТОМИЯ КОНФЛИКТА	11
Экономическое и военно-стратегическое значение ЮКМ и его архипелагов	11
Море одно, а претендентов — семь	16
Главный претендент — Китай	17
Вьетнам — главный оппонент Китая в ЮКМ	21
Филиппины и другие претенденты	23
2009—2012 гг. НОВЫЙ РАУНД НАПРЯЖЕННОСТИ	27
«Дипломатия улыбок» и «мягкая сила» Китая в ЮВА	27
Ужесточение китайской позиции в ЮКМ	29
Китайско-филиппинское противостояние у мыса Скарборо	32
Новый этап кризиса в китайско-вьетнамских отношениях	35
Основные причины обострения кризиса в ЮКМ	38
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ	43
«Ключевой интерес» или «бесспорный суверенитет»?	43
Южно-Китайское море сквозь призму отношений Китая с США	48
Политика «трех нет» и ее эволюция	53
ЮКМ И НОВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА США	57
Второй фронт в войне против мирового терроризма	57
«Стратегический разворот» в АТР	60
Контрнаступление через Транстихоокеанское партнерство	66
Сотрудничество с позиции силы	68
ВЬЕТНАМ: ТИРАНИЯ ГЕОГРАФИИ	74
Взвешенный и ответственный курс	74
Шаг назад от края обрыва	85
Между двух гигантов — США и Китаем	89
Вьетнам выходит на международную арену	98
ФИЛИППИНЫ НА ОСТРИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ	102
Неудавшаяся попытка выхода из тупика	103
Ставка на американскую карту	106
Мирные инициативы Филиппин	111
Политический шторм в ЮКМ продолжается	113
ПАРТНЕРСТВО КИТАЙ — АСЕАН: КЛЮЧ К МИРУ В ЮКМ	115
«Метод АСЕАН»	116
От противостояния к стратегическому партнерству	118

Политика «вовлечения и управления рисками»	121
АСЕАН перед трудным выбором	124
«ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ» И ПОИСК СОГЛАСИЯ	128
От Декларации 2002 г. к Кодексу поведения сторон в ЮКМ	128
Остановка в Пномпене	131
Превентивная дипломатия в ЮКМ	136
Многосторонний механизм безопасности в ЮКМ	137
«Окно возможностей» не закрыто	139
КРИЗИС В ЮКМ И РОССИЯ	144
Геополитические и стратегические интересы России в ЮКМ	144
Россия — АСЕАН: курс на сотрудничество по всем азимутам	146
Стратегическое партнерство России с Китаем и Вьетнамом	148
Ответственная позиция в отношении проблем ЮКМ	152
Литература	155
ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ В 2014 г.	158
Очаг напряженности не утихает	158
Новая эскалация напряженности в ЮКМ	160
Вьетнамская дипломатия в период кризиса	162
Реакция мирового сообщества	163
Позиция России	165
Кризис завершен, но согласия пока нет	165
Последствия и перспективы	167
КОДЕКС ПОВЕДЕНИЯ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ — ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ ОТВЛЕКАЮЩИЙ МАНЕВР?	172
АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море	172
От Декларации 2002 (DOC) к Кодексу поведения в ЮКМ (COC)	175
Кризис в АСЕАН и инициатива Индонезии	177
Вердикт Постоянного арбитражного суда в Гааге	180
Перспективы принятия Кодекса и его значение	181
Литература	185
НАПРЯЖЕННОСТЬ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ СОХРАНЯЕТСЯ	186
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО КИТАЯ С США В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ	195
Очаг международной напряженности	195
Индо-Тихоокеанская доктрина президента Д. Трампа	196
Стратегические цели и интересы Китая в ЮКМ	198
Принцип «трех нет»	201
Перспективы на обозримый период	202

КРИЗИС В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ И РОЛЬ АСЕАН	209
СТРАНЫ АСЕАН И КРИЗИС В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ	209
«Ключевой интерес» или «неоспоримый суверенитет» Китая	209
ЧТО МОЖЕТ И ЧЕГО НЕ МОЖЕТ АСЕАН	215
Пути разрешения конфликтов в АСЕАН	215
Страны, не претендующие на суверенитет в ЮКМ	216
Страны-претенденты	218
Страны, не участвующие в споре, но заинтересованные в его решении	225
Общая стратегия «хеджирования рисков»	229
ДОЛГИЙ ПУТЬ К КОДЕКСУ ПОВЕДЕНИЯ В ЮКМ	232
От Декларации 2002 к базовому проекту Кодекса	232
Базовый проект Кодекса поведения	233
Шаг вперед или отвлекающий маневр?	234
Милитаризация ЮКМ усиливается	236
Литература	242
ПРАВОВОЙ СПОР В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: ТРЕТИЙ РАУНД	243
ЮКМ в новых условиях	244
Война дипломатических нот	246
Вьетнам занимает позицию в споре и получает поддержку США	249
СОТРУДНИЧЕСТВО АСЕАН — КИТАЙ: КЛЮЧ К МИРУ В ЮВА	253
В стратегическом треугольнике Китай — АСЕАН — США	253
АСЕАН пошла по «третьему пути»	256
Стратегическое партнерство ради мира и процветания	257
Асимметричная экономическая взаимозависимость	258
АСЕАН и региональное экономическое партнерство	260
АСЕАН и Морской Шелковый путь XXI века	261
Литература	262
РОЛЬ РОССИИ В СОХРАНЕНИИ МИРА И СТАБИЛЬНОСТИ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ	263
Очаг международной напряженности	263
Многоплановая политика России в отношениях с Вьетнамом	264
Стратегические цели и интересы России в регионе ЮКМ	265
Россия и Вьетнам в стратегическом партнерстве	266
Сотрудничество с Вьетнамом не угрожает третьим странам	268
Нейтральная позиция не есть безразличие	270

Предисловие

Книга «Южно-Китайское море: трудный путь к согласию еще не пройден» принадлежит перу Григория Михайловича Локшина — одного из самых ярких представителей первого поколения российских вьетнамоведов.

В своей научной и общественной деятельности Г.М. Локшин удачно сочетал блестящую эрудицию и беспристрастную логику научного исследования. Он вошел не только в число ведущих востоковедов-политологов, но и был одним из первых переводчиков-синхронистов, которые, работая на высшем уровне, переводили в том числе выступления первых лиц на съездах КПСС. Свободное владение несколькими иностранными языками и цепкий аналитический склад ума сделали из него специалиста широкого профиля высочайшей пробы, на чей уровень в качестве примера стоит ориентироваться исследователям в области международных отношений и в наши дни.

Внимание Григория Михайловича было направлено на проблемы войны и мира, национально-освободительного движения, противодействие американской агрессии во Вьетнаме, территориальные споры, региональные и глобальные геополитические проблемы, народную дипломатию, социальное неравенство и многое другое.

Будучи уже в довольно преклонном возрасте, Г.М. Локшин на российских и международных конференциях всегда вступал без бумажек и записей лучше, чем более молодые коллеги с тщательно подготовленными докладами. Огромный жизненный опыт и искренний интерес к изучаемой проблематике всегда делали его выступления ярким событием на любом научном форуме.

По личному опыту свидетельствую, что его блестящая эрудиция и молниеносная реакция на острые, иногда провокационные, реплики иностранных коллег, когда зал под разными предлогами покидали представители государственных структур и СМИ, позволяли ему в полный голос защищать интересы своей страны на международных конференциях, где в довольно откровенном экспертном формате «второй дорожки» происходило обсуждение самых насущных вопросов международной безопасности.

Г.М. Локшин всегда находился в курсе актуальной международной повестки и видел не всегда очевидные даже профессионалам причинно-следственные связи между, на первый взгляд, не связанными событиями в разных регионах планеты.

Данный сборник избранных трудов включает изданные при жизни работы автора — монографию «Южно-Китайское море: трудный поиск согласия» и ряд статей, в которых он, продолжая следить за развитием ситуации, излагает свои взгляды на эволюцию конфликта в регионе.

В новом издании, которое к настоящему времени отнюдь не потеряло своей актуальности, читатель найдет четкое и детальное описание сути территориальных споров в Южно-Китайском море, позиции участников, их стратегии решения конфликта в свою пользу, анализ антагонистических подходов сторон к переговорному процессу.

Это, несомненно, самое подробное описание «анатомии конфликта» на русском языке и вполне возможно самое объективное рассмотрение сложившейся ситуации в мире, которое дано из положения «над схваткой», когда автор не занимает позицию ни одной из конфликтующих сторон, а беспристрастно анализирует сложившуюся де-факто конфигурацию.

Основная причина появления и развития споров в ЮКМ, по мнению автора, состоит в том, что «гипернационализм вместе с ускоренным военным строительством в Китае и в соседних Вьетнаме и Филиппинах при способствующих этому действиях США и всего американского ВПК, не желающего упустить свою выгоду от начавшейся в регионе гонки вооружений, создают там достаточно опасную и отнюдь не стабильную ситуацию».

Практическая политика Пекина с целью «изменить сложившееся статус-кво в ЮКМ с конечной целью превратить его во внутреннее море Китая» вызвала ответную реакцию малых и средних стран региона, ощутивших угрозу своим интересам и обратившихся за поддержкой к США, которые увидели в этом удобный предлог для укрепления собственных позиций в регионе.

В настоящее время как АТР в целом, так и ЮКМ в частности, с каждым годом все больше превращаются в зону стратегического противостояния Вашингтона и Пекина, а малые и средние страны региона вынуждены лавировать между великими державами, пытаясь защитить свои интересы. В одиночку это сделать сложнее, чем в составе регионального объединения. Отсюда вытекает еще одна проблема, которая занимала внимание Г.М. Локшина — конкуренция альтернативных, а порой и враждебных интеграционных форматов.

Значительную часть текста Г.М. Локшин посвящает детальному исследованию развития позиций главных антагонистов территориальных споров в ЮКМ в течение нескольких десятилетий — Китая и Вьетнама, а также сравнению их военных потенциалов.

Анализируя фундаментальные параметры конкуренции между Пекином и Вашингтоном, Г.М. Локшин резонно замечает: «Китайские лидеры достаточно прагматичны, чтобы трезво оценивать свои силы и возможности. Естественно, что по мере роста Китая его влияние в Азии тоже росло, но еще далеко от того, чтобы вытеснить оттуда гегемонию США. Элиты стран АСЕАН не приемлют ки-

тайскую модель общества и экономики. Они хотят торговать с Китаем, но сохранять военное присутствие США. Поэтому утверждения, будто Китай “бросает вызов гегемонии США в Азии” — это во многом миф, которым пользуются сторонники нагнетания напряженности и гонки вооружений в США». Из данной цитаты видно, насколько глубже востоковед погружен в понимание конфликтной ситуации изнутри, чем условный специалист по общим проблемам мировой безопасности.

Более 10 лет тому назад Г.М. Локшин написал: «Независимо от того, кто начал, а кто отвечает, США и Китай оба оказались заперты в известной дилемме безопасности “действие — противодействие”, которая вряд ли скоро разрешится». И сейчас мы видим, что он был абсолютно прав, и выхода из тупика территориальных споров так и не просматривается даже в обозримой перспективе. Значительная часть современной политической аналитики до такого уровня не дотягивает и очень быстро полностью утрачивает актуальность, чего нельзя сказать про исследования Г.М. Локшина. Причина точности его анализа и прогноза кроется в высочайшем профессионализме и привычке детально изучать каждый аспект исследуемой проблематики с привлечением первоисточников.

Данная книга представляет собой пример постановки и объективного рассмотрения важной международной проблемы, на который следовало бы ориентироваться не только экспертам, но и действующим политикам, если они хотят войти в историю через решение важнейшей проблемы — территориальных споров в ЮКМ.

При чтении текста данной книги ощущается «эффект присутствия» — в памяти вновь начинают звучать интонации и знакомый голос старшего товарища, всплывают яркие выступления Г.М. Локшина, которые постоянно вызвали искреннее восхищение коллег. Пример работы блестящего оратора и выдающегося ученого останется с нами на многие годы благодаря публикации его основных трудов по проблемам региональной безопасности в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

Издание избранных трудов настоящего ученого, патриота и гражданина своей страны является важным событием для российской науки. Ветераны вспомнят доброго товарища, а молодое поколение сможет познакомиться с блестящими исследованиями одного из ведущих представителей первого послевоенного поколения советских/российских вьетнамистов.

В.Н. Колотов
Директор Института Хо Ши Мина СПбГУ

ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ: ТРУДНЫЙ ПОИСК СОГЛАСИЯ

(Опубликовано: Локшин Г.М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с. Текст печатается с сокращениями)

АНАТОМИЯ КОНФЛИКТА

Экономическое и военно-стратегическое значение ЮКМ и его архипелагов

Южно-Китайское море (ЮКМ) — это полузамкнутое море¹, входящее в бассейн Тихого океана. Оно простирается от берегов Вьетнама до островов Калимантан, Палау и Лусон на востоке и от Китая на севере до Индонезийского архипелага на юге. На севере оно соединяется Тайваньским проливом с Восточно-Китайским морем, на северо-востоке проливами Бати, Лусон и Бабуян — с Филиппинским морем Тихого океана, на юго-западе Сингапурским и Малаккским проливами — с Андаманским морем Индийского океана, на юге проливами Геласа и Каримата — с Яванским морем.

По размерам ЮКМ является относительно небольшим. В диаметре, от Сингапура до Манилы, расстояние не превышает 1,5 тыс. миль (чуть меньше 2,5 тыс. км). Не намного больше будет и от Хайфона (Вьетнам) до Джакарты. Площадь поверхности моря — 3537 тыс. кв. км. К нему непосредственно примыкают Сиаковский залив и целый ряд внутренних морей индонезийского архипелага: Сулу, Целебес, Яванское и пролив Макасар [Gomane 1979: 302]. В северной части находится второй большой залив — Тонкинский (кит. Бэйбу, вьет. Бакбо).

Известно, что море стали называть Южно-Китайским с середины XIX в. европейские картографы. Первые западные путешественники называли его Средиземным морем Азии. В последние годы название «Южно-Китайское море» активно оспаривается Вьетнамом и Филиппинами. Во Вьетнаме оно издавна называется Восточным, а на Филиппинах — Западно-Филиппинским. Оно омывает берега

¹ Международно-правовое понятие термина «полузамкнутое море», по Конвенции 1982 г., — это море, окруженное двумя или более государствами, сообщающееся с другими морями через узкий проход и состоящее полностью или главным образом из территориальных морей и исключительных экономических зон этих прибрежных государств.

9 государств: четырех континентальных — Китая, Вьетнама, Камбоджи и Таиланда; трех островных — Сингапура, Индонезии и Филиппин, а также Малайзии, которая расположена частями на полуострове и на северном побережье острова Калимантан. Там же в виде анклава находится султанат Бруней. К ним можно добавить Лаос, который не имеет прямого выхода к морю, но пользуется портами Вьетнама и Таиланда (в зависимости от отношений с ними). Этого нельзя сказать о Мьянме, которая отделена узкой полосой территории Камбоджи от Сиамского залива и всем своим морским фасадом обращена к Бенгальскому заливу.

ЮКМ — это кратчайший путь из Индийского океана в Тихий и функционирует как довольно узкая горловина на глобальных морских путях. Здесь находится географический центр приморской Евразии, омываемый Сингапурским и Малаккским проливами, а также проливами Ломбок и Макасар. Самый важный из них — Малаккский пролив длиной в 600 миль и шириной в самой узкой части в 1,2 мили. Это — главный коридор из Индийского океана в Тихий. Здесь проходит одна из наиболее грузонапряженных мировых судоходных трасс, связывающих порты Северо-Восточной Азии и западного побережья Америки с Южной Азией, Африкой, Ближним Востоком и Южной Европой. Это самый загруженный пролив в мире, и он обещает стать еще более загруженным в связи с ростом мировой торговли и потребностей государств в энергоносителях. Здесь ежедневно проходит до 200 торговых судов, а ежегодно — свыше 60 тыс. На него приходится 525 млн т грузов, или более половины мирового тоннажа ежегодных морских торговых перевозок [Но 2006].

Транспортировка нефти только через Малаккский пролив в шесть раз больше, чем через Суэцкий канал и в 16 раз больше, чем через Панамский. Здесь проходит почти две трети энергетических поставок в Южную Корею, 60% — в Японию и Тайвань, около 80% сырой нефти в Китай [Karlan 2011].

Пролив Ломбок шире и глубже, но менее загружен, хотя и считается наиболее безопасным для современных супертанкеров. Его длина тоже около 600 миль. Он соединяет острова Ломбок с всемирно известным курортом на индонезийском острове Бали. Но для того, чтобы попасть в ЮКМ, надо пройти еще 600 миль по Макасарскому проливу между индонезийскими островами Борнео и Сулавеси. Поэтому здесь проходит в год всего около 4 тыс. судов, в том числе все суда, доставляющие железную (а в последнее время и урановую) руду из Австралии в Китай.

Таким образом, ЮКМ, это общее наследие человечества, используется мировым сообществом как второй важнейший морской путь в мире после Средиземноморья. И называя его Средиземным морем Азии, первые европейские путешественники как бы предвидели будущее геостратегическое место этого моря на Земле. В условиях экономической глобализации и восточноазиатской регионализации важнейшие морские пути, проходящие через ЮКМ, приобрели жизненно важное значение для целого ряда государств АТР.

Вместе с тем этот район еще мало изучен, и на всех навигационных картах он обозначен как крайне опасный. С 1990-х годов здесь был отмечен рост морского пиратства. В 2006 г., например, из 239 актов пиратства, зафиксированных во всем мире, 88 приходилось на ЮКМ. Благодаря принятым правительствами стран

АСЕАН при активном сотрудничестве Китая, Японии и США мерам число пиратских атак значительно сократилось, и тем не менее за пять лет (2006–2011) было зафиксировано около 100 нападений на торговые суда [Shen Hong-fang 2011].

По имеющимся довольно приблизительным подсчетам, всего в ЮКМ насчитывается от 90 до 500 островов и атоллов, из которых только 48–50 являются обитаемыми или хотя бы пригодными для жизни [Rousseau 2011]. Крупнейший из них — остров Хайнань — принадлежит Китаю.

Северная часть ЮКМ, омывающая берега Китая и Вьетнама, более глубоководна, но здесь имеется несколько поднятий или платформ, на одной из которых находится Парасельский архипелаг (кит. Сиша, вьет. Хоангса), состоящий из двух групп островов — Круассан и Амфитрит. Он расположен между $15^{\circ}46'$ и $16^{\circ}8'$ с.ш. и между $111^{\circ}11'$ и $112^{\circ}54'$ в.д. Архипелаг состоит из 15 островов общей площадью 3 кв. км и такого же количества рифов и отмелей, временно появляющихся над водой. Для него типичны лагуны и плоские подводные острова, образующие большие площади мелководья. Вместе с последними общая площадь суши может увеличиваться почти до 10 кв. км. Длина архипелага с запада на восток — около 180 км и с севера на юг — около 170 км. Ближайшее расстояние от архипелага до китайского острова Хайнань — 290 км, до вьетнамского порта Дананг — 320 км.

В южной части ЮКМ находится архипелаг Спратли (кит. Наньша, вьет. Чыонгса, филиппинское название, относящееся лишь к его северо-западной части, — Калаяана). Архипелаг представляет собой более 150 островов, отмелей, коралловых рифов и скал, частично покрытых водой, разбросанных на площади более 150 кв. миль. По общему мнению, большинство из них для жизни людей непригодно. Самый большой остров Тайпиндао (вьет. Бабинь) занят Тайванем и имеет площадь 0,45 кв. км. Все остальные еще меньше и в большинстве частично или полностью покрыты водой. Ближайшие острова архипелага удалены от филиппинского острова Палаван всего на 30–60 км, а от вьетнамского порта Камрань — на 460 км, от китайского порта Юйлинь на острове Хайнань — на 970 км. Архипелаг назван в честь обследовавшего его и нанесшего на карту английского капитана. Ранее эти острова назывались Коралловыми [Cossa 1998: 31].

Большинство островов обоих архипелагов не отвечает требованиям Конвенции 1982 г. к островам и должны рассматриваться просто как скалы, без установления вокруг них исключительной экономической зоны (ИЭЗ) и границ шельфа. На протяжении веков они никогда не были кем-то постоянно заняты и эффективно не использовались. На всех навигационных картах этот район отмечен как чрезвычайно опасное место для судоходства.

Парасельские острова и архипелаг Спратли частично использовались Японией в годы войны на Тихом океане в качестве пунктов наблюдения за действиями военных кораблей противника, для строительства небольших баз в целях охраны морских коммуникаций и в качестве исходных пунктов для выброски десантов и наземных атак. Теоретически и сегодня военное присутствие на островах может эффективно использоваться, чтобы перекрыть морские коммуникации в ЮКМ. Это затрагивает интересы национальной безопасности не только Китая и государств ЮВА, но и Японии, США и других внерегиональных стран.

Традиционно острова ЮКМ и омывающие их воды используются странами региона как источники биоресурсов. Здесь добывают огромное количество рыбы (не менее 8% объема мировой добычи). В северной части моря насчитывается более тысячи видов рыб, в южной — около двух тысяч. Ведется промысел акулы, тунца, макрели, морского окуня и многих других промысловых рыб, а также креветки, китайского омара, трепанга, кальмара, многих видов краба, устриц и различных моллюсков, съедобных водорослей и прочих экзотических видов морских деликатесов. Добываются черепаховый панцирь и жемчуг.

Богатейшие рыбные ресурсы ЮКМ эксплуатируются бесконтрольно, часто с применением незаконных методов лова. Эта ситуация давно вызывает большую тревогу не только среди экологов, но и в широких кругах общественности прибрежных стран. И все-таки ЮКМ по-прежнему считается одним из самых продуктивных морей в мире.

В наши дни активность в притязаниях прибрежных государств на острова ЮКМ объясняется прежде всего перспективным наличием крупнейших месторождений нефти и природного газа. Важной его особенностью является весьма обширный и неглубокий континентальный шельф, охватывающий около половины акватории, что предопределяет растущее экономическое значение обоих архипелагов, множества островов и атоллов, как и всей акватории ЮКМ в целом.

По предварительным оценкам, запасы нефти и природного газа на континентальном шельфе здесь могут превзойти даже запасы Ближнего Востока. Наиболее перспективными нефтеносными районами считаются шельф архипелага Спратли, платформа, на которой находятся Парасельские острова, и Тонкинский залив. 24 декабря 1984 г. Китай опубликовал данные, согласно которым предполагаемые запасы природного газа только на шельфе архипелага Спратли оценивались в 25 трлн куб. м, а нефти в 105 млрд баррелей (1 баррель — 159 л), а общие запасы нефти в ЮКМ китайскими специалистами оцениваются в 213 млрд баррелей [Svanstrom 2001].

По более поздним данным китайских служб, в ЮКМ открыто и зафиксировано более 10 нефтяных бассейнов с общим предполагаемым запасом нефти в 23–30 млн тонн и 20 трлн куб. м природного газа. Считается, что этого будет достаточно для обеспечения Китая углеводородным сырьем в течение более 50 лет².

Подсчеты запасов, однако, сильно разнятся: американские геологические службы, например, предполагают наличие всего 28 млрд баррелей нефти во всем ЮКМ. Доказанные запасы нефти в самом регионе пока, действительно, не так велики и составляют 7 млрд баррелей нефти, или 2,3% от мировых запасов, что делает регион, как и Европу, одним из самых бедных по запасам нефти. Но если учесть, что до сих пор полномасштабных разведочных работ проведено не было, то все эти цифры, по крайней мере, на ближайшее время остаются очень приближенными. К тому же известно, что полученные в последнее время результаты геологических изысканий все чаще засекречиваются. Добыча нефти в 2011 г. со-

² The Diplomat. October 5, 2012.

ставляла 2,5 млн баррелей в день, причем половина приходилась на Малайзию, остальное добывалось Вьетнамом и Филиппинами [Rousseau 2011].

Подсчеты геологической службы США показывают, что 60–70% запасов углеводородов в ЮКМ приходится на природный газ, и они могут достигать 145,5 трлн куб. м [Kaplan 2011]. В 2006 г. канадская компания Husky Energie, принадлежащая миллиардеру из Гонконга Ка Шину (Ka Shing), вместе с китайской государственной компанией СНООС объявили об открытии крупнейшего месторождения природного газа в северной части ЮКМ. Активно разрабатывают месторождения природного газа на своем шельфе Индонезия, Вьетнам и Филиппины.

И тем не менее, в связи со все возрастающими потребностями в энергоресурсах почти всех прибрежных государств (особенно Китая) даже предполагаемые запасы углеводородов, которые еще только предстоит разведать и начать эксплуатировать, но которые, правда, уже позволили Индонезии стать одним из ведущих экспортеров нефти в мире, все время накаляют напряженность, и без того существующую в регионе.

Если китайские подсчеты окажутся верными, то под дном ЮКМ хватит нефти для того, чтобы в течение нескольких лет удовлетворять все ее глобальное потребление. Поэтому некоторые ученые уже стали описывать ЮКМ как чуть ли не второй Персидский залив. Однако нельзя не видеть, что между этими районами существует большая разница как в объемах и доступности энергоресурсов, так и в стоимости их добычи.

И, наконец, еще одно богатство региона, о котором говорят и пишут не часто, но которое в отличие от нефти и газа не требует особых расходов на его освоение, — это фосфаты. Они представлены в виде гуано — разложившихся экскрементов морских птиц. Гуано отличается высоким содержанием пятиоксида фосфора (около 27%), а также значительными примесями азота и калия. По сути, гуано — это готовое комплексное удобрение, и что особенно важно в наши дни, натуральное и экологически чистое. Именно поэтому оно исключительно высоко ценится на сырьевом рынке. На островах ЮКМ, являющихся местами массового гнездования птиц, пласты гуано достигают нескольких метров. Хотя разработка этого ценнейшего сырья велась еще сто лет назад, общий объем его запасов до сих пор не определен. Обследование, проведенное в августе 1973 г. совместной японо-южновьетнамской комиссией экспертов по шести островам лишь одной группы Парасельских островов (Круассан), определило общий объем запасов гуано на них в 3,6 тыс. куб. м, или 2,8 млн т [Kaplan 2011].

Таким образом, геополитическое и экономическое значение ЮКМ исключительно велико по двум главным причинам:

- проходящие через него важнейшие морские коммуникации жизненно необходимы для крупнейших держав мира и для быстро растущей экономики стран ЮВА;
- предполагаемые запасы нефти, природного газа, минеральных и рыбных ресурсов могут в значительной мере обеспечить энергетическую и продовольственную безопасность прибрежных стран.

Море одно, а претендентов — семь

Важность морских путей и обильные минеральные и живые морские ресурсы являются одновременно и двумя основными причинами ведущихся споров из-за акватории моря и находящихся там островов. Признание суверенитета над ними для каждой страны означает обеспечение правовой основы для исключительной эксплуатации морского дна и окружающих островов, что и составляет суть всех разногласий. Однако правовой статус ЮКМ и расположенных там островов остается не определенным вплоть до настоящего времени, и там сохраняется юридический спор, который охватывает три направления: суверенитет над островами; разграничение исключительных экономических зон (ИЭЗ) и континентального шельфа; свобода навигации в территориальных водах, ИЭЗ, международных проливах и у архипелагов.

В сущности, это два разных вида споров. Проблемы суверенитета над островами оставлены историей, а споры вокруг границ ИЭЗ и континентального шельфа, как и проблемы свободы судоходства, вытекают из разной интерпретации и выполнения различных статей Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Споры из-за суверенитета над островами известны с начала XX в. как споры Китая с Вьетнамом, а со второй половины XX в. — и с другими прибрежными государствами, а также и между ними самими³. Это споры по трем вопросам: о суверенитете над островами, о разграничении на море (как с учетом оспариваемых островов, так и без них) и о морепользовании в широком смысле, включая свободу судоходства, размещение буровых установок, проведение подводных трубопроводов, сохранение морской экологии, рыболовство и научные исследования. Все они накладываются друг на друга и взаимно зависят, а также испытывают влияние со стороны крупных держав, близких и далеких от региона.

Налагающиеся друг на друга претензии шести государств и «одной территории» (Тайвань) на отдельные участки или на всю акваторию ЮКМ, на полагающиеся им ИЭЗ и континентальный шельф, на все или на часть островов угрожают превратить регион в опасный очаг не только регионального, но и глобального конфликта.

Во всех спорах по суверенитету главным участником является Китай. Схематично они могут быть представлены в следующем порядке:

Китай > Вьетнам, Китай > Филиппины;

Китай > Малайзия, Китай > Индонезия;

Китай > Бруней, Китай > Тайвань⁴;

Китай > многосторонние интересы стран АСЕАН.

Если принадлежность Парасельских островов, находящихся в северной части ЮКМ, оспаривают только Китай и Вьетнам, то претензии на «совладение» или на «совместное освоение» зоны архипелага Спратли предъявляют также еще две страны — Филиппины и Малайзия. По участкам акватории ЮКМ из-за границ

³ Подробнее см.: [Канаев 2007].

⁴ Тайвань из этой схемы можно исключить по той причине, что его претензии практически совпадают с требованиями Китая, и обе стороны рассматривают этот вопрос как внутреннее дело Китая.

ИЭЗ и территориального шельфа спорят все те же Китай и Вьетнам, Филиппины и Малайзия, к которым добавляются Бруней и потенциально Индонезия. Но споры относительно суверенитета идут и между этими странами тоже.

Главный претендент — Китай

Китай официально никогда не определял ни границы своей ИЭЗ, ни пределы того морского района, на континентальный шельф которого он претендует. В 1954 г. перед самым уходом французских войск из Индокитая он просто оккупировал первую группу Парасельских островов (Круассан), а в 1974 г., на закате проамериканского режима в Южном Вьетнаме, захватил и вторую группу этих островов (Амфитрит), где тогда еще стоял гарнизон сайгонских войск. Северному Вьетнаму, который в это время находился в завершающей стадии войны с США и Южным Вьетнамом, естественно, было не до конфликта с Китаем. В 1988 г., на пике возникшей напряженности в отношениях с СРВ, переживавшей тяжелейший период послевоенного восстановления, Китай высадил десант на пять небольших островов архипелага Спратли, выбив оттуда и уничтожив небольшой вьетнамский гарнизон.

После вывода американских войск с баз на Филиппинах в 1991 г. Китай начал предъявлять претензии практически на всё ЮКМ. В 1995 г. он занял риф Мисчиф, на который претендуют Филиппины. Это был его первый вооруженный конфликт со страной АСЕАН, кроме Вьетнама, который тогда еще не был членом АСЕАН. Там до сих пор продолжается спор между Китаем, Тайванем и Филиппинами за газоносные поля. Настойчивость территориальных требований Китая становилась все более непреклонной по мере постоянно возрастающих потребностей страны в энергетических и рыбных ресурсах⁵.

В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. все ее участники должны были до 13 мая 2009 г. представить в специально созданную для этого Комиссию ООН свои предложения по заявляемым ими границам континентального шельфа. Конвенция 1982 г. эти границы не устанавливала, ибо делать это могли только сами граничащие друг с другом страны.

Первой 5 апреля 2009 г. в Комиссию ООН со своей заявкой обратилась Республика Филиппины. Ее заявку незамедлительно опротестовал Китай в ноте от 14 апреля 2009 г., приложив при этом карту, на которой пунктирами проведена линия в форме латинской буквы «U» (в прибрежных странах ЮВА ее называют «коровьим языком»), охватывавшая 80% акватории ЮКМ, включая почти все его острова (рис. 1).

6 мая 2009 г. Малайзия и Вьетнам представили согласованную совместную заявку, которая также вызвала резкий протест Китая. И вновь к ноте протеста прилагалась карта с «линией U». Она разрезает исключительные экономические зоны Вьетнама и Филиппин, Малайзии и Брунея, оставляя им узкую полосу территориальных вод. При этом, однако, осталось неясным, что означала эта линия: была ли

⁵ Подробнее см.: [Канаев 2007].

это заявка, представленная в соответствии с требованием Комиссии ООН перед самым истечением установленного срока, или это был только протест на заявке Филиппин, Вьетнама и Малайзии. Не уточнялись координаты этой линии ни по широте и долготе, ни ее предназначение: шла ли речь о том, чтобы показать границы ИЭЗ Китая или границы его шельфа? До сих пор так и остается не проясненным, чего, собственно, требует Китай, представляя мировому сообществу эту линию. Добивается ли суверенитета над всеми островками, скалами, коралловыми рифами и отмелями внутри обозначенной зоны? Или он требует признания почти всего ЮКМ в качестве своих территориальных вод, т.е. как «китайского озера»?

Disputed claims in the South China Sea

Рис. 1. «Линия U»: требования суверенитета Китая в Южно-Китайском море.
Источник: UNCLOS (United Nations Convention on the Law of the Sea).

«Коровий язык» не был чем-то новым. Он впервые появился в 1947 г. на картах, выпущенных гоминьдановским правительством Чан Кайши, затем часто воспроизводился на картах, издававшихся в КНР, но это был первый случай, когда КНР представила его в ООН в подтверждение своих требований в ЮКМ. Одновременно на сайте МИД КНР пояснялось, что правительство КНР категорически заявляет о своем «неоспоримом суверенитете» над Парасельскими островами и архипелагом Спратли. «Линия U» представлена как граница «исторического моря» Китая, якобы открытого и освоенного китайскими рыбаками еще до нашей эры. Это было совершенно новое понятие, никогда раньше в международном праве не встречавшееся.

Некоторые эксперты считают, что «линия U» основана именно на 7 островах архипелага Спратли, которые Китай занимал к 2009 г. Другим словами, он добивается их признания островами по международному праву с последующим признанием за каждым 200-мильной (370 км) ИЭЗ. Правда, для этого остров должен

отвечать определенным требованиям: быть пригодным для жизни людей, на нем должна вестись какая-то хозяйственная деятельность и т.д. Скалы, не отвечающие этим требованиям, не могут иметь ни ИЭЗ, ни континентального шельфа.

Есть также мнение, что «линия U» — это попытка придать группам островов ЮКМ, которые Китай считает своими, такой же статус, какой имеют по Конвенции ООН 1982 г. государства-архипелаги, т.е. окружить их так называемой базовой линией и от нее отмерять границы своей ИЭЗ и континентального шельфа.

Свои претензии на исключительную зону и границы шельфа прибрежные государства определяют по-разному: если Филиппины отмеряют их границы от ряда островов, на которые они претендуют, то Малайзия и Вьетнам в представленной заявке в ООН от 6 мая 2009 г. острова не учитывали. Они исходят из принципа, по которому ИЭЗ определяется границами страны на континенте, а не на островах, и отмеряется от базовой береговой линии между двумя крайними точками побережья. Точно так же подходят к этому Индонезия и Бруней. Этот порядок установлен и Конвенцией ООН 1982 г.

Позиция Китая в этом вопросе тоже неоднозначна. В некоторых случаях он выступает против придания островам, не имеющим условий для жизни, «режима островов», а в других, как, например, в отношении Парасельских островов и архипелага Спратли, настаивает на ИЭЗ и континентальном шельфе вокруг них, границы которых, как видно на карте, накладываются на границы ИЭЗ Вьетнама, отмеренные от базовой береговой линии. В отношении Парасельских островов это было зафиксировано в Заявлении Госсовета КНР от 15 мая 1996 г. о базовой линии территориальных вод. В отношении архипелага Спратли эта линия пока остается виртуальной, но именно ею руководствовался китайский МИД в вербальной ноте в ООН от 14 апреля 2011 г., отвечая на протесты Филиппин по поводу «линии U» в Комиссию ООН по Конвенции 1982 г. [Schaffer 2012].

Китай подписал Конвенцию 1982 г. с оговоркой, что она не снимает претензий Китая на суверенитет в ЮКМ. Да и Конвенция эта только определяет принципы, по которым государства должны отмерять территориальные воды, исключительные экономические зоны (ИЭЗ) и континентальный шельф. В случае наложения границ ИЭЗ соседних государств друг на друга, они должны быть согласованы договором между ними. Но даже при этом нарисованная чиновником гоминьдановского правительства в 1947 г. «линия U» никак не может быть связана с Конвенцией ООН 1982 г.

Китай до последнего времени официально не объявлял никакой своей ИЭЗ и отказывался признавать чьи-либо другие, а также какие бы то ни было границы континентального шельфа, установленные прибрежными государствами в соответствии с Конвенцией 1982 г. При этом он ссылался на полузакрытый характер ЮКМ, при котором все эти границы должны быть согласованы прибрежными странами между собой. Но свою зону Китай де-факто впервые все-таки обозначил в марте 2009 г. во время инцидента с американским кораблем акустической разведки *Impressable*, остановленным и выдворенным китайскими пограничниками из точки, находившейся в 70 км от острова Хайнань.

В обоснование своих претензий на Парасельские острова и архипелаг Спратли Китай с самого начала ссылается, во-первых, на право первооткрывателей и, во-

вторых, на то, что в прошлом он постоянно осуществлял над всеми этими островами свою юрисдикцию. В доказательство приводятся некие исторические свидетельства времен династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) и ссылки на довольно спорные археологические находки. Правда, при этом никогда не указывается, что с глубокой древности и вплоть до середины XIX в. в Китае действовал «морской запрет» — система законов и практических мер, направленных на недопущение выхода подданных Китайской империи в открытое море за пределы прибрежных вод без специального разрешения властей [Степанов 2006: 60].

Первый официальный документ новой истории, на который ссылаются китайские и вьетнамские авторы, — это Тяньцзиньский договор 1887 г. Китая с Францией, захватившей к тому времени весь Индокитайский полуостров. По нему Тонкинский залив был поделен между двумя странами. При этом его большая часть со всеми ныне оспариваемыми островами отошла к Франции. Китай трактует этот договор как неравноправный и навязанный ему силой.

Далеко не все исторические оправдания притязаний Китая согласуются с фактами истории и действующими нормами международного права⁶. Но Китай просто рассматривает ЮКМ как естественную часть своей территории и считает, что никто вообще не может требовать от него никаких доказательств. А Конвенция ООН 1982 г. к этому не имеет никакого отношения, так как де-факто и де-юре ЮКМ с глубокой древности якобы находилось под управлением Китая.

Центр изучения исторических и географических границ Китая Академии общественных наук КНР в июле 2011 г. опубликовал в газете «Чайна дейли» статью своих экспертов, которые, в частности, подчеркивают: «Китайцы ловили рыбу и ходили в ЮКМ более 2000 лет, и именно Китай дал исторические названия этому морю и всем его островам задолго до появления этой Конвенции. А потому исторические права Китая на острова в ЮКМ соответствуют Конвенции и должны уважаться. Все подписавшие ее страны должны понимать, что это не единственный документ морского права, и потому надо перестать ставить под сомнение законность “линии из 9 пунктов” Китая»⁷.

Так, выступая на международном симпозиуме в вашингтонском Центре стратегических и международных исследований (CSIS) 28 июня 2012 г., профессор Шанхайского университета Фу Кэньчэнь, объяснял, что проведенная Китаем «линия U» представляет собой «границу исторического моря» Китая, а не границу внутренних или территориальных вод, по определениям международного морского права. Эта линия обозначена правительством Китая для того, чтобы показать свои исключительные права в этом районе. Но, утверждал китайский ученый, оно не рассматривает его как внутренние или территориальные воды Китая, и потому никогда не создавало никаких проблем со свободой судоходства в этом районе. Поскольку Китаю принадлежат здесь неотъемлемые права, это должно быть зафиксировано в Конвенции по морскому праву. Но когда его спросили о правовых основах этой линии, китайский эксперт не смог ответить на этот вопрос [Conference... 2012].

⁶ Это детально проанализировано в упомянутой выше статье Е.Д. Степанова [Степанов 2006].

⁷ China Daily. 31.07.2011.

Эта китайская политика неопределенности в ЮКМ полностью соответствует его целям. Она позволяет проявлять гибкость в ее интерпретации в зависимости от аудитории. Так, в феврале 2012 г. министр иностранных дел КНР говорил о том, что ни одна страна не может претендовать на всё ЮКМ и спор идет «только об островах и омывающих их водах». Это тут же породило надежды на то, что Китай отступает от своей «линии U» и движется в сторону введения своих требований в рамки международного права.

Но это оказалось не так. Новый раунд напряженности начался с весны 2012 г. двухмесячным противостоянием с Филиппинами у мыса Скарборо. До этого спор шел только о Парасельских островах и Спратли, а о мысе Скарборо речь заходила только в контексте пресловутой «линии U». Теперь же требования распространились и на полностью покрытую водой банку (отмель) Макклесфилд (Maclesfield Bank). Этот район по-китайски называется Чжунша, или Средняя банка. В него был включен и мыс Скарборо, находящийся в нескольких сотнях миль от банки Макклесфилд. По нормам международного права не может быть каких-либо требований в отношении покрытых водой отмелей, которые не считаются островами. Но это не смутило китайские власти, рассматривающие данные воды фактически как территориальные воды КНР.

Практически все эксперты по морскому праву (естественно, кроме китайских) оценивают отстаиваемую китайским пропагандистами концепцию так называемого исторического моря как правовой абсурд, и вряд ли она будет применена, если и дойдет дело до разграничения суверенитета в ЮКМ [Svanstrom 2001]. В действующем морском праве вообще нет такого понятия — «историческое море». Так и Греция могла бы утверждать, что все Средиземное море принадлежит ей, ибо греки были первыми, кто по нему плавал. Это, вероятно, хорошо понимали и в Китае, когда в 1992 г. попросту приняли свой собственный Закон о территориальных водах, на основе которого с тех пор и предъявляются требования на суверенитет фактически над всем ЮКМ.

Эти требования остаются неизменными и повторяются из года в год в публикуемых в Китае научных трудах, в массовой пропаганде, а также и в выступлениях китайских представителей на различных международных форумах. Однако мало кто обращает внимание на то, что официально они никем из китайских руководителей пока нигде не оглашались. Это позволяет предположить, **что они используются, скорее, как запросная позиция в идущем заочном торге**, заведомо сильно преувеличенная в надежде больше заполучить в возможном когда-то в будущем разделе. Скорее всего, это все было сделано сознательно, для того чтобы оставить место для двусторонних переговоров с каждой из заинтересованных стран в отдельности, на чем неизменно настаивает Китай.

Вьетнам — главный оппонент Китая в ЮКМ

Вьетнам, в отличие от Китая, рассматривает ЮКМ не как свое «историческое море», а как общее достояние человечества. Свои претензии на ИЭЗ и границы континентального шельфа он основывает на положениях Конвенции 1982 г.

Но до последнего времени он также претендовал на все Парасельские острова и Спратли, ссылаясь на исторические документы, подтверждающие, что они были открыты именно вьетнамцами, затем заняты и контролировались вьетнамскими властями с XVII в. В доказательство этого приводятся многочисленные документы того времени.

Летом 2012 г. проживающий в США историк Чанг Тханг передал Академии наук Вьетнама собранные им в архивах различных стран более 90 карт XVIII–XIX вв., на которых самая южная точка Китая обозначена островом Хайнань. Этот факт, считают вьетнамские юристы, был признан договором Франции с Китаем после завоевания ею Индокитая. Уже в XX в., по мирному договору, подписанному в Сан-Франциско по итогам Второй мировой войны, эти острова опять же были возвращены не Китаю, как утверждают некоторые китайские ученые, а Франции. Правда, необходимо признать, что современный Китай, как, впрочем, и Вьетнам, в этой конференции не участвовали из-за того, что Запад тогда не признавал ни КНР, ни ДРВ, провозглашенную в результате Августовской революции 1945 г. После свержения французского колониального господства острова перешли под юрисдикцию Вьетнама как одного из правопреемников Французского Индокитая.

В китайской печати часто упоминается нота бывшего премьер-министра ДРВ Фам Ван Донга от 9 сентября 1958 г. правительству КНР, в которой, по мнению китайских политологов и пропагандистов, правительство ДРВ признало суверенитет Китая над островами ЮКМ. В действительности эта нота была направлена в связи с Заявлением КНР от 4 сентября 1958 г. о введении 12-мильной границы территориальных вод. В ней, в частности, говорилось, что правительство ДРВ принимает к сведению и одобряет это заявление и даст указание всем уполномоченным государственным органам «неукоснительно соблюдать 12-мильную границу территориальных вод КНР». При этом в ноте Фам Ван Донга нет даже упоминания ни Парасельских островов, ни Спратли, которые в это время, в соответствии с Женевскими соглашениями по Индокитаю 1954 г., оставались под управлением существовавшей южнее 17-й параллели Республики Южный Вьетнам.

В феврале 2012 г. в Ханое был представлен объемистый сборник исторических документов из архивов Франции, Италии и из библиотеки Конгресса США, подтверждающих суверенитет Вьетнама на обе группы спорных островов. Среди множества документов была представлена карта, нарисованная итальянским миссионером Маттео Ричи в 1602 г. по просьбе вьетнамского короля Ле Киньтонга, а также ряд документов французских колониальных властей, оспаривавших суверенитет на Парасельские острова и Спратли как у китайских, так и у японских властей до и после Второй мировой войны.

Вьетнамские ученые убеждены в достоверности и неопровержимости своих «исторических доказательств». Касаясь разногласий с китайскими историками по этим вопросам, известный вьетнамский дипломат и ученый Чан Чыонг Тхюи справедливо отметил на одной из проходивших в 2010 г. международных научных конференций: «Если Китай располагает такими бесспорными доказательствами суверенитета, то почему он так упорно отказывается от рассмотрения этого вопроса “третьей стороной” или от какой-либо другой формы международного арбитража?» [Tran Truong Thui 2011: 101].

«Коровий язык», как единодушно считают все вьетнамские политики и ученые, — это исключительно одностороннее решение Китая, не основанное ни на каких нормах международного права и не имеющее ничего общего с Конвенцией ООН 1982 г. Оно не учитывает интересов соседних государств, особенно Вьетнама. Вьетнам его никогда не признавал и не признает.

Вьетнам категорически настаивает на своем суверенитете на Парасельские острова, оккупированные китайскими войсками в два приема — в 1954 и 1974 г. Китай отказывается даже обсуждать этот вопрос. Обе стороны оспаривают друг у друга суверенитет на все острова Спратли. При этом с Филиппинами и Малайзией Вьетнам суверенитетом все-таки де-факто поделился.

Филиппины и другие претенденты

Филиппины появились среди претендентов на суверенитет в ЮКМ только в 1956 г., когда отставной генерал и бизнесмен Томас Клома попросту присвоил себе близлежащую часть архипелага Спратли как «terra nullus», т.е. бесхозные, или ничейные, земли. На этих островах и отмелях (всего более 50) он провозгласил независимое островное государство Каллаян (Земля свободы). В 1970–1971 гг. Филиппины официально аннексировали пять островов и ряд коралловых рифов в архипелаге Спратли. В 1978 г. тогдашний президент Ф. Маркос своим декретом включил всю акваторию архипелага Спратли в состав филиппинской провинции Палаван. Сделано это было просто на основании их географической близости и важности для экономики и безопасности страны.

До 1994 г. спор Филиппин с Китаем, который этой аннексии не признавал, носил скрытый характер, пока в сентябре этого года филиппинские сторожевые корабли не захватили большую группу китайских рыбаков, основавших поселение на одном из островов.

В январе 1995 г. Китай ответил тем же, арестовав большую группу филиппинских рыбаков и обвинив их в нарушении территориальных вод Китая. Позднее в том же году китайский десант высадился на рифе Мисчиф, находящемся в пределах 200-мильной исключительной экономической зоны Филиппин, вызвав крупный международный скандал в регионе.

Вьетнам и Филиппины в конце 2011 г., как уже сказано, договорились о разграничении территорий между собой. Китай и Тайвань эти договоренности, разумеется, не признают.

Тайвань первым применил силу для захвата самого большого в северной части Спратли острова Тайпиндао (вьет. Бабинь), вытеснив оттуда филиппинский гарнизон. На нем построены две самые длинные посадочные полосы для тяжелых самолетов типа Геркулес С-130. В 2012 г. тайваньские власти начали удлинять полосу еще на 300–500 м и оснащать ее самым современным оборудованием для полетов в любую погоду. Находящийся в 600 км от побережья Вьетнама и в 500 км от филиппинского острова Палаван, этот остров позволяет контролировать все проходящие вблизи морские коммуникации в этом районе. Это единственный в архипелаге остров, обладающий достаточными для местных нужд ис-

точниками пресной воды. К тому же он дает Тайваню большую часть потребляемой рыбы и других морепродуктов.

Китай пока с одобрением наблюдает за действиями тайваньских властей, наращивающих вооружения на острове, учитывая поддержку Тайванем «исторических» требований Китая и его «линии U» в ЮКМ. Но это отношение может и быстро измениться при смене обстановки в Тайваньском проливе. Однако ни Вьетнам, ни Филиппины не в состоянии помешать этим действиям тайваньских властей, ибо в случае конфликта Китай, наверняка, выступит на защиту Тайваня.

Тайвань претендует на те же самые острова и акваторию ЮКМ, что и КНР. Есть явная тенденция к союзу между ними в этом вопросе. Не исключено, что позицию Тайваня придется также учитывать в предстоящем решении проблемы. Все свои требования он также основывает на карте, опубликованной гоминьдановским правительством в 1947 г., где впервые была обозначена «линия U». Экономическая интеграция через пролив способствует их общей с КНР заинтересованности в использовании ресурсов ЮКМ. Было уже несколько попыток заключения контрактов между нефтяными компаниями КНР и Тайваня о проведении совместных изысканий в ЮКМ. Известный американский эксперт по проблемам ЮКМ Марк Валенсия заметил: «Тайвань, кажется, стремится к объединению усилий с КНР в совместном противостоянии всем другим претендентам. Этим он преследует две цели: добиться своего собственного международного признания и поддержать суверенитет Китая над ЮКМ, оставляя КНР военную ответственность за утверждение этого суверенитета» [Valencia 1995: 39].

24 октября 2012 г. агентство Синьхуа сообщило, что совместная группа ученых Китая и Тайваня приступила к исследованию морских границ и связанных с этим других проблем в ЮКМ. Перед ними была поставлена задача в течение года сформулировать правовую основу и соответствующие комментарии к ней, чтобы мировое сообщество лучше понимало смысл «линии U», обозначающей претензии Китая на суверенитет в ЮКМ.

Однако замечено, что позиции Тайваня меняются в зависимости от отношений с КНР. В случае их ухудшения он склоняется к нейтральной позиции и даже к определенной поддержке других претендентов. В 1992 г. он первым присоединился к Манильской декларации тогдашних шести членов АСЕАН о поведении сторон в ЮКМ. Но на прямое сотрудничество с АСЕАН тайваньские власти не пошли.

Малайзия основывает свои требования на границах ИЭЗ и континентального шельфа и включает в них семь островов и рифов, расположенных в южной и восточной частях архипелага Спратли. Местами эти требования накладываются на требования Китая, Тайваня, Вьетнама и Филиппин. При согласовании совместной заявки в ООН в 2009 г. Вьетнам и Малайзия договорились между собой о разделе островов. Переговоры Малайзии с Филиппинами еще не завершены. Китай эти договоренности не признает, но и не отвергает. Единственный инцидент имел место в 1995 г., когда китайский сторожевой корабль обстрелял судно малайзийских рыбаков. С тех пор никаких инцидентов между ними не было. Хотя Малайзия, не афишируя это, проводит совместные военные учения с морскими пехотинцами США, ее правительство предпочитает не высказываться громко против Китая. Стороны поддерживают постоянный контакт на всех уровнях.

Малайзия контролирует примерно пятую часть побережья ЮКМ. Но Китай пока тоже ни разу ничего в адрес Малайзии не заявлял и никаких претензий ей не предъявлял. Малайзия, в свою очередь, пытается оставаться одновременно на обеих сторонах спора. Она унаследовала частично курс своего многолетнего лидера Махатхира Мохамеда, неизменно отдававшего предпочтение странам, противостоящим западному влиянию в регионе.

Малайзийские власти опасаются, что их активное противостояние Китаю в ЮКМ побудит его вмешаться во внутренние дела страны и оказать поддержку китайскому этническому меньшинству. Да и принадлежащие Малайзии острова Сабах и Саравак не считаются столь же важными, как земли, расположенные на полуострове. К тому же сохраняются религиозные различия между малайскими мусульманами и в большинстве христианским населением Филиппин, где продолжается война против мусульманских сепаратистов.

Бруней отмеряет свою ИЭЗ и границу континентального шельфа от базовой береговой линии, как предусмотрено Конвенцией ООН 1982 г. Султанат Бруней не принял предложение Вьетнама и Малайзии присоединиться к их общей заявке в ООН и представил 12 мая 2009 г. свою собственную, где его границы континентального шельфа налагались на вьетнамские. Никаких протестов он никому пока не заявлял и ни в каких инцидентах не участвовал, хотя зона, которую он контролирует, частично подпадает и под заявленные претензии Китая.

Индонезия фактически не относится к числу стран, претендующих на суверенитет в ЮКМ. Однако она во многом заинтересована в решении этой проблемы из-за китайской «линии U», включающей воды вокруг островов Натуна — небольшого архипелага из примерно 300 маленьких островков, где сосредоточены главные запасы газа, который совместно добывают индонезийские компании и американская корпорация Exxon Mobil. С 1990 г. Джакарта добивается от Китая разъяснения его требований, но четкого и однозначного ответа пока так и не получила. Поэтому время от времени Индонезия проводит здесь крупные военные учения. Крайне негативное отношение в Китае вызывают и шаги Индонезии по формированию стратегического партнерства с Австралией, Индией и США, хотя в 2005 г. он сам установил отношения стратегического партнерства с Индонезией после многих лет крайне напряженных отношений. В июне 2010 г. китайские сторожевые катера, обстреляв из пулеметов индонезийские патрульные корабли, освободили своих рыбаков, ведших промысел в ИЭЗ Индонезии.

В последнее время Индонезия значительно активизировала свои усилия по преодолению разногласий среди стран ЮВА о путях разрешения территориальных споров с Китаем на море. По сообщениям американского агентства AP, с трибуны ГА ООН в сентябре 2012 г. министр иностранных дел Марти Наталегава настойчиво предупреждал мировое сообщество об угрожающем положении в этом регионе. На этой сессии ГА ООН Индонезия распространила среди делегаций стран АСЕАН свой проект Кодекса поведения сторон в ЮКМ, который, как ожидалось, должен был быть принят на предстоявшем в ноябре саммите АСЕАН в Пномпене. Но этого, как известно, не произошло.

* * *

Таким образом, почти все прибрежные страны отказываются признавать так называемые исторические права Китая на ЮКМ. Исторические аргументы и факты, с точки зрения действующего международного права, имеют мало значения для подкрепления требований Китая и Вьетнама в ЮКМ. Главное, что требуется — это реальные доказательства эффективного владения, хозяйственного использования и контроля территории претендующим на суверенитет государством. В настоящее время непросто доказать все эти вещи, если учесть, что оспариваемые острова на протяжении веков фактически были необитаемыми. Но пока все стороны заявляют, что именно их требования отвечают действующим нормам международного права.

В статье 123 (3) Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву не дается ясного определения, что считать островом, а что только рифом или скалой. Это, по мнению президента Ассоциации юристов Вьетнама, профессора Сорбоннского университета и Дипломатической академии Вьетнама Нгуен Хонг Тхао, ведет к разной интерпретации правового режима островов. Не определены и признаки постоянного проживания людей и хозяйственного использования данного острова или рифа, что необходимо для определения суверенитета над ними того или иного государства. Не прописана однозначно и необходимость отсчитывать для каждого острова ИЭЗ и континентальный шельф [Nguyen Hong Thao 2011: 282]. Дополнительные сложности для возможного урегулирования политическими средствами конфликтных ситуаций в этой зоне создает еще и то обстоятельство, что действующая Конвенция по морскому праву 1982 г. не определила правового статуса полузамкнутых морей, к категории которых относится и ЮКМ. В ней даются лишь общие рекомендации прибрежным государствам — сотрудничать в осуществлении своих прав и обязанностей, а также приглашать другие страны, когда это целесообразно, к участию в таком сотрудничестве [Молодцов 1987: 189].

Все это, действительно, осложняет поиск решения споров. Однако вопрос о территориальной принадлежности островов Спратли заинтересованные страны практически уже решили. Они де-факто установили на ряде из них свой контроль, создав там поселения, построив, где было возможно, вертолетные площадки, посадочные полосы, причалы, ангары для самолетов, казармы и военные укрепления, а также учредив местную администрацию и законодательно включив их в состав своей территории.

Так, к 2012 г., по данным Гавайского исследовательского центра «Восток — Запад», больше всех контролировал Вьетнам — 25 островов, атоллов и рифов (из них только семь можно называть островами). Китай, в конечном счете, овладел 12 островами, отмелями, рифами и атоллами вдоль восточной части архипелага, вблизи которых и проходят главные морские коммуникации ЮКМ. Некоторые из них оборудованы артиллерийскими укреплениями, вертолетными площадками, складами для продовольствия и боеприпасов. У Филиппин девять островов, но самая длинная взлетно-посадочная полоса в 1300 м. Малайзия имеет пять островов. Тайвань владеет одним, но зато самым большим островом — Тайпиндао. Таким образом, практически все пригодные для жизни и использования острова

и атоллы к настоящему времени оказались де-факто уже поделенными. Но суверенитет над ними по-прежнему оспаривается, и ни за одним не признается исключительная экономическая зона. Формально сохраняя эту «внешнюю оболочку», территориальные споры в ЮКМ к настоящему времени в большей степени все-таки трансформировались в споры о суверенных правах на разведку и добычу углеводородов на шельфе в соответствующих ИЭЗ, а также на промысел морепродуктов в прилегающих к островам водах.

21 июня 2012 г. Национальное собрание СРВ приняло закон, по которому закреплен суверенитет Вьетнама на Парасельские острова и Спратли, но морские границы вокруг них по этому закону остаются неопределенными. Не обозначены координаты и остаются без международного признания границы его ИЭЗ и континентального шельфа. Те же вопросы остаются открытыми и для других претендентов на суверенитет в ЮКМ.

2009–2012 гг. НОВЫЙ РАУНД НАПРЯЖЕННОСТИ

«Дипломатия улыбок» и «мягкая сила» Китая в ЮВА

Вступая в XXI век, КНР разработала и приняла к исполнению стратегию мирного развития. Был взят внешнеполитический курс добрососедства и партнерства с соседними странами ЮВА. В этой атмосфере отношения между странами АСЕАН и Китаем, особенно после финансового кризиса 1997–1998 гг., когда Китай оказал им существенную помощь, в течение почти целого десятилетия развивались в целом благополучно, и обычно они оцениваются многими наблюдателями чуть ли не как «золотой век партнерства» между двумя сторонами.

В декабре 1997 г. в Куала-Лумпуре состоялось историческое для обеих сторон событие — первая встреча АСЕАН — Китай на высшем уровне. Ее результатом стало подписание Совместной декларации, в которой обе стороны декларировали решимость установить и развивать отношения «добрососедства и взаимного доверия, ориентированные в XXI век». Начиная с этого момента двусторонние и многосторонние контакты между странами АСЕАН и Китаем приобрели регулярный и плановый характер. В ноябре 2002 г. между ними было подписано соглашение о создании Зоны свободной торговли в 2015 г. Китай первым из внерегиональных держав подписал Договор о дружбе и сотрудничестве 1976 г. (ТАС), являющийся правовой основой АСЕАН, а в 2002 г. в Пномпене присоединился к принятой АСЕАН еще в 1992 г. Декларации о принципах поведения сторон в Южно-Китайском море (ДОС). В это же время были подписаны и другие документы, связанные с безопасностью и сотрудничеством в ЮВА, в том числе Совместная декларация о сотрудничестве в сфере нетрадиционной обороны, Рамочное соглашение о комплексном экономическом сотрудничестве и др. Все это закономерно привело к тому, что на 7-м саммите АСЕАН — Китай на о. Бали в 2003 г. была торжественно подписана Декларация о стратегическом партнерстве ради мира и процветания.

Проводя политику энергичной торгово-экономической и кредитной экспансии, осуществления крупных инфраструктурных проектов в странах ЮВА, Китай частично компенсировал недовольство элиты этих стран тем, что в 1990-х годах он фактически переключил на себя основной поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) с Запада и из Японии. Он значительно расширил сферу использования юаня в приграничной торговле и туризме со странами ЮВА, а китайский язык превратился во второй, после английского, язык межнационального общения в регионе.

Почти до конца прошлого десятилетия Китай делал ставку на укрепление доверия и ослабление антикитайских настроений в ЮВА. До 2009 г. он не делал заявок на какой-либо регион как зону своих «привилегированных интересов». Китай избрал постепенно нарастающий и малорискованный путь предъявления своих претензий в ЮКМ. При этом он постоянно предлагал двусторонние переговоры каждой оспаривавшей его суверенитет стране и категорически исключал любое участие в этих спорах внерегиональных держав, в частности, на сессиях Форума АСЕАН по проблемам мира и безопасности (АРФ).

После событий 11 сентября 2001 г. в США Китай пошел на активное сотрудничество со странами региона в области обеспечения «нетрадиционной безопасности». Без лишней шумихи он на практике приобретал все более ощутимое политическое влияние в этих странах и подспудно создавал обширную инфраструктуру для военного присутствия, если и когда в нем возникнет необходимость. Единственный вопрос, на который Китай всегда реагировал крайне остро и болезненно, — это Тайвань. Но со стороны АСЕАН он неизменно встречал полную поддержку в этом ключевом для него вопросе. В остальном он демонстрировал исключительную гибкость и осторожность, шаг за шагом приобретая статус «благожелательного гегемона» в регионе ЮКМ.

Однако главные вопросы временно «замороженного» конфликта оставались нерешенными. Сторожевые корабли рыбнадзора Китая, Вьетнама, Филиппин, Малайзии, Индонезии и Таиланда охотились за промысловыми судами друг друга, нарушавшими, по их мнению, границы соответствующих исключительных экономических зон, арестовывали их и конфисковали улов и снасти. Но рыбаки продолжали ходить туда, где была рыба, а не туда, куда разрешали власти той или иной страны.

В декабре 2007 г. сильное возмущение во Вьетнаме и на Филиппинах вызвали решения Китая объявить Парасельские острова и Спратли частью своего административного района с центром на острове Хайнань, включив их в маршрут прохождения олимпийского факела в 2008 г. Как бы в ответ на это 19 февраля 2009 г. парламент Филиппин одобрил закон об основной морской линии страны, в пределы которой попали несколько островов Спратли и прилегающие к ним акватории, которые, согласно закону, подпадали под управление в режиме всех других островов, принадлежащих Филиппинам. Это решение тогда же было категорически опротестовано Китаем.

Но, хотя стороны продолжали время от времени протестовать против тех или иных действий друг друга, на более серьезные шаги никто не шел. Можно сказать, что это было время заметной разрядки напряженности в спорных районах.

Позитивные отношения в целом действительно создавали условия для сохранения мира и стабильности.

В 2000–2008 гг. напряженность в регионе значительно разрядилась, и это было, по мнению известного американского эксперта М. Валенсии, результатом активной «дипломатии улыбок», проводившейся Китаем в отношении стран ЮВА [Valencia 2011]. Частично это объясняется и отсутствием открытий скольконибудь значительных месторождений нефти, а также курсом ЦК КПК на определенное сдерживание националистических тенденций во внутренней и внешней политике Китая, его ставкой на так называемую мягкую силу.

Многие наблюдатели объясняют это и тем, что США в это время настолько увязли на Ближнем и Среднем Востоке и в «войне против терроризма», что им было не до ЮВА и ЮКМ, — что и привело к ослаблению их соперничества с Китаем в регионе. Немаловажное значение имела и определенная консолидация внутри АСЕАН.

Ужесточение китайской позиции в ЮКМ

Все вышеотмеченные факторы не были ни фундаментальными, ни длительными, а потому достигнутая стабильность оставалась весьма хрупкой. Угроза того, что нараставшее соперничество за энергоресурсы и морепродукты ЮКМ вновь «разбудят» этот на время отложенный конфликт и разожгут националистические страсти, вскоре подтвердилась. Давление нарастало по мере того, как Китай, Тайвань, Вьетнам и Филиппины начали расширять свои геологоразведочные работы на более глубоководных участках ЮКМ. Все эти страны ввели в действие национальное законодательство для включения островов в свою национальную территорию⁸ и превратили их в символы своей государственности и легитимности существующей власти. Отныне для правительств этих стран стало необходимым защищать объявленный суверенитет на острова в ЮКМ любой ценой.

8 марта 2009 г. в 70 милях от о. Хайнань произошел упомянутый выше инцидент между американским разведывательным кораблем *Impressable* и кораблями китайских ВМС, который оказался, по оценке наблюдателей, самым серьезным с 2001 г., когда там же в воздушное пространство Китая вторгся американский разведывательный самолет.

После этого инцидента напряженность в ЮКМ опять стала быстро нарастать, особенно между Китаем, Вьетнамом и Филиппинами. Поводом стала заявка Вьетнама и Малайзии, поданная в комиссию ООН по границам ИЭЗ и континентального шельфа, о которой говорилось выше. Начался новый раунд взаимных обвинений, требований и угроз. Тон в спорах неизменно задавал Китай. И это была уже новая политическая практика, разительно отличавшаяся от той, что вытекала из известных наставлений Дэн Сяопина, рекомендовавшего «не высываться», пока общая национальная мощь страны не поднимется до того уровня, который для этого требуется.

⁸ Морской закон был принят Национальным собранием Вьетнама только в июне 2012 г.

В мае 2009 г., опротестовав заявки Малайзии, Вьетнама и Филиппин в Комиссию ООН, Китай начал активно демонстрировать свои права, введя односторонний мораторий на рыбную ловлю с мая по август для всех иностранных судов.

Богатейшие морские ресурсы ЮКМ, действительно, используются интенсивно и практически бесконтрольно. Его рыбные запасы, как уже отмечалось выше, истощаются. Уловы становятся все меньше. С 1999 г. Китай ежегодно запрещал добычу морепродуктов в период нереста в районах севернее 12 \square . Однако этот запрет на рыбаков из других стран фактически не распространялся. Теперь же Китай в одностороннем порядке ввел запрет для всех и направил в ЮКМ свои патрульные корабли, которые начали преследовать и изгонять вьетнамские и филиппинские рыболовные суда из традиционных для них мест промысла. Нередко их просто захватывали, конфисковывали улов и задерживали экипажи до уплаты штрафов, которые достигали 8–10 тыс. долл. Случалось и затопление судов, были и жертвы.

Введенный Китаем ежегодный односторонний мораторий на морской промысел с мая по август особенно сильно ударил по Вьетнаму, где создалась угроза продовольственной безопасности для многих районов страны. Несмотря на протесты вьетнамских и филиппинских властей, Китай продолжает вводить этот запрет в одностороннем порядке до сих пор.

Все это привело к быстрому росту числа различных инцидентов. Так, в феврале 2010 г. корабли китайского рыбнадзора открыли предупредительный огонь по группе вьетнамских рыболовных шхун. Тогда же они уничтожили все геодезические знаки и постройки филиппинцев на одном из спорных рифов Спратли. В первой половине 2011 г. Филиппины заявили, по меньшей мере, о шести нападениях китайских судов на своих рыбаков [Thayer 2012 (2)].

Полных данных относительно арестов вьетнамских рыболовных судов китайскими сторожевыми кораблями рыбнадзора не имеется. Сначала они не публиковались вьетнамской прессой, дабы не вызывать соответствующей реакции населения. Но и то, что было опубликовано в 2009–2010 гг., говорит о крупномасштабных операциях, особенно в районе Парасельских островов. Так, по данным вьетнамских СМИ, в 2009 г. там было задержано 33 судна с 433 членами экипажей. В этом числе был целый ряд вьетнамских рыбацких шхун, которые зашли в район, спасаясь от штормов в августе–октябре 2009 г. В первом квартале 2010 г. (до начала запрета) было задержано 30 экипажей вьетнамских судов (всего более 200 человек). В четырех случаях более 100 рыбаков из вьетнамской провинции Куангнгай находились под арестом почти два месяца и подверглись далеко не гуманным методам обращения с китайской стороны⁹.

Нетрудно представить, какую реакцию вызвали в общественном мнении Вьетнама и Филиппин все эти инциденты. Появилась даже угроза того, что они разожгут такой пожар националистических страстей, что события могут выйти из-под контроля.

Вьетнамцы тоже ответили рядом инцидентов и задержанием китайских рыбаков в своей прибрежной зоне и у архипелага Спратли. Китайцам пришлось од-

⁹ URL: www.vietnamnet.vn/05-01-2010

нажды даже вызывать на помощь корабли ВМФ, проводившие учения в этом районе. Но рыбаки были отпущены до их прихода на место происшествия. По мнению многих наблюдателей, степень напряженности, возникшей в это время вокруг островов в ЮКМ, стала значительно выше, чем это бывало в 80–90-е годы прошлого века [Valencia 1995: 41].

В то же время китайские власти категорически воспротивились деятельности иностранных компаний, проводивших по контрактам с Вьетнамом и Филиппинами геологоразведочные работы в море. 7 марта 2009 г. министр иностранных дел КНР Ян Цзечи официально заявил, что Китай считает недопустимыми эти работы в акватории ЮКМ, рассматривая их как «вторжение в территориальные воды Китая».

Вовлечение в существующие противоречия в ЮКМ иностранных корпораций, тесно связанных с правительствами своих стран, как отмечал министр, только затруднит и замедлит их разрешение. Под угрозой разрыва всех выгодных контрактов китайских государственных компаний с этими корпорациями «Бритиш Петролеум», например, была вынуждена отступить.

Первый инцидент с геологоразведочными судами произошел 25 февраля 2010 г., когда два филиппинских корабля, проводивших геологоразведочные работы в 140 милях от принадлежащего им острова Палаван, были остановлены китайским сторожевым кораблем рыбнадзора. Под угрозой открытия огня китайские моряки потребовали немедленного удаления филиппинцев из этого района. 2 марта того же года два китайских сторожевых корабля точно так же вытеснили оттуда другое геологоразведочное судно Филиппин.

26 мая 2010 г. произошел первый крупный инцидент с вьетнамским геологоразведочным судном «Бинь Минь 2», принадлежащим государственной корпорации «Петровьетнам», когда китайские моряки обрубили все кабели этого судна, работавшего в пределах ИЭЗ Вьетнама. И уже через неделю, 9 июня точно такой же инцидент произошел с норвежским исследовательским судном «Викинг», также работавшим по контракту с «Петровьетнамом».

Оба инцидента произошли за несколько дней до так называемого Диалога Шангри-ла в Сингапуре, где встретились министры обороны США, Китая и стран АСЕАН. Министр обороны Вьетнама выступил с выражением глубокого беспокойства по этому поводу. Его активно поддержал и тогдашний министр обороны США Роберт Гейтс.

Китай, Вьетнам и Филиппины направили в проблемные зоны дополнительные силы ВМФ. Вьетнамские военные корабли провели учебные стрельбы с применением боевых снарядов и ракет. Премьер-министр СРВ Нгуен Тан Зунг 14 июня 2010 г. в связи с этим издал декрет о призыве на службу моряков из резерва на случай дальнейшего обострения конфликта с Китаем.

Некоторые наблюдатели начали уже сравнивать эту ситуацию с Берлинским кризисом 1948–1949 гг. Но в отличие от крайне враждебных отношений во всех без исключения областях между противостоящими лагерями в начавшейся тогда холодной войне, здесь наблюдалась прямо противоположная картина. Почти во всех других областях отношения Китая с оппонентами в ЮКМ неуклонно развивались — независимо ни от чего. Налаживалось сотрудничество в борьбе с терроризмом и пиратством, в решении проблем «нетрадиционной безопасности»,

росла торговля и закладывались основы общего рынка и экономического взаимодействия. Так что подобное сравнение не имело и не имеет под собой серьезных оснований. Тем более, что развязывание военного конфликта никоим образом не входило в планы ни одной из участвующих сторон.

К лету 2011 г. напряженность в ЮКМ начала спадать. На смену ей пришла повышенная дипломатическая активность всех претендентов в двусторонних отношениях и в АСЕАН. Появились признаки нового подхода Китая к проблемам ЮКМ. Они открыли путь к июльскому соглашению 2011 г. АСЕАН с Китаем о Директивах по выполнению Декларации 2002 г. С лета 2011 г. руководители КНР начали неоднократно возвращаться к известному предложению Дэн Сяопина сосредоточиться на экономическом сотрудничестве, отложив на будущее окончательное разрешение требований суверенитета. Так, в августе 2011 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао вновь предложил претендующим странам «отложить споры и активно искать формы совместного развития в соответствующих районах» [Spitzer 2012].

Обратил на себя внимание и тот факт, что Китай явно снизил тон своих заявлений по ЮКМ в целом. Американский журнал *Foreign Affairs* в марте 2012 г. даже поместил статью одного из известных американских китаистов Тэйлора Фравелла из Массачусетского университета под заголовком «В Южно-Китайском море все спокойно». Он доказывал, что Китай заметно смягчил свои заявления по морским коллизиям и объяснял это желанием «восстановить образ Китая» и не позволить США воспользоваться случаем для более глубокого вмешательства в дела региона.

В апреле 2012 г. эта же идея доминировала на форуме «Глобальная безопасность — 2012», который проводился Центром стратегических и международных исследований (CSIS) в Вашингтоне. Там среди других экспертов выступил бывший посол США в Китае Дж. Прауэр, который отметил: «Я думаю, что они поняли, что сильно переборщили с жесткостью в ЮКМ. И сейчас Китай показывает, что жесткость, с которой он действовал, тоже поддается контролю»¹⁰.

Опытный дипломат также заметил, что пекинская газета «Жэньминь жибао» в последнее время стала больше писать о важности сотрудничества в регионе, а китайское правительство щедро выделяет средства на проведение международных конференций о свободе судоходства в ЮКМ.

Но, как оказалось, затишье было временным. Весной и летом 2012 г. в ЮКМ вновь произошел заметный рост напряженности из-за заявленных Китаем, Вьетнамом и Филиппинами намерений приступить к освоению природных ресурсов в своих ИЭЗ и в акватории Спратли и Парасельских островов.

Китайско-филиппинское противостояние у мыса Скарборо

Мыс Скарборо (кит. Хуанъяньдао) находится к северо-западу от архипелага Спратли в 124 милях от Филиппин и в 472 милях от Китая. На него претендуют только две страны (не считая Тайваня) — Филиппины и Китай. Инциденты меж-

¹⁰ Radio Free Asia. 17.04.2012.

ду ними происходили здесь не раз и раньше. Очередной и наиболее громкий разыгрался всего через несколько дней после апрельского саммита АСЕАН 2012 г. в Пномпене и был вызван попыткой филиппинских властей арестовать китайские рыболовные траулеры, занимавшиеся промыслом в их ИЭЗ около мыса Скарборо в 124 милях от филиппинского острова Лусон.

Это было самое значительное за последние годы морское противостояние между двумя странами, каждая из которых считает часть Южно-Китайского моря своими территориальными водами. 4 апреля 2012 г. несколько самолетов филиппинских ВВС, совершая патрульный облет островов на юге архипелага Спратли, обнаружили там группу из 8 китайских рыболовных траулеров. Для их задержания и изгнания был направлен полученный от США не новый, но хорошо вооруженный и вполне боеспособный эсминец «Грегорио де Пилар», только что поступивший на вооружение и ставший флагманом филиппинских ВМС. Китайские рыбаки призвали на помощь сначала находившиеся в этом районе два китайских сторожевых корабля береговой охраны, а потом еще один корабль службы рыбнадзора, которые воспрепятствовали попыткам филиппинских моряков арестовать браконьеров и конфисковать улов.

Война нервов между Манилой и Пекином продолжалась несколько дней. Китай тут же прекратил импорт филиппинских бананов под предлогом их зараженности. Одновременно китайским туристам было запрещено посещать Филиппины, что нанесло чувствительный удар по туристическому бизнесу страны.

В ситуацию пришлось вмешаться президенту Филиппин и Госдепу США, призвавшему обе стороны «проявлять сдержанность и искать дипломатическое решение». Вскоре рыбаки вернулись домой, но правительственные корабли обеих сторон остались на месте друг против друга, обмениваясь воинственными заявлениями. В конце концов стороны решили прекратить противостояние, едва не приведшее к вооруженному конфликту, и отозвали свои корабли из спорного района.

Китай, по мнению ряда наблюдателей, воспользовался серьезной ошибкой филиппинских властей, состоявшей в том, что они направили свой военный корабль против группы невооруженных рыбацких судов, занимавшихся, даже с точки зрения филиппинцев, всего лишь банальным браконьерством. Китай использовал этот факт для развертывания мощной кампании в поддержку своих территориальных претензий в этом районе.

Характерно, что напряженность между Китаем и Филиппинами в районе мыса Скарборо выразилась, прежде всего, в форме провокационных редакционных статей в СМИ, репортажей и высказываний политиков обеих стран. Каких-то особенно враждебных действий не было. Но репортажи китайских журналистов, по мнению наблюдателей, были выдержаны в духе старомодного джингоизма (наивысшая форма агрессивного национализма) и создали опасный прецедент в районе, и без того являющемся очагом международной напряженности. Подливая масло в разгорающийся огонь националистических страстей, они лишь затруднили поиск компромисса для всех сторон.

Продолжавшийся два месяца инцидент позволил сделать и некоторые выводы для других подобных инцидентов в спорных районах ЮКМ.

- Обе стороны на этот раз проявили большое упорство в отстаивании своих суверенных прав. Даже отозвав свои корабли, ни та, ни другая сторона не проявили ни малейшего желания смягчить свои требования.

- Тактика Китая состояла в том, чтобы использовать только гражданские служебные суда для подкрепления своих требований и не подключать корабли ВМС Китая. На это многие наблюдатели обратили особое внимание, как на признак определенной сдержанности Китая в отношении своих оппонентов в ЮКМ. Но вскоре стало очевидно, что время, когда Китай ограничивался действиями гражданских рыболовецких судов и сторожевых катеров рыбнадзора, прошло. На сцене появились корабли ВМС Китая, взявшие на себя патрулирование в спорных районах, что стало важным шагом в эскалации напряженности.

- Инцидент показал, как на такой поворот событий реагируют США. Администрация Б. Обамы прошла по тонкой линии между поддержкой своего союзника и сохранением нейтралитета в спорах о суверенитете. В целом США явно встали на сторону Филиппин, отдав должное договору 1951 г., но ни разу так и не заявив, что он относится и к мысу Скарборо. Вашингтон призвал обе стороны решать свой спор мирными средствами, поддерживая разработку более широкого и обязывающего Кодекса поведения в ЮКМ, который был бы призван предотвращать подобные инциденты.

После заявления Б. Обамы о том, что США в этот инцидент непосредственно вмешиваться не будут, Пекин и Манила решили понизить температуру кризиса и приступили к переговорам — в этом, может быть, и заключается главный вывод из инцидента у мыса Скарборо.

Противостояние у мыса Скарборо, по мнению многих наблюдателей, завершилось все-таки с преимуществом Китая. Это означает, что китайские рыболовецкие суда и работающие по его контрактам геологоразведочные корабли как ходили в этот район, так и будут ходить. Китай явно подкрепил свои претензии на суверенитет в границах своей «линии U». Для соседей это была плохая новость: если США, более 60 лет имеющие Договор 1951 г. о взаимной обороне с Филиппинами, не пришли в нужный момент им на помощь, это значит, что они не сделают этого и ни для кого другого. А без помощи США у этих стран не остается другого выбора, кроме как согласиться с требованиями Китая и искать пути к заключению новых сделок о совместной эксплуатации ресурсов ЮКМ.

Неслучайно, несмотря на возникшую напряженность, филиппинский президент 4 мая 2012 г. заявил, что может согласиться на то, чтобы позволить китайским компаниям начать добычу нефти, пока правительства будут вести переговоры о суверенитете. Тогда же китайская корпорация CNOOC пригласила в Пекин на переговоры президента филиппинской корпорации Philex Mining Corp. Переговоры прошли, по его словам, «конструктивно и в духе согласия».

Однако, несмотря на то что США отказались выступать в роли арбитра по территориальным спорам, призвав к мирному дипломатическому их решению, разыгравшаяся в апреле драма у мыса Скарборо не осталась без ущерба и для Китая. После встречи с президентом Филиппин Б. Акино в Вашингтоне Б. Обама сказал, что США будут укреплять свои силы в регионе и помогут в этом своим союзникам. И тут же США договорились с Филиппинами о том, что бывшие аме-

риканские базы ВВС (Кларк) и ВМС (Субикбэй) будут открыты для нужд ротации американских военных советников, участвующих в контртеррористических операциях против сепаратистов на юге Филиппин, для заходов в порт и проведения учений. Филиппинские ВМС получили еще два ракетных катера береговой охраны, радарные установки и другое необходимое оборудование для контроля и наблюдения.

Вместе с тем затянувшийся на два месяца инцидент у мыса Скарборо не помог Китаю приобрести новых друзей ни в ЮВА, ни в СВА. Зато он даже позволил укрепить свои позиции «ястребам» в соседней Японии, которая имеет свои споры с Китаем из-за островов в Восточно-Китайском море, тоже резко обострившиеся в сентябре 2012 г.

Новый этап кризиса в китайско-вьетнамских отношениях

За противостоянием Филиппин и Китая в районе мыса Скарборо на архипелаге Спратли последовало принятие Вьетнамом своего Морского закона, который закреплял его требования суверенитета на Парасельские острова и Спратли и вводил новые правила навигации в этом районе. Проект закона уже несколько лет лежал в одном из комитетов национального собрания СРВ. Казалось бы, что его принятие именно в этот момент, когда предстоял саммит АСЕАН и могла начаться работа с Китаем над Кодексом поведения в ЮКМ, было продиктовано какими-то внутренними проблемами в политических кругах Вьетнама. Однако эта работа все время откладывалась, а тем временем на Парасельских островах были замечены активные строительные работы. На двусторонних переговорах с Китаем тоже все остановилось. В этой обстановке руководство СРВ считало принятие Морского закона необходимым и своевременным.

В Китае это было воспринято как «серьезное нарушение» его суверенитета. Китай снова применил ту же тактику «ответного ужесточения» позиций, что и в отношении Филиппин. Не успели под этим законом просохнуть чернила, как Китай объявил о повышении статуса бывшей общины Саньша (Парасельские о-ва) до административного уровня префектуры в составе провинции Хайнань, включающей все основные острова ЮКМ.

24 июля 2012 г. китайские власти организовали торжественную церемонию учреждения уездного города Саньша на острове Юнсин — самом большом из Парасельских островов, где вскоре были размещены администрация соответствующей префектуры провинции Хайнань, и даже проведено нечто подобное выборам местной власти. Новый город Саньша занимает площадь в 12 кв. км, но расположенный там административный центр вновь образованной префектуры призван осуществлять власть на акватории почти в 2 млн кв. км, включая оба архипелага — Парасельский и Спратли. В нем на непостоянной основе живет 1–2 тыс. человек, в основном рыбаки и их семьи. Там нет даже школы, единственное средство связи — мобильный телефон. Нет и аэропорта, но построенная несколько лет назад взлетная полоса может принимать современные реактивные самолеты¹¹.

¹¹ Radio Free Asia. 27.07.2012.

Еще раньше, 28 июня 2012 г., международное радио Китая (CRI) сообщило о «введении режима патрулирования» в целях предотвращения войны в районе вокруг островов Спратли, а также о создании военного командования в новом административном центре Саньша. Обе эти меры, очевидно, свидетельствовали о дальнейшей милитаризации политики Китая в ЮКМ. Они принимались как бы в ответ на проведенный самолетами ВВС Вьетнама патрульный облет островов. Как было заявлено тогда же на пресс-конференции в Министерстве обороны КНР, «НОАК вводит режим регулярного патрулирования морских районов, находящихся под управлением Китая в целях предотвращения войны»¹².

В возникшем противостоянии с Вьетнамом обозначился и серьезный экономический аспект. 23 июня китайская государственная нефтяная корпорация СНООС объявила, что девять блоков в ЮКМ выставляются на тендер для их разведки и эксплуатации иностранными компаниями. В отличие от других блоков, предлагавшихся на тендер в 2010 и 2011 г., на этот раз были предложены блоки, находящиеся прямо напротив побережья Центрального Вьетнама в 70–100 милях от г. Нячанга, т. е. непосредственно в пределах ИЭЗ Вьетнама. Все они уже частично эксплуатировались вьетнамской нефтяной корпорацией «Петровьетнам» совместно с американской «Эксон Мобил», российским Газпромом и индийской компанией Videh. С самого начала было весьма сомнительно, что какая-либо иностранная компания примет это предложение. Объявление СНООС было, скорее всего, чисто символическим жестом. Но это был еще один шаг в подтверждение юрисдикции Китая в этих водах, что только осложняет поиск решения спора.

12 июля 2012 г. 30 китайских траулеров в сопровождении четырех сторожевых кораблей рыбоохраны вышли на промысел в спорный район архипелага Спратли. И уже 26 июля китайский сторожевой корабль протаранил там вьетнамскую рыболовецкую шхуну.

Направление в спорные зоны военных кораблей вместо ранее действовавших там служебных судов рыбнадзора означало существенный шаг в эскалации конфликта. Можно предположить, что Китай счел, что не был ничем вознагражден за тактические уступки, сделанные им в 2011 г. Внутриполитическая обстановка также могла привести к ужесточению позиции Китая. Инцидент у мыса Скарборо помог отвлечь внимание общественности от громкого скандала вокруг дела бывшего влиятельного члена Политбюро ЦК КПК Бо Силая. Возможно, что, приближаясь к XVIII съезду КПК, китайские лидеры вновь начали демонстрировать силу, дабы подчеркнуть сохраняющееся единство и сплоченность в руководстве партии и его решимость в отстаивании интересов страны.

Все эти действия предназначались не только для того, чтобы показать реакцию Китая на принятие Морского закона СРВ, но, по мнению многих наблюдателей, они были направлены также на то, чтобы показать Вьетнаму недовольство его активным сближением с США, происходившим летом 2012 г., и одновременно посмотреть, что предпримут США в этой связи. Они как бы были направлены на сдерживание Вьетнама и Филиппин, предпринимающих усилия по утверждению своего суверенитета, но в действительности не исключено, что они были

¹² ВВС на вьет.яз. 28.07.2012.

предназначены прежде всего для общественного мнения в самом Китае. При всей шумихе вокруг них пока нет никаких признаков того, что мы являемся свидетелями создания крупной военной базы на Парасельских островах или непосредственного участия ВМС НОАК в спорах в ЮКМ.

Неудивительно, что все это вызвало очередной взрыв возмущения в общественном мнении Вьетнама, где вопреки запретам властей прошла волна антикитайских демонстраций в Ханое и Хошимине.

Характерно для политической практики Китая, что на пресс-конференции в Пекине 2 июля представитель МИД КНР заявил, что несмотря ни на что Китай «неизменно высоко ценит дружбу и сотрудничество с Вьетнамом и стремится к решению споров в соответствии с духом взаимопонимания и договоренностями, достигнутыми лидерами обеих стран»¹³.

В начале августа 2012 г. министр иностранных дел КНР Ян Цзечи совершил недельную поездку в Индонезию, Малайзию и Бруней. По сообщениям китайской печати, он пытался успокоить государства ЮВА и обещал понизить напряженность в ЮКМ. И он получил определенную поддержку, хотя бы на словах, со стороны лидеров Малайзии и Брунея.

7 сентября 2012 г. в кулуарах саммита АТЭС во Владивостоке прошла встреча тогдашнего Председателя КНР Ху Цзиньтао с президентом СРВ Чыонг Тан Шангом, на которой китайский лидер, по сообщениям китайских СМИ, заявил, что Китай и Вьетнам «должны успокоиться и проявить сдержанность в вопросах ЮКМ». Он якобы также предложил как можно быстрее начать двусторонние переговоры и придерживаться принципа «споры отложить и начать совместную эксплуатацию»¹⁴.

В том же духе 21 сентября 2012 г. прошла встреча вьетнамского премьер-министра Нгуен Тан Зунга с нынешним лидером КПК, а тогда заместителем Председателя КНР Си Цзиньпином в Наньине по случаю открытия IX торгово-промышленной ярмарки АСЕАН — Китай. Сообщая об этой встрече, Вьетнамское информационное агентство подчеркивало: «Обе стороны были единодушны в понимании необходимости сохранения мира и стабильности в Восточном море и достойного разрешения всех проблем путем мирных переговоров, исходя из большого стратегического значения отношений между двумя государствами». В сообщении также говорилось, что Си Цзиньпин принял приглашение посетить Вьетнам после XVIII съезда КПК.

Все это должно было показать, что напряженность, действительно, пошла на спад, особенно на фоне развернувшегося вскоре кризиса в китайско-японских отношениях. Но это не помешало китайским властям демонстративно развернуть строительство во вновь образованном городе Саньша на Парасельских островах. Одновременно, по сообщению агентства Синьхуа, Китай присвоил названия 1660 островам и рифам в ЮКМ и планирует обозначить таким образом в августе 2013 г. еще столько же островов, что должно, как считают наблюдатели, символизировать его неоспоримый суверенитет над ними¹⁵.

¹³ «Голос Америки» на вьет. яз. 02.07.2012.

¹⁴ China Daily. 08.09.2012.

¹⁵ Radio Free Asia. 18.10.2012.

В ноябре 2012 г. стало известно, что Китай выпустил новые образцы загранпаспортов для своих граждан, в которых все данные пропечатаны на фоне карты Китая, включающей в его территорию все районы ЮКМ внутри «линии U». Это вызвало новый взрыв возмущения во Вьетнаме и в соседних странах ЮВА. Еще большее негодование вызвал очередной инцидент все с тем же вьетнамским исследовательским судном «Бинь Минь 2», которое уже подвергалось нападению в мае 2011 г. На этот раз 31 ноября 2012 г. китайские рыболовные суда, которые вели промысел в 54 милях от города Винь в Центральном Вьетнаме, на южной границе Тонкинского залива, опять отрубили все кабели этого исследовательского корабля. В ответ на протесты вьетнамской стороны китайские власти заявили, что все они не имеют под собой никаких оснований, и потребовали от Вьетнама прекращения «любых односторонних» геологоразведочных работ в этой части залива, по разграничению которой переговоры двух государств еще не завершены.

Эскалации напряженности в регионе будет, несомненно, способствовать и принятое 29 ноября 2012 г. распоряжение властей китайской провинции Хайнань, по которому кораблям сторожевых служб КНР предоставлено право останавливать и досматривать все иностранные корабли, проходящие через границы «линии U». Центральные власти оставили это распоряжение провинциальных органов без каких-либо комментариев. Вскоре, однако, последовало разъяснение, что это касается только тех судов, которые будут заниматься «противоправной деятельностью» в территориальных водах Китая. Но в АСЕАН и в других странах это распоряжение вызвало немало вопросов. Оно явно противоречило многочисленным заявлениям Пекина, что он никогда не чинил никаких препятствий навигации в ЮКМ и не собирается этого делать и впредь.

Таким образом, появившиеся в конце 2012 г. надежды на то, что смена руководства в Китае приведет к разрядке напряженности в ЮКМ, не оправдались. Пекин, наоборот, начал ужесточать свои позиции в спорных районах. Новое руководство явно не захотело рисковать проявлением недовольства националистически настроенных масс, смягчая позицию по этому вопросу, которую оно унаследовало от Ху Цзиньтао.

Основные причины обострения кризиса в ЮКМ

Чем же все-таки объяснить перемену в политике Китая, которая произошла в 2009 г.? Многие наблюдатели связывают ее с упомянутой выше подачей заявок Вьетнама, Малайзии и Филиппин в Комиссию ООН по границам континентального шельфа. Это, конечно, могло послужить только поводом, но действительных причин было много, и они были гораздо глубже. Новое обострение противоречий в 2009–2012 гг. было вызвано действием не одного, а целого ряда существенных факторов — как внешних, так и внутренних.

Во-первых, это разразившийся в 2008–2009 гг. мировой экономический кризис. Региональная экономика до сих пор испытывает его негативные последствия, и прежде всего значительное повышение цен на энергоресурсы. Стремительный экономический рост Китая и превращение его в «фабрику мира» приве-

ли к возникновению у него неутолимой жажды энергетических ресурсов. Поэтому сразу появились различные причины или поводы («спусковые крючки») для обострения конфликта. Ими, среди прочих, стали работы по разведке и эксплуатации некоторых месторождений в оспариваемых районах. Причем речь пошла уже не об относительно отдаленных островах, а о прибрежных зонах береговых стран.

Во-вторых, это дестабилизация политической обстановки на Ближнем и Среднем Востоке, включая кризис вокруг Ирана. События на Ближнем Востоке привнесли в энергетическую обстановку в АТР новые, весьма весомые нюансы и акценты. Китай получает нефть и газ из разных источников, но преимущественно из стран Ближнего и Среднего Востока. Ближневосточные государства оказались охваченными социальными и иными потрясениями, которые не замедлили сказаться на уровне нефтегазовых цен. Регулярность отгрузок, правда, нарушена не была, но и не было гарантии того, что волна нестабильности рано или поздно не накроет главных поставщиков углеводородов для Китая. К этому следует добавить растущее соперничество за влияние в регионе между Китаем и США, а также другим поднимающимся гигантом Азии — Индией.

В этих условиях Китай не только стремится уйти от зависимости от поставок нефти из этого региона, но и наладить ее добычу поближе к себе, используя новую технологию, позволяющую вести бурение глубоко под водой и вдали от берегов. С этим связана и его озабоченность в обеспечении безопасности морских коммуникаций через Малаккский пролив, который рассматривается как стратегически уязвимое место Китая.

В-третьих, налицо было общее ослабление США, их роли и влияния в качестве единственной в мире сверхдержавы, ослабление всего Запада с точки зрения баланса сил, международных позиций и притягательности его модели экономического развития. Влияние Китая в ЮВА, напротив, к этому времени значительно выросло. После кризиса 2008 г. многие китайские руководители не раз выражали мнение, что США находятся в окончательном упадке. Следовательно, Китай может быть более решительным, особенно в своих притязаниях в ЮКМ. В китайской печати не случайно появились статьи, призывающие воспользоваться этим моментом. А наиболее радикальные голоса утверждали, что это «золотой шанс Китая окончательно решить проблему ЮКМ». В этой обстановке Китай и предъясвил свою «линию U».

В-четвертых, если 3–4 года назад США опасались того, что Китай выстраивает собственную систему отношений в Восточной Азии через группировки АСЕАН+3, КАФТА (ЗСТ АСЕАН — Китай) и Восточноазиатское сообщество (ВАС), то в последнее время они сами приступили к активному созданию новой архитектуры отношений в АТР через формирование торгового блока «Транстихоокеанское партнерство», что должно, по мнению некоторых творцов американской политики, в конечном счете, привести к изоляции Китая, которого туда не приглашают. Не исключено, что это вполне могло спровоцировать китайское руководство на более жесткие ответные меры в ЮКМ и усиление давления на АСЕАН.

Одну из причин этого этапа кризиса некоторые наблюдатели увидели и в самом развороте стратегии США в сторону АТР. Заявления Вашингтона о своем «национальном интересе» в ЮКМ и все последующие действия, которые были

интерпретированы такими странами, как Вьетнам и Филиппины, как поддержка их позиций в споре с Китаем, привели к тому, что их реакция на действия Китая стала более жесткой, а в некоторых случаях даже наступательной.

Важно также учитывать неразрывную связь внешней и внутренней политики руководства КНР. До мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. Китай явно успешно продвигался по пути улучшения отношений со всеми странами, включая и соседей по ЮВА. Никаких внешних причин для смены акцентов в региональной политике, по мнению многих наблюдателей, не было. Следовательно, они пришли изнутри, из желания оседлать нарастающее влияние в стране нового «среднего класса», направив его энергию в сторону национализма.

Считается также, что большую жесткость Китай начал проявлять в своих притязаниях после определенной модернизации ВМФ НОАК, которые прибрели современные подводные лодки, фрегаты, миноносцы, патрульные катера, а также бомбардировщики дальнего радиуса действия, что позволило Китаю проецировать и сохранять значительную военную мощь в ЮКМ. Вступил в строй первый китайский авианосец. Китай уже построил мощную базу ВМС в Санья на острове Хайнань, в которой стоят китайские подводные лодки и надводные боевые корабли.

Сегодня Китай имеет относительно современный флот и значительно более широкие технические возможности, что и беспокоит его соседей и других участников игры за пределами региона, хотя способность Китая проецировать военную силу в ЮКМ остается еще довольно ограниченной.

Укоренившееся глубоко в сознании народов ЮВА понятие «китайской угрозы» за короткое время «оттепели» в отношении Китая с АСЕАН никуда не исчезло. Оно даже усилилось по мере роста военного могущества Китая. Новая вспышка напряженности в 2009–2012 гг. нанесла сильный удар по имиджу Китая в регионе, разрушила многие позитивные достижения в строительстве дружественных отношений с соседями в предшествующее десятилетие.

На этот раз конфликт разворачивался уже в новой международной ситуации, когда мир действительно становился многополюсным, а США представляли только один из полюсов. В то же время в самом регионе для малых и средних государств ЮВА вновь складывалась биполярная система противостояния Китая и США, вынуждавшая их делать нежелательный выбор в ту или иную сторону. И в связи с этим многие наблюдатели увидели еще одну из причин обострения кризиса в желании Китая дать серьезный сигнал о своем глубоком недовольстве усиливающимся сотрудничеством Вьетнама и других стран АСЕАН с США в вопросах безопасности. Это стало заметно уже после первого визита премьер-министра СРВ Нгуен Тан Зунга в США в июле 2008 г. Тогда, как известно, президент США Дж. Буш заявил, что США поддерживают «национальный суверенитет, безопасность и территориальную целостность Вьетнама». На различных сайтах в китайском секторе Интернета стало появляться все больше агрессивных выпадов в адрес политики СРВ. Выходящая в Гонконге газета South China Morning Post 5 сентября 2008 г. опубликовала карту с изображением различных направлений удара по Вьетнаму с воздуха и с моря. Отвечая на вопрос корреспондента о целях этой карты, один из ее авторов, военный эксперт Сун Сяоцзун (Song Xiaojung) назвал все эти планы «шуткой», но при этом заявил: «Китай и Вьетнам имеют

общую политическую систему и должны были бы объединиться, чтобы вместе противостоять США, которые являются нашим общим врагом. Но очевидно, что США пытаются разыграть вьетнамскую карту против поднимающегося Китая».

После представления Вьетнамом и Малайзией заявки в ООН на границы ИЭЗ и континентального шельфа в Китае наблюдался буквально взрыв националистических настроений, который никем не воспринимался как стихийный. Некоторые наиболее горячие головы со страниц ряда газет и журналов начали заявлять, что пришло время «преподать новый урок Вьетнаму». Как известно, именно под таким призывом Дэн Сяопина в 1979 г. была начата война против Вьетнама.

Из разрозненных, но часто появляющихся в китайской прессе статей можно сделать вывод, что китайское общество умышленно держат на богатом рационе националистических чувств, что по каким-то причинам разрешается, а возможно, даже поощряется Отделом пропаганды ЦК КПК, который руководит СМИ. Хотя ультра националисты не имеют сильного влияния на творцов политики в Пекине, тот факт, что подобные рассуждения публикуются без всякого вмешательства властей, указывает все же на степень их официального одобрения. Они свидетельствуют, что определенные силы в китайском руководстве сознательно провоцируют национализм в целях упрочения своей социальной опоры среди растущего среднего класса.

Китайские власти, например, часто и охотно используют для объяснения своих действий один и тот же набор слов, которые рисуют Китай в роли жертвы, а все другие страны в роли агрессоров. Комментарии в контролируемой правительством прессе неизменно обвиняют соседние государства в «воровстве» китайских ресурсов.

Значительное усиление национально-патриотической мотивации на волне общего успеха отмечает, в частности, известный российский китаист профессор С.Г. Лузянин. Он обращает внимание на «две стороны медали». Одна, позитивная, — формирование в китайском обществе объединяющей идеи возрождения китайской нации, которая порождает колоссальную энергетику, сплачивает страну, дает перспективу «великого будущего». На это сегодня работают СМИ, литература, кинематограф, прочие виды искусства. Другая сторона медали — формирование достаточно опасных для китайского руководства и Китая в целом экстремистских националистических настроений и взглядов, получивших название «джингоизма». Часть этих взглядов излагается в китайском Интернете (около 500 млн пользователей) или в различных печатных изданиях. На сегодняшний день национализм, как считает профессор Лузянин, не стал системным явлением, охватывающим все этажи китайского общества, государства и тем более КПК. Не просматривается такая перспектива и на период 2012–2017 гг. Но в будущей модели сверхдержавы, по его мнению, элементы национального патриотизма значительно усилятся и, возможно, приобретут системный характер [Лузянин 2012].

Все, что сказано относительно национализма в Китае, может быть отнесено и к другим странам региона с учетом их местной специфики. Элита этих стран тоже нередко пытается опереться на растущий средний класс, легко поддающийся националистическим настроениям. Поднимающаяся время от времени волна национализма позволяет отвлечь внимание масс от внутренних трудностей и от

борьбы соперничающих кланов в правящей верхушке. Так что все непосредственные участники споров находятся под сильным давлением ими же созданного общественного мнения, требующего не уступать «ни пяди родной земли». В этом заключается большая трудность в решении споров в ЮКМ.

Влияние националистов, действительно, усилилось, но и преувеличивать его, как считают некоторые ведущие российские эксперты, не следует. По старинной китайской поговорке, «они производят много грома, но мало дождя». Китайские политики, как показал более чем 30-летний период успешных реформ в Китае, — это прежде всего прагматики. Они гораздо более ответственны и осторожны на практике, чем китайские медиа в своей пропагандистской риторике.

Оформлению национализма в качестве основы государственной политики в Китае и у его соседей препятствуют тесные экономические связи, увеличение количества двусторонних и многосторонних обменов, формирующаяся взаимозависимость. Существующий объем внешнеэкономических связей сам по себе является мощным фактором, сдерживающим руководство КНР от проведения резкой и агрессивной внешней политики.

И все же нельзя не видеть, что гипернационализм вместе с ускоренным военным строительством в Китае и в соседних Вьетнаме и Филиппинах при способствующих этому действиях США и всего американского ВПК, не желающего упустить свою выгоду от начавшейся в регионе гонки вооружений, создают там достаточно опасную и отнюдь не стабильную ситуацию.

И, наконец, еще одна немаловажная причина кризиса — это слабость имеющихся сегодня многосторонних механизмов в ЮВА, их неспособность реально повлиять на напряженную обстановку или взять ее под контроль. Подробнее об этом пойдет речь ниже.

Таким образом, мировой экономический кризис, энергетическая и продовольственная безопасность, рост экономического и военного потенциала Китая, отношения с США и ослабление их позиций, а также внутренние противоречия и наметившийся союз консерваторов с националистами в китайском руководстве — все эти факторы вместе взятые, как можно предположить, и вызвали новый раунд напряженности в регионе.

На его последующей стадии весной и летом 2012 г. проявилась и более решительная позиция главных оппонентов Китая — Вьетнама и Филиппин. В июле 2012 г. Международная группа конфликтологов (ICG), работающая в Брюсселе, представила свой доклад, в котором говорится, что ужесточение позиций претендующих на суверенитет в ЮКМ государств заметно усилило напряженность в этом регионе и практически завело конфликт в новый тупик. По мнению этой авторитетной группы экспертов, на сей раз Филиппины и Вьетнам занимали даже более наступательную позицию, чем Китай, который явно воспользовался предоставленным ему поводом для дальнейшего наступления в ЮКМ. В отсутствие механизма поддержания безопасности обостряющийся спор, по мнению конфликтологов, легко может выйти из-под контроля и перерасти в военный конфликт, даже если ни одна из сторон его на самом деле и не желает¹⁶.

¹⁶ «Голос Америки» на вьет. яз. 25.07.2012.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ

«Ключевой интерес» или «бесспорный суверенитет»?

В целом можно предположить, что стратегической целью китайской политики является установление своего суверенитета на возможно большую часть акватории ЮКМ желательными мирными средствами политики и дипломатии или, как принято в настоящее время, с помощью «мягкой силы». Это закономерно диктуется геополитическим и экономическим значением ЮКМ для Китая и его устойчивого развития. С этим неразрывно связаны задачи вытеснения США из региона ЮКМ, расширение зон собственной безопасности и контроля над проливами и ключевыми морскими коммуникациями, проходящими в Южно-Китайском море.

подавляющая часть сырьевого импорта Китая доставляется морским путем, как и его экспорт в Европу, Азию и Африку. На юге этот путь проходит через «ворота» Тайваньского пролива, которые ведут в «клетку» ЮКМ, закрываемую с Запада военным союзником США — Филиппинами, а на выходе с Востока не очень надежным для КНР партнером — Сингапуром. И это не может не беспокоить китайское руководство. Можно предположить, что первоначальным побудителем его упорного стремления распространить свою юрисдикцию на Парасельские острова и острова Спратли являлось, вероятно, преувеличенное по нынешним временам представление об их стратегической важности как для обороны страны, так и для утверждения контроля над судоходством.

Во всяком случае, очевидно, что весь регион ЮКМ — это «задний двор» (backyard), который должен защищать континентальный Китай от возможных атак с моря. Цель Китая (впрочем, совершенно законная) состоит в том, чтобы надежно защитить свои интересы в «ближних» морях — от Желтого до Южно-Китайского и особенно в Тайваньском проливе, где он считает себя особенно уязвимым. В «ближних» морях пролегает первый пояс его стратегической стабильности. Там находится первое звено островов, протянувшееся от Курильских островов, Окинавы и Тайваня на севере и далее на юг до Филиппин и Индонезии, в границах которого Китай стремится обеспечить свой стратегический контроль. Вторая линия проходит от восточных берегов Японии к американскому острову Гуам и далее в северо-западные районы Тихого океана и на юге в Индийский океан. Их предназначение в том, чтобы не только не давать американскому ВМФ приближаться к китайским берегам, но и проецировать свою собственную военную мощь как можно дальше в море, чтобы эффективно защитить свои морские коммуникации, а заодно и способствовать реализации планов на использование ресурсов ЮКМ в пределах намеченной «линии U». С этой целью и создается океанский флот Китая и модернизируются его ВМС, что ведет к неминуемому изменению регионального баланса сил в пользу Китая.

В марте 2009 г. в связи с упомянутым инцидентом с американским разведывательным кораблем *Impressable* китайские официальные лица категорически заявили представителям администрации Б. Обамы, что не потерпят никакого вмешательства США в ЮКМ, с которым отныне связаны «ключевые интересы» (core

interests) КНР. И это было в первый раз, когда они поставили таким образом проблемы ЮКМ в один ряд с проблемами Тайваня, Тибета и Синьцзяна¹⁷. Эта же формула, по словам госсекретаря США Х. Клинтон, была повторена китайскими представителями и на Диалоге США — Китай по стратегическим и экономическим проблемам в Пекине 24–25 мая 2010 г.

Вокруг нее в последние годы в Китае развернулась и продолжается дискуссия о том, должен ли Китай объявить ЮКМ регионом своих «ключевых интересов». Тем самым это поставило бы все проблемы защиты суверенитета в ЮКМ в китайской политике на один уровень с такими проблемами, как воссоединение с Тайванем, защита суверенитета в Синьцзяне и в Тибете, что допускает при необходимости применение вооруженных сил.

В конце 2010 г. на сайте МИД КНР в Интернете появилось расширенное толкование этого термина, данное членом Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК Дай Бинго, курировавшего внешнюю политику страны, который заявил, что у Китая есть три «ключевых интереса»:

- сохранение политического строя;
- защита требований суверенитета;
- содействие экономическому развитию страны.

При двойном переводе (с китайского, а затем с английского языков) довольно трудно понять, что означает термин «ключевой интерес» (“core interest”) применительно к проблемам ЮКМ. Во всяком случае, ясно, что он не равен *жизненному* интересу для страны, который относится к сохранению политического строя и государственной независимости. Ни одно из государств ЮВА никакой угрозы для Китая не представляет и на суверенитет КНР ни в коей мере не покушается. Но если взять третий элемент — непрерывный экономический рост, без которого ставится под вопрос его политическая и социальная стабильность, — то тут проблемы ЮКМ для Китая имеют если не решающее, то большое значение и составляют его действительный национальный интерес. Основная тревога Китая связана с «откусыванием» отдельных участков ЮКМ другими претендентами, которые тем самым ущемляют его самопровозглашенный суверенитет над ЮКМ. Каждое сообщение о каких-либо геологоразведочных работах Вьетнама или Филиппин в ЮКМ, независимо от места их проведения, встречается китайскими властями как «вызов терпению Китая». Президент Китайской нефтяной корпорации (СНООС) Ян Хуа утверждал, что Китай якобы ежегодно теряет около 20 млн т нефти, или 40% всей его добычи в офшорной зоне, из-за деятельности этих стран. Сам же Китай планирует инвестировать 31 млрд долл. в бурение 800 скважин в Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, рассчитывая к 2020 г. довести добычу нефти там до 500 млн т [Thayer 2011: 558]. В 2011 г. Китай спустил на воду свою первую установку для глубоководного бурения, которая должна освободить его от зависимости от иностранных компаний в этой области. В июне 2011 г. эта буровая установка начала работать — пока вблизи южного побережья Китая.

Исследования ЮКМ, проводимые Вьетнамом и Филиппинами и воспринимаемые в Китае как наносящие ему прямой ущерб, являются главным мотивом

¹⁷ The New York Times. April 23, 2010.

его стремления «вернуть свои утраченные территории» в ЮКМ, даже если это в действительности не более чем чисто пропагандистский блеф.

Ведущий научный сотрудник Центра новой американской безопасности Р. Каплан считает: «Китай — не экспансионистское государство, но Пекин стремится вернуть себе традиционную роль «срединной империи» в Восточной Азии и ему необходимо придерживаться жесткого националистического курса, выдвигая претензии на возвращение к прежним традиционным границам страны. Господство Китая в ЮКМ даст ему те же возможности, которыми располагают США в Карибском море» [Kaplan 2011].

Публикации гонконгских политических журналов (как бы независимых от КПК) постоянно наполнены резкими эмоциональными оценками и недостоверными рассказами о готовящихся угрозах со стороны Вьетнама и Филиппин, а главное — стоящих якобы с ними США. Но особенно отличается в этом отношении выходящая в Китае на английском языке газета «Глобал таймс», являющаяся, как считается, филиалом «Жэньминь жибао».

Все это можно рассматривать как часть более широкой политики возрождения китайской национальной идентичности, проводившейся ушедшим поколением китайских руководителей, но которая, скорее всего, будет продолжена и в нынешнем поколении партийных вождей КПК.

Одним из проявлений этой политики стала возникшая в научном сообществе Китая сомнительная доктрина «исторического реванша». Она представляется как гипертрофированное стремление «рассчитаться с высокомерным и продолжающим притеснять Китай Западом за все обиды и унижения прошлого» и, в первую очередь, «вернуть в лоно Родины территории, незаконно отторгнутые империалистами на разных этапах истории».

В связи с этим заслуживает внимания выступление на 3-й Международной конференции в Ханое 4–5 ноября 2011 г. директора Центра стратегических исследований и профессора кафедры дипломатии Института международных отношений (Дипломатической академии), крупного китайского ученого-международника Су Хао, принимающего участие во многих подобных форумах. Он посвятил значительную часть своего доклада развитию тезиса об «историческом реванше» Китая по отношению к западным державам, которые «столетиями унижали и грабили Китай». Докладчик особо настаивал на том, что народы азиатских стран связаны «общностью исторических судеб», а потому должны не спорить друг с другом о каких-то безлюдных островках в ЮКМ, а объединиться и вместе предъявить счет за многовековой гнет и бесчисленные унижения Западу, и прежде всего американскому империализму [Su Hao 2011]. Похоже, что это было одно из первых таких открытых выступлений с трибуны представительной международной конференции в духе идей «исторического реваншизма», вероятно, все же санкционированное руководством КПК в качестве пробного шара (на 4-й конференции в Хошимине в ноябре 2012 г. он уже этого не повторил).

В 2009 г. в Китае массовым тиражом вышла книга «Китай недоволен», в которой известные в стране аналитики обосновывают причины, по которым Китай якобы призван управлять миром, ибо он «способен распоряжаться мировыми

ресурсами гораздо более эффективно, чем весь Запад или любая другая страна мира» [Галенович 2010].

Анализируя политику экспансии Китая в ЮВА, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН профессор Д.В. Мосяков убежден, что «руководство КНР последовательно и настойчиво, на протяжении уже многих лет ищет пути для восстановления исторических позиций Китая в этом регионе мира, утраченных в колониальный период истории ЮВА. Цель этих усилий очевидна — добиться исторического реванша именно в ЮВА как на территории, прилегающей к китайской границе, и как в “историческом” регионе китайского верховенства, там, где отступление Китая в XIX и в начале XX в. было для него особенно жестким и болезненным» [Мосяков 2012].

Не исключено, что определенная часть китайского руководства и преисполнена такими эмоциями и устремлениями, но прагматичные политики в XXI в. все-таки руководствуются не эмоциями, а трезвым пониманием реальностей и цены, которую придется заплатить за плохо просчитанные авантюры.

Тем не менее в создавшейся тогда обстановке приведенное выше высказывание одного из главных руководителей КПК Дай Бинго о «ключевом интересе» Китая в ЮКМ было воспринято наблюдателями однозначно как классификация исключительной важности проблем ЮКМ. В январе 2011 г. «Жэньминь жибао» провела социологический опрос среди своих читателей на тему, надо ли считать суверенитет Китая в ЮКМ «ключевым интересом» страны? Из 4300 ответивших 97% сказали «да» [Zhu Feng 2011].

Однако из правительственных заявлений этот термин вскоре все-таки исчез. В последнее время вместо него употребляется только выражение «неоспоримый суверенитет Китая» над всем ЮКМ. Наблюдатели посчитали это определенным снижением тона ведущейся публично кампании в связи с неблагоприятной реакцией на нее в соседних странах.

В высших военных кругах Китая применяют оба этих термина — «ключевой интерес» и «неоспоримый суверенитет». Естественно, что они не могут не замечать все более масштабные военные учения, которые все чаще проводят ВМС и ВВС Филиппин, Таиланда, Сингапура с участием кораблей и авиации США, а в форме штабных учений и Вьетнам. Они не без оснований считают их направленными против Китая. Поэтому Китай постоянно и тщательно следит за отношениями между претендующими странами и США, за их попытками использовать США как противовес усиливающемуся влиянию Китая в ЮКМ, а значит и во всем АТР.

По словам австралийского эксперта К. Тэйера, китайские военные якобы говорили своим американским собеседникам о двух случаях, при которых ЮКМ действительно превратится в «ключевой вопрос» для Китая. Это — перекрытие Малаккского пролива и возвращение американских ВМС и ВВС на старые базы в Южном Вьетнаме и на Филиппинах. Но и среди военных, по его словам, были отмечены некоторые высказывания о том, что Китай пока не готов отстаивать все свои «ключевые интересы» одновременно, а некоторые считают, что лучшее время для решения территориальных споров вообще уже упущено, и теперь их

надо решать только дипломатическими средствами, но «сохраняя порох сухим» [Thayer 2012 (2)].

Оставляя в стороне дипломатическую игру в термины и приоритеты, можно выделить действительно важные национальные интересы Китая в ЮКМ как в **военно-стратегической** области, так и в таких областях, как обеспечение **энергетической безопасности** за счет диверсификации поставок и эксплуатации разведанных о предполагаемых запасах углеводородов; поддержание **продовольственной безопасности** за счет богатейших биоресурсов ЮКМ; обеспечение **транспортной безопасности** на важнейших морских коммуникациях в ЮКМ. Все вместе требует интенсивного развития торгового и военного флотов страны.

Эти интересы Китая неизбежно вступают в противоречие с не менее важными национальными интересами основных его соседей по ЮКМ, особенно Вьетнама, Филиппин, Малайзии, Индонезии и Брунея, что не исключает и совпадения их интересов в обеспечении свободы навигации, поддержания мира и стабильности в регионе, сотрудничества в обеспечении «нетрадиционной безопасности», сохранении и приумножении биоресурсов, защите окружающей среды и других областях.

В силу определенной закрытости страны состояние преобладающего общественного мнения в Китае для большинства зарубежных аналитиков — это terra incognita. Но упоминавшийся выше известный китайский ученый-международник профессор Су Хао в ноябре 2010 г. на 2-й конференции в Ханое рассказал, что в разгар пропагандистской кампании вокруг проблем ЮКМ китайская газета на английском языке «Глобал таймс» провела опрос среди своих читателей в семи крупнейших городах страны. Был задан вопрос: «Что вы считаете главной целью Китая в ближайшие 10–20 лет?». Значительное большинство читателей (а это владеющие английским, образованные и обеспеченные люди) выбрали ответ «Ускорение экономического развития и строительство современной державы», а вовсе не другой предлагавшийся вариант ответа, а именно «Решительный ответ на спор из-за островов и защита морского пространства страны» [Su Hao, Ren Yuan-zhe 2011: 17]. Таково, по словам профессора, было преобладающее общественное мнение в Китае, и нет оснований этому не верить.

Изменения в официальной политической фразеологии показывают, какое место проблемы ЮКМ занимают в главных приоритетах внешней политики Китая в АТР. Здесь четко прослеживаются два направления: восточное и южное, причем приоритетным является восточное направление, включающее Тайвань и Японию. Это подтверждается и последними событиями в китайско-японском споре из-за островов в Восточно-Китайском море. На южном направлении, с которым связаны интересы Китая в более отдаленной перспективе, как ожидается, будет осуществляться стратегия стабилизации отношений с соседними странами и создания мирной обстановки вокруг Китая с упором на дипломатию и решение проблемы использования природных ресурсов моря путем налаживания взаимовыгодного сотрудничества по принципу win-win, т. е. на основе взаимной выгоды.

Это не исключает периодической демонстрации всем участникам спора, кто «в этом море хозяин». Военно-политическая линия Китая, убежден академик М.Л. Титаренко, в целом предсказуема и нацелена на выигрыш во времени для

накопления сил и превращение Китая в мировую державу первого ранга. Конкретные же цели Пекина состоят в достижении признания мировым сообществом территориальной целостности Китая и его юрисдикции над Тайванем, Тибетом, Синьцзяном, а также *особых прав КНР в акватории ЮКМ; в достижении согласия стран-соседей с китайскими подходами в спорах с США и Западом в целом, а также отказом от участия в антикитайских коалициях и от военного противостояния Китаю* (выделение и курсив мой. — Г.Л.) [Титаренко 2008: 442–443].

Южно-Китайское море сквозь призму отношений Китая с США

Для Китая США являются единственной страной, которая может оказать серьезное влияние на его фундаментальные интересы. Поэтому в Пекине тщательно отслеживают каждый шаг США в их глобальной и региональной политике и соответственно корректируют свою собственную, в том числе и в регионе ЮКМ.

Одним из существенных факторов усилившейся напряженности в ЮКМ стало усиление американского военного присутствия в регионе. Дислокация вооруженных сил США в непосредственной близости от Китая, особенно на Окинаве, в Южной Корее, на о. Гуам и в других местах, как и нарастающая мощь 7-го Тихоокеанского флота США, естественно, означают для китайского руководства и для многих китайцев вообще желание США сдержать или ограничить подъем Китая. И это независимо от того, что заявляют в Вашингтоне и считается ли он американцами «стратегическим партнером» или «стратегическим соперником». То же самое относится и к растущему военному сотрудничеству США со странами по всей морской периферии Китая — Японией, Южной Кореей, Тайванем, Вьетнамом, Филиппинами и Сингапуром, в котором Пекин видит плохо скрываемое желание «окружить» Китай американскими военными базами.

ЮКМ — это первый регион, где Китай бросил вызов региональному доминированию США. По большому счету, китайские власти имеют полное право спросить, а почему, собственно, США должны доминировать в ЮКМ. Как бы реагировали США, если бы Китай предъявил претензии на доминирование в Мексиканском заливе и начал бы выражать особую заботу о свободе судоходства в этом регионе?

Проблема свободы судоходства вышла на первый план в связи с упоминавшимся выше инцидентом с американским кораблем акустической разведки *Impressable*. Он вел наблюдение за китайскими подводными лодками, действующими с недавно построенной базы Юлин в бухте Ялонг. Госдеп и Пентагон утверждали тогда и продолжают так считать сегодня, что ведение разведки фрегатом ВМФ США отвечает условиям Конвенции 1982 г. относительно «мирного прохода». Правда, эту Конвенцию США, хотя и подписали, но до сих пор так и не ратифицировали. Попытка провести ее через Сенат летом 2012 г. была провалена голосами сенаторов-республиканцев. Тем не менее администрация США неизменно ссылается именно на нее в усилиях доказать свое право на свободу любой

деятельности американских военных кораблей в ИЭЗ других прибрежных государств.

На протесты США Китай авторитетно заявил, что весь поднятый в США шум не имеет никакого отношения к свободе судоходства. 70 тысяч торговых судов ежегодно проходят по ЮКМ, и им никто не мешает и мешать не собирается. Но Китай, как и соседние Индия и Малайзия, категорически утверждает, что режим ИЭЗ не разрешает ведения в ней военной разведки, чем занимался фрегат *Impressable*. Кстати, Вьетнам поддержал в этом Китай, а Филиппины и Сингапур были против этих аргументов.

Китай указывал, что США вообще не имеют никакого права ссылаться на не ратифицированную ими Конвенцию по морскому праву 1982 г., тем более что ведение разведки в ИЭЗ прибрежного государства никак не подпадает под ее действие. Понятие «мирный проход» в ней действительно есть и разрешается, но это ни в коем случае не предусматривает ведение разведки. К тому же, по мнению КНР, проход военных кораблей требует обязательного предварительного уведомления и согласия прибрежного государства. Этого в Конвенции на самом деле нет, но при подписании ее шесть государств, в том числе тогда Советский Союз, Китай, Индия, Малайзия, Нигерия и Перу, сделали соответствующую оговорку¹⁸.

В развернувшейся тогда полемике американские военные эксперты договорились до того, что сбор разведывательной информации якобы преследует чисто оборонительные цели, а следовательно, не нарушает условия «мирного прохода». За пределами 12-мильной зоны территориальных вод, по их мнению, военные корабли США вольны делать все, что захотят, включая ведение разведки и проведение учений.

Тогда и после этого Китай неоднократно заявлял, что он уважает свободу судоходства по основным коммуникациям ЮКМ, и заверял страны региона, что не предпримет никаких шагов, препятствующих свободе навигации даже в спорных районах ЮКМ. Он действительно ни разу не вмешивался в прохождение иностранных торговых судов. Но военные корабли — это все-таки другое дело. Торговое судоходство ни разу не было ограничено ни для одной страны. Прибрежные страны АСЕАН вместе с Китаем, США, Японией и другими их партнерами уже много лет ведут совместную борьбу с пиратством, оказывая друг другу всевозможную помощь.

Чего требует Китай от США? Во-первых, соблюдения установленных им правил «мирного прохода» как в территориальных водах, так и в ИЭЗ, а во-вторых, предварительного уведомления в случае прохода военных судов. Хотя этого нет в Конвенции 1982 г., но Китай ссылается при этом на имеющийся прецедент в международной практике, а именно на то, что такая договоренность о взаимных уведомлениях и получении согласия между СССР и США была и действовала на протяжении многих лет холодной войны [Агафонов 2004].

Весь 2010 г. характеризовался ухудшением китайско-американских отношений после объявления в январе администрацией США решения о продаже вооружений Тайваню. Тогда же США заняли более жесткую позицию в отношении

¹⁸ Подробнее см.: [Агафонов 2004: 74–75].

действий Китая в ЮКМ. На XVII форуме АРФ в Ханое в июле 2010 г. разразился скандал между министром иностранных дел КНР Ян Цзечи и госсекретарем США Х. Клинтон. Во время заседания китайский министр даже демонстративно вышел из зала во время выступления Х. Клинтон. Он обвинил ее в попытках чуть ли не сколотить заговор против КНР. Она выступила с обвинениями в его адрес. Но главное было в том, что Х. Клинтон нарушила конфиденциальность дискуссий АРФ и на следующий день все изложила журналистам. Она, в частности, заявила: «США, как и любая другая страна, имеют национальный интерес в том, чтобы была обеспечена свобода мореплавания, открыт доступ к морским коммуникациям в Азии и уважалось международное право в Южно-Китайском море. Мы разделяем эту заинтересованность не только со странами АСЕАН и участниками АРФ, но и со всеми морскими государствами, и со всем мировым сообществом»¹⁹.

Характерно, что в ответ китайские СМИ обрушились не на США, а на Вьетнам, Филиппины и даже Малайзию, которые, мол, хотят видеть США в роли балансирующей силы против Китая и добиваются, чтобы они сохраняли ощутимое военное присутствие в ЮКМ и имели больше веса в спорах по вопросам суверенитета.

Китай неизменно стремился и стремится отвлечь страны АСЕАН от опоры на США. Его всегда беспокоило военное сотрудничество США с Таиландом, Филиппинами, Сингапуром и Малайзией, а в последние годы с Индонезией и особенно с Вьетнамом. Китайские политики и многие ученые с трибун различных форумов постоянно указывают, что США надо бы подальше держаться от ЮКМ. Так, 22 июня 2011 г. перед вторым раундом американо-китайских консультаций по проблемам АТР заместитель министра обороны КНР Цуй Тянькай заявил на пресс-конференции в Вашингтоне, что США не являются государством Южно-Китайского моря, претендующим на суверенитет. Поэтому им лучше всего оставаться подальше от этих споров. И при этом добавил: «Я думаю, что некоторые претендующие здесь на суверенитет страны играют с огнем и надеются, что в этом им помогут США. Я надеюсь, что США не поддадутся на эти попытки некоторых своих друзей»²⁰.

Вмешательство США в узел противоречий в ЮКМ стало фактом после того, как сначала госсекретарь США Х. Клинтон на форуме АРФ в июле 2010 г., а за ней министр обороны Л. Паннетта на встрече министров обороны стран АСЕАН и восьми партнеров по диалогу (АММД+8) в Ханое в октябре и, наконец, сам президент Б. Обама в ноябре 2011 г. на саммите Восточноазиатского сообщества на о. Бали дали понять Китаю, что в этом вопросе США фактически встают на сторону государств АСЕАН, так же как в какой-то мере и на сторону Японии в ее споре с Китаем за острова в Восточно-Китайском море. Это было сделано в довольно туманной и двусмысленной форме, но Китай для себя вывод сделал — американцы в этом споре против него. Более того, в Пекине справедливо усмотрели в этом дальний стратегический расчет: использовать споры в ЮКМ для усиления военного присутствия США в западной части Тихого океана.

¹⁹ Цит по: Radio Free Asia. 18.07.2010.

²⁰ Цит по: URL:www.vietnamnet.vn/2011-10-26

Это никак не могло понравиться китайским лидерам. Их тревога по поводу политики сдерживания со стороны США снова усилилась, а своих оппонентов в ЮКМ они стали рассматривать как пособников США в этих «коварных замыслах». «Глобал таймс» опубликовала одну гневную статью за другой, в которых не раз пугала соседей тем, что «Китай никогда не откажется от своего права на защиту своих ключевых интересов военными средствами»²¹.

В течение 2011 г. Китай провел четыре крупнейших учения своих ВМС, в ходе которых показал возможности развернуть на длительный срок значительные силы у архипелага Спратли и далее на юг до самого Малаккского пролива. Его флотилия в ЮКМ была усилена введением в строй атомной подводной лодки и размещением самолетов-амфибий на базе ВВС на острове Хайнань [Кобзарь 2011].

Наблюдатели обратили внимание и на то, что на острове Хайнань в бухте Ялунвань недалеко от города Санья Китай создает крупную базу для атомных подводных лодок. Считается, что это будет крупнейшая в мире подобная база. В акватории острова были замечены, по меньшей мере, две китайские атомные субмарины и новейшая стратегическая АПЛ типа «094» (класса «Цзинь»), которая способна нести до 12 межконтинентальных баллистических ракет с дальностью полета 8 тыс. км [Там же].

Военный бюджет 2012 г., как следует из заявления премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на открытии сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 2012 г., был определен в размере 100 млрд долл. США, что на 11,2% больше бюджета прошедшего года²².

США ответили на это расширением своих позиций на о. Гуам, договоренностями с Сингапуром и Австралией, которые предоставили им свои военные базы, развертыванием более половины своих противолодочных кораблей в АТР, в том числе 18 на базе Перл Харбор и 13 на о. Гуам. В это же время США разместили в АТР три атомные подлодки класса «Огайо» со 154 неядерными ракетами «Томагавк» на каждой. В целом США развернули в АТР столь значительные силы своих ВМС, с которыми китайский ВМФ и близко не может сравниться [Thayer 2012 (2)].

Известно, что отношения Китая с США — это постоянное сотрудничество-соперничество. Пока все проблемы концентрируются в западной части Тихого океана. На другие регионы мира у Китая сил еще нет. Китай, как утверждали многие китайские эксперты на прошедших международных конференциях, наращивает мощь не потому, что собирается напасть на США или установить свою гегемонию в АТР. Он делает это в целях уменьшения своей уязвимости для возможных попыток со стороны США так называемого сдерживания или контроля с целью недопущения к важнейшим источникам ресурсов, а также для предотвращения возможного отделения Тайваня навсегда. Тайвань — главный стимул модернизации вооруженных сил Китая, которые еще сильно отстают от других развитых государств, особенно США.

ЮКМ в будущем вполне может стать узловым пунктом китайско-американского стратегического соперничества. В китайской пропаганде продолжается де-

²¹ The New York Times. 2011, March 30.

²² «Голос Америки» на вьет. яз. 06.03.2012.

монизация США. Китайские руководители не поддались так называемой обамании, охватившей в первое время после его избрания многие страны Азии и Африки. Объявленное «возвращение» США в Азию интерпретируется ими не иначе, как стратегический курс на «сдерживание» Китая, как бы против этого ни возражали американские политики.

Не вызвало в Китае большой радости и принятое под давлением АСЕАН решение пригласить в Восточноазиатский саммит (ВАС) США и Россию в качестве полноправных участников. Там не без оснований восприняли это как угрозу своей концепции регионализма в Восточной Азии в формате АСЕАН+3 (Китай, Япония и Южная Корея) и поддержку стран ЮВА в споре за суверенитет в ЮКМ, что фактически подтвердилось в заявлениях Б. Обамы на саммите ВАС в ноябре 2011 г.

Китай, похоже, стремится превратить ЮКМ в опорный стратегический плацдарм в процессе своего становления в качестве великой морской державы. Однако в новых международных условиях, при возросшей зависимости от источников импорта энергоресурсов через Малаккский пролив и с учетом нынешнего положения в самом Китае ему будет крайне трудно применить силу для решения споров в ЮКМ. Весьма сомнительно и нет никаких весомых признаков того, что новое поколение высших руководителей партии и государства, «заступившее на вахту» в 2012 г., будет придерживаться архаичных представлений о мире и мировой политике, принятых в прошлые века. Они имеют четкое понимание пределов применения силы и вряд ли пойдут на какие-либо авантюры.

Выступая на пресс-конференции в кулуарах прошедшей в марте 2012 г. сессии Всекитайского собрания народных представителей, министр иностранных дел КНР Ян Цзечи вновь заявил: «Мы готовы работать вместе с США и другими государствами региона для того, чтобы превратить АТР в еще более стабильный и развитый регион. Но одновременно мы надеемся на то, что США будут уважать наши ключевые интересы и считаться с опасениями Китая». При этом министр говорил только о Тайване и Тибете. Он также призвал увеличить обмен делегациями на высоком уровне и вырабатывать «стратегическое доверие друг к другу, снимать возникающие препятствия и открывать новые перспективы». Касаясь отношений с США, китайский министр заявил, что они «успешно развиваются» и что Пекин приветствует «конструктивную роль США в регионе»²³.

Можно усомниться в искренности этих оценок, но по всем признакам Китай не желает никаких провокаций в отношении США, хотя и категорически отвергает любые их предлоги для вмешательства в его споры с соседями по ЮКМ.

В октябре 2010 г. на встрече министров обороны АСЕАН+8 (Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия, США и Россия) Китай объявил о снятии моратория на военные контакты с США, и уже 14–15 октября того же года на Гавайях стороны обсуждали вопросы безопасности на море. Отношения явно вновь наладились в преддверии состоявшегося весной 2011 г. визита Генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Ху Цзиньтао в США. В мае-июне 2011 г. на Гавайях Китай и США вновь провели консультации по проблемам АТР. Содержание их осталось закрытым, но в СМИ просочились сведе-

²³ Агентство Синьхуа. 06.03.2012.

ния о том, что стороны договорились избегать эскалации напряженности на данном этапе. Так или иначе, но обстановка в ЮКМ с этого времени начала постепенно меняться в лучшую сторону, хотя, как показано выше, не надолго.

Итак, ясно, что в настоящее время две державы — Китай и США — играют решающую роль в формировании системы безопасности в АТР, и, как результат, их отношения являются ключевыми для сохранения мира и в ЮКМ. Несмотря на все двусторонние проблемы между ними, нет оснований полагать, что их отношения в обозримый период станут настолько неуправляемыми, что взорвут мир и стабильность в этом регионе.

Политика «трех нет» и ее эволюция

В начале 21-го столетия, задолго до рассматриваемого раунда напряженности в ЮКМ некоторые наблюдатели предсказывали, что в отношении островов Спратли и всего ЮКМ Китай и дальше будет стремиться к «китаецентричному разрешению всех территориальных споров». Это предполагало, по их мнению, отказ от стратегии малых уступок или отсрочки решения наиболее существенных разногласий. Региональные конкуренты должны будут либо согласиться с требованиями Китая, либо оказаться перед лицом вооруженной дипломатии или прямого применения военной силы.

Но другие, как представляется, более компетентные эксперты, в их числе один из самых авторитетных китаистов ИДВ РАН доктор исторических наук Я.М. Бергер, считают, что наличие собственных проблем и неоднозначная реакция в мире на успехи КНР позволяют предполагать, что в достижении собственных геополитических целей Пекин будет придерживаться тактики балансирования и прагматичной внешнеполитической линии, а вероятность вооруженного конфликта в ЮКМ, инициированного Китаем, как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективе останется низкой [Бергер 2006]. Надо отдать должное этим предвидениям, которые, в конце концов, подтвердились, несмотря на все волнения прошедшего раунда напряженности в регионе в 2012 г.

Все мероприятия в рамках многосторонних институтов, начиная с принятия Декларации 2002 г. и до саммита АСЕАН в Ханое в октябре 2010 г., осуществлялись по такому пути, который диктовался Китаем. И они приносили результат только тогда, когда это было выгодно Китаю, и если они учитывали все его оговорки по ключевым вопросам. Но и Китай проявлял немало гибкости при своем подходе к многосторонним институтам. Так что известный «метод АСЕАН» (ASEAN Way) не всегда противоречил «методу Китая», а иногда даже совпадал с ним...

Политика Китая до последнего времени сводилась к принципу «трех нет», что означает:

- нет — интернационализации конфликта;
- нет — многосторонним переговорам и любым международным структурам;
- нет — спецификации и обозначению территориальных требований в ЮКМ.

Со стороны Китая неизменно оказывалось самое жесткое сопротивление любой попытке интернационализировать решение конфликта вовлечением внерегиональных государств или позволить какому-либо региональному органу (например, АСЕАН+1 или АСЕАН+3), не говоря уже об АРФ, а тем более ООН или Международном суде ООН, вмешаться в это дело. Пекин постоянно заявлял, что будет обсуждать все споры в ЮКМ только на двусторонней основе, индивидуально с каждым из заинтересованных государств. Очевидно, что Китай не желает лишиться своих преимуществ на переговорах с партнерами, которые во всех отношениях намного слабее, и у каждого имеются свои специфические интересы в отношениях с ним.

После заметного ужесточения позиций в 2009–2011 гг., а также на прошедших саммитах АСЕАН в Ханое и на о. Бали Китай убедился, что взятый им курс наносит немалый ущерб его политике «мягкой силы» в отношении стран ЮВА и толкает их «под защиту» США, чем некоторые не преминули воспользоваться. Со второй половины 2011 г. он заметно снизил тональность своих заявлений и согласился на рассмотрение ряда вопросов региона на многосторонних переговорах с АСЕАН, от чего много лет категорически отказывался.

Ужесточение позиции Китая и его попытки утвердить свой суверенитет на акваторию ЮКМ подняли вопрос о безопасности для всех прибрежных государств, как и для всех пользователей морскими коммуникациями в этом регионе. Обеспечение безопасности в ЮКМ, независимо от желания или нежелания кого-либо, превратилось в международную проблему, которой так или иначе пришлось заняться всем заинтересованным странам в многостороннем порядке.

К лету 2011 г. в результате эскалации напряженности в ЮКМ Китай явно оказался в изоляции в регионе. К тому же его жесткий ответ на заявления Х. Клинтон, состоявший из едва прикрытых угроз своим соседям, по мнению многих наблюдателей, явился лишь добавлением к серии дипломатических ошибок, которые были допущены им в 2010 г. [Pei Minxin 2011 (1)]

Как только в Китае почувствовали, что своими заявлениями и действиями в ЮКМ китайские политики сами дали толчок формированию некоего пока еще довольно эфемерного антикитайского фронта, то тут же резко снизили тон своей риторики.

На прошедших в 2011 г. встречах на всех уровнях позиция Китая определялась рядом новых факторов.

Во-первых, сильно изменилась международная и региональная обстановка. Саммит ВАС с участием США и России означал, что Китай уже не был монополистом в отношениях с АСЕАН.

Во-вторых, предстояла смена председательства в АСЕАН и переход его к более зависимым от Китая странам — Камбодже, а после Брунея — к Мьянме и Лаосу.

В-третьих, в 2012 г. исполнилось 20 лет со дня установления сотрудничества Китая с АСЕАН, но разгоревшийся спор между ними грозил выходом из-под контроля. Доверие вновь оказалось подорвано. Декларация 2002 г. за 10 лет не принесла никаких успехов на этом пути. Обе стороны явно нуждались в каких-то шагах, способных открыть новый этап в отношениях.

И, наконец, в-четвертых, в отношениях с США также стало необходимым определенное снижение напряженности по сравнению с 2011 г. США столкнулись с серьезными экономическими трудностями, но и Китаю была необходима большая стабильность на внешнеполитическом фронте.

В этих условиях Китай был вынужден прибегнуть к дипломатическому маневрированию, попытавшись ограничить нанесенный ему ущерб согласием на принятие в июле 2011 г. министрами иностранных дел АСЕАН и Китая Директив по выполнению Декларации 2002 г. о поведении сторон в ЮКМ, на возобновление заседаний совместной рабочей группы АСЕАН — Китай по этой проблеме, а также на подготовку юридически обязывающего Кодекса поведения сторон в ЮКМ вместо Декларации 2002 г.

На 17-м форуме АРФ 2011 г. китайский министр иностранных дел Ян Цзечи внес пять предложений по решению проблем ЮКМ.

1. Все страны региона должны учитывать ситуацию и общие интересы, когда имеют дело с особо чувствительными для других проблемами, и всегда сохранять мир и стабильность в регионе.

2. Они должны разработать и принять новую концепцию безопасности, добиваясь сотрудничества, а не конфронтации, уважать и учитывать ключевые интересы друг друга и общей безопасности.

3. Страны ЮВА должны уважать друг друга, укреплять взаимное политическое доверие, развивать и укреплять здоровые и стабильные отношения.

4. Они должны проявлять сдержанность, когда возникают споры, и улаживать их мирными средствами.

5. Они могли бы использовать многосторонние механизмы, такие как ШОС, АРФ и шестисторонние переговоры по корейскому вопросу, для содействия общим интересам и общей безопасности²⁴.

Здесь новым и самым важным был пункт 5, где китайский министр предложил использовать многосторонние механизмы обеспечения безопасности в АТР, включая и ШОС, что означало подключение России и стран Центральной Азии, а при упоминании шестисторонних переговоров по Корее подразумевалось участие еще и США, Японии и Южной Кореи. Это был серьезный шаг назад, который, правда, не получил тогда никакой поддержки других участников АРФ.

После 19-го саммита АСЕАН на о. Бали в ноябре 2011 г. Китай занял выжидательную позицию. Многие наблюдатели увидели в этом большой успех США и даже решили, что Китай испытал самое серьезное стратегическое поражение в регионе за последние годы и вынужден был отступить [Pei Minxin 2011 (2)]. Но они поторопились. Во-первых, диалог — это не синоним успеха. Нередко он лишь дает другой стороне передышку, чтобы укрепить позиции и превратить их в свершившийся факт. Во-вторых, диалог о будущем Кодексе не затрагивает главного — проблем суверенитета. Так что китайское руководство взяло паузу, чтобы, в конечном счете, вернуть все на свои места.

Отношения Китая с АСЕАН остаются сложным переплетением конкуренции и сотрудничества в борьбе за рынки сбыта и иностранные инвестиции. Террито-

²⁴ Агентство Синьхуа. 18.07.2011.

риальная проблема в ЮКМ не создает угрозы безопасности Китая, но представляет собой серьезный вызов реализации китайской стратегии экономической интеграции со странами АСЕАН.

Новый подход, который в 2011 г. начал демонстрировать Китай, не значил, что отныне все легко и быстро решат свои исторические споры. Но он говорил о том, что Китай вновь начал уделять больше внимания своим долгосрочным стратегическим интересам в ЮВА и пытается найти решение на основе ставшего традиционным для его внешней политики принципа гармонизации противоречий и поиска обоюдно выгод (win-win).

Однако развитие событий, как было показано выше, пошло в другом направлении. Непосредственное включение сил ВМФ НОАК в регулирование и предотвращение инцидентов в ЮКМ означает важное изменение политики Китая. Особого внимания заслуживает то, что решение о размещении гарнизона на Парасельских островах и создание военного командования во вновь созданной префектуре Саньша было принято Центральной военной комиссией — высшим органом руководства военной политикой в КПК.

Возможные амбиции китайских военных в ЮКМ сдерживаются его более широкими экономическими, политическими и дипломатическими интересами в АТР. Они, вероятно, без особых усилий могли бы оккупировать все спорные районы в ЮКМ, но не могут этого сделать без большого и, возможно, невосполнимого ущерба интересам страны в мире. Ибо в этой ситуации Китай будет выглядеть агрессором и нарушителем всех своих обязательств по многосторонним и двусторонним договорам. Все усилия руководства представить Китай ответственным членом мирового сообщества, «мирно поднимающейся державой» пойдут прахом в тот же день. И даже если его действия не выйдут за рамки островов и никто из других стран не будет в это вмешиваться, Китай окажется в полной изоляции и в состоянии «холодной войны» с США, их союзниками и партнерами в АТР да и во всем мире.

Итак, можно констатировать, что Китай упорно настаивает на том, чтобы путем двусторонних переговоров со всеми заинтересованными прибрежными странами разрешить споры между ними о суверенитете в ЮКМ. А до того, как эти споры будут улажены, они могли бы, как предлагал еще Дэн Сяопин, «отложить свои разногласия ради совместного развития». Руководители КНР не раз заявляли, что Китай придает первостепенное значение свободе и безопасности судоходства в ЮКМ. Они всегда настаивали на том, что свобода судоходства должна быть обеспечена, и выражали готовность к сотрудничеству в этой сфере со всеми прибрежными государствами. Другими словами, они в той или иной форме обязывались обеспечить свободу судоходства, которой так озабочены США, но категорически возражали и продолжают возражать против военной активности Вашингтона вблизи своих границ и вовлечения в споры о суверенитете в ЮКМ.

Представляется на будущее, что Китай, оставаясь на своей позиции «трех нет», будет твердо стоять на первом из них — на недопущении интернационализации конфликта в смысле вовлечения в спор внерегиональных держав. Но он оставит некоторые возможности для более гибкого подхода к двум другим «нет», согла-

сившись на проведение многосторонних переговоров с АСЕАН по многим проблемам навигации и морепользования, не относящимся к суверенитету.

Китай, по мнению некоторых наблюдателей, оказался на перепутье двух дорог: внутривосточное положение требует отстаивать свои претензии на острова, но, с другой стороны, не менее привлекательным является курс на то, чтобы ограничить претензии прибрежных государств на базе Конвенции 1982 г. по морскому праву и добиться максимальных выгод для себя. Сейчас трудно сдвинуться с места, не отказавшись от «линии U». Но это трудно только в атмосфере искусственно нагнетаемого национализма. Если и когда он будет взят под контроль, компромисс, без сомнения, будет найден. Специфика Китая, как известно, — это неразрывность внешней и внутренней политики, подчиненность первой целям внутреннего развития. Прошедший в ноябре 2012 г. XVIII съезд КПК и его решения явно направлены прежде всего на решение назревших внутренних проблем развития страны, что позволяет рассчитывать на то, что внешняя политика Китая при новом руководстве принципиально останется без изменений или даже будет более умеренной, более гибкой, с большим акцентом на «мягкую силу».

ЮКМ И НОВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА США

Если действия Китая в ЮКМ в значительной мере продиктованы стремлением устранить свою стратегическую уязвимость с моря, то США, наоборот, пытаются всячески вернуть и сохранить свое доминирующее положение в западной части Тихого океана. США как единственно оставшаяся глобальная сверхдержава имеет прямые государственные интересы в ЮКМ во многих областях, в том числе:

- в поддержании управляемого США порядка на море, включая международное морское право в соответствии с их собственной интерпретацией, особенно в том, что они считают свободой навигации, имея в виду неограниченную свободу действий своих ВМС;
- в защите интересов своих союзников, особенно в отношении стратегических морских коммуникаций для Японии, Южной Кореи, Тайваня и Филиппин;
- в контроле за стремительным рывком Китая в модернизации своих ВМС с тем, чтобы этот рывок не опрокинул нынешнюю систему, в которой доминируют США;
- защита интересов американских нефтяных и газовых корпораций в регионе.

В настоящей главе рассматривается политика США в ЮКМ в свете этих интересов и провозглашенной президентом Б. Обамой в 2011 г. новой стратегической доктрины «возвращения» в АТР, а также в связи с американо-китайским соперничеством в юго-западной части этого региона.

Второй фронт в войне против мирового терроризма

После окончания войны во Вьетнаме ЮВА долго не занимала сколько-нибудь заметного места в стратегических планах США в контексте проблем безопасности

в АТР. Это выразилось как в сокращении ими своего военного присутствия, так и в отстраненности от территориальных споров в регионе. США вывели свои войска и отказались от баз в Таиланде в 70-е и на Филиппинах в начале 90-х годов прошлого века. Позиция США по территориальным спорам в это время была аналогична позиции по Тайваню, с тем лишь исключением, что у США не было ни перед кем обязательства прийти на помощь в случае конфликта.

В целом после окончания холодной войны и распада СССР США, опираясь на свои значительные возможности, вполне могли себе позволить серьезное сокращение военного присутствия в регионе без опасений за свои интересы. Их военное присутствие в ЮВА по-прежнему прочно базировалось на доминирующем потенциале 7-го Тихоокеанского флота, корабли которого патрулировали важнейшие морские коммуникации и время от времени проводили совместные учения с ВМС некоторых стран АСЕАН. Но центр тяжести их политики надолго переместился на Ближний и Средний Восток.

В отношениях между США и АСЕАН в период 1990-х годов наблюдался заметный спад. Правящие элиты государств ЮВА (в большинстве — тоталитарных и авторитарных) не могли устроить мессианские попытки американцев принудительно насадить демократию американского образца по всему миру. Идеологические разногласия дополнялись несопадением экономических интересов. Для этих стран была сомнительна и опасна начавшаяся глобализация по американскому сценарию. В США, в свою очередь, настороженно относились к начавшейся как бы в ответ региональной интеграции под эгидой АСЕАН, которая была альтернативой инициированной президентом Б. Клинтоном кампании за полную либерализацию торговли и инвестиций под эгидой АТЭС.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне стали важным переломным моментом в отношениях США и АСЕАН. В основе усиления внимания США к странам АСЕАН было установленное американской разведкой наличие в некоторых из них широкой сети террористических исламских организаций, непосредственно связанных с «Аль-Каидой». По мнению аналитиков Совета национальной безопасности США, граждане и территории нескольких государств региона — Малайзии, Индонезии, Таиланда и Филиппин — были активно задействованы в планах «Аль-Каиды» [Сенин 2010: 194]. После крупного теракта на о. Бали в 2002 г. ЮВА была отведена роль второго по значимости (после Афганистана) фронта в глобальной войне с терроризмом.

Менее чем через год, 1 августа 2002 г. США и АСЕАН приняли совместную Декларацию о борьбе с терроризмом. Она предусматривала обмен разведывательной информацией и данными о финансировании террористической деятельности, усиление контактов правоохранительных органов, расширение американской поддержки соответствующих тренировочных и образовательных программ в странах АСЕАН, регулярные консультации между руководителями, аналитиками и оперативными сотрудниками спецслужб, проведение совместных операций и другие мероприятия. С этого времени США начали постепенно возвращать своих военных советников в Таиланд, на Филиппины и в другие страны ЮВА для подготовки военных кадров, а также принимать курсантов из этих стран в свои учебные заведения. Особое внимание уделялось совместной борьбе с морским

пиратством. Из 40 учений, проведенных США вместе с вооруженными силами стран Азии в 2001–2008 гг., около 70% приходится на ЮКМ [Там же: 195].

События 11 сентября 2001 г., вызвавшие повышение интереса США к региону и оживление контактов со странами АСЕАН, вывели политическое сотрудничество с ними из многолетнего оцепенения. Однако направление, в котором оно стало развиваться, а именно восстановление полномасштабных военно-политических связей преимущественно на двусторонней основе и не со всеми, не отвечало главным и долгосрочным интересам стран АСЕАН, нуждавшимся, прежде всего, в экономическом партнерстве и содействии в решении неотложных проблем самого существования этих государств.

Длительное время администрации Б. Клинтона и Дж. Буша недооценивали и асеановский вектор дипломатии КНР, сделавшей ставку в 1997–1998 гг. на активную поддержку процессов экономической интеграции и регионализации, причем это происходило в разгар спровоцированного в основном США финансового кризиса в Азии, когда только Китай и Япония помогли странам ЮВА избежать катастрофы. Китай, приняв правила игры АСЕАН и признав ее роль в интеграционных процессах в ЮВА, перехватил у США стратегическую инициативу в регионе.

За 10 лет после 2001 г. США потеряли многие свои позиции. Они еще оставались главным инвестором с объемом инвестиций в 2008 г. в 153,3 млрд долл., что на 74 млрд больше, чем у Японии, и на 107,6 млрд больше Китая. Но если в 2004–2008 гг. США еще были главным торговым партнером АСЕАН с объемом товарооборота более 200 млрд долл., то уже в 2010 г. их место занял Китай с объемом двусторонней торговли со странами АСЕАН в 293 млрд долл. [Murray 2011].

За это время страны АСЕАН заключили соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ) с Китаем, Японией, Южной Кореей, Австралией, Новой Зеландией и Индией. США имели только одно такое соглашение — с Сингапуром. Результатом стала потеря позиций и ослабление присутствия США на самых динамично развивавшихся рынках. Игнорирование и относительное пренебрежение регионом со стороны США обошлось им потерей рабочих мест, снижением роста экономики и ослаблением влияния.

До 2009 г. между США и Китаем в ЮВА, по мнению вьетнамских ученых, особенно внимательно отслеживающих их отношения, не было признаков сколько-нибудь активного сотрудничества. Но и открытого проявления соперничества тоже не наблюдалось [Tran Khanh 2008: 13]. Китай промолчал, когда США, рассматривая ЮВА как второй фронт в объявленной ими глобальной войне против терроризма, оказали существенную военную помощь Филиппинам, Индонезии и Таиланду в подавлении очагов исламского терроризма и сепаратизма. Со своей стороны, США не возражали против формирования Китаем в процессе экономической интеграции в регионе таких объединений, как АСЕАН+1, АСЕАН+3 и ВАС, в которых Китай играл фактически руководящую роль, а США не было вообще. Китайские политики признавали, что некоторые меры США против пиратства в ЮКМ отвечали интересам Китая тоже. В целом в регионе установился определенный стратегический баланс между США и Китаем с учетом главных интересов друг друга.

Но немалая часть политического истеблишмента США и тогда призывала к бдительности в отношении Китая, неизменно видя в нем «стратегического соперника». Точно так же и в Китае далеко не все были склонны к «мягкой политике» по отношению к США.

«Стратегический разворот» в АТР

С начала XXI в. политика США в ЮВА все более определяется соперничеством с Китаем и во многом зависит от колебаний и меняющихся тенденций в американско-китайских отношениях. Стремление Пекина к односторонним преимуществам в ЮКМ за счет ущемления интересов соседей вызвало опасения в США, поскольку их главные политические и экономические интересы, прежде всего, обеспечение надежных морских коммуникаций через проливы, как и судьба всего их военного присутствия в Восточной Азии, сохранение режима нераспространения ядерного оружия, защита экономических интересов и др., явно зависели от отношений с Китаем и могли быть реализованы, как считает профессор Я.М. Бергер, только если они не вступят в противоречие с предпочтениями Китая [Бергер 2006].

США остаются крупнейшим политическим, экономическим и стратегическим игроком в Азии, но прямолинейная и односторонняя политика администрации Дж. Буша-мл. способствовала росту антиамериканских и паназиатских настроений в некоторых странах АСЕАН, особенно в Малайзии. С победой на выборах 2008 г. Б. Обамы по странам ЮВА, как и по многим другим, прокатилась волна ожиданий — так называемая обамамания. Но выражалась она не в желании наращивания американского военного присутствия в регионе, а в надеждах на то, что США предложат им, наконец, такую программу сотрудничества, которая позволит пережить неумолимо надвигающийся мировой экономический кризис и решить самые острые и болезненные проблемы региона, повысит качество жизни и поможет одолеть нищету, в которой там живут многие миллионы людей. Но после первого срока администрации Б. Обамы эти ожидания в основном пока так и остались ожиданиями.

Еще в ходе его первой предвыборной кампании 2008 г. в США разгорелась оживленная дискуссия между Белым домом, Конгрессом и экспертным сообществом о будущем отношении США к важнейшим интеграционным процессам в «Большой Восточной Азии» и усиливающейся в них роли Китая. Для всех участников дискуссии было очевидно, что дальнейшее игнорирование этих процессов, отмечавшееся за все время пребывания Дж. Буша у власти, может привести к необратимой потере контроля Вашингтона над развитием ситуации во всем АТР. В опубликованном в декабре 2008 г. докладе Центра стратегических и международных исследований (CSIS) по итогам международной конференции «Соединенные Штаты и Юго-Восточная Азия: к стратегии повышенной вовлеченности» [The United States...2008], как и в ряде других предложений экспертного сообщества, появившихся в начале срока администрации Б. Обамы, содержался настоя-

чивый призыв к осознанию роли США в регионе как страны-резидента. Эксперты предлагали сделать упор на «умную силу» — стратегию, в которой оптимально сочетались бы «жесткая сила» всего военного и экономического потенциала США с «мягкой силой» публичной дипломатии.

В предложенной крупнейшими экспертами программе действий намечалось углубление и расширение всех проходивших тогда переговорных процессов с государствами региона, активное вовлечение их политических элит в экономическое и культурное сотрудничество, инвестирование в профессиональное образование, участие в решении экологических проблем (особенно в бассейне реки Меконг). Эксперты советовали активно поддержать процесс интеграции под руководством АСЕАН после вступления в силу принятой в 2008 г. Хартии АСЕАН и найти способ участия в саммитах Восточноазиатского сообщества (ВАС). В целом эта программа призывала к постоянному вниманию на высоком уровне к АСЕАН и регионализму в Восточной Азии [Сенин 2010: 213].

С приходом к власти в 2008 г. Б. Обама приступил к постепенному пересмотру политики США в АТР, и как показали дальнейшие события, предложенная экспертами программа начала постепенно реализовываться. Повышение роли АСЕАН в иерархии внешнеполитических приоритетов США отчетливо проявилось уже в феврале 2009 г., когда Индонезия стала второй после Японии страной (впереди Китая и Южной Кореи) в первой зарубежной миссии Х. Клинтон в качестве государственного секретаря, когда она прежде всего нанесла визит в Секретариат АСЕАН в Джакарте. И это был первый за 32 года визит туда высокопоставленного политического деятеля США.

Администрация Б. Обамы пошла на подписание Договора о дружбе и сотрудничестве (ТАС) 1976 г.²⁵, от чего США всячески уклонялись тридцать лет. США назначили своего постоянного представителя при Секретариате АСЕАН и возобновили участие государственного секретаря в сессиях АРФ, куда ее предшественница К. Райс до этого не заглядывала уже несколько лет. Х. Клинтон выразила готовность США участвовать в проекте совместного развития бассейна реки Меконг. В 2011 г. Б. Обама трижды встречался с лидерами АСЕАН. Он сделал ряд громких заявлений о том, что США «возвращаются» в АТР. И самое главное — он поддержал АСЕАН в его руководящей роли в процессах интеграции в Восточной Азии.

При этом Обама, по мнению некоторых наблюдателей, не переиграл. США встали на сторону тех или иных претендентов в территориальном споре в ЮКМ. Но они активно поддерживали требование не применять силу и угрозу силой (что было обращено, естественно, к Китаю). США поддерживали призыв соблюдать нормы международного права и особенно Конвенцию ООН 1982 г., сделав акцент на свободе мореплавания в ЮКМ и полетов в воздушном пространстве над ним, что тоже было обращено к Китаю в первую очередь. Правда, Б. Обама до лета 2012 г. не представлял Конвенцию на ратификацию в Сенат, хотя об этом не раз

²⁵ Более 30 лет США воздерживались от подписания этого договора, налагающего на всех участников обязательство не применять силу и не угрожать ее применением в отношениях со странами региона.

заявляли его министры Х. Клинтон и Л. Паннета, а также некоторые сенаторы, но ратифицировать ее ему так и не удалось из-за возражений республиканцев²⁶.

Тем не менее все это вместе дало основание многим другим американским экспертам высказать мнение, что Б. Обама все-таки переиграл и слишком очевидно продемонстрировал, что США выступают на стороне малых и средних государств ЮВА в их споре с Китаем. Там, во всяком случае, именно так это и было воспринято.

Если Китай с начала 1990-х годов делает главный акцент в отношениях со странами АСЕАН на экономическое сотрудничество, то США концентрируют свои усилия на обеспечении региональной стабильности и безопасности. Во всех последних выступлениях ведущие политики США утверждают, что их главный интерес состоит в сохранении свободы судоходства, открытого доступа к морским коммуникациям и уважении международного права в ЮКМ. Провозглашая свой нейтралитет в отношении претензий каждой страны на суверенитет в том или ином районе ЮКМ, американские политики называют его «активным нейтралитетом». Они считают, что их озабоченность потенциально возможным разрывом морских коммуникаций никак не может быть интерпретирована как попытка «сдерживания» Китая. Но при этом они замалчивают то, что речь идет не о торговом судоходстве, а о свободе действий ВМФ США в исключительных экономических зонах других государств, прежде всего Китая.

Политика США в регионе характеризуется тремя основными отличиями.

1. США не высказывают позиций относительно правовых оснований соперничающих притязаний прибрежных государств на суверенитет в ЮКМ.

2. Сохранение свободы навигации — фундаментальный национальный интерес США, **в собственной, специфически имперской интерпретации** (выделено мной. — Г.Л.).

3. Прибрежные государства не могут ограничивать разведывательную деятельность американских ВМС в своих исключительных экономических зонах (ИЭЗ).

США рассчитывают обеспечить для себя свободу действий в ЮКМ путем укрепления своих военных союзов, повышения оборонного потенциала союзников и неуклонного наращивания собственного военного присутствия в регионе. Из семи действующих военных союзов с участием США пять приходятся на Восточную и Юго-Восточную Азию: американо-японский договор безопасности, договор с Южной Кореей, реанимированный договор Австралия — Новая Зеландия — США (АНЗЮС), оборонные договоры с Филиппинами и Таиландом.

²⁶ В 1982 г. президент Р. Рейган под давлением крупнейших энергетических компаний отказался вносить на ратификацию только что заключенную Конвенцию. США не соглашались с тем, чтобы глубоководное бурение согласовывалось с Международной комиссией по морскому дну. Тем не менее Рейган предписал своей администрации соблюдать все другие положения Конвенции. Последующие президенты так и не внесли ее на ратификацию в Сенат. При обсуждении Конвенции в июле 2012 г. сенаторы-республиканцы утверждали, что все права на свободу мореплавания для флота США зависят не от «бумажных договоров, подписываемых в ООН», а от силы американских ВМС.

В июне 2010 г., выступая на Диалоге Шангри-ла в Сингапуре²⁷, тогдашний министр обороны США Р. Гэйтс заявил: «Наша политика ясна: необходимо, чтобы стабильность, свобода судоходства и беспрепятственное экономическое развитие были сохранены и обеспечены. Мы не встаем на сторону ни одного спорящего государства, но мы против применения силы и таких действий, которые препятствуют свободе судоходства. Мы возражаем против любых попыток запугать корпорации США или других стран, занятых там легальной экономической деятельностью. Все стороны должны вместе разрешить свои разногласия путем мирных, многосторонних усилий, соответствующих общепринятым нормам международного права...»²⁸.

Через пару лет ему вторил уже новый министр обороны США Л. Паннетта на встрече коллег в формате АСЕАН+8 на Бали в октябре 2011 г. Он подтвердил уже известную позицию, что США не занимают чью-либо сторону в территориальных спорах и что национальный интерес США состоит в обеспечении свободы судоходства на морских коммуникациях в ЮКМ. Но при этом он также выразил надежду, что в интересах мирного решения проблемы все стороны *«уточняют свои претензии»* (выделение и курсив мой. — Г.Л.) в соответствии с нормами международного права и при уважении Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.»²⁹. И это всеми было понято уже как прямой намек на «линию U» Китая.

Особое внимание во всем мире привлекла опубликованная в октябре 2011 г. в журнале *Foreign Policy* программная статья Х. Клинтон «Тихоокеанский век США», в которой она ясно обозначила намерение США обновить свои экономические, политические и военные обязательства в регионе. Она представила активную политику укрепления двусторонних военных союзов, установления широкого военного присутствия, участия в многосторонних военных институтах, увеличения торговли и инвестиций, укрепления отношений с растущими региональными державами, включая Китай, и «на закуску» — всемерное продвижение прав человека и демократии. Все это вместе представлялось ею как «стратегический разворот в АТР», который, как она пишет, «логично вписывается в наши глобальные усилия обеспечить и удерживать глобальное лидерство Америки» [Clinton 2011].

Эта статья была воспринята в мире как конкретный план будущих действий Б. Обамы в случае его переизбрания на второй срок. В момент, когда американские вооруженные силы покидали Ирак и приступили к постепенной эвакуации из Афганистана, США решили переориентировать свою политику безопасности на Азию. И это широко подавалось под громким девизом «возвращения США в АТР».

Кампания за «возвращение» США в АТР особенно усилилась после первого выступления Б. Обамы на Восточноазиатском саммите на Бали 14 ноября 2011 г., где он заявил: «Хотя мы не являемся участниками споров в ЮКМ и не поддерживаем ни одну из сторон, мы в качестве морской державы, торгующего государства

²⁷ Ежегодно проходящие неформальные встречи военных и политических деятелей стран АСЕАН и партнеров по диалогу в гостинице «Шангри-ла» в Сингапуре.

²⁸ URL: www.defense.gov/Speeches/2010-June 5

²⁹ URL: www.Vietnamnet.vn/26.10.11.

и гаранта безопасности в АТР имеем значительный интерес в сохранении безопасности морского судоходства вообще и в разрешении проблемы ЮКМ, в частности»³⁰. Это и стало одной из главных внешнеполитических тем предвыборной кампании Б. Обамы 2012 г.

Любопытно, что китайский премьер Вэнь Цзябао тогда не вступил в полемику с президентом США, и его ответ был, по мнению американских официальных лиц, достаточно «позитивным в том смысле, что он воздержался от употребления многих воинственных тирад, присущих привычным пропагандистским штампам, часто произносившимся китайскими деятелями на публике». Он ограничился лишь указанием на то, что саммит ВАС — это не то место, где следует вести дискуссию об этом, и что Китай делает все возможное для обеспечения свободы и безопасности морских путей³¹.

Зато агентство Синьхуа отреагировало на выступление Б. Обамы пространственным комментарием под характерным заголовком: «АТР нуждается в партнере, а не в лидере». Трудно представить, говорилось в нем, на какое «лидерство» надеются США в регионе. То, что ему нужно на самом деле — и именно сейчас — это «сильный и надежный партнер, который поможет региону избавиться от нынешнего финансового кризиса и добиться устойчивого и сбалансированного роста». Подтекст был в том, что «лидерство» в АТР сегодня означает для США попытку «сдерживания» Китая. Но для США и для всего мира было бы гораздо лучше, если бы они поставили на первое место глобальные экономические проблемы в партнерстве с Китаем вместо того, чтобы пытаться вытеснить его, создавая дорогой и контрпродуктивный антикитайский блок³².

Многие наблюдатели справедливо замечали, что объявленную США перегруппировку сил вряд ли можно назвать «возвращением» в АТР, так как США никогда оттуда и не уходили. Американские вооруженные силы и так были более чем представлены в АТР. Там постоянно находится две трети американского ВМФ, а также 40 тыс. солдат и офицеров в Японии, 28 тыс. в Южной Корее и около 5 тыс. на о. Гуам³³. И сокращения их явно не предвидится.

При всех намеченных сокращениях военных расходов США неизменно заявляют, что это не касается планов усиления их военного присутствия в АТР. Выступая на специальном симпозиуме в Совете безопасности США в январе 2012 г., командующий ВМС США адмирал Джонатан Гринерт (Jonathan Greenert), в частности, отметил, что в западной части Тихого океана постоянно дежурят 25 военных кораблей с 30 тыс. моряков. «Тихоокеанская Азия, — сказал он, — есть и будет регионом приоритетных интересов США. Поэтому сокращения военного бюджета не коснутся деятельности ВМС в Восточной Азии».

В 2010–2011 гг. США добились более широкого доступа к портовым сооружениям Вьетнама, Сингапура и Северной Австралии. Самым последним шагом стало принятое в ноябре 2011 г. решение разместить для начала 500 морских пехо-

³⁰ Time. 19.11.2011.

³¹ Radio Free Asia. 29.12.2011.

³² Агентство Синьхуа. 19.11.2011.

³³ См. примеч. 32.

тинцев на северном побережье Австралии в г. Дарвине, имея в виду увеличение этого контингента в будущем до 2,5 тыс. Это, конечно, имело скорее символическое значение как сигнал Китаю. Но тем самым США все-таки обозначили свое военное присутствие как в южной части Тихого океана, так и в восточной части Индийского океана, а именно — в Сингапуре, где они получили согласие на базирование новейших боевых кораблей для действий в прибрежной зоне на сингапурской базе ВМС Чанги. Вместе с уже существующими базами США в Японии, на о. Гуам и с договором с Филиппинами, по которому войска могут пребывать там «по приглашению», Пентагон фактически создал заградительный кордон для потенциальной экспансии Китая в западной части Тихого океана.

Размещение морских пехотинцев на севере Австралии стало первым расширением военного присутствия США в АТР после войны во Вьетнаме. Однако в целом США не стремятся размещать свои базы в странах ЮВА, как это было раньше. Они предпочитают более дешевое многостороннее сотрудничество со странами АСЕАН в целях использования, при необходимости, имеющихся у них баз ВМС и ВВС.

Австралия и Сингапур находятся все-таки далеко от потенциального противника, а значение проливов в ЮКМ настолько велико для США, что им необходима более тесная координация со странами региона, и потому они пытаются выстроить военное партнерство с Вьетнамом, Филиппинами и Индонезией. Это для них тем более важно, что в Индонезии сохраняется угроза радикального исламского терроризма, а на Филиппинах продолжается война с мятежными островами с мусульманским населением. Не ликвидирована до конца и угроза пиратства в регионе.

В связи с этим США усилили свое участие в региональных мероприятиях по безопасности. Наряду с ежегодными военными учениями «Золотая кобра» у берегов Таиланда они активизировали военное сотрудничество с Малайзией, Сингапуром, Филиппинами и Индонезией. После 10-летнего запрета США возобновили сотрудничество с индонезийским спецназом. Они начали также небоевые (штабные) военные учения с Вьетнамом.

В регионе постепенно формируется и некий неформальный «альянс» Австралия — США — Япония. 9 июля 2011 г. у берегов Брунея прошли совместные учения их флотов. Такие учения вообще проходят уже с 2007 г., но на этот раз они впервые прошли в ЮКМ и справедливо восприняты наблюдателями также как сигнал Китаю. Вместе с тем эти учения вполне могут свидетельствовать о намерении создать многостороннюю структуру для совместных действий на случай угрозы судоходству в ЮКМ, основанную на военном сотрудничестве трех стран. Серьезным препятствием остаются некоторые статьи японской конституции, но жизненная заинтересованность Японии в поддержании свободной навигации в ЮКМ может перевесить все запреты.

В перспективе некоторые американские стратеги питают надежды вовлечь в этот союз и страны АСЕАН, переложив на них главную ответственность за поддержание безопасности в регионе при помощи и поддержке США. Особое значение при этом они отводят Индонезии как крупнейшему государству АСЕАН. Председатель Объединенного комитета начальников штабов США генерал Мартин Демпси в интервью своей пресс-службе в июне 2012 г. говорил, что в АТР

давно пора создать нечто подобное НАТО, но об этом должны попросить сами страны ЮВА. Необходимость же в такой организации, по его словам, велика, но пока ни одна страна региона с такой инициативой не выступала³⁴. Из этих слов отчетливо видно, чего ожидает от них высокопоставленный американский генерал.

Итак, если раньше военное присутствие США в Азии оправдывалось потребностями холодной войны, то теперь это мотивируется растущей мощью Китая. И Китай, и США считают свои усилия в ЮВА необходимыми не потому, что они замышляют войну друг с другом, а потому, что они стремятся защитить свои собственные фундаментальные интересы — безопасность для Китая и статус-кво для США. США считают себя именно страной статус-кво, защищающей сложившийся баланс сил в регионе. Китай же рассматривается ими как «ревизионистская» страна, т.е. недовольная существующим положением и добивающаяся перемен. Выступая в австралийском парламенте 18 ноября 2011 г., президент США Б. Обама подчеркнул: «Наши интересы диктуют необходимость нашего присутствия в этом регионе. США являются тихоокеанской державой, и мы останемся здесь»³⁵.

Контрнаступление через Транстихоокеанское партнерство

Изменение политики США в этой части АТР не в последнюю очередь связано и с их экономическими интересами. По мере своего возвышения Китай не только успешно интегрировался в мировую экономику, но и стал опасным конкурентом традиционных лидеров на региональном рынке ЮВА. Но США, как и другие традиционные лидеры в торговле (Япония и ЕС), вовсе не желают уступать Китаю подконтрольное им рыночное пространство, усиливают на него конкурентное давление, в частности, путем формирования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) и создания торгового блока в виде так называемого Транстихоокеанского партнерства (ТТП).

Сейчас в АТР противостоят друг другу два проекта. Один, ранее инициированный Австралией и США проект создания ТТП на базе торгового договора о полной либерализации торговли и инвестиций, поддерживаемый уже 12 государствами АТР, и другой — создание Зоны свободной торговли в формате АСЕАН+3, за который выступает Китай. Второй проект имеет много ограничений и строится по образцу ЗСТ Китай — АСЕАН (CAFTA). Он сохраняет много исключений из общего списка товаров, не облагаемых пошлинами, ряд обязывающих ограничений в отношении инвестиций, не обеспечивает защиту интеллектуальной собственности, охрану окружающей среды и пр. Зато эта группировка не включает ни США, ни Тайвань³⁶.

За первый срок администрации Обамы США так и не заключили ни одного соглашения о свободной торговле со странами АСЕАН, за исключением Синга-

³⁴ Цит. по: [Khanh Vu Duc 2012].

³⁵ Цит. по: URL: www.americandiplomacy.org

³⁶ Подробнее см.: [Локшин 2012].

пура. А в это время они подписали уже десятки таких соглашений с другими партнерами и прежде всего с Китаем.

Поэтому США решили привлечь все эти страны в формирующийся торговый блок — Транстихоокеанское партнерство (ТТП). На саммите АТЭС в Гонолулу в октябре 2011 г. Обама повел экономическое контрнаступление на Китай именно на этом направлении, предложив подписать соглашение с 10 экономиками³⁷ (Австралия, Бруней, Малайзия, Новая Зеландия, Перу, Чили, Сингапур, Вьетнам, Тайвань и США). К переговорам о ТТП решили присоединиться Япония, Канада и Мексика. По разным причинам там отсутствуют Россия, Китай, Индонезия, Южная Корея и ряд других государств АТР. По прогнозам, объем торговли в рамках ТТП составит порядка 650 млрд долл. Лидирующие позиции в новом интеграционном объединении займут США и Япония. Цель состоит в том, чтобы предоставить больше преимуществ на рынках своим союзникам и партнерам, но без Китая. ТТП подрывает значение ЗСТ АСЕАН — Китай, начавшей действовать с 2010 г. Оно позволит США и Японии в какой-то мере сдерживать рост экономического влияния Китая в ЮВА и в будущем расстроить механизм САФТА. ТТП подрывает также механизм политических консультаций в рамках объединений АСЕАН+1 и АСЕАН+3, а участие в ТТП таких стран, как Малайзия, Сингапур, Вьетнам и Бруней, создает систему политических консультаций, альтернативную АСЕАН. И все это должно подтвердить, что США действительно вернулись в АТР опять в роли экономического лидера.

Несмотря на все проведенные экономические реформы, коммунистический Китай воспринимается ими не как «свой», а как потенциально опасный «чужой», хотя и не такой страшный, как бывший Советский Союз. Ради этого, как считает известный российский китаист В.В. Михеев, допускается и использование неэкономических (политических, идеологических, военных) механизмов конкурентной борьбы в целях ослабления мировых позиций Китая как нового крупного игрока в мировой экономике и политике [Китай... 2005: 11].

«Регион добивается нашего лидерства, — утверждала в упомянутой выше статье в *Foreign Policy* Х. Клинтон, — и хочет видеть наш бизнес, возможно, больше, чем когда-либо в новейшей истории. Мы являемся единственной державой с сетью прочных союзов в регионе, не имеющей никаких территориальных амбиций и с большим списком действий на общее благо. Вместе с нашими союзниками мы десятилетиями поддерживали региональную безопасность, патрулируя азиатские морские пути и сохраняя стабильность, что создавало условия для экономического роста. Мы помогли интегрировать миллиарды людей этого региона в мировую экономику, подняв их производительность, социальное обеспечение и создав связи между народами. Мы — главный торговый и инвестиционный партнер, источник инноваций, которыми пользуются трудящиеся и бизнесмены на обоих берегах океана. Мы принимаем ежегодно по 350 тыс. студентов из стран Азии. Мы выступаем за открытый рынок и в защиту прав человека» [Clinton 2011]. В день прибытия на Бали для участия в Восточноазиатском саммите 14 ноября 2011 г. Б. Обама принял участие в церемонии подписания контракта на закупку

³⁷ В АТЭС представлены не государства, а экономики.

Индонезией 230 самолетов «Боинг 737» стоимостью в 23 млрд долл. При этом с индонезийской стороны высказывалось пожелание приобрести в будущем еще 150 таких машин, что поднимет стоимость контракта до 35 млрд долл. И это будет самый крупный контракт для такого гиганта, как концерн «Боинг», который призван продемонстрировать курс администрации Б. Обамы на максимальное использование открывающихся возможностей в АТР³⁸.

Первым зарубежным визитом Б. Обамы после переизбрания на второй срок стала его поездка в Пномпень для участия в Восточноазиатском саммите, который проходил 20 ноября 2012 г., как обычно, после очередного саммита АСЕАН. Свое выступление на этой встрече он в значительной мере посвятил убеждению ряда сомневающихся членов АСЕАН в необходимости присоединения к Транстихоокеанскому партнерству. Однако это не вызвало ожидаемого отклика, так как буквально за день до того они договорились форсировать создание Всеобъемлющего экономического партнерства на базе группировки АСЕАН+3. Многие наблюдатели сочли этот факт первым серьезным поражением американской политики в ЮВА после смены руководства в Китае и президентских выборов в США.

Сотрудничество с позиции силы

Решимость Америки сохранить Восточную Азию в качестве одного из главных приоритетов своей внешней политики, естественно, не может понравиться Китаю. Но и рассматривать все эти заявления Б. Обамы и других политиков США как какие-то решительные шаги по «сдерживанию» Китая тоже было бы сильным преувеличением. В них не было особой враждебности по отношению к Китаю. Б. Обама не раз повторял, в том числе и на саммите ВАС на Бали, что США остаются верны всем своим обязательствам перед Китаем. Все это выглядит пока, скорее, как прелюдия к вопросу, удастся ли США и Китаю выработать некий *modus vivendi* в отношениях между собой в АТР.

Американский исследовательский Центр за новую безопасность США опубликовал в январе 2012 г. доклад о роли Китая и США в ЮКМ под названием «Сотрудничество с позиции силы: США, Китай и Южно-Китайское море». Доклад не содержит больших открытий, но привлек внимание тем, что создателем этого Центра и одним из авторов доклада является Курт Кэмпбэл, занимающий ныне пост помощника госсекретаря США по делам Азии и АТР. Авторы предсказывают, что в наступившем десятилетии вызов для США состоит в том, как сохранить установившийся традиционный принцип свободы судоходства и реагировать на растущую мощь Китая. Они призвали Вашингтон проводить в ЮКМ «политику сотрудничества с позиции силы, чтобы избежать конфликта и защитить свободу судоходства и независимость малых государств региона», для чего предлагалось сделать пять шагов:

- исходить из того, что сохранение мира и безопасности в ЮКМ является самой приоритетной задачей политики безопасности и дипломатии США, выстро-

³⁸Le Monde. 18 Novembre 2011.

ить многосторонние структуры, *избегая при этом действий, способных вызвать гнев Китая* (выделение и курсив мой. — Г.Л.);

- не сокращать количество боевых кораблей до 250, как намечено предложенными Б. Обамой сокращениями военного бюджета, а наоборот, довести его до 346;

- расширить сеть стратегических партнеров США в ЮВА. Долгосрочной целью должно стать создание военного союза — нечто вроде азиатской модели НАТО;

- содействовать развитию экономического сотрудничества, сосредоточиться на расширении торговли. Всеми способами способствовать региональной экономической интеграции и связей региона с США;

- в отношении Китая сочетать экономическое и дипломатическое сотрудничество с наличием у США мощной армии и постоянно растущей экономики, которые позволят избегать вооруженных столкновений, но не допускать дипломатической капитуляции³⁹.

Как говорится также в одном из недавних исследований, проведенных влиятельной корпорацией «РЭНД» (RAND Corporation), «США, дабы избежать военного столкновения с Китаем, выбрали для себя параллельную стратегию укрепления обороноспособности его соседей с одновременным вовлечением Китая в различные структуры сотрудничества в обеспечении безопасности, которые соответствуют интересам обеих стран». Эксперты РЭНД пришли к выводу, что любой военный конфликт с Китаем будет иметь катастрофические последствия для обеих сторон. К счастью, считают они, американо-китайский конфликт вряд ли случится, пока США будут сохранять способность удерживать Китай от такого поведения, которое могло бы привести к их столкновению. Самым важным сдерживающим фактором они считают сложившуюся экономическую взаимозависимость США и Китая. Значительно более опасным местом для конфликта с Китаем они считают Северную Корею, но не Южно-Китайское море⁴⁰.

Опыт свидетельствует, что рекомендации РЭНД никогда не остаются без внимания администраций США. Это вновь подтверждают их практические действия в ЮВА. Как рассказал министр обороны США Л. Паннетта, выступая на 11-м Диалоге Шангри-ла в Сингапуре 1 июня 2012 г., США решили до 2020 г. переместить часть своих боевых кораблей и ВМС из Атлантики в Тихий океан, доведя соотношение между ними до уровня 40:60 вместо нынешнего 50:50. К этому времени США будут иметь там шесть авианосцев, большую часть своих крейсеров и эсминцев, подводных лодок и кораблей ближнего действия. Туда же планируется переместить значительную часть бомбардировочной авиации дальнего действия, новейших радаров и средств ПВО, включая ракеты. Одновременно планируется увеличить количество совместных учений, визитов военных кораблей в порты стран АТР и других видов военного сотрудничества с ними⁴¹.

³⁹ ВВС на вьет. яз. 11.01.2012.

⁴⁰ Цит. по: URL: http://csis.org/home_publications_content

⁴¹ ВВС на вьет. яз. 02.06.2012.

При всем многообразии мнений и прогнозов относительно политики США в зоне ЮКМ можно выделить три основных направления. Доминирующим является рассмотрение всех проблем ЮКМ через призму американо-китайских отношений, их содержания и преобладающих тенденций. Это, прежде всего, свойственно официальным лицам, озабоченным важнейшими стратегическими интересами США в Восточной Азии и растущими возможностями китайского ВМФ.

Китайско-американские отношения — эта достаточно опасная смесь сотрудничества, вражды и соперничества — уже и без того перегружены многими сложными проблемами. США явно предпочли бы не добавлять сюда проблемы ЮКМ. Но вопросы безопасности в ЮКМ уже никак невозможно оторвать от отношений США и Китая в АТР в целом. С американской точки зрения, ответственность за снятие напряженности в ЮКМ полностью ложится на Китай, и потому США попробовали устроить Китаю на первом же саммите ВАС с их участием на о. Бали в ноябре 2011 г. нечто вроде коллективной засады и продемонстрировать ему возникшую политическую изоляцию в регионе. Но Китай продолжает держаться своего проверенного метода «разделяй и властвуй» в курсе на двусторонние переговоры по вопросам суверенитета с каждым из претендующих государств в отдельности и игнорирует требование предоставления неких особых прав американцам.

Другие заинтересованные политики и эксперты рассматривают ЮКМ главным образом как составную часть отношений США со странами АСЕАН и подчеркивают необходимость того, чтобы союзники и друзья воспринимали США как надежного партнера, на поддержку которого можно полагаться. «Американцы, — писал недавно Збигнев Бжезинский, — должны принять реальность поднимающегося Китая. Но они также должны выстроить свои военные союзы так, чтобы сохранить баланс сил и управляемость» [Brzezinski 2012].

Как говорил, выступая в июне 2012 г. на симпозиуме в вашингтонском Центре стратегических и международных исследований (CSIS), влиятельный сенатор-республиканец Дж. Либерман, «если всего пару лет назад в Вашингтоне очень мало кто тратил время и обращал внимание на Южно-Китайское море, то сейчас все изменилось. Сегодня об этом говорят повсюду — от партийных фракций конгресса до администрации президента, понимая, что там находятся исключительно важные государственные интересы США». ЮКМ, по его словам, не главное в отношениях США с Китаем. Это — дело Китая с его соседями. Но поведение Китая сильно влияет на США и другие страны в мире. Поэтому его и надо рассматривать с этой точки зрения. Все, что там происходит, касается каждого человека на Земле⁴².

США хотели бы повысить роль АСЕАН в ЮВА, укрепить ее статус и заверить своих союзников, что США остаются вовлеченными в дела региона. Они стараются быть особенно внимательными к Индонезии, Малайзии и Филиппинам. Всеми средствами Вашингтон старается поддерживать их усилия по внедрению Кодекса поведения сторон в ЮКМ. Что же касается суверенитета на острова и границ ИЭЗ в ЮКМ, то этот вопрос США практически не интересует, пока споры

⁴² Radio Free Asia. 28.06.2012.

о них продолжают в мирной форме и пока это серьезно не угрожает американским нефтяным и газовым корпорациям в регионе.

И, наконец, третья группа, влияние которой в американских политических кругах растет, считает ЮКМ решающим звеном всей американской структуры безопасности в Азии, поскольку дистанция между Восточной и Юго-Восточной Азией становится все менее значимой. Стратегия США, по их мнению, тоже должна строиться в основном на сотрудничестве с Китаем и на включении его в различные международные структуры, но с сохранением за собой возможности «сдерживать Китай» в случае нарушения им интересов США. Ее еще называют «страхованием риска от неопределенности» (*hedging against uncertainty*). Они предлагают избегать провоцирования Китая, не раздражать его без нужды и всемерно развивать экономическое сотрудничество в регионе, сосредоточив внимание на свободной торговле. Для них очевидно, что пока в Китае будет сохраняться однопартийный режим власти КПК (а его падение явно не предвидится), доверия между США и Китаем не будет. Недостаток доверия может сделать сотрудничество трудным, но не обязательно ведет к конфликту.

Регулярные военные учения, которые США проводят в ЮКМ совместно со своими союзниками и партнерами, имеют явно антикитайскую направленность. Многие американские ученые и публицисты, особенно из среды национальных диаспор Вьетнама, Филиппин и других стран, ведут в американских и других СМИ активную кампанию за широкомасштабное вмешательство США в споры в ЮКМ. Но США — это преобладающая в военном отношении сила в АТР, и их силовое вмешательство создало бы крайне сложную ситуацию, о чем постоянно предупреждают многие авторитетные эксперты. Так, директор азиатских программ и вице-президент Фонда Карнеги, в прошлом один из руководителей Национального совета безопасности США Дуглас Паал, отвечая на вопрос одного из корреспондентов на пресс-конференции в фонде о том, действительно ли США пытаются создать некий щит против экспансии Китая в ЮКМ, сказал: «Нет, все это спекуляции. США не могут удерживать Китай вне этого моря или заставить его подчиняться. Мы должны работать с АСЕАН. У нас гигантски выгодные отношения с Китаем. И я даже не знаю таких мыслей в администрации Обамы» [Paal 2011 (2)].

Американские политики в целом с недоумением воспринимают упорство Китая в отстаивании своей «линии U», обозначившей их территориальные требования в ЮКМ. Мотивы действий Китая им неясны. Внутренний фактор тоже не очень понятен. В их глазах действия Китая являются контрпродуктивными по разным причинам. Во-первых, они скомпрометировали всю кампанию, проводившуюся Китаем в течение целого десятилетия упорных попыток предстать перед своими южными соседями в образе надежного друга и партнера. Во-вторых, они в определенной мере ускорили «возвращение США в Азию» при нынешней администрации Обамы. В-третьих, после почти целого десятилетия, когда напряженность в ЮКМ была ограничена, что позволило США и Китаю отвести на задний план проблемы традиционной безопасности в отношениях со странами ЮВА, эти действия Китая вновь подняли их значение в отношениях стран ЮВА с внерегиональными державами.

Некоторые американские эксперты высказывали догадки, будто китайское руководство таким способом испытывало решимость Б. Обамы защищать свои интересы в Азии. Так и не прояснив свои цели, но вызвав негативную реакцию общественного мнения, летом 2011 г. обе стороны приглушили свои противоречия и до времени снизили градус напряженности.

В 2010 г., когда США заняли более жесткую позицию в отношении действий Китая в ЮКМ, тревога китайских лидеров по поводу политики «сдерживания» со стороны США снова усилилась. Но эта политика США радикально отличалась от «сдерживания СССР». США — главный торговый партнер Китая. Все их университеты открыты для китайцев. Ежегодно там обучается 125 тыс. китайских студентов. «Сдерживать Китай, — писал в сингапурской газете «Стрейтс таймс» бывший помощник министра обороны США, а ныне профессор Гарвардского университета Джозеф Ней (кстати, автор термина «мягкая сила»), — сможет только сам Китай. Меньше всего США хотели бы новой холодной войны в Азии. Поворот Обамы в сторону Азии сигнализирует о признании огромного потенциала этого региона, а вовсе не является трубным призывом к сдерживанию»⁴³.

У китайцев свои интересы, и игнорировать их недальновидно и опрометчиво для ответственных политиков любой страны. Однако китайские претензии на морскую акваторию ЮКМ и толкование возникающих при этом интересов также являются источником трений с США, несмотря на разделяемую обеими державами заинтересованность в поддержании открытыми линий морских коммуникаций.

Вся ситуация в ЮКМ последнего времени демонстрирует трудную проблему, которая возникла в западной части Тихого океана, а именно: как вписать возросшие устремления и амбиции Китая в регион, где с конца холодной войны доминирующие позиции принадлежали США? Насколько будет велика решимость США сохранить это свое доминирующее положение в АТР? Пойдут ли они на то, чтобы через многосторонние форумы с участием всех вовлеченных сторон содействовать выработке каких-то общих для всех правил? От того, как будет решен этот вопрос, в конечном счете, зависит и сохранение мира между двумя берегами Тихого океана.

США и Китай, готовясь к предстоявшему в июле 2011 г. форуму АРФ и встрече министров иностранных дел на о. Бали, 25 июня на Гавайях провели «консультации по проблемам АТР». Это была уже новая форма согласования позиций, принятая после их диалога, который состоялся месяцем раньше в Вашингтоне. Отправляясь на Гавайи, китайский заместитель министра иностранных дел Цуй Тянькай сделал жесткое заявление против попыток США превратить двусторонние споры в ЮКМ в многосторонние. Однако после июньской встречи никаких ссылок на проблемы ЮКМ в прессе не было, а представитель США заявил лишь, что консультации были «открытыми, искренними и конструктивными». Последовавшие через несколько недель серьезные уступки Китая странам АСЕАН, по мнению Д. Паала, позволяли сделать вывод, что сторонам все-таки удалось достичь негласного и недвусмысленного взаимопонимания, чтобы временно отложить эскалацию конфликта, что и стало заметно с осени 2011 г. [Paal 2011 (1)].

⁴³ The Straits Times. 07.12.2011.

Конфликтная ситуация, спровоцированная многочисленными территориальными спорами Китая со своими соседями по региону, стала предметом переговоров госсекретаря США Х. Клинтон с ее китайским коллегой Ян Цзечи в кулуарах очередной конференции АРФ в Пномпене, а затем в сентябре 2012 г. во время ее официального визита в Китай накануне саммита АТЭС во Владивостоке.

Китай неоднократно выражал неудовольствие по поводу американского присутствия в ЮКМ. Но после встречи в Пномпене китайский министр иностранных дел заявил, что Пекин готов сотрудничать с Вашингтоном «с целью расширения взаимопонимания, взаимного уважения, преодоления противоречий по наиболее чувствительным проблемам и для развития отношений». Хиллари Клинтон тоже в примирительном тоне сообщила, что США и Китай не только способны, но и действительно будут сотрудничать. Вместе с тем она сказала, что разделяет озабоченность стран региона ростом конфронтации вокруг эксплуатации ресурсов Южно-Китайского моря. Призвав все заинтересованные страны воздержаться от угроз друг другу, Клинтон заявила о необходимости начала многосторонних дискуссий, нацеленных на урегулирование споров о праве вести хозяйственную деятельность в морских водах. По ее словам, попытки решать конфликтные ситуации на двусторонней основе, на чем настаивает Пекин, — это путь к неразберихе и даже к конфронтации. При этом Клинтон снова указала на нейтралитет США. «Соединенные Штаты, — заявила она в Пномпене, — не имеют территориальных претензий в Южно-Китайском море, и мы не встаем на чью-либо сторону в разногласиях о территориальных или морских границах. Однако мы принципиально заинтересованы в свободе судоходства, в поддержании мира и стабильности, в соблюдении международных законов и в беспрепятственной законной торговле. И мы считаем, что страны региона должны в духе сотрудничества работать над разрешением спорных вопросов без принуждения, запугивания, угроз и, разумеется, без применения силы» [Clinton 2012].

Первая зарубежная поездка президента США Б. Обамы после его переизбрания состоялась уже в ноябре 2012 г. в Пномпень на 7-й саммит Восточноазиатского сообщества (ВАС), а заодно и в соседние Мьянму, Таиланд и Лаос, где лидеры США вообще никогда не видели. Как и ожидалось, он встретился с тогда еще председателем Госсовета КНР Вэнь Цзябао и выразил намерение продолжать политику, которую он проводил в отношении Китая во время своего первого президентского срока. Суть этой политики в том, чтобы находить согласие и сотрудничать в вопросах общей заинтересованности и взаимной выгоды, а в вопросах, по которым имеются разногласия, пытаться смягчать напряженность и искать компромиссы. Это прежде всего вопросы торговли и безопасности.

Все последние месяцы 2012 г. госсекретарь США Х. Клинтон и министр обороны Л. Паннетта со всех трибун без устали уверяли Китай, что пресловутый «разворот» США в АТР вовсе не направлен на сдерживание его подъема. ВМС США тут же объявили, что с 2014 г. их крупнейшие маневры в Тихом океане Rim of the Pacific Exercise будут открыты и для военных кораблей Китая.

В правящих кругах США многие понимают, что жить придется рядом с сильным Китаем и в экономическом, и в военном отношении, и что весь регион, включая США, экономически зависит от Китая, впрочем, как и экономика Китая

зависит от США и других стран региона. Страны АСЕАН нуждаются в поддержке США, но и не хотят оказаться перед выбором между США и Китаем.

Пока очевидно, что затеваемая США игра в ЮКМ идет вовсе не ради региональной безопасности, а за собственную гегемонию в одном из весьма чувствительных мест Мирового океана. Их новая стратегия в АТР явно направлена на то, чтобы в определенной мере держать под контролем притязания Китая, и естественно, без Вьетнама в этой геополитической игре им не обойтись. Но подробнее об этом в следующей главе.

ВЬЕТНАМ: ТИРАНИЯ ГЕОГРАФИИ

Взвешенный и ответственный курс

Некоторые эксперты уподобляют географические контуры Китая на карте образу задиристого петуха с Кореей вместо клюва и с Вьетнамом вместо лап. Аналогия явно преувеличивает стратегическое значение Вьетнама для китайского благополучия, особенно в смысле его безопасности, но зато показывает, что Вьетнаму пришлось долгие годы жить с огромной тяжестью Китая на своих плечах. И поделаться с этим он ничего не может, даже если очень захочет.

Географически Вьетнам — это небольшая страна, живущая в тени своего гигантского соседа. Для большой страны свойственно оказывать влияние на меньшего соседа, как столь же естественно и для малой страны сопротивляться этому влиянию и сохранять свою независимость до тех пор, пока обе не достигнут взаимно удовлетворяющего положения. Вьетнам, по словам К. Тэйера, обречен на «тиранию географии», при которой у него нет выбора, кроме как научиться разделять судьбу с соседствующим Китаем на всех поворотах его истории.

Гигантский и многократно более мощный Китай всегда представлял самую серьезную угрозу безопасности Вьетнама⁴⁴. Он в 29 раз больше по площади, а население Вьетнама, хотя и приближается уже к 100 млн, равно населению одной средней провинции Китая. Несмотря на впечатляющие успехи Вьетнама, достигнутые за 26 лет политики «обновления и открытости», Китай своим мощным подъемом еще более увеличил разрыв в экономической и военной мощи между двумя странами. По официальным данным, военный бюджет Китая в 2011 г. был равен 91,5 млрд долл., тогда как Вьетнам показывал свои военные расходы в 3,2 млрд долл.

Китай уделяет Вьетнаму особое внимание в силу того, что он занимает важнейшую стратегическую позицию моста в ЮВА. К тому же это страна, во многом копирующая модель его социально-экономического развития, а потому успеш-

⁴⁴ С IX в. Вьетнам оказался под сюзеренитетом Китая почти на 1000 лет. До французской колонизации во второй половине XIX в. Китай не раз совершал вторжения и оккупацию Вьетнама. Но самым недавним свидетельством этого стала короткая, но кровопролитная война на северной границе Вьетнама в 1979 г. и нападение на вьетнамский гарнизон на Спратли в марте 1988 г.

ное развитие Вьетнама может стать существенным подтверждением «мягкой силы» Китая.

Провозгласив свои требования в ЮКМ в виде «линии U» или «коровьего языка», как ее называют во Вьетнаме, Китай оказывает непрерывное давление на Вьетнам всеми средствами. Китайское руководство не может установить там господство по типу средневекового вассалитета, но оно изыскивает множество способов влияния на его внешнюю и внутреннюю политику, вынуждая тем самым и другие страны ЮВА следовать за Вьетнамом. Поэтому не случайно именно Вьетнам стал главным объектом демонстративно ужесточившихся акций Китая в ЮКМ в 2009–2012 гг., хотя отдельные стычки между ними происходили там и раньше.

В поддержку своих требований Китай часто выдвигает утверждение, что появившаяся еще в 1947 г. «линия U» ни тогда, ни позже не вызвала возражений ни одного государства, а в отношении Вьетнама в Пекине часто ссылаются на ноту 1958 г. премьер-министра ДРВ Фам Ван Донга, адресованную правительству КНР. В ней он действительно подтвердил признание суверенитета КНР в существовавших тогда границах, т. е. уже после оккупации НОАК половины Парасельских островов, проведенной в 1954 г. накануне подписания Женевских соглашений по Индокитаю. Понятно, что в той ситуации, когда Вьетнам был разделен на две части и ДРВ вступила в тяжелую борьбу за воссоединение страны, опираясь на существенную поддержку и помощь КНР, ожидать противодействия Китаю с ее стороны было невозможно. Тем более, что острова, по Женевским соглашениям 1954 г., оставались под юрисдикцией Южного Вьетнама, где возникло другое государство. Это государство — Республика Вьетнам — никогда китайскую оккупацию островов не признавало. 2 июля 1976 г. произошло объединение двух государств в одно — Социалистическую Республику Вьетнам (СРВ), которое и стало правопреемником обоих прежде существовавших там государств — Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) и Республики Южный Вьетнам (РЮВ). На этом основании правительство СРВ считает, что широко используемая в китайской пропаганде нота Фам Ван Донга 1958 г. не имеет никакой юридической силы.

Позиция Вьетнама заключается в том, что Ханой «имеет достаточно исторических и законных оснований, подтверждающих его неоспоримый суверенитет над островами». Вьетнам требует от Китая «немедленно прекратить любые действия, ставящие под угрозу суверенитет СРВ над архипелагом Спратли и Парасельскими островами» в Южно-Китайском море. Указывая на проводимые китайскими исследовательскими судами морские геологические изыскания в районе островов, МИД СРВ неизменно заявляет, что подобные действия рассматриваются им как «нарушение суверенных прав Вьетнама на эти территории».

В этих условиях отношения с Китаем уже многие годы являются главным приоритетом внешней политики Вьетнама и официально имеют статус всеобъемлющего стратегического партнерства. Принципиальным отличием от отношений со всеми другими странами является **идеологическая близость двух правящих партий** — КПК и КПВ. По типу общественного развития Вьетнам однозначно позиционирует себя как социалистическое государство — одно из пяти оставшихся в мире. Курс на строительство социализма подтвержден прошедшим в январе 2011 г. XI съездом КПВ. Правда, вьетнамские идеологи считают, что их

страна находится сейчас в самой начальной стадии строительства социализма и будет в ней пребывать еще неопределенно долго.

Почти 30 лет назад вьетнамское руководство однозначно решило идти по китайскому пути реформирования экономики при тщательном сохранении политической стабильности и руководящей роли КПВ. Своей главной задачей оно считает постоянное совершенствование системы рыночной экономики, ориентированной на социализм. Ориентируясь во многом (но не во всем) на опыт КПК, вьетнамские руководители трансформировали КПВ из классово-партийной партии рабочих и крестьян в **партию всего народа**, взяв на вооружение формулу так называемого тройного представительства КПК, в соответствии с которой единолично правящая коммунистическая партия — это представитель самых передовых производительных сил, передовой культуры и коренных интересов народа страны. В руководстве КПВ хорошо понимают, что в случае каких-либо катаклизмов в Китае, которые могут повлечь крушение власти КПК, вьетнамским коммунистам тоже не устоять.

Идеологическая близость и сходство политического и общественного строя накладывают глубокий отпечаток на характер вьетнамо-китайских отношений. С 2008 г. после визита тогдашнего генерального секретаря ЦК КПВ Нонг Дык Маня в Китай стороны обозначают их как «партнерские отношения стратегического сотрудничества», выраженные в 16 «золотых иероглифах», означающих «добрососедство, всестороннее сотрудничество, долговременную стабильность, ориентацию в будущее», и в духе 4 «хорошо», что означает: «хорошие соседи, хорошие друзья, хорошие товарищи, хорошие партнеры» [Кобелев 2009: 335].

При всем этом в них постоянно существует видимый парадокс, понятие который можно только с учетом конфуцианской философии внешней политики, прежде всего Китая, но и Вьетнама тоже. Она неизменно строится на сочетании противоположностей, на гармонизации, с нашей точки зрения, негармонизируемого.

С одной стороны, обе правящие партии неизменно говорят о дружбе и братских отношениях, а с другой — они уже не первый год испытывают самые серьезные трудности и проблемы, вызванные спорами о суверенитете в ЮКМ.

25 сентября 2012 г. в интервью радио «Голос Америки» в Пекине после очередного (третьего) Диалога по стратегическим вопросам обороны между СРВ и КНР на уровне заместителей министров обороны генерал-полковник Нгуен Ти Винь говорил: «Мы должны всегда следовать, как по направлению компаса, указанию нашей партии и завету дядюшки Хо о том, что национальная независимость и социализм неразрывно связаны друг с другом. Только надежно защищая социалистический строй, можно сохранить суверенитет и независимость». И он же выразил уверенность, что «Вьетнам и Китай смогут разрешить свои споры, если обе страны убедятся в том, что идут по одному и тому же пути к подлинному социализму, который ни от кого не зависит, прочен и не подвержен никакому влиянию внешних факторов, хотя мы и живем в условиях глобализации и глубокой интеграции»⁴⁵. Отличающийся своими высказываниями и четкими форму-

⁴⁵ «Голос Америки» на вьет. яз. 25.09.2012.

лировками, генерал на этот раз тоже довольно точно выразил то, что думают, но не часто говорят почти все лидеры КПВ. Однако практика и исторический опыт самого Вьетнама пока отнюдь не подтверждают оба его тезиса.

Обстановка в ЮКМ подвела Вьетнам к положению, когда ему приходится вновь заняться серьезным укреплением национальной обороны и резким увеличением военных расходов. Он вынужден идти на все более широкое приобретение дорогостоящего современного вооружения, причем не только у России и Украины, как раньше, но и у многих других стран. Делается это не в надежде взять верх над потенциальным противником, а из стремления сделать применение силы для Китая возможно более дорогостоящей акцией.

В ноябре 2011 г. Вьетнам объявил военный бюджет на 2012 г. в 3,3 млрд долл., что на 35% больше бюджета 2010 г. Расходы на ВМФ увеличены, по сравнению с 2008 г., на 150% и достигли в 2011 г. 276 млн долл., а к 2015 г. планируется довести их до 400 млн долл. [Thayer 2012 (2)]. Эти расходы ложатся тяжким бременем на экономику страны.

В 2009 г. Вьетнам закупил в России шесть дизельных подводных лодок класса «Кило», одна из которых уже вступила в строй. Как сообщалось, они вооружены противокорабельными ракетами радиусом действия в 300 км. В 2011 г. Вьетнам приобрел четыре многоцелевых истребителя СУ-30МК2, также оснащенных противокорабельными ракетами с радиусом в 115 км. Идут переговоры о закупке еще 16 таких истребителей. Тогда же Вьетнам закупил два фрегата класса «Гепард» тоже с противокорабельными ракетами радиусом в 130 км и два ракетных патрульных корабля класса «Светляк». Вьетнам укрепил свою береговую оборону приобретением уже второй сухопутной противокорабельной ракетной системы «Бастион». Сообщалось также, что Вьетнам заложил и первый свой собственный военный корабль.

Расширяется география военных закупок Вьетнама. Они производятся не только в России. Вьетнам уже давно, хотя и безрезультатно, на всех переговорах с США настаивает на снятии запрета на продажу ему оружия, введенного Конгрессом США в 1984 г. Но он все чаще приобретает новейшие типы вооружений у других западных государств — членов НАТО, что было бы невозможно без согласия США. Особое внимание он уделяет береговой обороне и средствам наблюдения и оповещения на море. Важным его партнером стала крупнейшая в Европе французская компания «Талес», специализирующаяся на электронном оборудовании для ПВО и береговой обороны. Часть сделок достается Израилю. Израильская компания «Аэроспейс индастриз» 2 сентября 2011 г. подписала контракт на 150 млн долл. на поставку радаров⁴⁶. Сообщалось также о заказе Вьетнама в Израиле на дальнобойные артиллерийские снаряды и ракеты радиусом действия до 150 км.

Во время визита в Голландию в 2011 г. премьер-министр СРВ подписал контракт на покупку четырех корветов класса «Сигла», из которых два тоже предполагается построить во Вьетнаме.

⁴⁶ Radio Free Asia. 15.09.2011.

В октябре 2011 г. в ходе визита президента СРВ Чыонг Тан Шанга в Индию местная пресса сообщала, что Индия готова продать Вьетнаму сверхзвуковые крылатые ракеты «Брамос». Индия обещала помощь в подготовке экипажей для подводных лодок, обучении пилотов для Су-30, передачу нескольких средних патрульных кораблей, а также проведение модернизации портового оборудования в порту Нячанг. Приобретено три радара ПВО «Вера» в Чехии.

Если комбинация географических и исторических факторов всегда порождала недоверие к Китаю со стороны Вьетнама, то действия самого Китая начиная с 2009 г. еще больше усилили его, превратив в определяющую черту вьетнамско-китайских отношений. Китай значительно ускорил строительство своих ВМС в ЮКМ, а китайские вебсайты в Интернете и гонконгские СМИ вместе с некоторыми газетами, радио и телевидением в самом Китае, как уже отмечалось выше, начали публиковать всевозможные «планы вторжения» во Вьетнам. Последовали также угрозы и предупреждения иностранным компаниям, занятым добычей и разведкой нефти и газа по контрактам с Вьетнамом в его ИЭЗ.

С другой стороны, при всей возникающей время от времени напряженности межпартийные отношения между КПВ и КПК остаются неизменно тесными, а высокопоставленные руководители партии и государства, включая главных военных руководителей, не перестают обмениваться визитами, говорят о взаимных отношениях в самых дружественных тонах. Регулярно проходят совместные конференции и семинары по обмену опытом и по различным идеологическим и теоретическим проблемам. В официальной идеологии КПВ можно заметить много прямых заимствований у КПК.

Как более слабое государство, Вьетнам многие годы прибегает к известной с древних времен на Востоке тактике: сильнейший ожидает уважения и почтительности к себе, а слабейший не жалеет для этого слов, но ждет, что его автономность при этом тоже будет соблюдаться. Вьетнамские руководители не раз заверяли Китай в признании его доминирующей роли в Восточной Азии. Они поддерживают принцип «одного Китая» в надежде добиться от него ответного признания своей автономной сферы существования и развития.

Неслучайно сразу после XI съезда КПВ (январь 2011 г.) новый генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг незамедлительно направил своего представителя именно в Пекин, чтобы первым информировать руководителей КПК об итогах съезда и передать приглашение Председателю КНР Ху Цзиньтао посетить СРВ⁴⁷.

Вьетнамские руководители неизменно добиваются увеличения торговли, инвестиций и всевозможных обменов в самых разных областях. Китай — главный торговый партнер Вьетнама. Объем торговли двух стран в 2011 г., по словам посла СРВ на пресс-конференции в Пекине 16 января 2012 г., достиг 40 млрд долл. и вырос на 30 % по сравнению с 2010 г.⁴⁸ Как сообщалось, тогда еще заместитель

⁴⁷ Ху Цзиньтао является не только генеральным секретарем ЦК КПК, но и Председателем КНР, поэтому оказалось, что по протоколу первым предстояло ехать Нгуен Фу Чонгу в Китай, а не наоборот.

⁴⁸ Агентство Синьхуа. 16.01.2012.

Председателя КНР Си Цзиньпин во время визита во Вьетнам в декабре 2011 г. предложил довести объем торговли к 2015 г. до 60 млрд долл., а вьетнамский премьер-министр Нгуен Тан Зунг в ответ предложил даже удвоить его к этому сроку⁴⁹. И именно с 2015 г. на Вьетнам распространится уже действующее соглашение о ЗСТ Китай — АСЕАН (CAFTA).

Вступление Вьетнама в ВТО и интеграция в мировую экономику добавили еще один элемент в «тиранию географии» — увеличили его экономическую зависимость от Китая. С момента возобновления взаимной торговли с Китаем в конце 1980-х годов промышленность и кустарное производство СРВ оказались под давлением мощного наплыва китайских товаров, дешевых, но далеко не качественных, наводнивших всю страну как по каналам официальной торговли, так и освобожденной от пошлин приграничной торговли с соседними провинциями Китая. Закупка китайскими предпринимателями сырьевых товаров, продукции сельского хозяйства и морепродуктов во Вьетнаме тоже часто производится в таких масштабах, что буквально опустошает его рынки и становится одной из главных причин роста дороговизны и инфляции, достигающей 19–20%. И хотя вьетнамские предприниматели обречены на такую зависимость от китайцев, они считают для себя дешевле и удобнее работать с соседями, чем с другими сравнимыми партнерами.

Хронический дефицит СРВ в торговле с Китаем достиг в 2011 г. 13 млрд долл. Вьетнам находится в большой зависимости от Китая по импорту сырья и материалов для многих отраслей своей промышленности. Хотя доля ПИИ из Китая невелика и составляет всего около 3 млрд долл., китайские компании имеют 90% главных контрактов на строительство во Вьетнаме промышленных предприятий, транспортных объектов и особенно ТЭЦ на каменном угле. Китайские подрядчики пользуются преимуществом, так как предлагают дешевую технологию и обещают помочь получить финансирование в китайских банках. Правда, эти дешевые технологии вызывают загрязнение окружающей среды и многие другие негативные последствия, особенно скрытое использование китайской рабочей силы, что нередко вызывает мощные социальные волнения во Вьетнаме [Le Hong Nier 2011].

Все более широкий масштаб принимает амбициозная совместная программа создания «двух экономических коридоров и одного экономического пояса». Она предполагает строительство современных транспортных магистралей из соседних с Вьетнамом провинций КНР к вьетнамскому порту Хайфон, строительство транспортного коридора «Восток — Запад» протяженностью в 1450 км, который свяжет Вьетнам, Лаос, Таиланд и глубоководный порт Тавой в Мьянме, а также обустройство морского транспортного пути через Тонкинский залив и ЮКМ в Сингапур.

В итоге получается, что стоит только Китаю захотеть развязать экономическую войну против Вьетнама, того ждут самые тяжкие, если не катастрофические последствия. Но, как говорится, нет худа без добра, в данном случае для Вьетнама. Даже такая асимметричная экономическая взаимозависимость ограничивает возможность для Китая предпринять открытые военные акции против Вьетнама.

⁴⁹ ВВС на вьет. яз. 23.12.2011.

Обеим сторонам есть много что терять, чтобы не позволить сложившимся отношениям асимметрии превратиться в открытую силовую конфронтацию.

В культурном отношении Вьетнам — это самая китаизированная страна из многих других стран ЮВА, где влияние индийской культуры было сильнее. И сейчас он стоит перед фактом мощного культурного наступления Китая. С начала 1990-х годов Вьетнам наводнен китайскими кинофильмами, телефильмами, музыкой, переводами китайской литературы. Это даже заставило власти не так давно принять постановление правительства о том, что вьетнамские художественные и документальные фильмы должны занимать не меньше 40% времени на всех каналах вьетнамского телевидения.

Но главными раздражителями в отношениях двух стран являются вопросы рыболовства и попытки реализовать различные проекты разведки и добычи нефти и природного газа в ЮКМ, в том числе с участием третьих стран. Стремление китайского руководства единолично контролировать природные ресурсы ЮКМ создает значительные проблемы для Вьетнама и ставит под вопрос все планы его экономического развития.

Вьетнам — третий производитель нефти среди стран ЮВА после Индонезии и Малайзии. Доказанные запасы нефти в его прибрежном шельфе, по данным английской ВР, без учета Парасельских островов и архипелага Спратли (по сути, еще не исследованных) — 600 млн т, а газа 6,8 трлн куб. футов. 27 ноября 2012 г. исполнилось 50 лет нефтегазовой отрасли Вьетнама, основы которой были заложены при всесторонней помощи и прямом участии советских и российских нефтяников. Как сообщалось, в 2012 г. совместное предприятие «Вьетсовпетро» добыло 200-миллионную тонну нефти. В настоящее время страна добывает 16–17 млн т нефти в год, а план на 2013 г. — 22 млн т⁵⁰.

Вьетнамская государственная нефтяная корпорация «Петровьетнам» в 2010 г. дала 24% ВВП страны. Она приносит ежегодно более трети доходов государственного бюджета. Только за первый квартал 2012 г. эта самая успешная из государственных корпораций добыла 6,5 млн т нефти и 2,4 млрд куб. м газа⁵¹. Экспорт сырой нефти сыграл большую роль в поддержании высоких темпов экономического роста Вьетнама. Но потребность в углеводородах неуклонно растет. В связи с этим Вьетнам ищет новые проекты по добыче углеводородов.

Несмотря на все предостережения Китая, многие американские и другие нефтегазовые компании активно работают на тех самых «спорных территориях» по контрактам как с Вьетнамом, так и с Китаем. Самые крупные из них — это голландская Conoco Philips, британские British Petroleum и Chevron, американская Exxon Mobil, японская Nippon Oil, Корейская национальная нефтяная компания, малайзийская Petronas и др.

С 1981 г. на самом большом нефтяном поле «Белый тигр» на материковом шельфе у берегов Южного Вьетнама работает российская государственная корпорация «Зарубежнефть». С 1992 г. американская компания Crestone Energy по контракту с Вьетнамом получила в концессию участок шельфа одного из остро-

⁵⁰ URL: <https://vietnam.mid.ru/ru/press-centre/news/zarubezhneft...>

⁵¹ URL: <https://www.asianews.it/news-en/2012-04-10>

вов Спратли. Другая американская компания Exxon Mobil с 1996 г. добывает нефть из блоков 133 и 134, относящихся к континентальному шельфу СРВ. В августе 2001 г. китайская офшорная компания CONOCO и ее компании-партнеры опубликовали коммерческую информацию об обнаружении в месторождении «Черный лев» на блоке 15-1 континентального шельфа СРВ значительных запасов нефти, как минимум, в 200, а возможно, и 400 млрд баррелей.

По данным Business Monitor International, потребности Вьетнама в нефти с 2010 по 2020 г. вырастут на 33,7%, а в газе на 104,6%, что потребует существенного расширения и ускорения геологоразведочных работ и эксплуатации действующих месторождений в ЮКМ⁵². Но запасы прибрежных нефтяных полей истощаются. Истощение его главного нефтяного поля «Белый Тигр» заставляет Вьетнам искать всё новые районы нефтедобычи как в прибрежных, так и в более отдаленных местах. Если в 2006–2010 гг. корпорация «Петровьетнам» затратила 7 млрд долл. на разведку нефти и газа, то на 2011–2015 гг. она выделила на это еще 9,7 млрд долл.⁵³

Со своей стороны Китай тоже форсирует геологоразведочные работы, особенно на шельфе Парасельских островов, который считается наиболее перспективным. Уже в 2012 г. Китай приступил к активным работам на предполагаемом крупнейшем месторождении западнее Парасельских островов в ИЭЗ Вьетнама. Все протесты вьетнамской стороны остаются без внимания. Особую тревогу во Вьетнаме и в других заинтересованных странах, прежде всего на Филиппинах, вызвало сообщение агентства Синьхуа о спуске на воду гигантской плавучей платформы с буровой установкой для бурения на глубине до 3000 м и на 600 м под дном моря. Сообщалось, что она предназначена для разведочных работ на нефть и газ в южной части Спратли. Пока эта платформа начала бурение (9 мая 2012 г.) в 199 милях от Гонконга, т. е. в границах ИЭЗ КНР, однако все это порождает постоянно возникающую напряженность в отношениях двух стран.

5 апреля 2012 г. президент российской государственной компании «Газпром» А. Миллер в Ханое подписал контракт с вьетнамской нефтегазовой корпорацией «Петровьетнам» на разработку двух газовых месторождений в блоках между архипелагом Спратли и побережьем провинции Вунгтау-Бариа на юге Вьетнама. Оба они расположены в пределах ИЭЗ Вьетнама. В 2009 г. они были оставлены английской компанией BP под сильнейшим давлением Китая. И на этот раз МИД КНР 10 апреля 2012 г. в заявлении своего представителя категорически потребовал от «Газпрома» прекратить всякое сотрудничество с Вьетнамом в разработке этих месторождений, якобы находящихся под «бесспорным суверенитетом» Китая. На что, естественно, последовал столь же жесткий ответ вьетнамского МИДа 12 апреля, в котором говорилось, что подписанный контракт полностью правомерен, как и все другие проекты, осуществляемые Вьетнамом в сотрудничестве с иностранными партнерами в границах своей ИЭЗ и континентального шельфа в соответствии с действующим международным правом и Конвенцией ООН 1982 г. Представитель МИД СРВ также заявил при этом, что Вьетнам взял на себя

⁵² BBC на вьет яз. 03.08.2011.

⁵³ Asia Times. September 2010.

все обязанности защищать законные права и интересы иностранных компаний, работающих с Вьетнамом в ЮКМ. Инцидент удалось разрешить только после визита в Пекин министра иностранных дел РФ С. Лаврова в мае 2012 г.

Не менее болезненным для Вьетнама является вопрос о рыболовстве. По принятому еще в 2007 г. решению ЦК КПВ и Правительства СРВ о развитии морских промыслов в ИЭЗ Вьетнама, морепродукты должны давать к 2020 г. до 55% ВВП страны и обеспечить почти 60% ее экспорта. Прибрежные воды у архипелагов ЮКМ всегда были излюбленным местом промысла у рыбаков Китая, Вьетнама, Филиппин и других стран, которые традиционно считали эти районы моря общими и доступными для всех. Односторонне вводимые Китаем запреты на лов рыбы ежегодно с мая по август наносят Вьетнаму особо чувствительный удар и даже поставили вопрос о продовольственной безопасности в ряде его прибрежных провинций.

По понятным причинам бурную реакцию общественности вызывает жесткое, а иногда и жестокое обращение китайских служб рыбнадзора с вьетнамскими рыбаками. Раз за разом в Ханое, Хошимине и других городах в 2009–2010 гг. проходили массовые демонстрации протеста студентов и молодежи у китайского посольства, консульств и других представительств, пока вьетнамские власти официально не запретили все эти акции.

Действия китайской стороны неизменно крайне болезненно воспринимаются вьетнамской общественностью, поднимая сильную волну национализма и обвинений в адрес руководства КПВ в проведении якобы капитулянтской политики уступок и умиротворения Китая. Так, согласие правительства на то, чтобы китайская компания строила бокситовые рудники на Центральном плато Тэйнгвен, вызвало редкое по силе возмущение общества в 2009 г. Многие ученые и общественные деятели говорили, что экологические и социальные последствия намного превзойдут все ожидаемые доходы, а также указывали на прямую угрозу национальной безопасности. Самым видным оппонентом этого проекта стал известный вьетнамский полководец, легендарный организатор исторической победы под Дьенбьенфу в 1954 г. генерал армии Во Нгуен Зиап (в 2012 г. ему исполнилось 102 года). В политическом плане никогда еще выдвигаемые партией и государством установки не вызывали такого сопротивления в различных слоях населения.

Не меньше проблем возникает и в связи с развернутым китайской стороной строительством дамб и плотин в Лаосе и Камбодже, т. е. в верхнем течении р. Меконг, что грозит катастрофическими последствиями для многочисленного вьетнамского населения в дельте реки, являющейся одной из главных житниц страны. Под сильным нажимом Вьетнама правительство Лаоса в августе 2012 г. временно приостановило работы по проектированию крупнейшей ГЭС на Меконге до выяснения всех возможных последствий, но уже в ноябре работы были продолжены. Недовольство широких кругов общественности Вьетнама вызывает сдача в аренду китайским предпринимателям лесных угодий в приграничных районах сроком на 50 лет и по крайне низким ценам.

В ноябре 2012 г. в очередной раз бурную реакцию во Вьетнаме вызвало решение китайских властей печатать на бланках электронных паспортов китайских граждан карту страны, на которой четко просматривается все та же «линия U»

в Южно-Китайском море. Вьетнамские пограничные службы заявили, что будут считать эти паспорта недействительными.

Руководство КПВ оказалось в трудном положении. Оно долго не хотело открыто высказываться о политике Китая и предъявлять ему претензии, но одновременно оно не имело возможности и серьезно повлиять на поведение КНР в Южно-Китайском море, ущемляющее интересы Вьетнама. Легитимность вьетнамских руководителей всегда базировалась на том, что они защищали суверенитет и территориальную целостность страны. А сейчас их стали упрекать, особенно различные деятели из вьетнамской диаспоры на Западе, что они с этой задачей не справляются и капитулируют перед китайской экспансией.

Критика часто раздается и в партии в том плане, что руководство КПВ слишком доверяет словам Китая о дружбе, а так называемые 4 хорошо и 16 золотых иероглифов, по мнению многих, служат лишь ширмой, за которой Китай осуществляет экспансию против СРВ. Это ставит руководство КПВ перед выбором: поддаться нарастающему недовольству общественности, открыто подпитываемому из-за рубежа, и пересмотреть основы внешней политики страны, либо продолжать осторожный и взвешенный курс, защищая суверенитет и национальные интересы, не поддаваясь ни на какие провокации.

Отсюда вытекает некоторая двойственность вьетнамской политики. КПВ то поощряет антикитайские страсти, кипящие в стране, то одновременно сдерживает и даже подавляет их репрессиями. Одна за другой проводятся массовые пропагандистские кампании среди молодежи под патриотическим девизом «Спатли в сердце Родины», мобилизация добровольцев на поселение на островах, на доставку туда пресной воды. Даже группы буддистских бонз в 2012 г. стали направлять на острова с целью восстановления там заброшенных пагод.

Однако всю эту патриотическую кампанию вокруг «священной вьетнамской земли» власти держат под строгим контролем, не позволяя ей выходить за определенные рамки. Стихийные антикитайские демонстрации в Ханое и Хошимине, как уже говорилось, были запрещены. Их организаторы подвергались арестам, как и некоторые слишком агрессивно настроенные блогеры. В ноябре 2012 г. к весьма серьезным срокам заключения были приговорены популярные среди молодежи поэт и композитор за сочинение и распространение песен антикитайского содержания. И тем не менее возмущенные граждане громко требуют более решительных действий против Китая. А когда они видят, как правительство разгоняет демонстрации и действует так, будто пытается всячески умиротворить Китай, то правящая партия рискует сильно подорвать свой беспрекословный руководящий статус среди населения.

Вместе с тем руководство КПВ хорошо осознает опасность «холодной войны», которую развязали ультранационалисты с обеих сторон в прессе и особенно в Интернете. Эти электронные «поджигатели войны», надо признать, в эпоху информационной революции оказывают непропорционально большое влияние на восприятие друг друга народами Китая и его соседей. Вьетнамское руководство первым пошло на установление контроля над пропагандой ненависти в Интернете. Вьетнам уже несколько лет идет по этому пути, не обращая внимания ни на какие обвинения в нарушении гражданских прав и свобод.

Среди политических успехов вьетнамского руководства, внушающих осторожный оптимизм на будущее, важнейшими являются завершение в 2008 г. работ по демаркации сухопутной границы с Китаем на всем ее протяжении в 1400 км и разграничение Тонкинского залива. В обоих случаях Вьетнам пошел на значительные уступки китайской стороне. Но пресловутая «линия U», изначально состоявшая из 11 отрезков, лишилась двух из них, проходивших по заливу Бакбо. А это может означать, что и остальные не проведены навечно.

Соглашение по заливу было подписано еще в декабре 2000 г. и ратифицировано в 2004 г. Линия раздела была установлена по 108°03'13" восточного меридиана еще Договором 1887 г. между Китаем и Францией, по которому Вьетнаму отходило две трети акватории Тонкинского залива. Но после 27 лет переговоров, проходивших с длительными перерывами, Вьетнам отказался от этой линии и подписал соглашение, по которому залив был поделен практически пополам.

Одновременно были начаты переговоры о разграничении рыболовных зон, которые позволяли бы рыбакам обеих стран беспрепятственно вести лов рыбы по обе стороны от границы. Для реализации этих соглашений было решено проводить совместное патрулирование в приграничных районах. Но переговоры по этим вопросам, как и по окончательному разграничению Тонкинского залива в его южной части, еще продолжаются, как продолжают и аресты вьетнамских рыболовных судов в районе Парасельских островов.

В центре конфликта в ЮКМ оказались в силу ряда причин, прежде всего, противоречия Китая и Вьетнама, при этом исторические свидетельства, география и морское право, по мнению многих наблюдателей, больше на стороне Вьетнама, чем его оппонентов. Но все эти аргументы, как показывает мировой опыт, никого ни в чем не убеждают. Все решает реальный баланс сил и готовность сторон к компромиссу.

Вьетнам никак не заинтересован в обострении ситуации. Это означало бы конец всем его планам модернизации и интеграции в региональную и мировую экономику. Да и сильно возросшая в условиях мирового экономического кризиса зависимость от инвестиций Китая — главного торгового партнера страны — заставляет упорно искать мирного политического и взаимоприемлемого разрешения территориальных споров с Китаем.

Упомянутый выше один из идеологов военной политики СРВ, заместитель министра обороны СРВ, генерал-полковник Нгуен Ти Ви в интервью корреспонденту ВВС в кулуарах 11-го Диалога Шангри-ла в Сингапуре 3 июня 2012 г., в частности, подчеркнул: «Защищая свой суверенитет и территориальную целостность, Вьетнам стремится обеспечить мир, дружественные отношения и поэтапное их развитие с соседними странами, прежде всего с Китаем. Поэтому он не может ставить проблемы ЮКМ вне рамок общих отношений с Китаем. Наша цель в том, чтобы все поняли, когда речь идет о Спратли или Парасельских островах, о Восточном море или о концепциях исключительной экономической зоны, Вьетнам делает и удет делать все возможное, чтобы отстоять свой суверенитет, **но не навлечь новую катастрофу, то есть войну, на свой народ**»⁵⁴ (выделено мной. — Г.Л.).

⁵⁴ Цит. по: The Straits Times. 06.06.2012.

Такова политическая практика современного Вьетнама. Как показывает постоянно расширяющееся сотрудничество с Китаем во всех других областях, вьетнамское руководство вовсе не намерено антагонизировать свои отношения с Китаем. Идеологически ему гораздо удобнее с китайскими коллегами, чем с американскими политиками. Экономически Китай — это главный торговый партнер, источник инвестиций, финансовой помощи и в определенной мере модель развития.

Вся внешняя политика Ханоя преследует одну самую важную для него цель — убедить Китай, что сотрудничество с Вьетнамом принесет Китаю более существенные результаты, чем противоборство.

Шаг назад от края обрыва

Прошедший в январе 2011 г. XI съезд КПВ убедительно показал, что партия намерена продолжать выработанный руководством страны взвешенный и ответственный курс в отношении Китая. И строится он не на эмоциях, а на жизненно важных интересах страны и народа.

Если в первой половине 2011 г. инициатива в нагнетании напряженности в ЮКМ целиком была на стороне Китая, то во второй половине года он явно сбавил темп в игре мускулами, и стороны сосредоточились больше на дипломатической сфере. Особое значение имел состоявшийся 11–15 октября 2011 г. визит в КНР генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга во главе большой делегации вьетнамских руководителей. Это был его первый зарубежный визит после избрания лидером партии на XI съезде КПВ.

Визит особенно тщательно и долго готовился по всем направлениям отношений СРВ и КНР. Сам процесс его подготовки и интенсивные политические контакты сторон в этот период определенно повлияли на позиции Китая. В Ханое ожидалось, что в ходе переговоров вьетнамской стороне удастся хотя бы частично снять опасную напряженность и создать условия для разрешения накопившихся разногласий. В определенной мере так и произошло.

В совместном Заявлении двух партий отмечалось, что переговоры лидеров КПВ и КПК проходили «в теплой дружеской атмосфере» и обе стороны считают, что визит стал большим успехом, который укрепит отношения между двумя партиями и государствами, а также «окажет положительное влияние на упрочение мира, стабильности, сотрудничества и развития в регионе и во всем мире»⁵⁵.

Руководители КПК и КПВ подтвердили все ранее неоднократно дававшиеся друг другу заверения «в нерушимой дружбе и всестороннем сотрудничестве». Был подписан целый ряд документов, среди которых План сотрудничества КПВ и КПК на 2011–2015 гг., пятилетний план торгово-экономического сотрудничества на 2012–2016 гг., соглашение об основных принципах решения проблем на море и ряд других документов о сотрудничестве в различных областях.

Предполагалось, в частности, и значительное расширение военного сотрудничества путем развития контактов между военными руководителями, установле-

⁵⁵ Nhan Dan. 16.10.2011.

ния прямой связи («горячей линии») между министерствами обороны, сотрудничества в подготовке кадров, проведения совместного патрулирования в пограничных районах и в Тонкинском заливе, организации взаимных визитов военных кораблей и др.

Вьетнамская сторона подтвердила свою неизменную политику признания «одного Китая», поддержки мирных отношений между «берегами пролива», дела объединения Китая и решительного протеста против раскольнических действий, направленных на создание «независимого Тайваня» в любой форме. Вьетнам вновь обязался не иметь никаких «официальных отношений с Тайванем», хотя он и является одним из крупнейших инвесторов в СРВ.

Как говорится в Заявлении, состоялся также «прямой и откровенный обмен мнениями по проблемам на море», в котором стороны «подчеркнули твердую политическую волю решать все возникающие споры путем мирных и дружественных переговоров, сохранять мир и стабильность в Южно-Китайском море»⁵⁶.

В связи с этим особое значение имеет Соглашение о базовых принципах разрешения проблем на море. Оно предусматривает достижение в будущем «долгосрочного и взаимоприемлемого соглашения» по всем проблемам в ЮКМ. До тех пор, пока такого соглашения нет, стороны обязались не прибегать к силовым методам, решать споры только путем мирных переговоров, не допускать никаких действий, способных осложнить обстановку, добиваться согласия по методу «от простого к сложному». Стороны обязались «уважать и соблюдать» Декларацию о принципах поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г. и Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Они договорились установить «горячую линию» связи между соответствующими органами двух стран для разрешения возникающих инцидентов на море⁵⁷.

Соглашение показывало, что обе стороны готовы ослабить угрозу вооруженного конфликта и ищут пути к сотрудничеству в разведке энергетических ресурсов морского дна. Они договорились рассмотреть промежуточные меры, «включая изучение вопроса и переговоры о совместном освоении ресурсов моря».

Стороны согласились при этом действовать *в духе полного уважения к правовым доказательствам и с учетом других факторов, таких как история, а также принимая во внимание разумные опасения обеих сторон* (курсив мой. — Г.Л.). И тут чувствуется желание вьетнамской стороны найти приемлемый компромисс, несмотря на все «исторические» аргументы китайских оппонентов.

В конструктивном духе стороны обязались всемерно расширять сферу согласия и сужать область разногласий, непрерывно содействуя процессу переговоров. Свои разногласия они решили обсуждать на двусторонних переговорах, а вопросы, касающиеся других стран, рассматривать только с их участием.

До решения всех спорных вопросов стороны обещали воздерживаться от действий, которые могут осложнить обстановку и расширить споры. В процессе по-

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Горячая линия связи между лидерами двух партий была установлена еще в 2008 г. после визита Нонг Дык Маня в КНР.

иска решения долгосрочных проблем они согласились активно рассматривать и некоторые временные меры на переходный период, которые не окажут влияния на их основные принципы и политические установки. Они договорились последовательно решать все спорные вопросы по принципу «сначала то, что легче, а потом, что труднее». И прежде всего они решили завершить разграничение в Тонкинском заливе и одновременно активно рассмотреть вопросы сотрудничества в развитии этой части ЮКМ.

Обе стороны договорились ввести в действие «горячую линию» связи на уровне правительств, чтобы своевременно обмениваться информацией и находить достойные решения возникающих проблем на море, а в случае необходимости оперативно проводить двусторонние встречи. И «горячая линия» начала действовать со 2 марта 2012 г. с первого обмена на уровне заместителей министров иностранных дел.

Наблюдатели обратили особое внимание на то, что в этот раз вьетнамское руководство отошло от своей прежней позиции, предполагавшей коллективное, многостороннее решение всех споров в рамках АСЕАН и согласилось с давней китайской установкой на то, что разногласия по вопросам суверенитета между претендующими сторонами должны решаться в двустороннем порядке, и только если при этом затронуты интересы третьей стороны или нескольких сторон, они должны рассматриваться с их участием тоже. Общие же проблемы всех прибрежных государств должны рассматриваться на многосторонних переговорах с участием всех заинтересованных сторон.

Визит вьетнамского лидера в Китай, несомненно, укрепил вьетнамо-китайские отношения при всей их асимметрии. Он способствовал если не решению главных проблем вьетнамо-китайских отношений, то смягчению напряженности и возвращению их в русло переговорного процесса. Регулярные встречи высших партийных руководителей двух стран уже привели к созданию разветвленной сети постоянных связей между разными отделами ЦК обеих партий, а также создали плотную систему связей различных государственных органов, основанную на долгосрочных соглашениях о сотрудничестве (на пять лет каждое). За этим наблюдает совместный Руководящий комитет на уровне заместителей премьер-министров. Система тесных связей ВНА и НОАК, двух министерств обороны также предоставляет различные каналы для разрешения возникающих проблем в двусторонних отношениях.

Итоги визита Нгуен Фу Чонга в Китай поначалу вызвали недовольство ряда партнеров по АСЕАН, прежде всего Филиппин, усмотревших в нем отход от согласованной в АСЕАН линии, в частности, от достигнутых в июле 2011 г. общих договоренностей с Китаем относительно Директив по выполнению Декларации 2002 г. о поведении сторон в ЮКМ и превращении ее в юридически обязывающий Кодекс.

В АСЕАН многие лидеры государств часто приветствуют, когда Вьетнам занимает жесткую и непримиримую позицию в отношении Китая, но далеко не всегда сами к нему присоединяются. Критики утверждали, что Вьетнам пошел по неверному пути, согласившись в одиночку обсуждать свои территориальные вопросы с Китаем. Но в действительности это не так. Вьетнамское руководство во-

все не отказалось от поддержки коллективных усилий АСЕАН по решению общих проблем в ЮКМ, особенно по части ликвидации пресловутой «линии U», заявленной Китаем. Практически это была не уступка Китаю, а шаг в направлении здравого смысла. Ведь территориальные разграничения на суше или на море, в конечном счете, все равно придется решать только на основе обоюдной договоренности претендующих сторон.

Соглашение о базовых принципах было подписано заместителями министров иностранных дел двух государств, что свидетельствует о его предварительном характере. Стороны, по сути, договорились только о том, чтобы вести переговоры. Это был еще не прорыв, но лучше, чем отсутствие переговоров вообще. В той обстановке оно означало желательный и долгожданный шаг к разрядке, хотя до разрешения проблемы все еще было очень далеко.

И это показал тут же разразившийся скандал в связи с тем, что визит Нгуен Фу Чонга (конечно, неслучайно) совпал по времени с государственным визитом президента СРВ Чыонг Тан Шанга в Индию, где он подписал соглашение с президентом Индии Манмоханом Сингхом о сотрудничестве в разведке и добыче нефти и газа на шельфе в ИЭЗ СРВ, несмотря на все претензии Китая на эти районы Южно-Китайского моря. Это соглашение вызвало гневное возмущение в Китае. Представитель МИД КНР на следующий день обвинил вьетнамское руководство в «двуличии и обмане» и еще раз заявил о «неоспоримом суверенитете» Китая над всеми полезными ископаемыми в ЮКМ. Редакционная статья в «Жэньминь жибао» в тот же день содержала даже угрозы в адрес индийских компаний, которые рискнут вести разведку на нефть и газ в указанных районах.

Вьетнам оставил эти заявления без ответа. Но президент СРВ еще до поездки в Индию говорил о том, что приветствует решение ряда индийских компаний участвовать в совместном с Вьетнамом проведении этих работ. Среди прочего он заявил, что Вьетнам «будет защищать законные права иностранных компаний, инвестирующих капитал во Вьетнаме»⁵⁸.

Судя по всему, вьетнамское руководство заведомо шло на это обострение, дабы показать свою автономную и независимую политику и стремление сбалансировать отношения с Китаем развитыми отношениями с другими важными политическими игроками в АТР.

После визита Нгуен Фу Чонга в Китай позиция Вьетнама в отношении суверенитета в ЮКМ осталась прежней и стала даже более наступательной. Так, 25 ноября 2011 г., выступая в Национальном собрании СРВ, премьер-министр Нгуен Тан Зунг впервые открыто с трибуны парламента страны в категоричной форме потребовал скорейшего начала переговоров по вопросу Парасельских островов. Китай, как известно, об этом говорить категорически отказывается. Это свидетельствовало о том, что политические уступки, сделанные в ходе визита вьетнамцами, ответной реакции среди политиков Китая не вызвали. Выступление премьера Зунга было воспринято всеми наблюдателями как довольно серьезное изменение политики. И это, скорее всего, происходит тоже из-за усиливше-

⁵⁸ The Straits Times. 24.10.2011.

гося давления общественного мнения внутри страны и извне, требующего от руководства страны более жестких мер в защиту суверенитета над Парасельскими островами, в районе которых особенно часто подвергаются арестам вьетнамские рыболовные суда.

Одновременно президент Чыонг Тан Шанг совершил инспекционную поездку в воинские части в северных провинциях на границе с КНР, где в 1979 г. проходили основные события войны с Китаем, хотя в прежние времена об этом во Вьетнаме старались вообще не вспоминать.

21 июня 2012 г. Национальное собрание СРВ приняло Морской закон, проект которого был внесен правительством за два года до этого. Его статья 1 гласит: «Закон распространяется на базовую линию побережья, внутренние и территориальные воды, прилегающую зону, исключительную экономическую зону, континентальный шельф, архипелаги Парасельский и Спратли, а также другие, находящиеся под суверенитетом, суверенными правами и юрисдикцией Вьетнама; на все операции в морской зоне Вьетнама, развитие, управление и сохранение ресурсов моря и островов»⁵⁹.

Таким образом, оттепель в отношениях Вьетнама с Китаем продлилась недолго. Очевидно, что проблемы суверенитета в ЮКМ слишком велики и сложны, чтобы их можно было решить несколькими визитами лидеров. Будущее вьетнамо-китайских отношений во многом зависит от взаимодействия двух постоянных факторов — истории и географии — и двух переменных — политики Китая и меняющихся отношений великих держав друг с другом.

Между двух гигантов — США и Китаем

Ужесточение позиций Китая в ЮКМ привело к определенному сближению стратегических интересов Вьетнама и США и послужило движущей силой налаживания сотрудничества двух стран. Но у Ханоя нет реальной возможности сбалансировать отношения с Пекином, повернувшись целиком в сторону Вашингтона, хотя отношения с ним в последние годы успешно развиваются, несмотря на все трудности и препятствия со стороны враждебно настроенной части американского истеблишмента и большей части многочисленной вьетнамской диаспоры в США.

Вьетнам не может позволить себе сжечь мосты в отношениях с Китаем. Он был и останется навсегда его соседом. Поэтому совсем не в интересах Вьетнама иметь в лице Китая ожесточившегося врага. Угроза войны катастрофична для обеих сторон. Что касается Вьетнама, то он просто вынужден проявлять сдержанность и дипломатический подход, медленно продвигаясь в укреплении отношений с США и сохраняя при этом вид лояльной оппозиции Китаю.

И это происходит вопреки незаживающим ранам девятилетней войны и несмотря на постоянно упоминаемую вьетнамскими руководителями угрозу «мир-

⁵⁹ Quốc Hội Luật số: 18/2012/QH13.

ной эволюции», исходящей от США. Вьетнам вынужден проводить эту сложную политику балансирующего многостороннего стратегического партнерства с великими державами — США, Китаем, а также и Россией.

Вьетнамо-американские отношения были нормализованы в президентство Б. Клинтона в 1995 г. Но их быстрое развитие началось лишь к концу второго срока администрации Дж. Буша после его визита во Вьетнам в связи с саммитом АТЭС в 2006 г. Долгое время их сдерживала мессианская политика повсеместного насаждения демократии и «гуманитарных интервенций», проводимая США. Первые сдвиги начались после событий 11 сентября 2001 г. Тогда США убедились, насколько успешно их обходит Китай в укреплении своих позиций в АСЕАН. Вскоре и США в поисках более эффективного ответа на региональную стратегию Китая перешли к постепенному наращиванию связей с АСЕАН в целом и с Вьетнамом в частности. Используя различные экономические рычаги, они подталкивали вьетнамское руководство к дальнейшему сотрудничеству в различных сферах, включая оборону. Но развитие отношений с США было и остается деликатным вопросом для Вьетнама. Ханой больше всего не желает, чтобы его крепнущие отношения с США воспринимались в Пекине как представляющие военный вызов Китаю и ставящие рост его влияния в регионе под контроль. Фокусируя свои отношения с США на экономике и таким образом придерживая стратегическое продвижение США в регион, Вьетнаму удалось сохранить сбалансированный подход к своим международным отношениям в целом.

В декабре 2006 г. во время саммита АТЭС в Ханое на переговорах с вьетнамскими руководителями Дж. Буш предложил широкую программу инвестиций в экономику страны. В ответ, как сообщалось, он добивался согласия по трем вопросам:

- американский контроль за ядерными программами на строящемся реакторе в Далате, дабы избежать проблем, подобных тем, что возникли в КНДР;
- участие Вьетнама в программах по предотвращению распространения оружия массового уничтожения;
- разрешение на деятельность американских благотворительных организаций, занимающихся поиском останков погибших на вьетнамской войне американцев.

Все эти требования в целом были приняты. Но как позже стало известно, Дж. Буш добивался также согласия на военное сотрудничество Вьетнама с США как на земле, так и на море. В частности, он ставил вопрос об аренде порта в Камрани на месте бывшей американской, а потом советской базы ВМС для захода и пополнения припасов кораблей, направляющихся на Ближний Восток и обратно. На это вьетнамская сторона тогда не пошла.

В декабре 2006 г. США предоставили Вьетнаму режим постоянных нормальных торговых отношений (PNTR — permanent normal trade relations), а с января 2009 г. после принятия Вьетнама в ВТО полностью вступило в силу подписанное еще в 2001 г. двустороннее торговое соглашение, снявшее все ограничения на экспортно-импортные операции американских фирм во Вьетнаме.

В непрерывной череде официальных визитов, которыми все эти годы на регулярной основе обмениваются руководители Вьетнама и США, особое значение имел первый визит в США вьетнамского премьер-министра Нгуен Тан Зунга в

июне 2008 г., который стал переломным в отношениях Вьетнама и США. Многочисленные встречи премьер-министра с представителями деловых кругов США были призваны показать американцам, что Вьетнам после осуществления рыночных реформ пришел к пониманию того, что США являются ключевым партнером на пути его экономического роста и развития, а в более широком аспекте — и в его коммерчески ориентированной внешней политике.

США за короткое время, действительно, превратились в главный рынок для вьетнамского экспорта. Объем торговли с США в 2011 г. составил 20 млрд долл. и растет примерно на 10% в год. США — главный импортер таких вьетнамских товаров, как текстиль, обувь, ценные породы древесины и изделия из них, а также морепродукты, арахис, кофе и др. Экспорт текстильных товаров в США в 2011 г. составил 11 млрд долл. и принес 17,8% всего дохода от экспорта. США на 2-м месте после ЕС по импорту вьетнамской обуви. Причем качество экспортируемых в США товаров считается приемлемым. Экспорт США во Вьетнам за 8 месяцев 2011 г. составил 2,88 млрд долл. В основном это были машины, станки и оборудование, электроника и запчасти.

Несмотря на непрекращающиеся коммерческие конфликты, обвинения в демпинге, поставках контрафактной продукции и прочие придиурки, Вьетнам торгует с США с большим для себя профицитом. Правда, в отличие от 300–400 млрд долл. дефицита США в торговле с Китаем, каких-то 9–10 млрд долл. ежегодного дефицита с Вьетнамом пока не вызывают у них какого-либо беспокойства. Еще остающиеся барьеры в торговле могут быть сняты после заключения договора о Транстихоокеанском партнерстве, переговоры о котором приближаются к финалу.

По данным вьетнамского Министерства планирования и инвестиций, США стали также самым главным источником ПИИ для Вьетнама с суммой зарегистрированных инвестиций в 2009 г. в 10 млрд долл. И есть все признаки желания американских инвесторов и впредь наращивать свои вложения во Вьетнаме. Стороны ведут переговоры о заключении соглашения о полной либерализации инвестиций.

Многие американские производители придерживаются так называемой стратегии Китай+1, направленной на сокращение их зависимости от постепенно дорожающего производства в Китае. К тому же Вьетнам, благодаря политической стабильности, на фоне многочисленных политических проблем у его соседей по АСЕАН, представляется наиболее выгодным и надежным местом для вложения капитала.

Американо-вьетнамские отношения заметно улучшились с началом президентства Б. Обамы. В 2009 г. его администрация дала Китаю однозначный сигнал своей решимости не допустить шантажа в отношении американских корпораций, ведущих по контракту с Вьетнамом разведку нефти на шельфе в ЮКМ. И в отличие от английской BP, американская компания Exxon Mobil со своих блоков в ЮКМ не ушла. В 2009 г. она объявила об открытии крупного месторождения нефти на шельфе Центрального Вьетнама в границах вьетнамской ИЭЗ, но за пресловутой китайской «линией U».

Вьетнам развивает отношения с США в области экономики, технологии, образования, исследований и противодействия последствиям изменения климата. Стороны продолжают сотрудничество в поисках останков погибших и пропав-

ших без вести американских солдат во время войны (а таких было более 55 тыс. человек), в разминировании больших участков вьетнамской территории, преодолении последствий применения отравляющих веществ (диоксина). США также предоставляют помощь в борьбе со СПИДом, с эпидемиями «птичьего гриппа» и других инфекционных болезней.

В различных университетах США обучается свыше 13 тыс. вьетнамских студентов. Во время визита во Вьетнам в сентябре 2008 г. заместитель государственного секретаря США Дж. Негропonte заявил о готовности США подготовить для Вьетнама до 2020 г. 10 тыс. докторов наук по самым разным специальностям.

14 сентября 2010 г. в одном из залов Конгресса США проходила конференция, посвященная 15-летию нормализации американо-вьетнамских отношений. Открывая ее, сенатор Дж. Вебб заявил, что это — знаменательная дата, которая свидетельствует о большом пути и усилиях обеих стран, направленных на преодоление пропасти между ними. Сегодня Вьетнам, по его словам, это важное государство для экономики, культуры и безопасности США⁶⁰.

Об уровне политического сотрудничества говорит и тот факт, что США, как считают некоторые эксперты, положительно реагировали на лоббирование дипломатии Вьетнама и других заинтересованных стран, подняв вопрос о безопасности в ЮКМ на очередном Диалоге Шангри-ла в Сингапуре, а затем и на 17-м форуме АРФ в Ханое в июле 2010 г. Было ли это лоббирование на самом деле или нет — неизвестно, но благоприятную для этих стран позицию США заняли, руководствуясь, естественно, своими собственными интересами.

В развитии военного сотрудничества с США Вьетнам проявляет особую осторожность. Уровень отношений в этой чувствительной области неизменно зависит от уровня напряженности в отношениях с Китаем. Первый визит министра обороны США, который состоялся в 2001 г., по разным причинам откладывался несколько раз. Второй визит Д. Рамсфельда состоялся только через пять лет и значительных сдвигов в этой области не принес. На условиях анонимности один из руководителей Пентагона во время этого визита в 2006 г. говорил: «У них под боком Китай, и они крайне осторожны, сохраняя с ним хорошие отношения, но они стремятся установить некий баланс в отношениях с нами и с Китаем»⁶¹.

Несмотря на это, военное сотрудничество двух стран начало налаживаться, причем с самых простых вещей. Первым шагом стал прием группы вьетнамских офицеров на обучение английскому языку в военном институте иностранных языков в Сан-Антонио за счет Пентагона. Дальше последовал прием группы военных медиков на стажировку в американских госпиталях. Одновременно была расширена программа разминирования и очистки территорий от оставшихся после войны бомб и снарядов, для чего были предусмотрены поставки необходимых приборов и техники. В июле 2011 г. США подписали новое соглашение о сотрудничестве военных медиков.

Однако по-настоящему военное сотрудничество началось после первого визита премьер-министра СРВ Нгуен Тан Зунга в США в июне 2008 г. Он первым из

⁶⁰ Radio Free Asia. 15.09.2010.

⁶¹ The New York Times. 06 June 2006.

вьетнамских руководителей посетил Пентагон после окончания войны. Тогда Дж. Буш и Нгуен Тан Зунг договорились проводить ежегодно переговоры на высоком уровне по вопросам безопасности и стратегии. И уже в октябре того же года состоялся первый такой диалог на уровне заместителей министров обороны. Тогда же Государственный департамент США разрешил экспорт во Вьетнам так называемого нелетального оружия. В апреле 2011 г. США предоставили Вьетнаму ряд стипендий для обучения в военных вузах США.

С тех пор подобные контакты проходят ежегодно поочередно в Ханое и Вашингтоне. В июне 2011 г. состоялся 4-й Диалог по военно-стратегическим вопросам. На нем, как сообщалось, обсуждались вопросы борьбы с терроризмом и пиратством, операции по поддержанию мира, подготовка войск, гуманитарная помощь терпящим бедствие на море, борьба с наркотрафиком и другие вопросы. Но главное было в том, что проходил он в острейший момент очередного кризиса в отношениях Вьетнама с Китаем и на нем впервые был подписан Меморандум о взаимопонимании и военном сотрудничестве сторон⁶².

В июле 2010 г. в порт Дананг вошел американский эсминец, вместе с которым вьетнамские военные моряки четыре дня проводили учения по спасению на море и борьбе с пожаром. Туда же вскоре подошел авианосец «Джордж Вашингтон», причем сразу после крупных маневров в Южной Корее, вызвавших протесты КНДР и КНР. Хотя авианосец оставался на рейде Дананга, большая делегация общественности города поднялась на борт и провела дружественную встречу с американскими моряками, которая входила в обширную программу празднования 15-летия нормализации отношений между двумя странами. Американцы в период очередного обострения отношений с Китаем демонстрировали свое присутствие в ЮКМ, а Вьетнам предоставил этому визиту возможность говорить самому за себя. В создавшейся тогда обстановке в ЮКМ вьетнамское руководство все-таки пошло на риск вызвать громкое недовольство Китая. В августе 2011 г. командующий 7-м Тихоокеанским флотом США посетил Ханой, а вскоре авианосец «Джордж Вашингтон» вновь появился у берегов Вьетнама, но на этот раз он уже вошел в порт Дананг. На борту авианосца прошли совместные штабные учения ВМС. Его экипаж был тепло встречен на берегу, где состоялись обычные в таких случаях дружеские мероприятия.

Тем не менее США пока оружия Вьетнаму не продают формально из-за запрета, наложенного Конгрессом в связи с продолжающейся критикой положения с правами человека и религиозными свободами в этой стране. Но и в этом отношении за последние годы стороны также продвинулись далеко вперед. США, например, согласились поставить Вьетнаму запчасти для ремонта трофейных вертолетов, доставшихся ему после войны. А их было брошено во время эвакуации американских войск из Южного Вьетнама большое количество.

Наблюдатели также обратили внимание на тот факт, что ряд воинских подразделений на юбилейном параде 2 сентября 2010 г., в 65-ю годовщину независимости Вьетнама, прошли не с автоматами Калашникова в руках, как обычно, а с американскими винтовками M-16.

⁶² The New York Times. 27 Sept. 2011.

Шеф Пентагона Л. Панетта на встрече министров обороны АСЕАН+8 на Бали 25 октября 2011 г. назвал отношения с Вьетнамом «доверительным взаимопониманием». С американской стороны он подтвердил готовность к совместным маневрам и учениям флотов. Такие маневры уже проводились несколько раз, но всегда, по настоянию вьетнамской стороны, имели ограниченный и четко обозначенный гуманитарный характер. Они сводились либо к штабным учениям, либо к отработке взаимодействия при оказании помощи кораблям, терпящим бедствие на море. Но политический характер их тоже был, конечно, очевиден. Так, 13 июня 2011 г. (в разгар очередного кризиса в ЮКМ) корабли ВМФ Вьетнама и США провели совместное учение у острова Фанвинь архипелага Спратли. Для участия в нем в порт Дананг вновь вошел американский эсминец.

Выступая на Диалоге Шангри-ла в Сингапуре в июне 2010 г., вьетнамский министр иностранных дел Фам Бинь Минь очертил четкие рамки военного сотрудничества с США: «Вьетнам твердо придерживается независимости и самостоятельности своей внешней политики. Это значит, что он категорически отказывается от любых попыток втянуть его в какие-либо действия против другой страны, прежде всего Китая. В то же время, если США располагают современными научно-техническими достижениями и согласны ими поделиться, то ради защиты своего отечества Вьетнам нуждается в них и приветствует это. И только»⁶³.

Вьетнаму, действительно, не нужен союз с США. Он может развивать отношения с США ради собственных государственных интересов. США тоже преследуют свои государственные интересы в том, чтобы, как они заявляют, обеспечить свободу судоходства в ЮКМ. **И это позволяет Вьетнаму рассчитывать на определенную поддержку со стороны США в их же собственных интересах.**

Первая половина 2012 г. была отмечена особо интенсивными контактами с США на всех уровнях. В феврале во Вьетнаме побывали два влиятельных сенатора и бывших кандидата в президенты от республиканской партии Джон Маккейн (бывший летчик, находившийся в плену во Вьетнаме) и Джозеф Либерман. Через месяц туда прибыл заместитель госсекретаря по делам Азии Курт Кэмпбел. В конце апреля 2012 г. Вьетнам одновременно принимал два военных корабля Китая, которые, совершая учебный поход, пришли с визитом в порт Хошимина, и американский эсминец «Блю Бридж», посещавший в эти же дни уже освоенный кораблями 7-го Тихоокеанского флота Дананг. Этот двойной визит стал еще одним подтверждением непрерывной борьбы за влияние во Вьетнаме между США и Китаем, а с другой стороны, был наглядным свидетельством попыток Вьетнама удерживать баланс в отношениях с этими странами.

В июне во Вьетнаме побывал с визитом министр обороны Л. Панетта, в июле по пути на АРФ в Пномпене с официальным визитом прибыла государственный секретарь Х. Клинтон, а в ноябре ожидался с визитом по пути на Восточноазиатский саммит сам президент Б. Обама, естественно, в случае его переизбрания на второй срок.

Одним из главных в программе визита министра обороны США стало его посещение бухты Камрань, где в годы войны американцы построили крупнейшую

⁶³ ВВС на вьет.яз. 24.06.2010.

базу своих ВМС. Из этого некоторые западные СМИ попытались сделать мировую сенсацию и чуть ли не символ окончательного примирения коммунистического Вьетнама со своими бывшими главными врагами. Выступая перед моряками американского военно-транспортного корабля «Ричард Берд», стоявшего на ремонте в бухте Камрань, Л. Панетта не без пафоса назвал этот факт историческим. Он заявил: «То, что наш корабль стоит сейчас здесь, а вьетнамские рабочие приводят его в порядок, — это важный знак, говорящий, как далеко мы продвинулись в наших отношениях»⁶⁴.

Но несмотря на явно выраженное желание США вернуться в Камрань, с вьетнамской стороны встречного желания пока не отмечено. Вьетнам не взял на себя никаких обязательств в этом отношении. В бухту разрешено заходить с визитом по одному военному кораблю в год — как США, так и Китая. В остальном разрешается заход на стоянку, пополнение запасов и ремонт только коммерческих судов и вспомогательных (не вооруженных) военных кораблей. Дело в том, что бухта Камрань не только очень удобна, но и велика по своим размерам. Бывшая база ВМС США занимает лишь ее небольшую часть. Как отмечал в тот же день в интервью ВВС заместитель министра обороны СРВ генерал-полковник Нгуен Ти Винь, в этой зоне Вьетнам не сотрудничает ни с одним государством и не позволяет туда заходить никаким иностранным кораблям. А рядом расположен большой порт Бангой, где имеются судоремонтные мастерские и куда уже не раз заходили как американские, так и многие другие корабли. И это его нормальная хозяйственная деятельность. Порт открыт на коммерческих началах для судов всех стран. Там обслуживаются все торговые и даже военные (только вспомогательные) корабли, которым предоставляются услуги по пополнению запасов воды и продовольствия, а также по текущему ремонту в меру пока еще ограниченных технических возможностей страны⁶⁵.

В переговорах с министром обороны США Л. Панеттой вьетнамская сторона среди прочего вновь поставила вопрос о снятии запрета на продажу вооружений. Ответа на это пока не последовало.

Сотрудничество Вьетнама с США в контексте ситуации в ЮКМ все еще носит ограниченный характер и сводится в основном к дипломатическим контактам, регулярным встречам военных руководителей и заявлениям на международных форумах и в СМИ. Все, что они делают, это, скорее, подача сигналов Китаю о том, что США и Вьетнам выступают на одной стороне. Но в то же время США как бы шлют свои отдельные послания Китаю о своем «присутствии» в ЮКМ. Об этом постоянно напоминают их совместные учения и маневры с партнерами по ЮВА в этом регионе. И хотя они проводят их в своих собственных интересах, это, очевидно, отвечает также и интересам Вьетнама.

Можно заметить, что США ни разу не поддержали требования суверенитета в ЮКМ, выдвигаемые Вьетнамом. Они развивают дипломатическое сотрудничество, показывая Китаю, что оно может легко перейти и в военное, но они не делают этого, якобы не стремясь к военному превосходству над другой стороной.

⁶⁴ ВВС на вьет.яз. 03.06.2012.

⁶⁵ Там же.

Итак, Вьетнам действительно становится важным военно-политическим партнером США в регионе. Но представить себе военный союз между ними в обозримой перспективе трудно. Неправильно считать, как пишут некоторые американские аналитики, что у Вьетнама в создавшейся ситуации остается единственный выбор: либо подчиниться требованиям Китая, либо опереться на США. Третьего, мол, не дано. Это не совсем так. Не отказываясь от любой возможности заполнить помощь извне, вьетнамцы всегда предпочитали опираться на свои собственные силы и мобилизацию мирового общественного мнения в свою поддержку.

Международная практика такова, что государство, избранное США на роль «подчиненного партнера», имеет мало шансов стать таковым, не рискуя своей независимостью и суверенитетом. И это хорошо понимают в руководстве КПВ. В роли перекрестка между Китаем и США Вьетнам играет на интересах обоих, не позволяя никому из них перетянуть себя в свой лагерь. Эту политику по-военному четко определил министр обороны Вьетнама Фунг Куанг Тхань во время его визита в Китай в 2010 г. Отвечая на вопросы журналистов о сотрудничестве с США, он сказал на принятом в Китае политическом языке, что внешняя политика СРВ тоже строится по формуле «три нет»: нет участию в военных блоках, нет военным союзам с какой-либо одной страной против другой, нет предоставлению военных баз на своей территории другим государствам⁶⁶. Эта позиция, сформулированная еще в Белой книге по проблемам обороны Вьетнама 2009 г., пока остается без изменений.

В отчетном докладе ЦК КПВ на XI съезде партии отношения с США характеризуются весьма дипломатично как «отношения «дружественного партнерства», многостороннего сотрудничества, взаимного уважения и взаимной выгоды, ведущие к глубокому и широкому сотрудничеству на долгосрочной основе»⁶⁷.

Один из самых авторитетных экспертов по американско-вьетнамским отношениям профессор К. Тэйер довольно точно определил сущность этих отношений: «США имеют влияние во Вьетнаме в той мере, в которой вьетнамцы действительно чего-то хотят от них. А они хотят, чтобы их президент принимался в Белом доме, хотят стратегического партнерства с США и снятия ими ограничений на торговлю оружием. Официальные лица США ясно показали, что ни одно из этих пожеланий не будет удовлетворено, пока положение с правами человека (включая свободу Интернета) не будет улучшено. Но, несмотря на оказываемый американцами нажим, положение это только ухудшилось»⁶⁸.

Основные противоречия Вьетнама и США связаны с правами человека и религиозными свободами. Очевидно, что правительство США будет и впредь давить на Вьетнам, добиваясь ощутимого прогресса в этих вопросах, как его представляют американцы. За этим стоит 2-миллионная вьетнамская диаспора в США и значительная часть политического истеблишмента. В Конгресс США из года в год вносятся законопроекты, запрещающие оказание Вьетнаму какой-либо помощи, кроме случаев гуманитарной необходимости. Правда, они столь же регу-

⁶⁶ URL: www.vietnamnet.vn/ 20.10.2010.

⁶⁷ Nhan Dan. 13.01.2011.

⁶⁸ Цит. по: [O'Flaherty 2012]

лярно отклоняются сенатом. «Досье» Вьетнама по правам человека считается лучше, чем у Китая. Но на практике масштаб отношений с Вьетнамом несравнимо меньше, чем с Китаем. И при всех совпадениях интересов и всех рыночных реформах Вьетнам, подобно Китаю, еще долго будет оставаться экономически как будто «своим», а политически «чужим», пока там сохраняется режим монопольной власти КПВ.

В США многие видят главное препятствие для развития отношений с Вьетнамом в правящей Коммунистической партии этой страны, которая постоянно критикуется за ее отношение к правам человека и инакомыслящим. Пока не будут осуществлены глубокие демократические преобразования, а главное, пока не будут допущены многопартийность и так называемый политический плюрализм и не будет разрешена деятельность политической оппозиции, поддерживаемой из-за рубежа, США вряд ли снимут запрет на продажу оружия. Такова дилемма, с которой сталкивается руководство Вьетнама.

Но это только внешняя оболочка, под которой творцы американской политики скрывают главное — неуверенность в том, каковы на самом деле стратегические цели Вьетнама, как далеко он готов пойти вместе с США в «сдерживании» Китая. Стратегические интересы Вьетнама и США совпадают в том, что касается сохранения равновесия сил в условиях быстрого «подъема» Китая и в ограничении его экспансии, в частности, в ЮКМ. Но Вьетнам и США имеют и весьма сложные отношения с Китаем. Вьетнам не считает себя врагом Китая, хотя напряженность между ними в ЮКМ продолжает нарастать и Вьетнам закупает большие партии вооружений для защиты от Китая. В то же время он развивает отношения с Китаем во многих областях, а отношения КПК и КПВ обеими партиями называются «братскими».

Как долго удастся Вьетнаму оставаться в этом промежуточном положении между КНР и США? Это во многом будет зависеть от развития отношений между ними. Собственный корреспондент в Бангкоке и член редколлегии «Жэньминь жибао» Цзинь Хайгуан в статье, опубликованной в англоязычном издании этой газеты «Глобал таймс» в июле 2012 г., писал, что Вьетнаму не удастся долго оставаться в роли «удачливого рыбака», и «рано или поздно ему придется делать выбор между Китаем и США, как и другим странам ЮВА». Выражая официальную точку зрения КПК, автор этой статьи особо подчеркивал, что пока в СРВ сохраняется однопартийный режим власти КПВ, трудно ожидать, что Вашингтон пойдет на большее сближение с Вьетнамом. Он считает, что только тогда, когда Вьетнам полностью интегрируется в АСЕАН и добьется политического доверия всех его членов и образования единого дипломатического фронта, он сможет удержаться на своей промежуточной позиции между Пекином и Вашингтоном. Но это требует со стороны АСЕАН гораздо большей готовности, чем можно видеть в настоящее время.

Вьетнам охотно вступает в диалог с США на разных уровнях по проблемам, в которых у них сохраняются серьезные разногласия, а именно по вопросам демократии, прав человека и религиозных свобод, но решительно возражает против любых попыток со стороны США вмешаться в его внутренние дела. И как показывает практика, политическая стабильность в этой стране для американ-

ского истеблишмента в целом пока важнее претензий к уровню демократичности ее внутреннего устройства. Поэтому Вьетнам по-прежнему считается весьма привлекательным для американских инвесторов.

При всем этом возникает вопрос, а так ли уж необходимо Вьетнаму это американское вооружение? Допустим, он получит его. За этим следует обязательное продолжение: инструкторы для обучения персонала, зависимость от поставок запчастей и т.д. Но это только разожжет страхи в Китае и усилит обвинения в том, что Вьетнам становится орудием американской политики. Поэтому у вьетнамских руководителей нет выбора, кроме как стремиться к развитию сотрудничества с США, Японией и с Западом вообще, сохраняя продуктивные отношения с Китаем. Эта двойная игра позволяет им сохранять независимость внешней политики Вьетнама на данном этапе.

Вьетнам выходит на международную арену

После долгих колебаний и нежелания выносить свои разногласия с Китаем на суд мирового общественного мнения Вьетнам приступил к активной публичной защите своих интересов в ЮКМ. Ему приходится противостоять значительно превосходящему по силе и возможностям противнику. Но в этом есть и преимущество, так как мировое сообщество чаще всего склоняется на сторону слабейшего в конфликте, что и происходит в настоящее время.

Стратегия Вьетнама, как представляется, состоит из трех взаимосвязанных элементов:

1. Сотрудничество и одновременно противостояние главным политическим игрокам в регионе.
2. Роль перекрестка на пути строящихся отношений Китая и США в АТР.
3. Многовекторная внешняя политика.

К XI съезду КПВ в январе 2011 г. руководство партии пришло к выводу, что настало время для полномасштабного выхода страны на международную арену. В своем выступлении на Совете по международным отношениям США в октябре 2011 г. назначенный после съезда новый министр иностранных дел СРВ Фам Бинь Минь⁶⁹ говорил: «Это был поворотный момент в нашей внешней политике, ибо до того мы фокусировались на интеграции в мировую экономику, а сейчас мы интегрируемся в мировое сообщество в целом, включая не только экономику, но и политику, дипломатию, безопасность, оборону, культуру и социальную сферу» [Pham Binh Minh 2011].

Став членом ВТО и АТЭС, заключив ряд соглашений о свободной торговле с различными странами, войдя в состав Транстихоокеанского партнерства, Вьетнам получил дополнительные возможности для развития своей экономики. Участием в Совете Безопасности ООН в 2008–2009 гг., эффективным председа-

⁶⁹ Фам Бинь Минь — типичный представитель нового поколения руководителей Вьетнама, сын выдающегося дипломата, бывшего министра иностранных дел Нгуен Ко Тхатя, которому принадлежит немалая заслуга в нормализации отношений с США и многими другими странами. Получил образование в США и работал там много лет послом.

тельством в АСЕАН в 2010 г. Вьетнам подтвердил свою крепнущую репутацию ответственного члена регионального и мирового сообщества, значительно повысил свой международный авторитет и укрепил позиции на международной арене.

К настоящему времени он установил отношения стратегического партнерства с Россией, Китаем, Индией, Японией, Южной Кореей, Германией, Великобританией, Испанией, Нидерландами и вплотную подошел к приданию этого статуса своим отношениям с США. Касаясь этого вопроса в упомянутом выше выступлении в Совете по международным отношениям США в Нью-Йорке министр Фам Бинь Минь отмечал: «У нас стратегическое партнерство с 7 странами. Оно включает сотрудничество в самых разных областях, рассчитанное на длительное время, но ни в одном случае оно не направлено против какой-либо третьей страны» [Там же].

У Вьетнама имеются двусторонние отношения в области военного сотрудничества с 65 странами. Он активно участвует во многих международных и региональных форумах по безопасности. С 2008 г. он неоднократно выражал готовность участвовать и в операциях ООН по поддержанию мира [Le Dinh Thi 2012].

Некоторые эксперты считают, что все это слишком амбициозный курс для Вьетнама, который в экономическом отношении еще сильно отстает от своих партнеров даже по АСЕАН. Немало споров вызывает участие в Транстихоокеанском партнерстве, с учетом того что большинство его собственных предприятий не готово к конкуренции с фирмами высокоразвитых государств АТР. Но принятие этого стратегического курса показывает, что руководство страны идет на него не вслепую, а тщательно подсчитав свои выгоды и убытки на базе уже имеющегося пятилетнего опыта членства в ВТО. И только время покажет, оправдается ли этот риск или нет.

Другого мнения придерживается директор Центра исследований ЮКМ Дипломатической академии Вьетнама Чан Тьонг Тхюи. На международной конференции по ЮКМ, проводившейся Центром стратегических и международных исследований (CSIS) в Вашингтоне 20 июня 2011 г., он говорил, что политика Вьетнама в отношении ЮКМ носит системный характер и использует много факторов, кроме уже известных усилий вынести этот вопрос на обсуждение в АСЕАН и на другие многосторонние форумы. Во-первых, Вьетнам стремится показать всему миру, что экспансионистские действия Китая в ЮКМ создают препятствия для вполне законной повседневной деятельности Вьетнама, соответствующей всем нормам международного права. Таким способом, считает он, Вьетнам может привлечь общественное мнение на свою сторону. Во-вторых, в зависимости от обстановки и конкретных событий он может выносить эти проблемы на форумы АСЕАН, как и на другие международные форумы. И чем больше будет голосов беспокойства по поводу политики Китая, тем более ответственно придется руководству этой страны взвешивать свои действия и учитывать последствия каждого экспансионистского шага в ЮКМ. И в-третьих, Вьетнам вынужден наращивать силы и средства для защиты своего суверенитета, законных и равных с другими прав и интересов в ЮКМ. А главное в политике Вьетнама, как подчеркивает этот видный вьетнамский эксперт, — это соблюдение действующего международного права и его использование в дипломатии как основного средства

поддержания стабильности в ЮКМ и продолжения реализации своих интересов и прав в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.

Как считает Чан Тьонг Тхюи, чем больше международных интересов будет связано с ЮКМ, тем лучше для того, чтобы превратить его в проблему региональную и даже мировую, а это, в свою очередь, позволит «лучше контролировать провокационные и даже воинственные акции Китая и сохранять мир и стабильность»⁷⁰.

Эта линия оказалась оправданной и оплачивается мобилизацией внешней поддержки в ведении дел с Китаем. В условиях противодействия и одновременно сотрудничества с Китаем Вьетнам научился, что называется, «танцевать со сломом», т. е. противостоять притязаниям Китая на гегемонию и одновременно добиваться сотрудничества с ним, не допуская того, чтобы противоречия по ЮКМ доминировали в двусторонних отношениях с Китаем.

Одновременно со второй половины 2011 г. Вьетнам значительно активизировал дипломатические усилия, сочетая участие в международных форумах с целой серией государственных визитов в разные страны и принимая лидеров многих стран у себя.

Выбор Индии для визита президента Чыонг Тан Шанга одновременно с визитом генерального секретаря КПВ в Китай, вероятно, был оправдан с точки зрения поиска противовеса усилившемуся давлению Китая в ЮКМ. Одновременный визит двух высших руководителей Вьетнама в две крупнейшие страны Азии, заинтересованные в решении проблем ЮКМ, — Индию и Китай — как бы создал некий треугольник Индия — Вьетнам — Китай. Если многие иностранные компании под давлением Китая отказались от эксплуатации ряда месторождений нефти и газа в ИЭЗ Вьетнама, то индийские компании на это не пошли, что и было поддержано вновь в апреле 2012 г. заявлением министра иностранных дел Индии.

После Индии состоялись визиты премьер-министра Нгуен Тан Зунга и министра обороны Фунг Куанг Тханя в Японию, которые среди многих других соглашений достигли договоренностей и о сотрудничестве в области обороны. Многовекторная внешняя политика Вьетнама добавляет игроков, заинтересованных в рациональном решении проблем ЮКМ: Австралию, Японию, Южную Корею, Францию, Великобританию и др. Вьетнам явно пытается использовать это для создания определенной группы поддерживающих его государств.

Вьетнам не может рассчитывать, что в случае конфликта с Китаем страны АСЕАН солидарно придут ему на помощь, хотя большинство из них с сочувствием наблюдают за неуступчивым поведением СРВ в отношении Китая. АСЕАН внутренне не едина. Камбоджа и Мьянма, например, не стали поднимать вопросы ЮКМ на прошедших саммитах АСЕАН. Другие предпочитают, чтобы Вьетнам и Филиппины, что называется, лезли в пасть дракона одни и не втягивали бы их в конфликт с Китаем (Таиланд, Малайзия, Сингапур). Но было очевидно, что усиление напряженности и угрожающие действия из внешнего источника (в данном случае Китая) вместе с давлением американцев подтолкнули страны АСЕАН

⁷⁰ URL: www.vietnamnet.vn/23-06-2011

к коллективным действиям, что и произошло в 2010–2011 гг. под председательством Вьетнама и Индонезии в этой организации. Правда, в 2012 г. при председательстве Камбоджи возникли трудности на этом пути, но о них речь ниже.

Исходным условием решения проблем в ЮКМ Вьетнам считает отказ всех претендентов от необоснованных односторонних территориальных претензий. Только после этого, по мнению вьетнамских ученых и дипломатов, можно будет найти общий знаменатель по выработке правовой основы работы любого форума с целью поиска решения территориальных споров в ЮКМ. Его можно найти, как считает уважаемый вьетнамский эксперт в области международного права профессор Нгуен Хонг Тхао, если все заинтересованные стороны договорятся о следующем.

1. Урегулирование споров должно отвечать нормам международного права; споры о суверенитете должны рассматриваться непосредственно соответствующими заинтересованными странами исключительно мирными средствами.

2. Основой для достижения всеми заинтересованными странами взаимовыгодного соглашения является строгое уважение подписанной Китаем и АСЕАН в 2002 г. Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море (DOC) и содействие тому, чтобы она как можно быстрее превратилась в юридически обязывающий Кодекс (COC).

3. Морские проблемы должны рассматриваться в плане выполнения положений Конвенции 1982 г. Двусторонние проблемы должны решаться на двусторонней основе, а многосторонние, соответственно, — на многосторонней. Существующие механизмы сотрудничества в рамках АСЕАН и АСЕАН+ должны играть важную роль в поощрении соответствующих стран на поиск долгосрочных и взаимоприемлемых решений.

4. Страны региона должны всемерно содействовать выработке мер доверия и сотрудничеству в интересах всех вовлеченных стран [Nguyen Hong Thao 2011: 289].

Учитывая, что вопрос о разделе архипелага Спратли де-факто практически решен, бывший председатель Правительственного комитета СРВ по границам Чан Конг Чук, выступая на международной научной конференции в Ханое в ноябре 2009 г., говорил о том, что можно было бы временно отложить территориальные споры о Спратли и поддерживать сложившееся статус-кво между заинтересованными сторонами. При этом обитаемые острова должны иметь свою 12-мильную зону территориальных вод. Вокруг рифов такая зона не должна превышать 3 миль. Кроме этого, стороны могли бы договориться между собой и о границах континентального шельфа, как это предусмотрено Конвенцией ООН 1982 г. В ожидании окончательного разрешения спора можно было бы рассмотреть и возможности «совместного освоения» ресурсов ЮКМ [Tran Cong Truc 2010: 6].

Конечно, это — не официальная позиция правительства СРВ, а лишь мнение многоопытного практика, прошедшего путь многолетних труднейших переговоров с Китаем по демаркации границы. Позиция правительства выглядит более жесткой, особенно в отношении Парасельских островов после упомянутого заявления премьер-министра Нгуен Тан Зунга в Национальном собрании СРВ 25 ноября 2011 г. и особенно после принятия Морского закона в июне 2012 г.

На встрече в Ханое 22 декабря 2011 г. с тогда вероятным в будущем, а ныне лидером КПК Си Цзиньпином вьетнамский премьер-министр предложил, чтобы обе страны «в духе братского товарищества, дружественного добрососедства, взаимного уважения законных интересов друг друга, опираясь на достигнутые договоренности между руководителями и Соглашение о главных принципах решения проблем Южно-Китайского моря, а также на основе международного права, Конвенции ООН 1982 г. и в духе Декларации 2002 г. нашли достойное решение споров, отвечающее чаяниям и фундаментальным интересам народов двух стран»⁷¹. В целях реализации Соглашения о принципах решения проблем на море, заключенного в октябре 2011 г., Вьетнам предложил ускорить создание специального совместного органа и в ближайшее время провести для этого встречи правительственных делегаций.

Это предложение осталось без ответа, а последующее развитие событий с весны 2012 г. вновь пошло по старому пути захвата судов вьетнамских рыбаков, взаимных упреков и протестов.

8 сентября 2012 г. Президент СРВ Чыонг Тан Шанг имел продолжительную беседу с Председателем КНР Ху Цзиньтао в кулуарах саммита АТЭС во Владивостоке. А через две недели, 25 сентября 2012 г., в Наньнине по случаю 9-й торгово-промышленной выставки АСЕАН — Китай и саммита по инвестициям премьер-министр СРВ Нгуен Тан Зунг встретился с тогда еще заместителем Председателя КНР Си Цзиньпином. Сообщая об этой встрече, Вьетнамское информационное агентство (ТТХВН) подчеркивало: «Обе стороны были единодушны в понимании необходимости сохранения мира и стабильности в Восточном море и достойного разрешения всех проблем путем мирных переговоров, исходя из большого стратегического значения отношений между двумя государствами». В сообщении также говорилось, что Си Цзиньпин принял приглашение посетить Вьетнам после XVIII съезда КПК.

По общему мнению вьетнамских ученых и политиков, после прошедшего XVIII съезда КПК и выборов нового Председателя КНР в 2013 г. есть основания вновь увидеть некоторое смягчение китайских позиций.

ФИЛИППИНЫ НА ОСТРИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Из всех возможных сценариев развития событий до последнего времени самым угрожающим считался конфликт между Китаем и Вьетнамом. Но с конца 2011 г., когда вьетнамо-китайские споры несколько утихли, на первый план вышли проблемы отношений Филиппин и Китая. Вместе с Вьетнамом эта страна наиболее активно отстаивает свои интересы в ЮКМ. Филиппины решительно требуют от Китая вернуться к статус-кво до 1995 г., т. е. до оккупации Китаем рифа Миссиф архипелага Спратли, и ликвидации там всех китайских укреплений, складов, геодезических знаков и других сооружений.

⁷¹ Thông Tấn Xã Việt Nam (ТТХВН). 22.12.2011.

Неудавшаяся попытка выхода из тупика

Более 20% населения Филиппин — это полностью или частично ассимилированные китайцы. Они занимают ведущие позиции в торговле. Многие из них имеют серьезные инвестиции в континентальном Китае. Формально Филиппины являются военным союзником США, но, похоже, там не очень полагаются на них как на надежных союзников. По приглашению и в порядке ротации на Филиппинах постоянно находятся 650 американских военных советников, помогающих бороться с местными сепаратистами и террористами в южных мусульманских провинциях. Филиппины закупают в США вооружение для своей армии и все чаще демонстрируют жесткость своей позиции в отношениях с Китаем в расчете на поддержку и защиту со стороны США.

Акватория ЮКМ в районе Спратли на Филиппинах называется Западно-Филиппинским морем. В отличие от Вьетнама и Малайзии, Филиппины как островное государство отсчитывают границы своих территориальных вод, исключительной экономической зоны и континентального шельфа не от береговой «базовой линии»⁷² своего самого близкого к архипелагу Спратли и самого большого острова Лусон, а от «базовой линии» тех островов и отмелей этого архипелага, которые они законом включили в состав своей провинции Палаван. Заявляемые ими границы в результате глубоко накладываются на соответствующие претензии других стран — Китая, Вьетнама, Тайваня и Брунея.

Позиция Китая в этом вопросе неоднозначна. В некоторых случаях он выступает против придания островам, особенно не имеющим условий для жизни, «режима островов» по Конвенции ООН 1982 г., а в других, как и в отношении Парасельских островов и Спратли, настаивает на ИЭЗ вокруг них и континентальном шельфе, которые накладываются на претендуемые границы ИЭЗ Филиппин, что и порождает непрекращающиеся инциденты и споры между ними по проблемам рыболовства, разведки и добычи углеводородов. Самым частым катализатором конфликта становятся геологоразведочные работы, особенно если они дают серьезные результаты, а также попытки активной эксплуатации уже открытых месторождений. Причем речь идет уже о прибрежных районах материкового шельфа в пределах ИЭЗ береговой страны. Три главных инцидента с кораблями сейсмической разведки Вьетнама и Филиппин весной и летом 2011 г. как раз и обозначили новую волну китайского наступления в ЮКМ.

Хотя на многочисленных научных конференциях последних лет высказывается множество различных предложений относительно путей урегулирования территориальных споров в ЮКМ, но одно из первых, а точнее — самое первое было высказано еще в 1978 г. на пресс-конференции в Токио выдающимся китайским лидером Дэн Сяопином. Оно касалось как проблем с Японией в Восточно-Китайском море, так и со странами ЮВА в ЮКМ и заключалось в том, чтобы отложить на будущее все разногласия ради сохранения мира, развития и сотрудничества. Позднее эта идея воплотилась в его известных установках «одна страна, две

⁷² «Базовой линией» считается черта между двумя самыми выдающимися в море точками береговой линии.

системы» в отношении Гонконга и Тайваня и «совместное развитие» в отношении островов Спратли в ЮКМ. О Парасельских островах при этом не говорилось ничего, а архипелаг Спратли рассматривался им как целиком принадлежащий Китаю при том, что некоторые острова его временно заняты Тайванем, Вьетнамом, Филиппинами и Малайзией. Он указывал, что Китай мог бы применить силу для возвращения себе этих островов, но предпочитает использовать мирные средства для разрешения споров, а потому следует отложить на будущее проблему суверенитета и начать совместное развитие региона. Как и многие другие его идеи, эта тоже была поддержана его преемниками Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао.

Во второй половине 1990-х годов Китай снова выступил с этой инициативой. Китайское правительство предложило «отложить в сторону споры» и взяться за «совместное освоение» ресурсов ЮКМ. Иными словами, китайская сторона, не снимая своих притязаний на суверенитет над островами Спратли, но и не настаивая на их первоочередном удовлетворении, стала выступать за то, чтобы перенести существующие в регионе проблемы в категорию «отложенного спора», оставив их решение «следующим поколениям».

В Китае есть серьезные группы интересов, готовые пойти на совместное использование энергетических ресурсов ЮКМ при условии, что это не снимает требований Китая относительно суверенитета. Прежде всего, это китайские нефтяные компании. Крупнейшая из них — CNOOC (China National Offshore Oil Company) — уже давно приступила к обновлению своей технологии для глубоководного бурения. Она предназначена именно для районов около Спратли, на которые претендуют Филиппины. Но техники этой у них пока мало. Ничто при этом не исключает возможности сотрудничества CNOOC с иностранными компаниями, хотя не всякий инвестор пойдет в оспариваемые районы, пока претенденты не договорятся между собой.

В последнее время стало проявляться и встречное стремление некоторых филиппинских компаний (с большой долей местного китайского капитала) к установлению делового сотрудничества с Китаем. В 2004 г. Китай и Филиппины подписали соглашение о совместном проведении геологоразведочных работ в ряде районов ЮКМ. Через год **после настойчивых усилий** к ним присоединился Вьетнам, и это соглашение стало трехсторонним.

Соглашение 2005 г. было не таким уж плохим, как его позже стали описывать на Филиппинах. Все его участники обязались соблюдать принципы Декларации 2002 г. Таким образом, они становились, по крайней мере, для этих трех государств, юридически обязывающими. Стороны договорились проводить совместные работы по исследованию дна на участке в 143 000 кв. км в южной части акватории архипелага Спратли, включая те острова, на которые претендовали Филиппины. Срок действия соглашения для начала был установлен всего на три года, т. е. до 2008 г.

Подписанное соглашение ничего не меняло в позициях правительств трех стран. Речь шла только об исследованиях, а не об эксплуатации месторождений. И это остается достаточно важным и сегодня, поскольку без всестороннего исследования потенциально имеющихся ресурсов споры вокруг принадлежности тех или иных участков моря в большой мере беспредметны.

Вскоре, однако, оказалось, что все начатые работы велись только на континентальном шельфе у берегов Филиппин в их ИЭЗ. Одновременно Китай стал добиваться, чтобы все иностранные компании, которые по контракту вели аналогичные работы в ИЭЗ Вьетнама и Филиппин, прекратили их. Поддерживать это соглашение дальше стало невозможно и для Филиппин, и для Вьетнама, ибо это означало безоговорочное признание пресловутой «линии U», хотя официально она тогда еще нигде не предъявлялась.

В результате это вызвало негативную реакцию как на Филиппинах, так и во Вьетнаме. Вскоре вокруг этой сделки на Филиппинах разразился грандиозный коррупционный скандал, в котором оказались замешаны многие высокопоставленные чиновники, включая Хосе Арройо — супруга президента Глории Арройо. Действие соглашения было прекращено, а судебный процесс по этому делу продолжается до сих пор. Под домашним арестом остается и сама Глория Арройо, обвиняемая в предательстве национальных интересов.

Соглашение 2005 г. о сотрудничестве в совместном развитии в ЮКМ не являлось чем-то особенным в мировой практике. Часто бывало, что страны не могли решить тот или иной спор между собой, и тогда они как бы отодвигали его в сторону для совместного развития или использования имеющегося потенциала. Вьетнам не раз в таких соглашениях участвовал, а в принципе и сейчас поддерживает метод урегулирования споров через совместное развитие. Проблема в том, чтобы определить районы для такого развития и найти для него соответствующие формы, обеспечивающие баланс интересов, а для этого требуется согласие и политическая воля всех заинтересованных сторон.

Позитивным примером сотрудничества являются совместные океанографические и морские экспедиции в ЮКМ, проводившиеся с 1994 г. по инициативе тогдашнего президента Филиппин Фиделя Рамоса и президента СРВ Ле Дык Аня. До 2007 г. состоялись четыре такие экспедиции, но затем они тоже прекратились.

Тогда же Ф. Рамос предлагал отдать под управление каждый спорный остров той стране, которая находится к нему ближе географически. Эти страны могли бы строить там убежища для рыбаков на случай стихийных бедствий, пристани и другие сугубо гражданские сооружения и хозяйственные постройки. Оставалось, правда, определить, какой остров считать спорным, а какой нет. К тому же это предложение было явно неприемлемо для Китая, который не получил бы в этом случае вообще ничего.

И позднее, в 2009–2011 гг., были примеры урегулирования ряда противоречий между странами АСЕАН в виде соглашений о совместном развитии или о разделе продукции между компаниями Вьетнама и Малайзии, а также Малайзии с Брунеем и Таиландом. В октябре 2011 г. Филиппины и Вьетнам подписали целый пакет соглашений по сотрудничеству на море с явным намерением противопоставить такой подход демонстрируемой Китаем жесткости.

Китайские политики по-прежнему часто возвращаются к этой идее соразвития в своих заявлениях и интервью. Министр иностранных дел КНР Ян Цзечи, выступая на сессии ВСНП в марте 2012 г., в частности, вновь заявил, что «отло-

жив окончательное решение споров, все заинтересованные страны могли бы начать совместное развитие региона»⁷³.

Правда, Китай ни разу так и не уточнил, что он имеет в виду под понятием совместного развития. Каждый раз, когда выдвигается эта идея, остается без ответа главный вопрос: где? Позиция Китая состоит в том, что такое соразвитие надо осуществлять за пределами обозначенной им «линии U», что неприемлемо для других прибрежных стран, прежде всего Вьетнама и Филиппин, которые решительно отказываются от совместной с Китаем эксплуатации месторождений в их исключительных экономических зонах и на их материковом шельфе.

Таким образом, первая попытка найти выход из сохраняющегося правового и политического тупика в регионе успехом не увенчалась. На словах все идею совместного освоения ресурсов ЮКМ в принципе поддерживают, но на практике преобладает настроение — «что мое, то мое, а что ваше, то будем развивать вместе» [Cossa 1998: 38].

Ставка на американскую карту

Филиппины подвергаются такому же давлению со стороны Китая, что и Вьетнам, но их подход к спорам с Китаем по проблемам суверенитета в ЮКМ сильно отличается от вьетнамского. Филиппины не поддерживают столь тесных связей с КНР по всем линиям, как Вьетнам. Филиппинские ВМФ, как и ВВС, находятся в зачаточном состоянии. Зато Филиппины имеют долгосрочный Договор 1951 г. о взаимной обороне (МДО) с США. И это, как считают в Маниле, позволяет им проявлять более жесткую позицию в отношении Китая, чем Вьетнам, а заодно и тестировать действенность договора с США.

Характерно также, что ряд последних инцидентов в прилегающих районах ЮКМ, в частности, вышеописанное противостояние у мыса Скарборо в апреле-мае 2012 г., происходили не с филиппинскими, а с китайскими рыбаками, которые вели незаконный, с точки зрения Филиппин, промысел в тех водах, которые они считают своими.

Действия китайцев сразу поставили перед Филиппинами вопрос о том, распространяется ли Договор 1951 г. на проблему суверенитета над островами. Статья 3 Договора предусматривает, что в подобной ситуации, когда есть угроза суверенитету, стороны должны проводить консультации. Но все формулировки его достаточно туманны, и речь в них идет о вооруженном нападении на ту или иную сторону. Этого пока не было и нет. И остается неясным, подпадает ли вообще под действие Договора никем не признанный суверенитет Филиппин на Кайановы острова, или Землю Свободы, как называются острова в южной части архипелага Спратли, включенные в границы Филиппин. Когда Договор заключался, их в составе Филиппин не было, и о них никто не думал.

Все прошедшие встречи с американцами за эти годы так и не дали однозначного ответа на данный вопрос.

⁷³ Агентство Синьхуа. 06.03.2012.

Филиппинам приходится, кроме того, вести внутреннюю войну против мятежных островов с мусульманским населением. Она продолжается при значительной военной помощи США. В 1999 г. вступило в силу Соглашение о приглашенных силах (Visiting Forces Agreement), по которому американские военные советники участвуют в операциях против мятежников, а страна получает необходимую военную помощь США.

Манила открыто показывает всем и по любому поводу, что Договор 1951 г. с США о безопасности сохраняет силу, а Вашингтон тоже подтверждает это на случай страховки от каких-либо насильственных действий со стороны Китая. Правда, делают они это не так решительно и не без оговорок в том смысле, что речь идет об обороне основной территории Филиппин, а не о спорных территориях островов, включенных в состав страны уже после заключения договора. США в прошлом занимали действительно нейтральную позицию в спорах о территориальной принадлежности островов. Конкретно они заявили Филиппинам в 1995 г. во время конфликта с Китаем из-за рифа Миссиф, захваченного китайским десантом, что их Договор о взаимной безопасности 1951 г. на архипелаг Спратли не распространяется.

Тогда филиппинская печать подняла большой шум, обвиняя США в предательстве интересов союзника. Но одно дело, когда спор шел из-за какого-то необитаемого кораллового рифа, а другое — нападения китайских сторожевых кораблей на филиппинские суда, ведущие геологические изыскания в своей ИЭЗ, да еще, например, во время визита Х. Клинтон летом 2011 г. Естественно, в этом случае госсекретарь не могла не подтвердить гарантии США своему союзнику. Это значит, что в случае каких-либо масштабных силовых акций Китая Филиппины вполне могут потребовать серьезного ответа и со стороны США. Такова, во всяком случае, точка зрения ведущих американских экспертов.

За прошедшее после 2000 г. десятилетие Филиппины получили больше военной помощи, чем какая-либо другая страна ЮВА. В среднем выходило по 70 млн долл. ежегодно.

В июне 2011 г. прошли совместные маневры ВМФ двух стран. Тогда же во время своего визита в Вашингтон министр иностранных дел Филиппин А. дель Розарио представил список вооружений, которые Филиппины хотели бы получить от США. В него вошло несколько боевых кораблей и эскадрилья истребителей Ф-16. Просьба была удовлетворена.

В октябре того же года 3000 морских пехотинцев двух стран вновь провели двухнедельные совместные учения в районе спорных островов. В ноябре там побывала с визитом Х. Клинтон, высоко оценившая политику Филиппин как «надежного союзника» США [Thayer 2012 (2)]. 25 декабря 2011 г. из Манилы вышел на боевое дежурство эсминец Gregorio del Pilar и направился в район добычи газа Малампуйа. Это был один из боевых кораблей, переданных США для укрепления береговой охраны. (Именно он позже стал главным участником описанного выше инцидента у мыса Скарборо.) Одновременно, как сообщала пресса, в порту Манилы было выставлено еще несколько военных кораблей, приобретенных у США.

26 января 2012 г. Филиппины и США провели переговоры по вопросам военного сотрудничества. По сообщениям агентства AP, речь шла об увеличении количе-

ства и масштабов совместных учений. Филиппины предоставили кораблям ВМФ США право захода в порты страны, а военным самолетам — право посадки на аэродромах. США обязались предоставить Филиппинам некоторые современные виды оружия и боевой техники. Вопрос об открытии бывших военных баз США на Филиппинах не затрагивался, поскольку конституция Филиппин 1987 г. запрещает постоянное присутствие иностранных войск на территории страны. Но термин «база» вообще в последнее время не употребляется в лексиконе американских военных и политиков. Речь идет только о местах захода и пребывания военных кораблей «вахтенным методом» и в случае необходимости, что намного дешевле.

Манила явно разыгрывала американскую карту против Китая. Пекин официально не реагировал, но «Жэньминь жибао» и ее вариант на английском «Глобал таймс» — обе выступили с требованием экономически наказать Филиппины «за то, что они призвали американские войска в ЮКМ с целью изоляции и окружения Китая».

Президент Бениньо Акино III занял свой пост в июне 2010 г. и сразу был вынужден противостоять активным действиям Китая в ИЭЗ Филиппин. Активность сторожевых кораблей китайских служб рыбнадзора необычайно возросла, и в первой половине 2011 г. произошло шесть крупных инцидентов подряд.

В течение всего этого периода Филиппины пытались уладить свои отношения с Китаем по дипломатическим каналам. МИД Филиппин громко протестовал против каждого вторжения китайских кораблей и самолетов в территориальные воды и воздушное пространство страны. В дополнение к этому в апреле 2011 г. Филиппины обратились в ООН с нотой, в которой официально подтвердили свой суверенитет на группу Кайановых островов архипелага Спратли, омывающие их воды, биологические и минеральные ресурсы.

Это вызвало немедленный ответ Китая, который 14 апреля 2011 г. вербальной нотой, в свою очередь, обвинил Филиппины в ущемлении своего суверенитета «путем вторжения и оккупации» островов и рифов архипелага Спратли. В июне президент Акино вновь пригрозил поднять этот вопрос в ООН. Но Китай и на этот раз не принял всерьез его увещевания и протесты. Все приводимые филиппинцами факты отвергались как измышления или оправдывались как вынужденные меры, принятые Китаем для соблюдения его «неоспоримого суверенитета» и прав в территориальных водах.

Филиппины ответили громкими дипломатическими протестами, значительным увеличением военного бюджета и закупками американского оружия, активным лоббированием всех стран АСЕАН, добиваясь их солидарной поддержки в противостоянии китайскому давлению. Президент Акино в течение всего 2011 г. активно уговаривал своих коллег по АСЕАН занять общую позицию по отношению к действиям Китая в ЮКМ. От президента Индонезии он добивался, чтобы этот вопрос был поставлен в повестку саммита на о. Бали в ноябре 2011 г. Наконец, он всячески пытался убедить лидеров стран АСЕАН, что никаких двусторонних переговоров с Китаем по этому вопросу быть не должно и что необходимо только совместные коллективные действия всех стран АСЕАН.

Одновременно Филиппины приняли ряд мер по усилению морского и воздушного патрулирования в прибрежной акватории ЮКМ. Для этого в США были

закуплены быстроходные патрульные катера. США предоставили также другое оборудование для береговой охраны и, как сообщалось, начали подготовку экипажей для подводных лодок.

Война словесных протестов разгоралась с новой силой каждый раз, когда Филиппины проводили ежегодные совместные военные учения с США. Они проводятся в последние годы регулярно и посвящаются отработке оперативного взаимодействия в отражении атак террористов. В последнее время они окончательно перешли на море и проводятся в районе Спратли. В 2011 г. в учениях приняла участие американская бригада морской пехоты и другие части передового базирования США в АТР.

В июле 2011 г., выступая накануне Регионального форума АСЕАН (АРФ) на о. Бали, филиппинский министр иностранных дел прямо поставил главный вопрос — о необходимости отказа Китая от «линии U». Эта линия, по его словам, «коренным образом меняет условия осуществления Декларации 2002 г., и это должно быть рассмотрено на предстоящих переговорах в первую очередь»⁷⁴. Тогда же Филиппины развернули дипломатическую кампанию за передачу споров в Международный трибунал ООН по морскому праву.

Филиппины продолжают прилагать всемерные усилия для интернационализации проблемы ЮКМ. Подписанное в июле 2011 г. на о. Бали соглашение АСЕАН с Китаем о Директивах по выполнению Декларации 2002 г. они объявили «слишком слабым и туманно сформулированным». 27 сентября 2011 г. Б. Акино побывал с визитом в Японии. В совместном заявлении по итогам этого визита говорилось: «Оба руководителя подчеркнули большое значение Южно-Китайского моря, связывающего весь мир с АТР, и особо отметили, что сохранение мира и безопасности в нем — это общий интерес всего мирового сообщества». Тогда же стороны договорились о расширении военного сотрудничества в укреплении ВМФ Филиппин, в подготовке кадров и обмене разведывательной информацией⁷⁵.

В июне 2012 г. филиппинский парламент после четырехлетней задержки ратифицировал договор с Австралией, по которому она получила право высаживать свои вооруженные силы на филиппинские острова по приглашению правительства страны.

Пекину эта позиция активно не нравится, тем более что на многостороннем уровне летом 2011 г. он предпринял известные усилия для снижения напряженности. Президент Акино сразу после избрания был приглашен посетить с визитом Китай. Его также приглашали принять участие в трехсторонней встрече Китая, Вьетнама и Филиппин. С учетом всех обстоятельств и осложнившейся обстановки Б. Акино долго откладывал свой визит в Китай. После принятия АСЕАН и Китаем в июле 2011 г. Директив по выполнению Декларации 2002 г. и наступившей короткой разрядки его визит в Китай состоялся 30 августа — 3 сентября 2011 г. Принятое по итогам этого визита Совместное заявление проблем ЮКМ практически не касалось: оно целиком было посвящено вопросам экономического сотрудничества. Китай обещал Филиппинам инвестиции в объеме

⁷⁴ Цит. по: [Hunt 2011].

⁷⁵ ВВС на вьет. яз. 29.09.2011.

1,3 млрд долл. Стороны договорились о сотрудничестве в 11 приоритетных областях, включая энергетику, науку и технологии, ликвидацию последствий стихийных бедствий и др. Они решили поочередно в 2012 и 2013 г. провести годы филиппино-китайской и китайско-филиппинской дружбы. Лишь в самом конце этого документа несколькими строками было сказано, что стороны обсудили также проблемы ЮКМ и согласились, чтобы «разногласия по морским вопросам не влияли на более широкую картину дружбы и сотрудничества двух стран». По возвращении президент Акино представил общественности страны как свое большое достижение то, что Председатель КНР Ху Цзиньтао обещал ему поддерживать превращение Декларации 2002 г. в Кодекс поведения сторон в ЮКМ⁷⁶.

Однако на практике в китайско-филиппинских отношениях не только не произошло никаких перемен, но вскоре они, наоборот, вновь серьезно осложнились. Визит лишь показал, что тактика Филиппин в отношении Китая мало чем отличается от аналогичной тактики Вьетнама и других стран региона. Она состоит в постоянном вовлечении Китая в различные соглашения и договоренности с одновременным хеджированием рисков, возникших с быстрым ростом его могущества. А со стороны Китая это тоже было рутинное проявление неизменной «политики кнута и пряника».

19 октября 2011 г. случился очередной крупный инцидент с китайскими рыбаками у берегов острова Палаван в 200-мильной зоне Филиппин и явно по вине филиппинского сторожевого корабля «Ризаль», который врезался в сети китайского рыболовного траулера, находившегося, по официальному заявлению представителя китайского МИДа, в «суверенных водах» Китая. Филиппинцы сослались на неисправность рулевого управления своего корабля, но отказались принести требуемое китайской стороной извинение и возместить понесенные убытки под тем предлогом, что китайские рыбаки вели незаконный промысел в ИЭЗ Филиппин. В ответ китайская «Глобал таймс» разразилась гневной редакционной статьей, которая заканчивалась предупреждением, что «Филиппинам следует приготовиться к грохоту орудий».

Накануне саммита АСЕАН на о. Бали в ноябре 2011 г. Китай вновь заявил о своих притязаниях на участки моря, расположенные около Банки Рид в 49 милях от филиппинской провинции Палаван. Причем находящиеся там островки и отмели даже не входят в состав архипелага Спратли. Но здесь, по имеющимся оценкам, находятся потенциально значительные запасы углеводородов. По подсчетам филиппинцев, на этом участке ожидается 3,4 трлн куб. м газа и 450 млн баррелей нефти. В июле 2011 г. был проведен тендер на геологоразведочные работы на этом участке, и они начались в ноябре, как раз перед самым открытием саммита АСЕАН. Китай потребовал прекращения этих работ в двух из 15 районов, на которые якобы распространяется «неоспоримый суверенитет» Китая. Филиппины незамедлительно отвергли эти притязания. Жесткий протест Китая побудил их обратиться в ООН с просьбой вмешаться в этот давний спор государств ЮВА с Китаем.

Каждый раз в моменты обострения обстановки Манила пытается, и не без успеха, разыгрывать «американскую карту» против Китая. В разгар событий в сере-

⁷⁶ Time. Nov. 14, 2011.

дине июня 2011 г. пресс-секретарь филиппинского президента заявил, что в случае вооруженного конфликта с Китаем Манила ожидает, что США придут им на помощь. В это же время был сделан ряд заявлений высших государственных деятелей США, которые обнадеживали филиппинское руководство, что США непременно окажут военную помощь (правда, не указывая, какую именно), если Китай атакует филиппинские вооруженные силы в спорных районах Спратли. В ноябре 2011 г. накануне саммита ВАС на Бали Х. Клинтон подписала со своим филиппинским коллегой заявление, призывающее к многосторонним переговорам для разрешения морских споров в ЮКМ. Она говорила, что США ожидают и собираются участвовать в «открытых и откровенных обсуждениях этого вопроса».

В экономическом плане филиппинские власти также явно активизировались. К июлю 2011 г. уже более 50 иностранных нефтяных и газовых компаний вели разведку на нефть и газ в 15 районах моря к северо-западу от острова Палаван, на которые претендует и Китай. В начале 2012 г. Филиппины подписали еще 15 контрактов на разведку углеводородов с различными иностранными компаниями на сумму в 7,5 млрд долл. [Le Thi Thanh Huong 2012].

Мирные инициативы Филиппин

7 мая 2011 г. на совещании министров иностранных дел стран АСЕАН на о. Бали Филиппины выступили с инициативой провести в соответствии с Конвенцией ООН 1982 г. демаркацию границ в районе архипелага Спратли, чтобы отделить спорные территории от тех, которые споров не вызывают. А после этого они предлагали превратить спорные территории в «Зону мира, свободы, дружбы и сотрудничества» (ZoPFFC), где страны, претензии которых на границы ИЭЗ накладываются друг на друга, могли бы вместе осуществлять различные проекты по сохранению биоразнообразия, по разведке и эксплуатации природных ресурсов. В случае образования такой зоны все страны должны будут вывести оттуда свои вооруженные силы и заменить их гражданским персоналом, осуществляющим проекты и проводящим совместные учения по спасению терпящих бедствие и ликвидации последствий стихийных катастроф. Те же районы, которые лежат на филиппинском континентальном шельфе и по которым спора нет (имелась в виду Банка Рид), могут использоваться только Филиппинами самостоятельно или в сотрудничестве с иностранными инвесторами, приглашенными для участия в развитии этих районов. Президент Акино объяснял это простой формулой: «Что наше, то наше, а в отношении спорных районов нужно добиваться сотрудничества»⁷⁷.

Эта инициатива Филиппин, по сути, представляет собой некоторое развитие уже состоявшейся неудачной попытки тройственного соглашения Китая, Вьетнама и Филиппин 2005 г. Она не встретила активной поддержки большинства партнеров по АСЕАН, не забывших, чем закончилась первая попытка такого совместного освоения. Но Филиппины продолжали продвигать свою инициативу

⁷⁷ Цит. по: [Thayer 2012 (2)].

на всех последовавших форумах АСЕАН, проходивших на Бали в год председательства Индонезии в АСЕАН, а затем и в Пномпене в 2012 г.

23 сентября 2011 г. на Конференции экспертов по морскому праву в Маниле представители Филиппин вновь огласили свой проект создания в регионе Зоны мира, свободы, дружбы и сотрудничества, при условии, что Китай отзовет свои требования суверенитета над ЮКМ на основе пресловутой «линии U». Большинству экспертов было очевидно, что Китай на это не согласится, так как Банка Рид, например, из-за которой в марте 2011 г. произошла очередная стычка с китайскими сторожевыми катерами, оказалась в «бесспорно филиппинской» части моря. Споры о принадлежности найденных там богатых месторождениях природного газа велись тогда и не утихают по сей день.

Инициативу Филиппин из стран АСЕАН активно поддержал только Вьетнам. В октябре 2011 г. во время визита на Филиппины президента СРВ Чыонг Тан Шанга стороны сняли почти все свои разногласия, возникшие было между ними по итогам визита генерального секретаря ЦК КПВ в Китай, и в Совместном заявлении вместе призвали создать Зону мира, свободы, дружбы и сотрудничества в ЮКМ. Министры иностранных дел двух государств подписали целый ряд соглашений о сотрудничестве в различных областях, в том числе о сотрудничестве военных флотов в поддержании безопасности в ЮКМ. Они приняли план совместных действий в сфере обороны, энергетики, экологии, сельского хозяйства, рыболовства и туризма.

Вьетнам инициативу Филиппин поддержал, хотя она и не затрагивает важные для него Парасельские острова. Он пошел и на уступки Филиппинам по территориальным вопросам, предложив разделить с ними северную часть архипелага Спратли на основе согласованных границ ИЭЗ и континентального шельфа. Разумеется, это незамедлительно вызвало решительный протест Китая.

На прошедшем в ноябре 2011 г. 19-м саммите АСЕАН президент Акино вновь тщетно попытался призвать своих коллег по АСЕАН к солидарной поддержке его инициативы. Консенсуса ему достичь не удалось. Главы государств лишь «приняли к сведению» рекомендацию встречи высших должностных лиц (SOM) о том, что «требуется дальнейшее изучение этого предложения, в частности его юридической, технической и политической осуществимости», и решили передать вопрос на изучение экспертам⁷⁸.

Тем не менее Филиппины от своего дипломатического наступления не отказываются. В феврале 2012 г. они распространили неофициальный, «рабочий проект» Кодекса поведения сторон в ЮКМ, который предстояло обсуждать между АСЕАН и Китаем. В нем говорилось о том, что «стороны будут пытаться определить, обозначить и выделить оспариваемые зоны и территориальные объекты на Спратли в соответствии с международным правом и Конвенцией ООН 1982 г.» [Thayer 2012 (1)].

Это было сделано в преддверии первого саммита АСЕАН в Камбодже, вступившей в права председательствующей страны. Выступая на самом саммите

⁷⁸ Chair's Statement of the 19th ASEAN Summit, Bali, 17 November 2011. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/CS.pdf>

3 апреля 2012 г., президент Б. Акино обратился к коллегам с предложением сначала обсудить проект Кодекса в АСЕАН или, по крайней мере, между четырьмя претендующими на суверенитет в ЮКМ странами АСЕАН и только потом предложить его на рассмотрение Китаю. Он при этом выразил готовность принять в Маниле совещание представителей четырех заинтересованных стран.

Предложение Филиппин не вызвало возражений, но, зная позицию Китая, большинство лидеров АСЕАН предпочли обойти его молчанием. И только вьетнамский премьер-министр Нгуен Тан Зунг также призвал сначала самим ускорить разработку проекта Кодекса, а затем пригласить Китай к его обсуждению. Филиппинские СМИ оценили это выступление как поддержку предложений Филиппин. Но консенсуса по этому вопросу опять достичь не удалось из-за возражений председательствовавшей в АСЕАН Камбоджи. Договорились о том, что проект будет выработываться, действительно, сначала в АСЕАН, но Камбоджа будет постоянно информировать китайскую сторону о проходящих обсуждениях.

После завершившейся скандалом встречи министров иностранных дел стран АСЕАН в Пномпене в июле 2012 г. Филиппины в целях сохранения остатков единства в АСЕАН не настаивали на своей инициативе.

Представляется, что в предстоящий период, когда председательствовать в АСЕАН будут Камбоджа, а затем Бруней, Мьянма и Лаос, шансы на принятие этой инициативы остаются невысокими.

Политический шторм в ЮКМ продолжается

Хотя после двухмесячного противостояния у мыса Скарборо в апреле–мае 2012 г. конфликта удалось избежать, напряженность вокруг рифа Скарборо снята не была. Инциденты с рыбаками обеих сторон продолжались все лето. Официально ни Филиппины, ни Китай от своих позиций не отступили ни на шаг. Филиппины обратились за помощью в Международный суд ООН. Президент Акино, как сообщалось, тогда же заявил, что спорный район у мыса Скарборо принадлежит Филиппинам и что они и впредь будут «показывать там свой флаг», несмотря на присутствие китайских кораблей [Why Philippines...2012].

Речь при этом идет не столько о сохранении рыбных запасов, сколько о правах на намечаемую эксплуатацию крупнейших месторождений природного газа, открытых на шельфе около мыса Скарборо. Китай показал всем иностранным компаниям, собирающимся участвовать в этом проекте, что они рискуют ввязаться в серьезный конфликт.

16–27 апреля поблизости от инцидента, на острове Палаван и в прилегающих к нему районах развернулись очередные военные учения «Баликатан» («Плечом к плечу»). Около 7 тыс. военнослужащих США и Филиппин отражали атаки условных террористов, пытающихся захватить находящиеся в море нефтегазовые объекты. Помимо американских и филиппинских военнослужащих, в учениях принимали участие военные Австралии, Японии и Южной Кореи. Учения готовились еще до произошедшего инцидента, но их направленность стала особенно

очевидной в момент разгоревшегося спора. Задача явно состояла в том, чтобы предупредить Китай и побудить его воздержаться от слишком провокационных действий.

Среди других «совпадений» в момент кризиса наблюдатели отметили внезапное появление американской новейшей атомной подводной лодки «Северная Каролина» в филиппинском порту Субик-Бей, где до 1990-х годов была крупнейшая база ВМС США.

Этот факт комментировался в СМИ как важный сигнал не только Филиппинам, но и всем прибрежным странам. Он означал: «Мы здесь. И, как мы говорили, ЮКМ имеет свое важное значение для США тоже»⁷⁹.

События у мыса Скарборо как бы придали второе дыхание Договору 1951 г., переживавшему до этого то взлеты, то падения. Вскоре после апрельского инцидента 2012 г. в Маниле прошла очередная встреча в формате «2+2» министров иностранных дел и обороны Филиппин и США. Разыгравшиеся перед ней события придали ей особый характер. Результатом стало увеличение безвозмездной военной помощи Филиппинам в два раза, с 15 до 30 млн долл. Филиппинам была обещана также помощь в контроле за прилегающей акваторией моря, поставки новых видов вооружений и военного снаряжения из скопившихся запасов в Южной Корее, Японии и Австралии⁸⁰. 24 августа 2012 г. правительство Филиппин приветствовало планы США разместить новейшие радары раннего предупреждения в Японии и на Филиппинах.

Ставшие уже рутинными инциденты в ЮКМ служат постоянным напоминанием о нерешенности главных проблем. Каждый раз Китай не упускает случая наглядно показать, «кто в доме хозяин», а Филиппины и Вьетнам заявляют громкие протесты, так как молчание может быть принято за согласие или даже одобрение действий оппонентов.

14 мая 2012 г. Китай в очередной раз объявил односторонний запрет до августа на рыбную ловлю в зоне островов ЮКМ. Характерно, что на этот раз запрет относился только к рыбакам Вьетнама и Филиппин, тогда как китайские суда могли продолжать промысел, а в море вышел крупнейший китайский плавучий рыбоконсервный завод. МИД Вьетнама опротестовал китайский запрет и призвал своих рыбаков его игнорировать и объединяться в большие группы, для защиты которых создается специальная гражданская служба. Филиппины, со своей стороны, тоже ввели мораторий на рыбную ловлю в своей ИЭЗ и потребовали удаления оттуда всех китайских рыболовных судов.

Все это чревато новыми инцидентами и дипломатическими конфликтами. В попытке предотвратить такое развитие событий президент Филиппин направил в Китай для переговоров двух своих личных представителей. Одним был известный банкир Сезар Заламеа, а другим крупнейший предприниматель, по национальности китаец и близкий друг семьи президента, Даниэль Ли, которого президент безуспешно пытался утвердить в должности посла в Китае, но встретил сопротивление в парламенте.

⁷⁹ «Голос Америки» на вьет. яз. 17.05.2012.

⁸⁰ URL: <https://thediplomat.com/2012/05/could-u-s-get-sucked-into-war/>

А тем временем 17 мая 2012 г. филиппинская нефтяная компания Philex Petroleum, объявившая ранее о начале со следующего года бурения на газ на одном из рифов архипелага, на который тоже претендует Китай, начала переговоры в Пекине о сотрудничестве с китайской нефтегазовой корпорацией CNOOC. Пока политики и дипломаты спорят, предприниматели делают свой бизнес.

Вместе с тем иностранные наблюдатели заметили, что во всех инцидентах с рыбаками и исследовательскими судами с китайской стороны участвовали не ВМС НОАК, а гражданские корабли службы рыбного надзора. Точно так же в инциденте у мыса Скарборо в апреле 2012 г. не было противостояния военных флотов, хотя со стороны Филиппин действовал эсминец Gregorio del Pilar, а рыбаков засекли патрульные самолеты филиппинских ВВС. Китай же все время удерживал инцидент на уровне полувоенных служб береговой охраны и рыбнадзора. Министерство обороны КНР опровергло все сообщения о якобы отданном приказе в связи с этими событиями привести в боевую готовность ВМС страны.

В Китае на этот раз относительно спокойно отнеслись к громким заявлениям Филиппин, не без оснований усмотрев в них политические упражнения правящих кругов с целью сплочения своего народа и отвлечения его от серьезных внутренних проблем.

В научном сообществе сложилось убеждение, что Китай в обозримый период не пойдет на риск оккупации новых островов, на которые претендуют Филиппины, страна — союзник США. Он будет и впредь демонстрировать свой комплекс превосходства, но ничего радикально не решится менять из опасения большой войны, к которой он не готов. Считается, что Китай пока не обладает достаточным потенциалом, чтобы предотвратить возможные ответные меры, особенно перекрытие путей снабжения страны нефтью. Слишком велика его зависимость от морских коммуникаций с коммерческой, энергетической, дипломатической и военной точек зрения.

За весь месяц кризиса у мыса Скарборо ни одна страна АСЕАН, за исключением Вьетнама, официально не сделала по этому поводу никаких заявлений. Министр иностранных дел Филиппин, обратившийся за помощью к партнерам по АСЕАН, получил от них лишь приватные выражения «понимания и сочувствия».

ПАРТНЕРСТВО КИТАЙ — АСЕАН: КЛЮЧ К МИРУ В ЮКМ

Вокруг АСЕАН в последнее время, особенно в связи с возникшими трудностями в разрешении споров в ЮКМ, развернулась острая дискуссия, в которой преобладают критика слабости этой группировки и предсказания ее скорого краха. АСЕАН уже почти полвека опровергает все эти кликушества недоброжелателей и тех, кто, как говорится, «мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Критики АСЕАН постоянно выдают желаемое за действительное, забывая известный постулат, что политика — это искусство возможного. Нижеследующая глава посвящена роли АСЕАН и усилиям этой группировки, направленным на сохранение мира в своем регионе.

«Метод АСЕАН»

АСЕАН — это не военный союз, а региональная организация десяти развивающихся государств ЮВА с различным социальным строем, разными политическими режимами и с очень разным уровнем экономического развития. Она возникла в 1967 г. как робкая попытка пяти стран — Индонезии, Малайзии, Таиланда, Сингапура и Филиппин — скоординировать свои действия в разгар войны во Вьетнаме для совместного противостояния «китайской угрозе». Однако за 45 лет эта хрупкая, как будто экспериментальная, антикоммунистическая коалиция превратилась в достаточно влиятельного игрока в региональной и мировой политике. Вокруг АСЕАН, объединяющей ныне десять государств с населением более 600 млн человек и совокупным ВВП, превышающим 1 трлн долл., разворачиваются все более интенсивные интеграционные процессы, в которые вовлечены ведущие державы мира. Довольно высокий уровень интеграции нужен этим малым и средним государствам для более эффективной защиты своих законных интересов, своей идентичности и ценностей в условиях глобализирующегося мира и на фоне мощного подъема Китая и Индии.

Правовой основой АСЕАН служит подписанный на первом саммите АСЕАН в феврале 1976 г. на о. Бали Договор о дружбе и сотрудничестве (*англ.* ТАС), который зафиксировал, что отношения стран-участниц между собой и, что еще важнее, с другими партнерами АСЕАН должны строиться на следующих принципах:

- взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной идентичности всех государств;
- право каждой страны на свое национальное существование без внешнего вмешательства, подрывной деятельности и применения силы;
- невмешательство во внутренние дела друг друга;
- урегулирование разногласий и споров мирным путем;
- отказ от применения силы или угрозы силой;
- эффективное сотрудничество друг с другом.

Это и был, по сути, кодекс поведения, основанный на известных принципах Бандунга, т. е. принципах мирного сосуществования государств с различным социальным строем. И принципы эти, как показал весь последующий мировой опыт, остались актуальными и по сей день.

АСЕАН с немалыми трудностями идет к решению важной задачи — созданию в 2015 г. Сообщества безопасности (СБА). Лидеры АСЕАН, сознавая уязвимость и хрупкость позиций каждой страны в отдельности, попытались преодолеть свои противоречия и споры, сделав ставку на укрепление единства и солидарности между собой. Это оказалось нелегко, но постепенно привело к тому, что ее участники начали все чаще выступать в один голос по мировым и региональным проблемам. Что бы ни говорили и ни писали многочисленные критики АСЕАН, фактом остается то, что за 45 лет ее существования ни один из многочисленных кризисов в отношениях между членами Ассоциации в вооруженный конфликт не перерос. И стало это возможным благодаря традиционной асеановской культуре

диалога, или «методу АСЕАН» (ASEAN Way), который означает, прежде всего, терпеливый, а порой долгий и трудный поиск согласия. Главное, как говорит восточная мудрость, не загонять оппонента в угол и всегда давать ему возможность выхода без потери лица. Естественно, не всегда способы урегулирования споров и разногласий, принятые в АСЕАН, оказывались успешными, но многие испытания они выдержали. Одним из самых трудных почти сразу стал спор вокруг территориальной принадлежности Парасельских островов и архипелага Спратли в Южно-Китайском море, который продолжается и по сей день. Но разумной альтернативы этому пути все равно нет.

Сообщество безопасности АСЕАН (СБА) — это не оборонный союз, подобный НАТО, и не структура коллективной безопасности. Это — форма сотрудничества государств, чья национальная безопасность настолько взаимозависима, что ее невозможно рассматривать в отрыве друг от друга, когда национальные интересы в сфере обороны и безопасности каждой отдельно взятой страны зависят от того, что произойдет со всей группой стран⁸¹.

Сообщество не предполагает создания ни военной организации, ни каких-либо совместных вооруженных сил, и в его нормативных актах нет ничего подобного статье 5 Североатлантического договора (НАТО). Все члены Сообщества связаны лишь обязательством ни при каких обстоятельствах не применять силу в отношениях друг с другом, рассматривать свою безопасность в неразрывной связи с безопасностью других членов и как часть общей безопасности региона, руководствуясь единой оценкой ситуации и вытекающих из нее задач. Структура СБА опирается на регулярные встречи министров иностранных дел и обороны, которые обязаны отчитываться перед Советом АСЕАН, т. е. лидерами государств, и вносить предложения по наиболее важным вопросам. Они выработали свою программу сотрудничества, которая предусматривает установление системы оповещения и связи при пиратских нападениях, проведение совместных учений и подготовку кадров в военных учебных заведениях государств АСЕАН и стран — партнеров по диалогу. Существенную помощь в сфере оборонного сотрудничества страны АСЕАН получили от США, Китая и Японии. Сотрудничество АСЕАН в сфере борьбы с терроризмом и пиратством оказалось действительно эффективным. Число зафиксированных актов пиратства в ЮКМ за последние годы удалось практически свести к нулю.

Для стран АСЕАН военная конфронтация с Китаем в ЮКМ означала бы катастрофу. История их отношений с Китаем насчитывает более двух тысячелетий и оставила глубокий след в исторической памяти народов. За последние два десятилетия эти отношения претерпели заметные перемены. Речи китайских политиков и лидеров АСЕАН по случаю взаимных визитов и юбилеев неизменно демонстрируют добрую волю и обоюдное желание поднять их отношения на еще более высокий уровень. Однако объективный анализ, в отличие от юбилейной риторики, показывает, что быстрый рост могущества Китая в условиях глобализации и регионализации, наряду с взаимодействием и взаимозависимостью сторон, по-

⁸¹ Подробнее см.: [Васильев, Локшин 2010].

рождает немало новых проблем и вызовов, которые проявляются в территориальных спорах в ЮКМ⁸².

Совершенно нереально видеть в АСЕАН какой-то эффективный военный противовес Китаю. Но желание сообща противостоять ему у стран АСЕАН, бесспорно, есть, хотя удается это пока редко. Им потребовалось десять лет для того, чтобы уговорить Китай в 2002 г. присоединиться к Декларации поведения сторон в ЮКМ (DOC), затем еще десять лет для начала переговоров о превращении этой Декларации в обязывающий Кодекс, которые пока не завершены.

От противостояния к стратегическому партнерству

В годы холодной войны отношения Китая и АСЕАН характеризовались открытой и непримиримой враждебностью. Окончание холодной войны побудило китайское руководство пересмотреть взгляды на безопасность КНР. Для успешного экономического развития в начавшемся периоде реформ и открытости Китаю была необходима надежная безопасность в его ближнем окружении. И китайская дипломатия перешла от жесткой несговорчивости к умеренности и сдержанности, но без уступок в принципиальных для нее вопросах, таких как территориальная целостность и объявленный суверенитет над акваторией ЮКМ.

Немалую роль на этом этапе сыграли и встречные усилия стран АСЕАН, направленные на вовлечение Китая в активные двусторонние и многосторонние связи. В мае 1991 г. между ними были установлены официальные отношения. В июле 1994 г. Китаю был предоставлен статус консультативного партнера на только что созданном Региональном форуме АСЕАН (АРФ) по вопросам мира и безопасности, и еще через два года Китай стал полноправным партнером по диалогу, а это уже был статус, который раньше давали только таким самым близким некоммунистическим партнерам, как США, Япония и др.

Решающий поворот к добрососедству произошел под влиянием разразившегося в середине 1997 г. валютно-финансового кризиса в ЮВА. Запад фактически бросил регион на произвол судьбы, хотя именно западные банки кризис и спровоцировали. Реальную помощь оказали только Китай, отказавшийся девальвировать юань, и Япония, предоставившая значительную финансовую помощь странам АСЕАН для преодоления последствий кризиса.

Так совпало по времени, что экономика Китая вступила в стадию роста в момент, когда страны АСЕАН с трудом выбирались из стагнации после кризиса 1997 г. Для них открылся огромный рынок, и экономическое восстановление стран АСЕАН оказалось в немалой зависимости от укрепления отношений с Китаем.

Третий подъем наступил в начале XXI в. в условиях быстрого превращения Китая в мощную экономическую державу. Руководство КНР предложило АСЕАН концепцию стратегического партнерства, в которой важным, но не единственным компонентом было создание Зоны свободной торговли (CAFTA), первая

⁸² Подробнее см.: [Мазырин 2010].

очередь которой начала действовать с января 2010 г. Другими его элементами были присоединение КНР к Договору о дружбе и сотрудничестве 1976 г., активизация сотрудничества в борьбе с терроризмом и пиратством на море, с трансграничной преступностью и другими нетрадиционными угрозами безопасности, включая эпидемии и ликвидацию последствий стихийных бедствий. Одновременно Китай инициировал целый ряд инфраструктурных проектов, включая сотрудничество в освоении бассейна реки Меконг, строительство железных и автомобильных дорог. Это были, что называется, «предложения, от которых нельзя отказаться».

4 ноября 2002 г. после длительных и трудных переговоров АСЕАН и Китай подписали Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море, которая стала важной вехой в истории их отношений. В декларации указывалось, что стороны во всем будут проявлять сдержанность и добиваться решения своих споров только мирными политическими средствами, воздерживаться от односторонних действий вроде попыток освоения месторождений, заселения необитаемых островов и т.п. Странам АСЕАН не удалось добиться присоединения Китая к принятому ими в 1992 г. в Маниле Кодексу поведения государств в Южно-Китайском море, что наложило бы на него более строгие юридические обязательства. Но и в таком виде эта Декларация воспринималась странами АСЕАН как важный сдвиг в позиции Китая от неизменно предпочитаемого им сугубо двустороннего подхода к спорам в ЮКМ к признанию принципа многосторонности, т. е. к возможности вынесения в той или иной форме этой проблемы на международное обсуждение.

8 октября 2003 г. 7-й саммит АСЕАН — Китай на Бали принял Декларацию о стратегическом партнерстве ради мира и процветания. Оно определялось как «неприсоединившееся, невоенное и открытое, которое не лишает участников права развивать всесторонние отношения дружбы и сотрудничества с другими странами»⁸³. Как и в случае с подписанием Балийского договора 1976 г., Китай опять стал первой из стран вне АСЕАН, принявшей статус ее стратегического партнера.

Стратегическое партнерство оказалось не пустыми словами. На следующий год во Вьетьяне была принята «дорожная карта» на 2005–2010 гг., которая, в частности, предусматривала регулярные контакты сторон на всех уровнях, поставки оружия и техники для борьбы с пиратством и террористами, визиты военачальников, подготовку офицеров в учебных центрах НОАК, взаимные визиты кораблей ВМС, совместные учения и взаимодействие разведывательных служб.

В 2003 г. стратегическое партнерство наглядно проявилось в совместных усилиях по ликвидации тяжелых последствий стихийных бедствий в регионе и по противодействию новым опасным эпидемиям. Стороны обещали выполнять положения Декларации 2002 г. и с этой целью договорились создать механизм контроля за их выполнением, а также начать подготовку юридически обязывающего Кодекса поведения в Южно-Китайском море, на чем давно настаивали наиболее заинтересованные в этом страны АСЕАН — Вьетнам и Филиппины. Однако все

⁸³ URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2020/06/2003-ASEAN-China-JD-Peace-And-Prosperty>

эти обещания остались на бумаге. Была создана рабочая группа, которая провела несколько заседаний, но продвинуться в решении стоящих проблем не смогла и вскоре собираться перестала вообще.

Зато торговые и экономические связи Китая и АСЕАН с установлением стратегического партнерства и созданием ЗСТ, действительно, вступили в новый этап. Вошедшая в силу 1 января 2010 г. (пока первая очередь) ЗСТ Китай — АСЕАН охватывает 11 стран с населением почти в 2 млрд человек. После ее открытия среднестатистическая таможенная пошлина между Китаем и шестью странами АСЕАН снизилась с 9,8% до 0,1%. По заявлениям китайских экспертов, в зоне свободной торговли будут освобождены от взимания таможенных пошлин более 7000 видов товаров, что составляет примерно 90% всей номенклатуры товарообмена между Китаем и АСЕАН [Лузянин 2012].

Кроме того, данный проект предполагает расширение сотрудничества Китая со странами АСЕАН в сфере услуг и инвестиционных соглашений. Китай, как уже отмечалось выше, стал первым торговым партнером АСЕАН, отеснив США, ЕС и Японию. Но важная особенность этой торговли в том, что по большей части импорт из стран АСЕАН быстро превращается в китайский экспорт, что оказывает, в конечном счете, положительное влияние на экономику этих стран.

Приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Китай и его экономический рост создают новую горизонтальную сеть специализации и внутрипроизводственной кооперации в регионе, тесно связанную с крупнейшими ТНК, работающими в Китае и в странах АСЕАН одновременно. Китай стал главным рынком для экспорта специальных компонентов и других комплектующих изделий из стран АСЕАН. Если Китай считается крупнейшей «фабрикой мира», то экономически более развитые страны группы АСЕАН-6⁸⁴ частично превращаются в ее вспомогательные «цеха». Однако остальным предлагается перспектива превращения в аграрно-сырьевой придаток Китая.

1–2 марта 2012 г. в Дананге (СРВ) прошла очередная 18-я встреча старших должностных лиц АСЕАН и КНР (СОМ) на уровне заместителей министров иностранных дел. На ней рассматривалось выполнение «дорожной карты» сотрудничества АСЕАН — Китай на 2011–2015 гг. Было констатировано выполнение 86 различных проектов из 175 намеченных в этом плане. Большая часть относится к строительству объектов транспорта и инфраструктуры. На эти цели Китай выделил в 2010 г. странам АСЕАН кредит на 10 млрд долл. Эти цифры убедительно говорят о масштабах развернувшегося экономического сотрудничества и возникающей при этом взаимозависимости.

После вступления в силу первой очереди соглашения о ЗСТ между КНР и шестью первыми государствами АСЕАН с января 2010 г. объем взаимной торговли вырос до 350 млрд долл. и составил 11,6% всей торговли АСЕАН с внерегиональными партнерами. Китай стал главным торговым партнером стран АСЕАН, а они оказались на 4-м месте в торговом балансе КНР. Стороны ставят задачу довести объем торговли к 2015 г. до 500 млрд долл.

⁸⁴ АСЕАН-6 — это группа стран-основателей Ассоциации: Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия, Бруней и Филиппины.

Вместе с тем политические предпосылки для предполагаемого многими наблюдателями доминирования Китая в ЮВА остаются все же еще слабыми. Хотя в общественном мнении и в СМИ стран ЮВА в начале первого десятилетия нового века стало меньше разговоров о «китайской угрозе», но подозрения и недоверие остаются глубоко укорененными и, как показал опыт нового обострения отношений в 2009–2012 гг., при определенных обстоятельствах могут значительно усилиться. «Дипломатия лидеров», традиционно присущая АСЕАН, дает заметный успех в СМИ, но не всегда эффективна на практике, особенно если не завоевывает симпатии средних и бедных слоев населения. Поэтому ни Китай, ни страны АСЕАН не могут позволить чрезмерное «присутствие» Китая, которое во многих странах АСЕАН способно вызвать экономические, социальные и даже этнорелигиозные проблемы. Но усиливающаяся взаимозависимость Китая и стран АСЕАН неизбежно накладывает свои ограничения на допустимые границы ухудшения их отношений с Китаем.

Китай заинтересован, с одной стороны, в сохранении существующих противоречий в АСЕАН, а с другой — в сохранении АСЕАН как относительно самостоятельной группировки средних и малых государств ЮВА. Большинство экспертов и руководители КНР неизменно высказываются за то, чтобы стабильная и умеренная АСЕАН играла центральную роль во всех складывающихся в регионе форматах интеграционных объединений: АСЕАН+1, АСЕАН+3, Восточноазиатское сообщество и др. В этом заинтересованы и другие партнеры АСЕАН, конкурирующие между собой за лидерство в этих группировках.

В научных кругах КНР одно время были опасения в связи с принятием в АСЕАН Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи. Но вскоре выяснилось, что и это отвечает интересам Китая. Как показал опыт, чем больше там будет стран, тем более умеренной будет сама АСЕАН и тем труднее будет ее членам совершать какие-либо решительные действия сообща и в одиночку в связи с территориальными спорами.

Опыт участия КНР в АРФ также убедил китайское руководство в том, что страны АСЕАН, прежде всего, следуют своим собственным интересам, а не служат каким-то внешним силам. Союзники и друзья США в ЮВА не обязательно автоматически превращаются во врагов Китая. Оказалось, что они могут и хотят быть друзьями как США, так и Китая одновременно.

На рубеже веков с появлением нетрадиционных угроз безопасности стало очевидно, что пришло время для более «кооперативного зонтика безопасности» в регионе, и он мог бы уже реализоваться в течение 5–10 лет после провозглашения стратегического партнерства Китая с АСЕАН, но все опять уперлось в территориальные споры в ЮКМ. Малейшее действие Китая по этим вопросам рассматривается в ЮВА как лакмусовая бумажка для фиксации характера политики Китая по отношению к соседям, которая всякий раз вызывает волну возмущения то в одной, то в другой стране.

Политика «вовлечения и управления рисками»

После окончания холодной войны на определенном этапе цели и устремления Китая и АСЕАН в вопросах безопасности во многом оказались близки. Они сов-

пали в желании иметь мирное и стабильное международное окружение, в отрицании однополярного мира, в безусловном уважении суверенитета и невмешательства в их внутренние дела, в противостоянии нетрадиционным вызовам и угрозам безопасности, в нежелании превращать регион ЮВА в арену соперничества мировых держав и в ряде других вопросов.

Китай официально поддерживает сотрудничество стран региона по проблемам мира и безопасности, не тянет их ни в какие военные союзы — реликты холодной войны. Он не навязывает им никаких моделей демократии, не угрожает санкциями диктаторским и репрессивным режимам. Позиционируя себя как лидера всех развивающихся стран, Китай поддерживает позиции АСЕАН в ВТО, МВФ, в Группе 20 и других международных организациях. Нет конфликта интересов между ними и в ООН. Обе стороны ангажировались поддерживать стабильность в Восточной Азии и безъядерный статус Корейского полуострова. Но главное — АСЕАН официально придерживается принципа «одного Китая», и его лидеры неизменно осуждают любые сепаратистские шаги Тайваня.

Тем не менее до полной гармонии их интересов далеко. Лидеры АСЕАН согласны, что на смену холодной войне должен прийти (правда, никак не приходит) новый мировой порядок. Только он должен быть основан не на «многополярности», как считают в Пекине (и в Москве), а на принципе «многосторонности», т. е. на равноправии всех государств и их коллективном участии в решении важнейших проблем без всяких «полюсов силы» и без «старшего брата» в лице КНР. Различие, как видим, существенное. АСЕАН не могла удержать великие державы подальше от региона, да и столь нереальная задача ею никогда и не ставилась. Лидеры и главные идеологи АСЕАН, такие выдающиеся азиатские политики, как много лет остававшиеся бессменными премьер-министры Сингапура Ли Куан Ю и Малайзии — Мохатхир Мохамад, выбрали путь привлечения их всех вместе, поддержания их заинтересованности в стабильном развитии региона и связывания их определенными нормами поведения. Эти нормы приняты в АСЕАН и зафиксированы в Договоре 1976 г. о дружбе и сотрудничестве. Главное для них заключалось в том, чтобы сохранить автономию региона, не допускать доминирования в нем какой-то одной страны, и чтобы правила поведения в нем вырабатывались самими странами АСЕАН, а не привносились извне.

Страны АСЕАН несравнимы по мощи ни с кем из внерегиональных «тяжеловесов». У них нет другого выбора, кроме как балансировать хорошие отношения с одними тесным сотрудничеством с другими. И они вместе, а чаще в одиночку, руководствуясь своими собственными интересами и специфическими особенностями отношений с Китаем, США, Индией и Японией, вот уже многие годы ведут эту игру, которая и получила название «вовлечение и управление рисками» (хеджирование — от англ. hedging).

На практике это проявляется, например, в том, что АСЕАН, установив стратегическое партнерство с Китаем, вскоре предлагает то же самое и США. Добиваясь инвестиций от США и поддерживая с ними активные экономические отношения, страны АСЕАН одновременно работают и с Китаем, и с Японией, и со странами ЕС. Не все, но многие из них поощряют США на сохранение военного присутст-

вия в регионе, обеспечивают им определенные услуги и доступ в свои порты и к ранее покинутым базам.

Однако, если живешь рядом с великаном, то лучше быть с ним в мире. Этой незатейливой мудростью лидеры АСЕАН руководствуются уже многие годы.

Четыре фактора влияют на их отношения с Китаем: идеология (в последние годы минимально), интересы китайского меньшинства хуацяо в ЮВА, экономическая конкуренция и территориальные споры. Однако значимость каждого из них и степень влияния для разных стран разная. Экономически более развитые государства меньше опасаются конкуренции и больше используют возможности роста Китая. Те же, у кого сохраняются противоречия по территориальным проблемам, с большей опаской и даже весьма подозрительно относятся к китайской «дипломатии улыбок». Среди стран АСЕАН наибольшую тревогу по поводу действий Китая проявляют Вьетнам и Филиппины. Две другие страны, претендующие на суверенитет в ЮКМ, — Малайзия и Бруней — как будто не очень сильно этим озабочены.

КНР позиционирует себя как защитница прав хуацяо во всем мире. Китайская диаспора в странах ЮВА сильна и способна дестабилизировать обстановку в любой из них. В Индонезии, где живет более 7 млн китайцев (3,5% населения), они создают 73% ВВП. В Таиланде их тоже почти 6 млн (10% населения), и они создают 81% ВВП. Что уж говорить о Сингапуре, где этнические китайцы составляют 80% населения и владеют десятью крупнейшими банками, которые управляют одной третью всех капиталов в ЮВА [Vu Duong Huan 2007].

Каждая страна АСЕАН обладает своим уникальным опытом отношений с Китаем. Одни хотят при всех связях с КНР иметь еще более тесные связи с США, как, например, Сингапур⁸⁵ или Мьянма⁸⁶, которая, наоборот, до последних перемен в этой стране предпочитала оставаться под сенью Китая, извлекая из этого максимальную выгоду. К Китаю больше стал склоняться в последнее время и Таиланд, развивающий с ним широкое экономическое сотрудничество. Отсюда происходят и различия между членами АСЕАН в осуществлении на практике общей тактики «вовлечения и хеджирования».

Однако всегда, когда есть возможность, страны АСЕАН предпочитают не занимать чью-либо сторону и не хотят, чтобы их заставляли это делать. Так происходит, например, во время каждого обострения отношений Китая и Японии. Это же просматривается в их двойственном отношении к соперничеству США и Китая в АТР. В целом они ориентируются на то, чтобы поддерживать хорошие отношения с возможно большим числом крупных стран мира.

⁸⁵ Осуществляет классический вариант хеджирования: оставаясь самым надежным квази-союзником США в регионе, одновременно извлекает наибольшие выгоды из сотрудничества с Китаем, оказывая значительную помощь в индустриализации, в создании более эффективной бюрократии, часто играя роль посредника в отношениях с Тайванем.

⁸⁶ С 1990-х годов, когда захватившая власть военная хунта была отвергнута всеми западными демократиями, Китай взял ее под свою опеку, предоставляя военную и экономическую помощь. Мьянма обеспечивает Китаю более короткий доступ к Индийскому океану и к ближневосточной нефти, для чего и строится нефтепровод в китайскую провинцию Юньнань.

Признанный авторитет в делах АСЕАН бывший президент Филиппин Фидель Рамос как-то мудро заметил, что страны АСЕАН «должны принять реальность жизни с большим присутствием Китая во всех сферах». Для того, чтобы обеспечить длительную стабильность в АТР, необходимо, по его мнению, переходить от «Пакс Американа», который обеспечивался сильным военным присутствием США, к «Пакс Азия-Пасифик», в который «главные страны и субрегиональные группировки могли бы внести свой вклад и разделить ответственность за сохранение безопасности и стабильности в АТР» [Юго-Восточная Азия... 2005: 312].

Что касается Китая, то странам АСЕАН, как говорят на Востоке, приходится «танцевать со слоном». С большим или меньшим успехом им удавалось находить такую модель ведения дел с Китаем, которая позволяла извлекать возможные выгоды из своей культурной идентичности и географической близости и минимизировать ущерб от неудобного соседства с великаном. Там давно осознали, что единственная возможность не отстать безнадежно от Китая — это стать его партнерами. Впрочем, странам АСЕАН есть гораздо больше чего бояться при слабом и раздробленном Китае, чем при стабильном и процветающем. Ведь в первом случае нет никаких гарантий, что к власти там не придут совсем другие люди и политика КНР тоже станет другой.

АСЕАН пытается делать все возможное для того, чтобы Китай, как считает профессор Э. Сан Пабло-Бавьера из Филиппинского института исследований проблем развития, «становился скорее мягкой, чем гегемонистской силой при одновременном наращивании собственной мощи и влияния». Это далеко не всегда удается, но в чем профессор, несомненно, права, так в утверждении, что «отношение к Китаю как к врагу и угрозе может стать самосбывающимся пророчеством с самыми серьезными последствиями для всех стран ЮВА» [Pomeranz 2008: 96].

Успехи «мирного наступления» КНР до последних событий 2009–2012 гг. бесспорны, но во многом они были обеспечены и встречными усилиями самих стран АСЕАН. Их отношения строятся по принципу «тяги-толкай», а потому не следует видеть только «напор» и «соблазн» Китая и не замечать стратегии «вовлечения и управления рисками» со стороны лидеров АСЕАН. Одно было бы невозможно без другого.

АСЕАН перед трудным выбором

Одним из существенных факторов возросшей напряженности в ЮКМ стало усиление американского военного присутствия в соперничестве с Китаем. В связи с этим АСЕАН оказалась перед трудным выбором. Ответ на подъем Китая и его наступательную политику в ЮКМ путем наращивания военного присутствия США в регионе представляется большинству лидеров АСЕАН тоже нежелательным. Цели США в регионе многим видятся неясными. В условиях продолжающегося мирового кризиса никто не берется предсказать, как проявится роль США в регионе.

Экономическая и военная мощь Китая растет. С другой стороны, США продолжают доминировать в военном отношении, тогда как их экономическое влияние ослабевает. В любом случае Китай жестко ответит и уже отвечает на

планы США нарастить свое военное присутствие в регионе. Так что попытки «сдерживания» Китая — это уже не ответ на вопрос сохранения безопасности ЮВА, а скорее даже, наоборот.

В АСЕАН отдают себе отчет в том, что США — не благотворительная организация, и их интерес — собственная безопасность и экономическая выгода. Они явно намерены и дальше давить на Китай под предлогом борьбы за свободу судоходства, втягивая в нее все больше стран и подталкивая к дальнейшей интернационализации проблемы. И хотя напряженность в ЮКМ, вероятно, отвечает интересам некоторых американских корпораций, в современных условиях странам АСЕАН она не несет ничего хорошего, и без сотрудничества с Китаем им все равно не обойтись.

Если в 2009–2010 гг. Китай сделал несколько стратегических и тактических шагов для укрепления своих позиций в ЮВА, то 2011 год показал, что регион этому сопротивляется. Китай своими заявлениями и опасными действиями подтолкнул страны АСЕАН к укреплению отношений с США и отходу от традиционных фундаментальных целей их политики, направленной на исключение влияния великих держав на ситуацию в регионе. Стало очевидно, что усиление напряженности и угрожающие действия Китая способны привести к тому, что АСЕАН перейдет от политики конструктивного вовлечения Китая в многостороннее сотрудничество к попыткам «сдерживания» его экспансии с помощью извне.

Так в определенной мере и происходит. На саммите Восточноазиатского сообщества (ВАС) в ноябре 2011 г. все члены АСЕАН, кроме Мьянмы и Камбоджи, и все партнеры по диалогу в той или иной (чаще в косвенной) форме критиковали позицию Китая в ЮКМ и призывали к многостороннему решению, которому он так долго и упорно сопротивлялся.

Но не все однозначно и для АСЕАН, особенно учитывая ее сложный состав.

Даже главные участники споров в ЮКМ — Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Бруней — редко говорят «на одном языке». Среди них первые две страны чаще других подвергаются разного рода коллизиям с Китаем, и они настойчивее других призывают к солидарной позиции АСЕАН по проблеме ЮКМ. С момента провозглашения возвращения США в АТР Филиппины стали значительно увереннее и активнее выдвигать все новые инициативы на форумах АСЕАН.

Основные усилия этих членов АСЕАН направлены на ликвидацию амбициозной «линии U», на которой настаивает Китай. Они пытаются отделить свои исключительные экономические зоны и границы континентального шельфа, отмеряемые от базовой береговой линии, от районов ЮКМ, которые остаются спорными. Чтобы минимизировать спорное пространство, они предпочитают точную интерпретацию статьи 121 Конвенции ООН 1982 г. о «режиме островов» и не рассматривают любые участки суши в ЮКМ обязательно в качестве островов.

Малайзия и Бруней, сохраняя статус участников спора, особой угрозы или давления со стороны Китая не испытывают и придают явно большее значение своим отношениям с Китаем.

Среди остающихся в стороне от спора в ЮКМ Сингапур и Индонезия в целом придерживаются нейтралитета, не поддерживая ни одну из сторон. Первый как крупнейшее торговое государство крайне заинтересован в устранении любых

препятствий свободе судоходства в ЮКМ. Индонезия традиционно предпочитает роль посредника. Она уже более 20 лет принимает у себя неформальные семинары ученых и общественных деятелей по проблеме ЮКМ и всячески способствует выработке единой позиции АСЕАН по этой проблеме. В последнее время она особенно повысила свой имидж самого надежного члена АСЕАН.

Лаос, Таиланд и Мьянма прямых интересов в ЮКМ не имеют и редко высказывают свои взгляды по этим вопросам. Будучи тесно привязана к Китаю экономически, Камбоджа в той или иной мере поддерживает китайский подход к решению проблем путем двусторонних переговоров самих заинтересованных стран с Китаем.

Хотя страны АСЕАН имеют разные интересы в ЮКМ, все они одинаково заинтересованы в защите свободы навигации, региональной стабильности, уважении норм международного права, а также в поддержании определенной сплоченности АСЕАН и ее центральной роли в формирующейся системе региональной безопасности. Дальнейшее обострение конфликта в ЮКМ грозит ее развалом, ибо ставки очень разные для ее членов. Последнее, чего хотели бы они все вместе, это оказаться втянутыми в ситуацию, подобную холодной войне, где они должны будут выбирать между двумя мировыми державами.

Заявления Б. Обамы и Х. Клинтон о «возвращении» США в АТР с одобрением встречены общественным мнением в большинстве стран АСЕАН. Политическая элита этих стран в массе своей предпочитает видеть в роли центрального игрока в АТР США, а не Китай. Но у нее есть немало сомнений и вопросов. Что делать с возросшей мощностью Китая и экономической зависимостью от него? Насколько США готовы и способны долго сохранять свое доминирование в регионе, и хотят ли они действовать через многосторонние механизмы АСЕАН и ВАС, которые позволяют всем вовлеченным странам участвовать в выработке общих правил? Каким путем они, в конце концов, пойдут? От всего этого будет во многом зависеть возможность сохранить мир и стабильность в регионе.

Реакция стран АСЕАН на решение Б. Обамы разместить 2500 морских пехотинцев в Дарвине (Австралия) была довольно сдержанной. Министр иностранных дел Индонезии в интервью газете *Jakarta Post* 17 ноября 2011 г. подчеркнул строго двусторонний характер этой сделки между США и Австралией. Категорически дистанцируясь от этого решения, он добавил, что ему бы очень не хотелось, чтобы «появление морских пехотинцев США вызвало бы вновь порочный цикл напряженности и недоверия в регионе».

В политических элитах ряда ведущих стран АСЕАН утвердилось мнение, что Китай — это главный экономический партнер, обеспечивающий процветание, а США гарантируют им безопасность, что сохраняет мир. Но цена Америке больше за ее военную мощь, чем за рынок, все они хотели бы больше торговать именно с Америкой, привлекать больше ее инвестиций и шире пользоваться ее технологиями. Они хотят от США защиты от разорения, а не разоряющего их протекционизма.

Ясно, что, если США хотят удержать лидерство в АТР, они не смогут бесконечно игнорировать чересчур «агрессивные» действия Китая. Иначе это подорвет всякое доверие к США и поставит под вопрос все их двусторонние военные союзы в Азии. Но как далеко пойдут США и вступят ли они в войну, если она, не дай

бог, разразится? После войны во Вьетнаме, после Ирака и Афганистана в это уже мало кто верит.

Даже если они не будут реагировать военным путем, можно ли будет ожидать серьезных экономических санкций с их стороны в отношении Китая? В нынешних условиях экономической взаимозависимости США и Китая это уже практически исключено. А смогут ли США побудить страны АСЕАН поддержать эти санкции? Они же и им будут грозить тяжелыми экономическими последствиями. Маловероятно, что в такой ситуации удастся сохранить солидарность внутри АСЕАН. А потому у подвижки стран АСЕАН в сторону США тоже оказались свои объективные пределы.

Одним словом, лидеры АСЕАН не очень уверены в способности США в нынешних условиях снова занять прежние доминирующие позиции в ЮВА. Эта неуверенность ставит их в трудное положение выбора. Их экономическое будущее неразрывно связано с Китаем. Амбициозный план создать в 2015 г. Сообщество АСЕАН, состоящее из трех составных элементов — сообществ безопасности, экономического и социально-культурного сотрудничества, а также выстроить всю необходимую инфраструктуру для развития внутрирегиональной торговли — это часть более широкого процесса восточноазиатского регионализма. А в нем не США, а именно Китай является главной опорой и движущей силой.

Лидеры АСЕАН, судя по всему, вряд ли считают, что Пекин вынашивает планы покорения мира. В политическом плане активное сотрудничество стран АСЕАН с Китаем поднимает их значимость и в отношениях с США и Евросоюзом. Отгораживаясь от будущих эвентуальных проблем, они скорее рискуют получить трудные проблемы «здесь и сейчас». Политическая стабильность в их странах в первую очередь зависит от экономического благополучия и самодостаточности. К тому же китайская диаспора в их странах сильна и способна дестабилизировать обстановку. В этой потенциальной угрозе тоже заключается неумолимая сила китайской дипломатии. Все это вместе и заставляет страны АСЕАН постоянно маневрировать в треугольнике США — Китай — Япония, к которому многие не прочь добавить и Россию.

Двойственная позиция стран ЮВА по отношению к американскому военному присутствию в регионе является существенным препятствием для попыток США расширить свое военное присутствие в ЮКМ. На пресс-конференции в Фонде Карнеги в сентябре 2011 г. директор азиатских программ Дуглас Паал говорил, что после появления известной статьи Х. Клинтон в *Foreign Policy* [Clinton 2011] и ряда выступлений министра обороны США Л. Панетты стали все чаще раздаваться голоса партнеров из стран АСЕАН: «Вы зашли слишком далеко на этот раз. Не можете ли сдать немного назад? Мы не хотим милитаризировать свои отношения с Китаем. Это не в наших интересах. Не могли бы вы подойти к этому немного спокойнее?» [Paal 2011 (2)].

Страны региона, по его мнению, действительно хотят иметь какой-то противовес Китаю. Но это должен быть именно противовес. Они не хотят военного союза. Они не ждут, что США придут и будут все делать вместо них. Но когда Китай давит, они хотели бы, чтобы США надавили на него в ответ, но сразу прекратили бы это давление, как только это сделает Китай.

Лидеры АСЕАН не могут не видеть, что главной целью американского «возвращения в Азию» является «мягкое сдерживание» подъема Китая и среди прочего путем поддержки стран, оказавшихся в территориальных спорах с ним. Вашингтон поэтому заинтересован в том, чтобы было больше таких споров между Китаем и его соседями в ЮКМ, чем сотрудничества между ними. Но вопрос в том, насколько далеко пойдут члены АСЕАН в совместной игре на стороне США. Малые и средние страны ЮВА вынуждены принимать во внимание геополитические и геоэкономические реальности, как и баланс сил между Китаем и США в регионе. США все-таки далеко, а Китай под боком, и маловероятно, что они полностью перейдут на ту или иную сторону.

За всем этим скрывается тот факт, что никакая политика «сдерживания» в ЮВА попросту невозможна. Ситуация там слишком сложна для этого, а Китай настолько глубоко укоренен культурно, экономически и политически, что и здесь взаимозависимость стала необратимой. Широкому и добрососедскому сотрудничеству стран АСЕАН с их великим соседом разумной альтернативы нет.

На саммите АСЕАН — Китай в Наньине в 2006 г. премьер госсвета КНР Вэнь Цзябао предложил странам АСЕАН тройную формулу отношений: дружеское добрососедство, мирное сосуществование, региональная стабильность и гармония [Yuan Jing-dong 2006]. Если бы стороны в самом деле придерживались ее, то отношения, скорее всего, стали бы прочной основой мира и благополучия в регионе.

«ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ» И ПОИСК СОГЛАСИЯ

От Декларации 2002 г. к Кодексу поведения сторон в ЮКМ

Председательство Вьетнама в АСЕАН в 2010 г., по общему мнению, стало весьма успешным для вьетнамской дипломатии и привело к укреплению сплоченности АСЕАН, вопреки сильному давлению извне и попыткам ее раскола на различные группировки. Уже на первом (апрельском) саммите⁸⁷ 2010 г. все члены АСЕАН после длительного перерыва впервые вместе выступили за скорейшее превращение Декларации о принципах поведения сторон в Южно-Китайском море, которая была всего лишь заявлением о намерениях⁸⁸, в юридически обязывающий Кодекс поведения (СОС), исключающий применение силы или угрозы силой при решении возникающих территориальных споров и обеспечивающий безопасность мореплавания и морепользования.

Эстафету у Вьетнама приняла Индонезия, под председательством которой АСЕАН удалось еще на шаг подвинуть Китай к принятию обязательных правил поведения в ЮКМ. 20 июля 2011 г. министры иностранных дел стран АСЕАН и Китая подписали Директивы по осуществлению Декларации 2002 г. Они состоя-

⁸⁷ Саммиты АСЕАН проводятся два раза в год — весной и осенью.

⁸⁸ Подробнее см.: [Канаев 2007].

ли из краткой преамбулы и восьми пунктов. В преамбуле подтверждалось значение Декларации-2002 как основополагающего документа для отношений стран АСЕАН и Китая, а принимаемые сторонами Директивы предназначались для того, чтобы регулировать возможные совместные действия, проекты и принимаемые меры, которые предполагаются этой Декларацией⁸⁹.

Директивы дают общее для всех толкование тому, что в ней написано. Речь идет о разработке эффективных мер доверия и о реализации различных проектов в области нетрадиционной безопасности, в том числе по борьбе с терроризмом и пиратством, трансграничной преступностью, а также по морским исследованиям, защите экологии моря, сохранению рыбных запасов, помощи при стихийных бедствиях и др. Все проекты в этих областях должны будут рассматриваться на ежегодных встречах министров в формате АСЕАН + Китай. Принимая эти директивы, министры призвали Китай и все страны АСЕАН участвовать в проектах сотрудничества по охране природной среды, сохранению рыбных запасов и др., которые должны были бы укрепить доверие между странами, подписавшими Декларацию 2002 г. На первый взгляд в них не было ничего нового. Все проекты должны были быть согласованы между участниками и осуществляться строго на добровольной основе. Но даже принятие этого ни к чему не обязывающего документа, означающего всего лишь первый шаг к заключению Кодекса поведения в ЮКМ, потребовало немалых усилий.

Не удалось достичь согласия относительно общего толкования самой природы этих Директив. Страны АСЕАН настаивали на том, что этот документ является двусторонним соглашением, в котором с одной стороны выступает Китай, а с другой — АСЕАН в целом как международная организация. Они предполагали, что все вопросы, возникающие при реализации Декларации, предварительно будут согласовываться на встречах членов Ассоциации. Китай добился изъятия этого пункта из проекта Директив, заявляя, что рассматривает Декларацию 2002 г. только как общее соглашение 11 сторон друг с другом, а потому возникшие споры и проблемы надо решать между теми, кого это касается, а не в формате один против десяти.

Как считает известный американский эксперт по ЮВА Марк Валенсия, АСЕАН пошел на большую уступку, сняв этот пункт. Но это было необходимо, чтобы убедить Китай, что другие претендующие на суверенитет страны (Бруней, Вьетнам, Малайзия и Филиппины) не используют АСЕАН для «судилища» над ним [Valencia 2011].

Единственное, чему особенно были рады страны АСЕАН, это принятое Китаем дополнение к п. 8 Директив, по которому все жалобы и претензии по нарушениям Декларации-2002 должны будут отныне докладываться на ежегодном совещании министров иностранных дел в формате АСЕАН + Китай. Это значительно повышает роль АСЕАН в разрешении конфликтов в ЮКМ и превращает его в главного собеседника Китая по этим проблемам, с чем Китай категорически не соглашался.

Существенный недостаток этого документа, однако, в том, что в нем нет обозначения сферы действия ни Декларации-2002, ни принятых Директив по ее пре-

⁸⁹ URL: www.asean.org/4979.html

творению в жизнь. Осталось неясным, как Директивы соотносятся с «линией U», обозначенной Китаем.

Неслучайно уже через две недели после принятия Директив Китай и Филиппины возобновили взаимные обвинения, а китайская газета «Жэньминь жибао» 2 августа 2011 г. опять начала угрожать тем странам, «которые совершают ошибочные действия в отношении суверенитета Китая». Это произошло после того, как Филиппины всего лишь объявили о завершении строительства второго хозяйственного склада на одном из занимаемых ими островов архипелага Спратли.

На первый взгляд, Китай пошел на уступку, вообще согласившись на многостороннее обсуждение проблем ЮКМ в АСЕАН. Это так или иначе означало, что Китай признал АСЕАН — многостороннюю организацию — как институт, с которым можно работать по этим вопросам, вместо его прежней позиции — работать только индивидуально с каждой претендующей страной в отдельности. Но Китай не так уж далеко отступил от своей прежней позиции. Он не дал согласия рассматривать проблемы суверенитета в ЮКМ с участием другой пятерки членов АСЕАН (Сингапур, Таиланд, Камбоджа, Лаос и Мьянма), непосредственно в спорах не участвующих. Директивы касаются чисто функциональных проблем, таких как экология, рыбные запасы, стихийные бедствия и т.п., но они не затрагивают главного — спора о территориальной принадлежности акватории и островов ЮКМ, загнанного в тупик «линией U», которую отстаивает Китай.

Осталось неясным, хочет ли Китай продолжать игру с АСЕАН, хочет ли сотрудничать с ней, прекратив нападения на корабли, ведущие геологические изыскания. Это вообще в Директивах не упоминается. Так что еще предстоит увидеть на практике, чего на самом деле он добивается, и не было ли это просто попыткой показать, что вопрос отныне закрыт и все остается без изменений.

Директивы не удовлетворили никого, но в условиях, когда кризис в ЮКМ вновь достиг опасного уровня, даже плохой мир был лучше доброй ссоры. Директивы отвечали задачам, ставившимся обеими сторонами в тот момент. Впервые за много лет удалось консолидировать позицию АСЕАН в этом важнейшем вопросе, преодолеть сомнения ряда зависимых от Китая государств — членов АСЕАН, преодолеть его сильное сопротивление любому обсуждению вопросов ЮКМ на международном уровне в многостороннем порядке и вынести, наконец, общее решение.

Главное, что показал этот первый скромный успех АСЕАН — это то, что вопреки сопротивлению КНР проблема безопасности в Южно-Китайском море вышла на повестку дня международной организации, в сотрудничестве с которой Китай очень заинтересован. Заработал важный международный механизм. Он очень сложный и совсем не надежный. В АСЕАН есть немало стран, которые в любой момент могут перейти на сторону КНР и сделать консенсус в АСЕАН невозможным, что и произошло ровно через год в Пномпене.

Китай остался ничем не связанным при осуществлении различных проектов и сохранил возможность вернуться к своей генеральной тактической установке: «отложить споры ради совместного освоения ресурсов». Министр иностранных дел КНР тогда же заявил о готовности Китая принять Кодекс, «когда для этого созреют необходимые условия»⁹⁰.

⁹⁰ Цит. по: *Thoi dai moi*. 2011. № 22.

Что подразумевается под этими условиями и когда это произойдет? Пока вопросов явно больше, чем ответов, и есть сомнения, что это произойдет в ближайшее время. Но так или иначе принятие обеими сторонами Директив стало серьезным усилием всех заинтересованных сторон поставить под контроль разгоревшиеся споры и сохранить конфликт управляемым. Тогдашний Генеральный секретарь АСЕАН Сурин Питсуван оценил это соглашение как важное дипломатическое достижение. Применение Директив, по его словам, должно было создать условия для продолжения диалога и укрепить доверие между конфликтующими сторонами⁹¹.

Только одна страна АСЕАН — Филиппины — выразила явное недовольство этим документом, который, по словам министра иностранных дел Альберта дель Розарио, не содержит достаточно указаний на его успешное претворение в жизнь и не имеет отношения к конкретным территориальным спорам Филиппин с Китаем⁹².

Для АСЕАН принятие Директив все-таки стало первым политическим успехом за многие годы. С подписанием этого документа обстановка, хотя бы на время, стабилизировалась. В какой-то мере это показало, что АСЕАН может решать вопросы ЮКМ самостоятельно, как свое «внутреннее дело». Вовлечение Китая в обсуждение Кодекса поведения сторон в ЮКМ стало шагом вперед, хотя и не привело полностью к желаемому решению.

Ясно, что Директивы явились нужным документом, заключенным в нужное время, который внес определенный вклад в смягчение напряженности, нараставшей с 2009 г. Это был шаг на трудном пути превращения Декларации-2002 в обязывающий Кодекс. Но он может послужить и отяжкой на долгий срок нынешнего положения неопределенности в ЮКМ. Все будет зависеть от инициативы, решимости и доброй воли лидеров участвующих в споре государств.

Остановка в Пномпене

Прошедший в апреле в Пномпене первый саммит 2012 г. показал различия в подходе к процедуре разработки проекта Кодекса. Настойчивые попытки Филиппин добиться того, чтобы статьи Кодекса сначала утверждались в АСЕАН и только потом обсуждались с Китаем, как уже говорилось, не получили поддержки. Лидеры АСЕАН не захотели связывать себе руки в предстоящем торге с Китаем. С трудом договорились вести работу самостоятельно, без китайских представителей, но поручили Камбодже информировать Китай о ходе этой работы.

Китай все это время активно укреплял свои военные и экономические позиции, подогревал противоречия внутри АСЕАН, оказывая прямое давление на ряд стран этой группы, находящихся в большой экономической зависимости от Китая. В первую очередь работа велась с Камбоджей, к которой перешло председательство в АСЕАН.

⁹¹ URL: www.aseansec.org/27/07/2011

⁹² См. примеч. 90.

За период 1994–2011 гг. китайские инвестиции в Камбодже достигли 8,8 млрд долл., что позволило Китаю стать главным инвестором в этой стране. Китай предоставил Камбодже займы под самые низкие проценты, в том числе 430 млн долл. на развитие инфраструктуры, в которую до этого было вложено более 2 млрд долл. китайских инвестиций. Через свою государственную нефтяную корпорацию SNOOC он вложил более 200 млн долл. в геологоразведочные работы и поиск нефти у берегов Камбоджи. В 2011 г. долг Камбоджи Китаю достиг 8 млрд долл. В апреле 2012 г., накануне апрельского саммита АСЕАН, во время визита в Пномпень Председателя КНР Ху Цзиньтао стороны договорились в предстоящий период увеличить объем двусторонней торговли с 2,56 млрд до 5 млрд долл.⁹³.

Возрастающая экономическая зависимость заставляет камбоджийских руководителей, оказавшихся в свое время у власти при решающей помощи Вьетнама, проводить двойную игру балансирования между ним и Китаем. Заведомо было ясно, что Камбоджа не пойдет на то, чтобы бросить вызов Китаю — своему главному инвестору и донору экономической помощи.

Министры иностранных дел стран АСЕАН, собравшиеся на очередную встречу накануне заседания АРФ в Пномпене в июле 2012 г., в течение недели трудных дискуссий так и не смогли выработать общую позицию по ситуации в ЮКМ. Камбоджийский министр после консультаций со своим руководством категорически отверг то место из Коммюнике, в котором говорилось о событиях в районе мыса Скарборо и об исключительных экономических зонах Вьетнама и Филиппин, заявив, что эти вопросы относятся к двусторонним отношениям соответствующих стран с Китаем и потому не могут быть в тексте Коммюнике. В результате впервые за 45 лет существования АСЕАН участники не смогли принять общего Коммюнике по результатам встречи.

Однако за поднятой в прессе шумихой вокруг этой неудачи АСЕАН остался незамеченным тот немаловажный факт, что 11 июля 2012 г. министры иностранных дел АСЕАН приняли Заявление об основных положениях предлагаемого ими совместного проекта Кодекса поведения государств в ЮКМ. Его принятию предшествовала напряженная работа экспертов, среди которых, естественно, были и разногласия. В конце концов страны АСЕАН между собой все-таки договорились об основном содержании будущего Кодекса, и это было их важным достижением, которое, как ни странно, осталось фактически незамеченным.

Одобренный проект состоял из трех частей. Первая представляет собой преамбулу, в которой подтверждаются все ранее достигнутые договоренности и соглашения АСЕАН с Китаем, обязывающие обе стороны решать все споры между собой мирно и в соответствии с международным правом, включая Конвенцию 1982 г. Во второй части содержатся оперативные нормы Кодекса, направленные на мирное решение споров и предотвращение их эскалации. В третьей части — обязательства сторон создать два механизма, обеспечивающих соблюдение Кодекса и разрешение споров, в том числе один на уровне министров, а другой на уровне экспертов, для рассмотрения различий в толковании тех или иных положений Кодекса. Предложенный АСЕАН проект намечал следующий порядок

⁹³ ВВС на вьет. яз. 18.07.2012.

разрешения споров: сначала стороны, по взаимной договоренности, должны попытаться вместе достичь согласия на основе принципов Договора 1976 г. (ТАС), т. е. терпеливым поиском консенсуса. Но если это все-таки не удастся, стороны могут прибегнуть к помощи ООН или предусмотренных Конвенцией 1982 г. по морскому праву различных форм международного арбитража, посредничества и даже Морского трибунала.

В первом случае предлагается использовать существующий механизм в рамках действующего Договора о дружбе и сотрудничестве в ЮВА (ТАС) 1976 г. Этот Договор, являющийся правовой основой АСЕАН, предусматривает образование, при необходимости, Высшего совета, который уполномочен предоставлять сторонам «добрые услуги», посредничество, расследование или примирение. Китай, как известно, присоединился к этому Договору в 2003 г.

Таким образом, согласованный проект не только унаследовал наиболее важные элементы Декларации-2002, но и намечал существенный шаг вперед для достижения поставленных ею целей. Однако все эти элементы будущего Кодекса отражали позицию только одной стороны — АСЕАН.

У Китая, как известно, были и остаются некоторые, и весьма серьезные, возражения. Он всегда отвергал оба предусмотренных в проекте АСЕАН механизма рассмотрения споров и постоянно заявлял, что готов участвовать в выработке Кодекса исключительно в целях укрепления мер доверия в ЮКМ, а не для того, чтобы решать спорные вопросы о границах, которые могут быть решены только непосредственно с заинтересованными странами на двусторонней основе.

В Пномпене состоялась передача текста китайскому министру иностранных дел Ян Цзечи, который повторил ранее сделанное Председателем КНР Ху Цзиньтао заявление, что Китай готов начать его обсуждение, «когда для этого созреют условия». Но в прессе сообщалось, будто в Пномпене все же была достигнута неформальная договоренность, что стороны начнут переговоры в сентябре, чтобы завершить их к ноябрю 2012 г.

Однако все это осталось за кадром. А на первый план вышел серьезный раскол, снова поставивший под вопрос само существование АСЕАН. Стремясь преодолеть возникшую трещину в АСЕАН, индонезийский министр иностранных дел в течение недели занимался «челночной дипломатией» между главными участниками спора. Это была беспрецедентная инициатива Индонезии, показавшей свое желание и способность играть более активную роль в делах региона. Усилия министра завершились одобрением всеми Заявления из шести пунктов по проблемам ЮКМ, которое было оглашено в Пномпене 20 июля 2012 г. В какой-то мере оно не только позволило АСЕАН «сохранить лицо», но и смягчило создававшуюся напряженность в регионе, хотя содержание согласованных шести пунктов далеко от чего-то нового и радикального. В частности, страны АСЕАН договорились о следующем:

1. Полное выполнение Декларации о поведении сторон в ЮКМ (DOC).
2. Соблюдение Директив 2011 г. по выполнению Декларации-2002.
3. Скорейшее принятие Кодекса поведения сторон (COC).
4. Полное уважение общепринятых принципов международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS).

5. Все стороны должны продолжать проявлять сдержанность и не применять силу.

6. Мирно решать споры в соответствии с общепринятыми нормами международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.

Как видно из этих принципов, главные оппоненты Китая — Вьетнам и Филиппины — отказались от упоминания последних событий, обостривших обстановку в регионе. Филиппины также временно сняли свою инициативу создания «Зоны мира и сотрудничества» в спорных районах. Их устроил принцип уважения действующих норм международного права, Устава ООН, Морской конвенции 1982 г. (UNCLOS), Договора о дружбе и сотрудничестве, Декларации-2002, что закрепляло бы их права на ИЭЗ и границы материкового шельфа.

В Китае это заявление также было принято с одобрением. Представитель МИД КНР заявила, что Китай высоко ценит свои отношения с АСЕАН, желает продолжать работать вместе с этой группой государств над выполнением Декларации-2002 и «открыт для консультаций с АСЕАН по разработке Кодекса поведения сторон в ЮКМ»⁹⁴. Газета China Daily 22 июля 2012 г. писала, что эти принципы «совпадают с неизменным желанием превратить спорные районы ЮКМ в море мира, дружбы и сотрудничества».

Но это дипломатическое смягчение позиций последовало одновременно с усилением военных приготовлений, что характерно для двойственной политики Китая, неизменно сочетающей «кнут и пряник». Китай показал, что не желает показаться слабым, но и не может выступать в роли агрессивного регионального гегемона.

Многие наблюдатели не скрывали сомнений, что на саммите в Пномпене 17–20 ноября 2012 г. удастся превратить Декларацию-2002 в обязывающий всех Кодекс.

Так оно и случилось. Намечавшиеся на сентябрь переговоры по проекту Кодекса не состоялись. Этого не произошло и не могло произойти в связи с предстоявшей сменой руководства в Китае.

На ноябрьском саммите в Пномпене принять Кодекс, таким образом, оказалось невозможным. Главы государств ограничились призывом соблюдать Декларацию-2002, не допускать никаких действий, осложняющих положение, в частности, не размещать новых поселений на необитаемых островах. В отношении Кодекса было решено лишь начать консультации по представленному АСЕАН проекту.

Похоже, что Филиппины, Вьетнам и другие заинтересованные страны, действительно, пришли к выводу, что Китай хитрит и на самом деле не допустит принятия никакого обязывающего его Кодекса. Радикальные предложения Филиппин, поддержанные Вьетнамом, были выхолощены другими членами АСЕАН из опасения, что они вызовут антагонизм со стороны Китая. Поэтому прошедшее совещание министров иностранных дел в Пномпене в июле 2012 г. превратилось в фарс из-за позиции председательствовавшей Камбоджи, которая блокировала конструктивное обсуждение этих вопросов, защищая интересы Китая. И только

⁹⁴ Агентство Синьхуа. 22.07.2012.

благодаря усилиям Индонезии удалось избежать полного фиаско АСЕАН в этом вопросе.

В сентябре 2012 г. на сессии ГА ООН в Нью-Йорке Индонезия проводила активные консультации по представленному проекту Кодекса. Но реального продвижения по этому вопросу так и не достигла.

Большинство наблюдателей сильно сомневаются, что Китай вообще пойдет на принятие каких-либо обязательных для него правил. Но Китай может получить и немалые выгоды, если поддержит эффективный Кодекс поведения в ЮКМ. Его имидж в регионе радикально улучшится, желание соседей втянуть США в этот спор значительно уменьшится, а шансы ввязаться в конфликт из-за какого-то крошечного необитаемого островка исчезнут.

В АСЕАН все еще надеются, что более обязывающий Кодекс побудит Китай воздерживаться от применения силы или других мер принуждения в решении споров в ЮКМ. Но утверждения о том, что Кодекс будет иметь обязательную силу для Китая, тоже проблематичны. Кодексы более применимы для организаций, межправительственных учреждений, агентств и т.п. Для государств они срабатывают не всегда. Национальное законодательство многих стран не рассматривает их как источник права. И все-таки, при всех сложностях и препятствиях, процесс, так сказать, пошел, хотя говорить, что в конце туннеля уже появился свет, еще рано. Если и когда такой Кодекс будет все-таки принят, то откроется возможность сделать его обязательным для присоединения и стран вне региона, наподобие Договора 1976 г., что сделает его эффективным инструментом поддержания регионального мира и стабильности.

А время, между тем, торопит. Пока Китай, Вьетнам, Филиппины и другие страны АСЕАН ищут подходы к решению своих споров, в водах ЮКМ остается все меньше морепродуктов, а загрязненность моря становится все больше и опасней. Скорость, с которой тают рыбные запасы и идет загрязнение моря, уже грозит продовольственным кризисом для миллионов людей, живущих на его берегах. Новые лицензии на добычу нефти и природного газа в ближайшее время будут получены многими компаниями, и это приведет, как предупреждают эксперты, к новому ухудшению обстановки [Moss 2012]. Неутихающие споры из-за юрисдикции на традиционные зоны рыболовства тоже грозят в любой момент подорвать все дипломатические инициативы и поднять напряженность на новую высоту.

В регионе разворачивается серьезная гонка вооружений. Импорт вооружений в Индонезию, Малайзию и Сингапур вырос с 2000 г. соответственно на 84, 146 и 722%. Расходы идут в основном на надводные корабли и подводные лодки, на новейшие ракетные системы и истребители дальнего действия [Там же].

Акватория ЮКМ наполняется военными и полувоенными сторожевыми кораблями Китая, других прибрежных и далеких от региона стран. Идут постоянные военные маневры с участием ВМС и ВВС различных государств. Возникает угроза случайного или ошибочного применения самого современного оружия.

Превентивная дипломатия в ЮКМ

Главной площадкой обсуждения политических проблем региональной и международной безопасности в этой системе является учрежденный в 1994 г. Форум АСЕАН по вопросам региональной безопасности — АРФ. Сегодня это самый широкий по охвату многосторонний и многоуровневый институт в АТР, который призван содействовать объединению усилий в сфере безопасности. В нем, кроме 10 стран АСЕАН, участвуют ЕС и еще 15 государств мира, среди которых Китай, Индия, США, Россия, Япония, Республика Корея, КНДР и др. Главным условием полноправного членства в статусе партнера по диалогу является присоединение к Договору о дружбе и сотрудничестве 1976 г., утвердившего принцип неприменения силы в ЮВА.

Работа АРФ осуществляется под руководством АСЕАН и на основе «метода АСЕАН». Главное, что хранят в неприкосновенности лидеры АСЕАН — это принципы консенсуса и невмешательства во внутренние дела друг друга. Деятельность АРФ проходит в регулярных консультациях дипломатических ведомств по актуальным проблемам мирового и регионального развития с целью разработки мер доверия и превентивной дипломатии.

Превентивная дипломатия в ЮКМ — это действия, направленные, прежде всего, на недопущение перерастания многолетних споров в открытые конфликты и ограничение конфликтных ситуаций, когда они возникают. Ее особенность в том, что она акцентирует усилия не на немедленном решении проблемы, а на начале диалога и процесса, который мог бы предотвратить негативные последствия разрастающегося конфликта. Ближе всего к этому подходит именно «метод АСЕАН».

На нынешнем этапе позитивное значение имеет общий подход к региональным конфликтам, одобренный на встречах АРФ. Он предполагает три стадии: разработку и осуществление мер доверия; создание структур превентивной дипломатии; реализацию согласованных мер по урегулированию конкретного конфликта. При этом под «превентивной дипломатией» понимается совокупность мер по недопущению перерастания конфликта в открытое столкновение и его окончательное урегулирование путем достижения политического консенсуса между вовлеченными сторонами.

Большое значение должны иметь меры доверия, разрабатываемые в процессе подготовки Кодекса поведения сторон в ЮКМ и на сессиях АРФ. Они должны быть направлены на сдерживание развернувшейся гонки вооружений, сокращение военных гарнизонов на островах и ненаращивание там вооруженных сил, на открытость и освещение намерений друг друга, на избежание возможных ошибок и просчетов, на договоренность о неразмещении на островах дальнобойной артиллерии, на создание систем раннего оповещения на основе обмена информацией, создания «горячих линий» связи между руководством и отдельными ведомствами различных стран и т.д.

За прошедшие годы на заседаниях АРФ было высказано множество идей и даже принято много решений по мерам доверия, но далеко не все из них удалось реализовать на практике. Причина этого кроется в больших различиях в позициях, принципах и ценностях между двумя группами стран — АСЕАН-6 (Бруней,

Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины) и АСЕАН-4 (Вьетнам, Камбоджа, Мьянма и Лаос). Внутри этих групп тоже сохраняются свои споры по различным, в том числе и территориальным, вопросам.

Меры доверия, применяемые в других местах, например, на Черном море или в Арктике, тоже могут быть использованы в ЮКМ, включая предварительное уведомление о предстоящих учениях ВМФ, взаимные визиты кораблей, совместные учения. Они могут включать и создание общей базы данных по морской информации, меры взаимодействия в обеспечении безопасности на морских коммуникациях, создание механизма для мобилизации сил в случае стихийных бедствий. В этом контексте определенный интерес может представлять и подписанный 15 сентября 2010 г. в Мурманске российско-норвежский Договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане.

Странам АСЕАН самим предстоит еще создать эффективный механизм для того, чтобы появился успешный опыт и умение предотвращать, пресекать, контролировать и разрешать возникающие конфликты и противоречия путем переговоров. Пока на этом пути достигнуты довольно скромные результаты, например, в улаживании противоречий между Индонезией и Малайзией, между Таиландом и Камбоджей. В 2011–2012 гг. были сделаны первые шаги в выработке общей позиции в отношениях Вьетнама и Филиппин с Китаем.

23 июля 2011 г. на 18-й сессии АРФ на Бали министры иностранных дел государств-участников констатировали факт, что АРФ «вступил в новую фазу осуществления превентивной дипломатии, продолжая процесс разработки мер доверия в регионе». Они договорились, что АРФ будет служить платформой для обсуждения странами региона вызовов и угроз безопасности, неуклонно придерживаясь принципов мирного решения споров. Министры также отметили, что в последние годы в Восточной Азии и АТР утверждается многосторонний подход к проблемам безопасности. И в этом контексте они приветствовали институционализацию регулярных встреч министров обороны АСЕАН и партнеров по диалогу — ADMM Plus, начавшихся в Ханое с 2010 г., а также расширение состава Восточно-азиатских саммитов (ВАС) с включением в них США и России⁹⁵.

При всех слабостях и недостатках АСЕАН страны-участницы показали умение, не вступая в конфликт с партнерами по диалогу — крупнейшими державами мира, при помощи «пассивного сопротивления» вынудить их считаться со своим мнением и интересами. Это неоднократно подтверждалось на всех саммитах в форматах АСЕАН+1, АСЕАН+3 и АСЕАН+8.

Многосторонний механизм безопасности в ЮКМ

Одним из новых институтов АСЕАН являются ставшие регулярными встречи министров обороны стран-участниц. В октябре 2010 г. на такую встречу министров в Ханое были приглашены их коллеги из 8 стран — диалоговых партнеров АСЕАН, включая Китай, Японию, Южную Корею, Индию, Австралию, Новую Зеландию, США и Россию. Там же было решено, что такие встречи будут прохо-

⁹⁵ Chair's Statement. 18th ASEAN Regional Forum. 23 July 2011, Bali, Indonesia.

дять раз в три года, а позднее министры решили встречаться чаще — раз в два года. Следующая встреча пройдет в Брунее в 2013 г. В перерыве между встречами министров ежегодно проходят совещания высших должностных лиц (SOM) министерств обороны тех же стран.

Эта структура объединила под своей эгидой ранее проходившие неформальные встречи командующих сухопутными войсками, ВМС, ВВС и разведкой стран АСЕАН. На 4-й встрече министров обороны АСЕАН в 2009 г. в Таиланде была достигнута договоренность о сотрудничестве ВМФ стран АСЕАН и совместном патрулировании морских границ. Министры учредили также экспертную рабочую группу по морской безопасности, первое заседание которой, правда, без особого успеха, прошло в Маниле в 2011 г.

В 2010 г. в Ханое был также учрежден Морской форум АСЕАН (АМФ) в соответствии с планом создания Сообщества безопасности АСЕАН. В августе 2011 г. в Таиланде прошло уже второе заседание этого форума, на котором было выдвинуто предложение пригласить к участию в его работе представителей ВМФ 8 государств — партнеров по диалогу, т. е. создать новую структуру АМФ+, которая займется общими вопросами безопасности на морях вообще, безотносительно к ЮКМ. В сентябре 2012 г. заседание форума проходило в Маниле, в его работе приняла участие и Россия. Морской форум также будет иметь межсессионные заседания экспертов по морской безопасности, предназначенные для обмена информацией и опытом работы по решению различных вопросов⁹⁶.

Таким образом, формально уже создана разветвленная система часто дублирующих друг друга институтов. Остается только нерешенным вопрос, как все они будут соотноситься с саммитами формирующегося Восточноазиатского сообщества (ВАС). Многие считают, что именно этот институт, где встречаются лидеры 18 государств, должен стать во главе всей пирамиды различных многосторонних форумов, действующих под эгидой АСЕАН и АРФ, чтобы зарождающаяся в настоящее время архитектура безопасности стала более прочной и стабильной.

С одной стороны, такое развитие архитектуры безопасности в ЮВА и ВА можно было бы считать весьма позитивным явлением, так как оно сводит вместе всех главных акторов, включая Китай и США. Но, с другой стороны, весь процесс может зайти в тупик, если Китай сделает вывод, что страны АСЕАН и внерегиональные державы сговариваются против него. Ведь из восьми диалоговых партнеров АСЕАН, входящих в ВАС, пять — это США и их союзники или близкие стратегические партнеры. На прошедшем в ноябре саммите ВАС на о. Бали председатель Госсовета КНР Вэнь Цзябао, хотя и в одиночестве, но решительно заявлял, что саммит ВАС не место для обсуждения вопросов безопасности в регионе. Так что первая попытка в ноябре 2011 г. оказалась неудачной. Положение — один против 17 — явно не устроит Китай. Скорее, таким механизмом мог бы стать формат АСЕАН+1 (АСЕАН + Китай), но и это пока под вопросом из-за негативного отношения Китая.

Работа всех структур АСЕАН дополняется неофициальным процессом по «второму каналу». Этот параллельный процесс многие годы возглавляла Индонезия.

⁹⁶ Chair's Statement of the 19th ASEAN Summit. 17 November 2011, Bali. Points 14–17.

Проходившие там семинары по проблемам ЮКМ представляли постоянно действующий неофициальный канал переговоров. За 20 лет там прошло свыше 30 различных неформальных встреч. Среди них было несколько заседаний так называемых технических рабочих групп (TWG) по вопросам безопасности на море, свободы судоходства, защиты морской экологии и биоразнообразия ресурсов, оценки запасов полезных ископаемых, научных исследований ЮКМ и др. В последнее время инициатива развертывания дискуссии по проблемам безопасности в ЮКМ перешла к Вьетнаму. Представительные международные конференции по этим проблемам проходят также на Филиппинах, в Сингапуре, США и в Китае.

В настоящее время при АСЕАН аккредитовано свыше 60 неправительственных организаций. В США, Японии, Великобритании, Австралии, почти во всех странах ЮВА активно работают многочисленные научные центры, изучающие проблемы региона. На неправительственном уровне создан и активно действует Совет сотрудничества по безопасности в АТР из представителей академических центров и общественных деятелей 18 стран.

Особое положение занимает Сингапурский институт стратегических исследований (CISS). В 2002 г. он впервые провел в отеле «Шангри-ла» неформальную конференцию на уровне министров обороны по проблемам региональной безопасности. С тех пор такие встречи под названием «Диалог Шангри-ла» проводятся ежегодно. Их спонсируют крупнейшие корпорации и фонды многих стран, и они рассматриваются как азиатский аналог ежегодных Мюнхенских конференций по безопасности.

На прошедшем в Индонезии в 2011 г. саммите АСЕАН было решено создать Институт мира и согласия АСЕАН, призванный стать неформальным центром выработки общих позиций в разрешении споров и конфликтов.

Таким образом, саммиты АСЕАН во всех существующих форматах по мере завершения строительства Сообщества АСЕАН превращаются в многоуровневый механизм формирования консенсуса между всеми странами, заинтересованными в сохранении мира и стабильности в ЮКМ. Он включает ежегодные саммиты АСЕАН, саммиты с основными партнерами по диалогу в формате АСЕАН+1, группа АСЕАН+3, АРФ, Совещания министров обороны АСЕАН+8 и как бы на вершине этой пирамиды — саммиты Восточноазиатского сообщества (ВАС). В регионе, где еще вчера не было ни одного многостороннего механизма сохранения безопасности, подобного сыгравшему свою роль в Европе ОБСЕ, постепенно такой механизм все-таки рождается.

Тщательно оттачиваются компромиссные формулировки и будущие договоренности в рабочих группах, двусторонних и многосторонних. Остается только ждать, насколько выработанные ими и предлагаемые меры доверия повлияют на смягчение позиции Китая и позволят избежать новых обострений конфликта.

«Окно возможностей» не закрыто

Воздержание от односторонних действий, подрывающих статус-кво, — на сегодня единственная формально признанная всеми договоренность внутри

АСЕАН. Китай по разному поводу тоже уже не раз заявлял об уважении этой договоренности. Это, как уже отмечалось, включено в двустороннее Заявление, подписанное с Вьетнамом в октябре 2011 г. в Пекине. Практически это означает: «кто чем владеет, тот этим пока и пользуется».

Если АСЕАН все-таки удастся принять Кодекс поведения сторон в ЮКМ и закрепить его соблюдением договором, который после его ратификации мог бы стать открытым для присоединения всех других стран, подобно Договору 1976 г. о дружбе и сотрудничестве и Договору о создании безъядерной зоны в ЮВА, то под обеспечение безопасности в ЮКМ будет действительно подведена прочная международно-правовая основа.

Общая заинтересованность в привлечении ПИИ, в развитии торговли настойчиво требует совместных усилий по обеспечению безопасности мореплавания, строительства новых портов для глубоководных современных судов, всемерного облегчения торговых операций и транспортировки грузов. Тесное экономическое сотрудничество рождает чувство региональной принадлежности, которое может служить неким буфером против нагнетания враждебности между государствами.

Как уже отмечалось, Пекин сознает границы возможного применения силы, и китайское руководство вряд ли пойдет на какие-то авантюры. Для него важно как можно скорее добиться приемлемого для себя *modus vivendi* с претендующими странами в ЮКМ.

Не исключено, что со временем все это может измениться, особенно когда Китай обретет такой военный потенциал, который позволит ему навязать свою волю соседям по ЮВА силой или угрозой силы. Но после 30 лет успешных реформ в Китае мало кто из объективных наблюдателей может отказать китайским руководителям в прагматизме и мудрости при всем авторитарном характере власти в стране. Не предвещает радикальных перемен и предстоящая смена поколений в руководстве партий и государством.

Выдающийся азиатский мыслитель и политический деятель, министр-наставник правительства Сингапура Ли Куан Ю подчеркивал: «Китай тоже должен хорошо подумать, стоит ли ему настаивать на том, чтобы иметь дело только индивидуально с каждой из стран АСЕАН, что неизбежно толкнет их к более тесному сближению с США. Одной из долгосрочных целей Китая является его интеграция с экономикой стран АСЕАН, как с Японией и Южной Кореей. Китай потерпит в этом поражение, если толкнет страны АСЕАН в сторону сближения с США, особенно когда Америка заявляет о своей поддержке законных требований этих малых государств»⁹⁷.

«Окно возможностей», таким образом, пока остается открытым, ибо вооруженный конфликт, как видно, угрожает интересам всех участников спора без исключения, а политическая и экономическая цена за разжигание и возможную военную эскалацию конфликта столь высока, что ни одна из сторон ее платить не желает.

⁹⁷ URL: www.forbes.com/forbes/2010/1011/rich-list-10-opinions-lee-kuan-yew-current-events-preeminence.html

Задача лидеров всех заинтересованных стран в таких условиях очевидна. Она состоит в том, чтобы охладить горячие головы в своем окружении и сосредоточиться на создании доверия, которое вновь оказалось сильно подорвано. В АСЕАН в дополнение к известной превентивной дипломатии появилось новое понятие — «спокойная дипломатия». Оно означает, что ни одна страна сама не должна ни национализировать, ни интернационализировать проблемы ЮКМ. Любое их решение привлечет внимание всего мира. Любой шаг, который предпринимается без учета интересов других стран, насторожит и без того встревоженное общественное мнение в регионе и спровоцирует их ответные действия для сохранения мира и стабильности. Это убедительно показали и последние события в ЮКМ. В этой связи перспектива перерастания напряженности и даже отдельных инцидентов в военный конфликт на обозримую перспективу представляется маловероятной. Явно более предпочтительными являются попытки найти взаимовыгодное решение (win-win solution). Но сделать это будет крайне трудно, пока Китай ограничивает свои предложения только спорными участками моря вокруг архипелага Спратли и вообще отказывается обсуждать вопросы суверенитета на Парасельские острова и границы исключительных экономических зон и материкового шельфа прибрежных государств, пока сохраняется его «линия U».

Учитывая все более заметное превращение зоны ЮКМ в опасно тлеющий очаг международной напряженности, в мировом научном сообществе все чаще появляются различные проекты и варианты решения этой проблемы. Некоторые из них стали официальными предложениями правительств, как, например, выдвигаемые Филиппинами инициативы демилитаризации спорных островов, проведение встречи глав четырех наиболее заинтересованных стран по проблеме Спратли, создания их совместной администрации по развитию Спратли, вынесение этого вопроса на обсуждение ООН или Международного суда в Гааге и др. Все эти идеи давно высказывались, например, М. Валенсия в его многочисленных статьях и монографиях, да и другими экспертами. Не раз предлагалось проведение переговоров через посредника, каковыми назывались Индонезия или Япония, но первую отверг Китай из-за имеющихся у нее интересов в рыбном промысле в ЮКМ, а вторая отказалась сама. У всех этих инициатив было одно слабое место: они противоречили политике «трех нет», которой до последнего времени неуклонно следовало руководство КНР.

Реальный вызов для всех аналитиков, ищущих выход из создавшегося тупика, состоит в том, чтобы признать, что геополитическая обстановка в Восточной и Юго-Восточной Азии необратимо изменилась с выходом Китая на мировую арену в качестве мощной экономической и военной силы. И с этим придется считаться всем. Игнорировать существенные экономические и военно-политические интересы Китая в ЮКМ недальновидно и опрометчиво. Даже если история, география и морское право, скорее всего, на стороне Вьетнама или Филиппин. Как учил современников Конфуций, не следует соизмерять мораль и справедливость позиций, лучше точно знать соотношение сил.

По мнению многих аналитиков, выступавших на прошедших международных конференциях, Китай при всех случаях будет стремиться выиграть в борьбе за

доминирующие позиции в регионе, не ввязываясь в открытый военный конфликт. Об этом говорят и выступления китайских ученых. Так, например, профессор Университета международных отношений МИД КНР Чэнь Шицзюй, выступая в Маниле на конференции экспертов по морским делам в сентябре 2011 г., привел четыре возможных сценария развития событий:

- 1) возможность решения спора силой или угрозой силы;
- 2) отсутствие решения или «пусть все остается, как было»;
- 3) разрешение спора путем прямого диалога и мирными средствами;
- 4) откладывание спора до будущих времен ради совместного развития.

Профессор даже не стал рассматривать первый вариант как самый нежелательный. При втором стороны, по его мнению, будут втянуты в бесконечную «войну слов» или даже в какие-то действия на основе своих односторонних требований. Третий сценарий потребует длительного времени и готовности сторон к взаимным уступкам. Самым подходящим он считает последний вариант, который принесет выгоду всем сторонам, а также создаст благоприятные условия и атмосферу для улаживания споров в отдаленной перспективе. Это совместное развитие, по его мнению, «есть самый практичный, реализуемый и взаимовыгодный путь для всех претендентов»⁹⁸.

Профессор Ли Цзяньвэй из пекинского Института изучения ЮКМ на конференции в Ханое в ноябре 2009 г. активно развивал идею создания специальной субрегиональной организации, которая взяла бы на себя роль координатора всеобъемлющего сотрудничества в ЮКМ. Масштабы сотрудничества на море, по его словам, сильно отстают от процесса экономической интеграции в регионе. Из его доклада было видно главное — готовность Китая к сотрудничеству со странами АСЕАН, но без участия «посторонних», то есть внерегиональных стран [Li Jianwei 2009].

Тем не менее представляется, что взятый Китаем долгосрочный курс на экономическую интеграцию со странами АСЕАН, Японией и Южной Кореей, если он продолжится, приведет через какое-то время к постепенному снятию остроты территориальных споров в ЮКМ. Развитие между ними экономической интеграции, политического и военно-политического диалога и взаимодействия в правовой области (в случае принятия Кодекса поведения) могут способствовать снятию опасений соседей и по поводу «китайской угрозы».

Очевидно также, что совместное использование спорных территорий претендующими на них государствами при наличии ясно выраженной политической воли и достаточного уровня доверия имеет реальные шансы стать тем инструментом, который существенно снизил бы риск продолжения и углубления конфликтной ситуации. Но для этого требуется более глубокая экономическая интеграция, взаимозависимость сторон, при которой никто не захочет применять силу.

Проблемы суверенитета, вероятно, все же придется отложить в сторону, ибо они слишком сложны и вызывают чересчур эмоциональную реакцию в заинтересованных странах, кроме того, еще предстоит уточнить, кто на что претендует. Китай исключительно чувствителен в вопросах своего суверенитета, но пока он

⁹⁸ ASEAN maritime legal experts' meeting. September 21–24, 2011. URL: <https://asiatimes.com>

ни разу конкретно не заявлял, какие именно районы ЮКМ он считает своими, а нарисованные полоски «линии U» без указания координат не могут приниматься в расчет. Требования суверенитета должны быть представлены ООН с точным обозначением координат по широте и долготе, а в противном случае они остаются бессмысленными для мирового сообщества. Поскольку, к счастью, все претенденты на суверенитет, ИЭЗ и континентальный шельф в ЮКМ ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., это должно значительно облегчить поиски компромисса. В отношении районов, по которым спора нет, Конвенция четко определяет права всех прибрежных государств, как участвующих, так и не участвующих в споре. Там же (ст. 279 ff.) предусмотрен в деталях и весь механизм разрешения споров.

Так что если отстаивающие свои права государства действительно хотят сохранить мир и стабильность в ЮКМ, а они все об этом заявляют, то они должны выработать комплекс правил, определяющих, что позволено, а что запрещается делать в спорных районах ЮКМ. Этому и послужит обсуждаемый Кодекс поведения в ЮКМ, если и когда он будет принят. Эти правила должны предусматривать, прежде всего, демилитаризацию спорных районов, воздержание от провокационных заявлений и действий, в том числе таких как реализация новых крупных строительных проектов в оспариваемых районах, проведение геологических исследований или эксплуатация морских ресурсов без обоюдной договоренности сторон и учреждение механизма разрешения споров. Не исключено, что им мог бы стать и механизм, предлагаемый АСЕАН в разработанном проекте Кодекса.

На первый взгляд, в этом нет ничего сверхсложного. Но если спуститься на грешную землю, то видно, что все это пока не работает, потому что для одних стран ситуация в ЮКМ представляется угрожающей и требует немедленного решения, а другие, и особенно Китай, чувствуют себя вполне удобно и при сохранении статус-кво. У одних (Вьетнам, Филиппины) последние события лета 2012 г. вызвали серьезную озабоченность, а в Пекине ими были озабочены гораздо меньше. Там посчитали, что эта вновь возникающая напряженность не приведет к конфликту, и она представляет собой приемлемую цену за продолжение относительно безнаказанных действий в спорных районах. В то же время Китай не переходит за определенную грань, когда эти действия могут надолго подорвать его позиции в ЮВА, где многие страны ориентируются на Пекин, и спровоцировать более глубокое вмешательство США в регионе.

Основной вопрос для всех наблюдателей — будет ли Китай державой статус-кво в ЮВА или начнет его ревизию? Мало кто ожидает, что при продолжении нынешнего курса внешней политики Китай вдруг станет возмутителем спокойствия в ЮВА и ввяжется в какую-нибудь агрессивную авантюру. Однако мало кто верит, что он согласится и на статус-кво в ЮКМ.

Группа ведущих российских китаистов в коллективном труде «Китай: угрозы, риски и вызовы развитию» пришли к выводу, что в ближайшие 50 лет Пекин не будет использовать силу ни для обеспечения своего лидирующего положения в мире, ни для решения остающихся территориальных споров по всему периметру

его границ. «Китай — говорится в этой работе, — будет избегать провоцирования войны с мировыми и региональными лидерами, но и формирования для себя образа “мирового слабака”» [Китай... 2005: 627].

КРИЗИС В ЮКМ И РОССИЯ

В возникающей системе новых международных военно-политических и экономических координат в АТР свое место, хоть и с опозданием, но все более активно ищет и Россия. При этом она, с одной стороны, стремится преодолеть исторически сложившийся американо-западноевропейский крен в своей внешней политике, а с другой — на здоровой политической и экономической основе развивать отношения не только с Китаем, что удалось довольно успешно реализовать, но и со всеми другими странами Восточной и Юго-Восточной Азии.

Геополитические и стратегические интересы России в ЮКМ

Все государства, и в особенности прибрежные, в полной мере несут ответственность за поддержание мира, обеспечение стабильности и развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эту ответственность разделяет и Российская Федерация как крупнейшая тихоокеанская держава.

Южно-Китайское море относительно далеко от границ России, и, казалось бы, развитие событий там должно находиться на периферии ее интересов. Но это не так. Зона ЮКМ имеет существенное стратегическое значение для России, как и для других держав АТР. Как крупнейшая тихоокеанская морская держава, Россия не менее других заинтересована в обеспечении здесь стабильности, мира и безопасности, свободы судоходства и морских коммуникаций. Через ЮКМ проходит немалая часть нашей внешней торговли и важнейший путь снабжения дальневосточных районов страны.

Активное участие в региональном сотрудничестве в АТР, как и неотложные меры по модернизации и подъему экономики Восточной Сибири и Дальнего Востока — неперемennые условия решения важной общегосударственной задачи: обеспечить безопасность и территориальную целостность России, не допустить новой войны на Дальнем Востоке, добиваться мирного урегулирования существующих проблем и конфликтов.

Россия была и остается гигантской азиатской державой с достаточно большой экономической и особенно военной мощью. Именно азиатской — на три четверти, если судить по территории, — и имеющей весьма протяженное тихоокеанское побережье. В азиатской части страны проживают более 30 млн российских граждан, сосредоточено от 60 до 80% запасов стратегически важных ресурсов мирового значения — от леса, пресной воды, цветных и редких металлов до нефти, газа, каменного угля, алмазов и многих других богатств [Титаренко 2008: 12]. В свою

очередь АТР представляет для России сферу жизненно важных интересов, занимающая все более высокое место в иерархии ее внешнеполитических приоритетов.

В китайско-американском соперничестве за доминирование в ЮКМ в качестве активного игрока Россия не выступает. США в контексте своей новой азиатской политики Россию как будто не видят на карте вообще. Ее не видно ни в опубликованной в 2011 г. программной статье Х. Клинтон, о ней ни разу не упомянул в своих выступлениях Б. Обама во время его турне по странам региона в ноябре того же года. И это не только странно, но и весьма недальновидно.

Китай, похоже, тоже сделал свои выводы из событий в России и ошибок, допущенных российским руководством в 1990-е годы, превративших ее в страну демографически слабеющую, экономически развивающуюся однобоко и нединамично, по крайней мере, по сравнению с Китаем, и в общем утрачивающую свои позиции в Азии.

Большинство важных решений, касающихся АТР, до последнего времени принимались как бы в отсутствие России, во всяком случае, без ее сколько-нибудь заметного влияния. Чтобы переломить эту тенденцию, надо было радикально изменить политику, добиться того, чтобы Россию больше не рассматривали в Азии как угасающую силу. С начала XXI в. руководством страны предпринимаются для этого значительные усилия по всем направлениям. Остается, однако, еще ждать, когда они принесут свои плоды и когда изменится создавшаяся крайне неблагоприятная для нас картина.

В последнее время на этом важнейшем направлении внешней политики отмечены некоторые существенные достижения: в 2010 г. Россия стала полноправным участником механизма Восточноазиатских саммитов, присоединилась к диалоговому межрегиональному форуму АСЕАН — Европа (АСЕМ), активно работает в диалоговом формате совещаний министров обороны государств АСЕАН и их внешних партнеров (ADMM+8). Одной из важнейших многосторонних встреч в 2012 г. в регионе был прошедший саммит АТЭС во Владивостоке, который Россия впервые провела в качестве председателя форума.

Все чаще начал показывать свой флаг в регионе и российский Тихоокеанский флот. В январе–феврале 2012 г. отряд российских военных кораблей в составе противолодочного ракетного крейсера «Адмирал Пантелеев» и двух сопровождающих кораблей посетил Индонезию и Филиппины. Это было первое посещение Филиппин российскими военными кораблями почти за 100 лет. Многие иностранные наблюдатели обратили на этот визит особое внимание, связав его с решением России выделить 678 млрд долл. на модернизацию своих вооруженных сил до 2020 г., из которых почти четверть предназначена для ТОФ.

В 2010 г. Вьетнам открыл свои порты для обслуживания и текущего ремонта иностранных судов, включая и хорошо знакомый российским морякам порт в бухте Камрань. С этого времени туда нередко заходят и российские военные корабли, направляющиеся для патрулирования у берегов Сомали или возвращающиеся оттуда. Это создает благоприятные условия и для военного присутствия России в регионе.

Россия — АСЕАН: курс на сотрудничество по всем азимутам

Какие тенденции возобладают в АТР, как они будут соотноситься с национальными интересами нашей страны, в немалой степени зависит от того, как будут складываться отношения между Россией и АСЕАН. Россию уже многие годы связывают прочные отношения доверия и взаимопонимания со странами АСЕАН. Между ними нет никаких политических противоречий. Напротив, наша страна неизменно и последовательно поддерживает усилия АСЕАН по превращению ЮВА в «регион прочного мира, стабильности и устойчивого экономического развития», как это записано в ее Хартии, принятой в 2008 г. По всем главным проблемам мирового развития позиции России и АСЕАН совпадают либо очень близки. В памяти народов Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, Индонезии и других стран сохраняются чувства признательности за большую помощь, оказанную им СССР в годы национально-освободительной борьбы.

Понятно, что Россия на сегодня — далеко не самый крупный и влиятельный игрок в регионе ЮВА. На этот счет не приходится строить иллюзий. Торгово-экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество России со странами АСЕАН весьма далеко от потенциальных возможностей и оставляет желать много лучшего. Россия не входит в число главных торговых партнеров организации, и потоки трансграничных инвестиций между ними невелики. По некоторым оценкам, товарооборот между Россией и десяткой стран Юго-Восточной Азии оценивается всего в 7 млрд долл. Для сравнения повторим, что торговый оборот АСЕАН с Китаем в 2011 г. достиг 350 млрд долл., торговля с Евросоюзом, США и Японией тоже не намного отстает. Культурные, научные и туристические связи между Россией и АСЕАН укрепились, но все еще недостаточно интенсивны. Обе стороны прилагают усилия для оптимизации климата общего взаимодействия и активизации сотрудничества по всем направлениям, но достигнутые результаты пока их не удовлетворяют.

Изменение глобальной военно-политической ситуации, а также в целом сохраняющийся позитивный психологический настрой широких кругов общественности по отношению к нашей стране создают благоприятные возможности для развития сотрудничества со странами АСЕАН. Для этого в первом десятилетии XXI в. усилиями российской дипломатии была создана достаточно прочная договорно-правовая основа.

В политических элитах стран АСЕАН понимают, что Россия в качестве великой мировой и азиатской державы с мощным военным потенциалом и как постоянный член Совета Безопасности ООН была и остается существенным фактором поддержания мира и стабильности в регионе. Ей предстоит сыграть важную роль в формировании будущей системы безопасности в АТР вообще и в ЮВА в частности как в качестве участника, так и гаранта договоренностей.

Россия и АСЕАН вышли на согласованные подходы к вопросам совершенствования архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР. Их лидеры на втором саммите в Ханое договорились о том, что она должна основываться на принципах коллективности, многосторонности и равенства, на общепринятых нормах

международного права. Лидеры АСЕАН особо подчеркнули, что любые новые образования или механизмы сотрудничества в регионе могут быть только дополнением и строиться на основе уже существующих структур и по принципу «асеаноцентричности» и при сохранении ведущей роли АСЕАН. И в этом они встретили полное понимание российской стороны. Россия и раньше не раз демонстрировала свое отношение к АСЕАН как к одному из влиятельных центров мировой политики и свою заинтересованность в сильной и устойчиво развивающейся Ассоциации государств Юго-Восточной Азии.

В Совместном заявлении России и АСЕАН, принятом на саммите в Ханое, записано: «Мы считаем, что международная безопасность является неделимой и всеобъемлющей, а также убеждены, что безопасность одних государств нельзя обеспечить за счет безопасности других. Мы подчеркнули необходимость в полной мере уважать и учитывать законные интересы и озабоченности всех государств, их внутреннее законодательство и нормативно-правовые акты»⁹⁹.

С развитием взаимовыгодного сотрудничества со странами ВА и ЮВА связаны важнейшие планы подъема и модернизации экономики районов Сибири и Дальнего Востока. В последнее время сформировались основные направления, по которым Россия и частные российские компании *при поддержке государства* могут внести и уже вносят свой вклад в развитие многостороннего экономического сотрудничества России с государствами АСЕАН, значительно повысив его эффективность. На первом плане, конечно, энергетика, причем речь идет даже не столько о бесперебойных поставках энергоресурсов, сколько о предоставлении высокотехнологичных услуг по строительству и модернизации энергообъектов, использованию российского опыта управления энергосетями и т.п. Несмотря на произошедшую трагедию на АЭС в Фукусиме в Японии, уже наметившееся сотрудничество в развитии атомной энергетики России с некоторыми странами АСЕАН остается не менее перспективным. Реализуются важные проекты в использовании космоса, в военно-техническом сотрудничестве, в сфере образования, науки и культуры.

Российский министр иностранных дел С.В. Лавров в статье «Политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: к миру, безопасности и устойчивому развитию», опубликованной в индонезийском журнале *Strategic Review* (апрель 2012 г.) писал: «Сегодня мы наращиваем курс на усиление вовлеченности в разворачивающиеся на восточноазиатском пространстве процессы политико-экономической кооперации и интеграции. Это — долгосрочная линия, реализация которой носит последовательный и системный характер»¹⁰⁰.

На прошедшей в июле 2012 г. встрече министров иностранных дел АСЕАН и России было решено эффективно продолжить реализацию Программы действий 2005–2015 гг. С этой целью создан Деловой совет АСЕАН — Россия и начаты переговоры о создании ЗСТ, о чем было заявлено на прошедшем во Владивостоке саммите АТЭС. Стороны условились продолжать сотрудничество в области энер-

⁹⁹ Текст Совместного заявления по итогам второго саммита Российская Федерация — АСЕАН (30.10.2010). URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/761>

¹⁰⁰ Цит. по: URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1709385/

гетики, науки и технологии, а также в борьбе против терроризма, трансграничной преступности, ликвидации последствий стихийных бедствий и некоторых других.

Стратегическое партнерство России с Китаем и Вьетнамом

Особое значение на этом направлении российской внешней политики имеет давнее и тесное сотрудничество с Вьетнамом, набирающим вес и влияние в АСЕАН. После длительного застоя в 1990-х годах эти отношения успешно возрождаются и принимают полноценный характер действительно стратегического партнерства.

Для продвижения своих интересов в АТР России давно требовался «дополнительный партнер», не альтернатива и не против Китая, а наряду с ним, чтобы диверсифицировать свои отношения и занять более весомые позиции в АТР, экспортируя туда свои энергетические ресурсы (в широком смысле), космические технологии и образовательные услуги. Попытки развить подобные отношения с такими потенциальными партнерами, как США, Япония, Южная Корея, по самым разным причинам пока успеха не принесли. Зато на эту роль успешно выдвинулся более знакомый и весьма в этом заинтересованный, традиционно дружественный нам Вьетнам — один из лидеров бурно развивающегося региона.

Российскую Федерацию и Социалистическую Республику Вьетнам с 2001 г. связывают отношения стратегического партнерства, что зафиксировано в Декларации, подписанной президентами двух стран. Этот курс, проверенный временем и не подверженный конъюнктурным колебаниям, предполагает расширение взаимовыгодной кооперации во всех сферах, углубление взаимодействия в решении актуальных международных проблем, а также противостоянии глобальным и региональным вызовам, с которыми сталкивается человечество.

В политологическом сообществе укоренилось понимание стратегического партнерства как долго выводимой формулы равноправных международных отношений в XXI в., когда ранее принятая формула мирного сосуществования государств с различным социальным строем утратила свое значение. Впервые развернутое толкование новой формулы прозвучало в российско-китайском Договоре 2001 г. и трактовалось как форма организации совместной деятельности двух государств в основных сферах жизни, которая рассчитана на долгосрочную прогнозируемую перспективу, основана на договорном признании интересов друг друга, уважении и соблюдении таких интересов и направлена на достижение общих или сходных жизненно важных целей [Клименко 2005]. При этом также подчеркивалось, что непременным условием «стратегического партнерства» является отказ от конфронтационности и готовность сторон решать возникающие проблемы путем доброжелательного диалога.

Это определение относилось к российско-китайским отношениям, закрепленным межгосударственным договором. С Вьетнамом оно провозглашено в форме

Декларации глав государств. Но это ничего не меняет в сущности отношений России с Вьетнамом, а в перспективе и со всеми странами АСЕАН.

Необходимо особо отметить, что стратегическое партнерство, в нашем представлении, в корне отличается от военно-блокового сотрудничества. Его суть не в определении общего вероятного противника и планировании совместной военной деятельности против него, а в поиске партнеров для решения общих задач безопасности и развития. Партнерство не представляет никакой угрозы другим странам.

Диалог между Россией и Вьетнамом, как и с Китаем, поднят на высший уровень глав государств и правительств. Ставшие регулярными государственные визиты руководителей двух стран поочередно друг к другу завершаются подписанием важных соглашений, дающих мощный импульс всестороннему сотрудничеству.

В настоящее время во Вьетнаме реализуется 78 инвестиционных проектов с участием российского капитала (накопленный объем инвестиций — около 1 млрд долл.). Это, конечно, еще очень мало — Россия стоит на 23-м месте по инвестициям во Вьетнаме. В России осуществляется 14 инвестиционных проектов с участием вьетнамских предприятий, действующих в сфере внешней торговли, переработки, производства строительных материалов. Вьетнам пользуется российскими кредитами общим объемом около 10 млрд долл.¹⁰¹.

После краткого периода спада в 1990-е годы с началом нового тысячелетия растет объем двусторонней торговли, который достиг в 2011 г. 3 млрд долл. и должен, как ожидается, в 2015 г. вырасти до 5 млрд долл., а к 2020 г. — до 10 млрд долл., что тоже еще далеко не предел.

Важнейшим элементом российско-вьетнамского стратегического партнерства в области экономики является нефтегазовый комплекс. Россия активно участвует в кооперации с Вьетнамом в разработке месторождений нефти и газа на разных участках принадлежащего Вьетнаму континентального шельфа. Эффективно работает учрежденное в 1981 г. совместное предприятие «Вьетсовпетро» (участники — ОАО «Зарубежнефть» и Корпорация нефти и газа Вьетнама «Петровьетнам»). На его долю приходится более половины добываемой Вьетнамом нефти.

В декабре 2010 г. в Ханое подписано соглашение о дальнейшем сотрудничестве в области разведки и добычи нефти и газа на континентальном шельфе СРВ в рамках «Вьетсовпетро» сроком действия до 31 декабря 2030 г. «Зарубежнефть» выиграла тендер на разработку газового блока 12/11 на шельфе с запасами около 80 млрд куб. м газа. Добыча на пике здесь может достигнуть 7 млрд куб. м газа в год. Но после коммерческого открытия запасов опцион на приобретение 51% акций получит вьетнамская госкорпорация «Петровьетнам». Проект будет реализовываться на условиях соглашения о разделе продукции (СРП). «Зарубежнефть» обязалась в течение трех лет пробурить три скважины и провести сейсмические исследования на площади 1 тыс. кв. км¹⁰².

¹⁰¹ Российская Газета. 28.07.2012.

¹⁰² Коммерсантъ. 16.07.2012.

Геологоразведочные работы в центральной части континентального шельфа СРВ ведет Совместная операционная компания «Вьетгазпром» (ОАО «Газпром» и «Петровьетнам»). В феврале 2009 г. «Газпром» получил инвестиционную лицензию на разработку блоков в южной части вьетнамского шельфа и приступил к сейсмографическим исследованиям. 5 апреля 2012 г. «Газпром» подписал соглашение о получении 49% акций в проекте разработки блоков 05.2 и 05.3 на шельфе Вьетнама, с которых под давлением Китая ранее ушла британская компания BP. Там открыто два газоконденсатных месторождения Мос Tinh (блок 05.3) и Hai Thach (блоки 05.2 и 05.3), а также одно нефтяное — Kim Cuong Tay (блок 05.2) с суммарными запасами 55,6 млрд кубометров газа и 25,1 млн т газового конденсата¹⁰³.

Наряду с нефтегазовыми корпорациями во Вьетнаме успешно работают «Русал», «Силовые машины», «Камаз» и другие крупные российские компании.

Этапным событием в развитии российско-вьетнамского сотрудничества стал прошедший в июле 2012 г. визит в Россию президента СРВ Чыонг Тан Шанга. По итогам переговоров президентов двух стран подписано шесть документов, в том числе совместное Заявление об укреплении отношений **всеобъемлющего стратегического партнерства** (выделено мною. — Г.Л.). Оно выражает решимость поднимать российско-вьетнамское сотрудничество на более высокий уровень партнерских отношений. В политической области стороны были единодушны относительно продолжения доверительного диалога, регулярных встреч высших руководителей обеих стран и дальнейшего углубления всестороннего стратегического сотрудничества.

В экономической сфере стороны договорились в ближайшее время подписать соглашение о создании ЗСТ между Вьетнамом и Таможенным союзом (включающим Россию, Белоруссию и Казахстан), расширить инвестиционное и кредитное сотрудничество. Они решили продолжать активное сотрудничество в энергетике и нефтегазовой области.

Россия обязалась качественно и на самом безопасном уровне построить в 2020 г. первую во Вьетнаме АЭС и создать Научный центр ядерных технологий. Это строительство, как говорится в Заявлении, призвано стать «символом российско-вьетнамского сотрудничества в XXI в.».

Вьетнам и Российская Федерация подтвердили готовность создавать самые благоприятные условия для деятельности совместных российско-вьетнамских компаний и предприятий и расширять зоны геологоразведочных работ и добычи нефти и газа во Вьетнаме, России и в третьих странах. Со стороны России было подтверждено намерение продолжать сотрудничество с Вьетнамом в области разведки и добычи углеводородов на шельфе Вьетнама в соответствии с международным правом и прежде всего с Международной конвенцией по морскому праву 1982 г. Это имеет особое значение в обстановке обострившихся споров Вьетнама с Китаем из-за разработки некоторых блоков в ЮКМ у побережья Вьетнама.

¹⁰³ Ведомости. 05.04.12.

Стороны заявили, что все спорные проблемы в АТР должны решаться мирным путем, без применения силы или угрозы силой, на основе международного права, прежде всего Устава ООН и Международной Конвенции по морскому праву 1982 г. Обе стороны активно поддержали Декларацию-2002 о поведении сторон в ЮКМ и скорейшую разработку Кодекса поведения в ЮКМ.

Россия и Вьетнам условились продолжить военно-техническое сотрудничество особенно в подготовке кадров специалистов для овладения поставляемыми из России новейшими видами вооружений. Вьетнам сменил Китай в роли второго по объему покупателя российских вооружений после Индии. В основном это виды оружия для отражения ударов с моря и береговой обороны. Россия и Вьетнам, как сообщалось, подготовили программу по модернизации и перевооружению вьетнамской армии. По некоторым оценкам, сотрудничество в этой области оценивается на сумму более 10 млрд долл.

Эти и другие договоренности сторон показали последовательность и неизменность курса Российской Федерации. Россия не ставит перед собой задачу защиты морских коммуникаций в этом регионе, и у нее нет планов создания своих военно-морских баз в АТР, как нет и намерения конкурировать с кем бы то ни было за влияние там. Все ее усилия направлены на укрепление сотрудничества с Вьетнамом и со всеми другими странами АСЕАН, которое не направлено против кого-либо. Но и своими важными интересами в регионе она пренебрегать тоже не намерена.

Дело в том, что в канун визита вьетнамского президента в Россию и после него в ряде зарубежных СМИ, в том числе и китайских, были опубликованы сообщения и комментарии о якобы предстоящем возвращении российских ВМС на их прежнюю базу в бухте Камрань, которая была оставлена ими в 2002 г.

Поводом для этого послужило неправильно переданное содержание интервью командующего ВМФ России вице-адмирала Виктора Чиркова агентству РИА-Новости, который якобы сказал, что Россия ведет переговоры с Кубой, Вьетнамом и Сейшельскими островами относительно развертывания там пунктов материально-технического обеспечения ВМФ России. Это сообщение уже на следующий день было официально опровергнуто Министерством обороны РФ, в заявлении которого говорилось, что на пресс-конференции главнокомандующего ВМФ эта тема не обсуждалась и какие-либо официальные заявления по ней не делались, а появление подобной информации в СМИ является не более чем фантазией недобросовестного автора.

Тем не менее это ложное сообщение действительно произвело сенсацию, хотя слухи об этом уже не раз муссировались в зарубежных СМИ. Так, например, китайская газета People's Daily, комментируя итоги визита вьетнамского президента в Россию, писала, что Вьетнам якобы пообещал предоставить России Камрань как пункт материально-технической поддержки и заявил о намерении усилить двустороннее военное сотрудничество. «Из-за стратегического положения бухты Камрань и долгой истории ее использования США и Россией, — говорилось в статье, — это заявление сразу вызвало большое беспокойство. В то же время в связи с недавними спорами по проблемам Южно-Китайского моря многие ре-

шили, что этот шаг нацелен на сдерживание Китая. В последние годы Россия, которая вновь набрала силу, стремится возродить свое военное присутствие в мире. Чтобы распространить свое влияние на ЮВА, ей срочно нужен такой прекрасный порт, как Камрань. Вьетнам со своей стороны рассчитывает активизировать военное сотрудничество и укрепить свои силы, чтобы занять лидирующие позиции в Индокитае и АСЕАН»¹⁰⁴.

В действительности, вьетнамская политика в отношении бухты Камрань, как уже говорилось выше в отношении американских намерений, определилась после ухода оттуда российских ВМС в 2002 г. и с тех пор остается неизменной. По сообщениям вьетнамской печати, перед началом переговоров с Президентом РФ В.В. Путиным Президент СРВ Чыонг Тан Шанг сделал заявление по этому вопросу, в котором говорилось, что в военном отношении «бухта Камрань и впредь не будет принадлежать ни одному иностранному государству, и там Вьетнам создает свою собственную военно-морскую базу. Но бухта Камрань велика, и Вьетнам планирует построить там же судоремонтное предприятие, способное оказывать услуги всем кораблям различных государств, которые смогут заходить туда для ремонта и получать все необходимые услуги. Что касается Российской Федерации, то как традиционный друг и стратегический партнер она наверняка получит некоторые преимущества в использовании услуг в этом порту»¹⁰⁵.

Тогда же в интервью радио «Голос России» он сказал, что это позволит России создать в порту Камрань пункт стоянки и обслуживания своих кораблей. Это не означает, подчеркнул он, что порт Камрань превращается в военную базу России, но он будет использоваться для развития военного сотрудничества между двумя странами. Россия и Вьетнам уже многие годы являются стратегическими партнерами, и поэтому Россия получит определенные стратегические привилегии в Камрани. Эта позиция обеих сторон была подтверждена во время визита во Вьетнам министра обороны РФ С. Шойгу в марте 2013 г.

Ответственная позиция в отношении проблем ЮКМ

Россия, как и многие другие страны АТР, прежде всего стремится способствовать такому развитию событий, которое позволяло бы держать накопившиеся споры и противоречия вокруг проблем суверенитета в ЮКМ в рамках мирных переговоров по всем вопросам и вело бы к созданию в этом потенциально взрывоопасном очаге напряженности стабильности, взаимного доверия и сотрудничества. Без России невозможно представить себе обеспечение региональной военно-политической стабильности, коллективные усилия по противодействию международному терроризму, сотрудничество в сфере чрезвычайного реагирования, развивающийся межцивилизационный диалог и другие сферы жизни регионального сообщества государств.

¹⁰⁴ People's Daily. 02.08.2012.

¹⁰⁵ URL: <https://vietnamnet.vn/chuyen-tham-cua-long-tin-82641.html>

В июле 2009 г., выступая перед студентами Чулалонгкорнского университета в Бангкоке после сессии АРФ в Пхукете, российский министр иностранных дел С. Лавров говорил: «Россия выступает за равноправную и транспарентную архитектуру безопасности и сотрудничества в АТР, основанную на коллективных началах, общепризнанных нормах и принципах международного права и использующую в качестве инструмента решения сложных проблем диалог, консультации и переговоры. То есть то, что определяется как “метод АСЕАН”... Продвигаться к созданию такой архитектуры следует через налаживание многосторонней дипломатии, развитие связей между региональными организациями и форумами, а главное — через взаимное уважение и учет интересов друг друга»¹⁰⁶.

Итогом большой совместной работы на прошедшем в октябре 2010 г. втором саммите Россия — АСЕАН в Ханое стало дальнейшее сближение оценок и подходов обеих сторон к важнейшим мировым и региональным проблемам. Особо значимо то, что стороны решили тесно взаимодействовать друг с другом в формировании региональной архитектуры в АТР. «Успешное строительство нового Азиатско-Тихоокеанского дома, — заявил на этом саммите тогдашний Президент РФ Д.А. Медведев, — отвечает интересам всех стран, их чаяниям развивать спокойную созидательную жизнь»¹⁰⁷.

Российская дипломатия сосредоточилась на разработке положений по укреплению международно-правовых основ региональной безопасности. В целях дэскалации напряженности она активно и на всех уровнях стимулирует все заинтересованные стороны проявлять ответственный подход, исходить из интересов поддержания стабильности в регионе, уважения и соблюдения норм международного права.

Существенным концептуальным вкладом в формирование в АТР всеобъемлющей архитектуры безопасности и сотрудничества стала совместная инициатива Президента Д.А. Медведева и Председателя КНР Ху Цзиньтао, выдвинутая в октябре 2010 г. во время визита российского лидера в КНР. Они призвали государства АТР при осуществлении двустороннего и многостороннего сотрудничества в области безопасности уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность, не вмешиваться во внутренние дела друг друга; подтвердить приверженность принципу равной и неделимой безопасности и оборонительный характер своей военной политики; не применять военную силу и не угрожать ее применением; не предпринимать и не поддерживать любые действия, направленные на свержение правительств или подрыв стабильности других государств; урегулировать взаимные разногласия мирными политико-дипломатическими средствами на основе принципов взаимопонимания и готовности к поиску компромисса; укреплять сотрудничество в области противодействия нетрадиционным угрозам безопасности; развивать двустороннее и многостороннее сотрудничество в военной области, не направленное против третьих стран, чтобы безопасность обеспечивалась на началах объединения усилий, а не на блоковой осно-

¹⁰⁶ URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1638992/

¹⁰⁷ URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/9377>

ве, которая всегда оставляет кого-то в стороне и создает зоны с неравным уровнем безопасности.

Эта инициатива, разработанная российской дипломатией к визиту президента РФ в КНР, могла бы стать объединительной идеей для Азиатско-Тихоокеанского региона. Согласие с ней Китая и позитивная реакция со стороны многих влиятельных стран АТР явились подтверждением того, что предложенные принципы могли бы стать добротной основой для формирования юридически обязывающего «кодекса поведения» не только в ЮКМ, но и во всем гигантском регионе АТР. К сожалению, дальнейшие события развернулись в другом направлении, и до конкретного рассмотрения возможных политико-правовых рамок их реализации дело пока не дошло. Но продвижение этой российско-китайской инициативы остается важнейшей задачей в повестке дня России в ЮКМ и составляет главное направление усилий российской дипломатии.

В сложившихся условиях Россия занимает взвешенную и ответственную позицию по проблемам безопасности в ЮКМ. На представительной конференции по проблемам безопасности в Мюнхене в январе 2012 г. очень своевременно прозвучало высказанное главой МИД России С. Лавровым предупреждение о том, что «Россия не будет участвовать ни в каких конструкциях, имеющих целью сдерживание Китая, который является нашим добрым соседом и стратегическим партнером».

России при любом повороте событий в ЮКМ важно не оказаться между двух огней и всегда иметь возможность влиять на ситуацию. Этому отвечает то, что Россию связывают отношения стратегического партнерства как с Китаем, так и с Вьетнамом. Стратегическое партнерство — не военный союз ради совместного противостояния какому-то противнику. Это такая форма организации совместной деятельности государств в основных сферах, которая рассчитана на долгосрочную прогнозируемую перспективу, основана на договорном признании интересов друг друга, уважении и соблюдении таких интересов и направлена на достижение общих или сходных жизненно важных целей.

Россия активно подключилась к работе Восточноазиатского саммита, исходя из того, что он является эффективной площадкой для рассмотрения проблематики азиатско-тихоокеанской безопасности, в том числе в контексте российско-китайской инициативы. Цель российской дипломатии на этом направлении — создание в координации со странами региона аналога ОБСЕ для АТР с учетом особенностей этого района мира.

Она использует и такой важный ресурс, как саммиты Россия — Индия — Китай (РИК). По ее инициативе проблемы формирования архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР обсуждались на состоявшемся в Москве Диалоге по сотрудничеству в Азии в формате «тройки» РИК в апреле 2012 г. На пресс-конференции после встречи министр иностранных дел России С. Лавров, в частности, подчеркнул: «Наши страны едины в том, что такая архитектура должна быть открытой, учитывающей законные интересы каждого расположенного там государства и базироваться на общепринятых нормах и принципах международного права, признании неделимости безопасности, взаимном уважении и дове-

рии»¹⁰⁸. Участники договорились о совместной работе в этом направлении в различных форматах, включая Восточноазиатские саммиты, механизмы сотрудничества АСЕАН со своими партнерами и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонов Г.Д.* Правовые аспекты проблем морепользования в АТР и их влияние на морскую деятельность России / отв. ред. А.В. Болятко. М.: ИДВ РАН, 2004. 204 с.
- АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / ред. Е.В. Кобелев, Г.М. Локшин, Н.П. Малетин. М.: ИД «Форум», 2010. 368 с.
- Бергер Я.М.* Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 34–51.
- Васильев Л.Е., Локишин Г.М.* Сообщество безопасности АСЕАН // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. М.: ИД «Форум», 2010. С. 37–65.
- Галенович Ю.М.* О чём пишут авторы сборника «Китай недоволен». М.: ИДВ РАН, 2010. 126 с.
- Канаев Е.А.* Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М.: Готика, 2007. 322 с.
- Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В. Михеева. М.: Моск. центр Карнеги, 2006. 646 с.
- Клименко А.Ф.* Стратегическое партнерство между Россией и Китаем в Центральной Азии и некоторые пути совершенствования региональной системы безопасности // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 2.
- Кобелев Е.В.* Китай — Вьетнам // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М.: ИД «Форум», 2009.
- Кобзарь В.* Океанский бастион Поднебесной // Интернет-журнал «Новое восточное измерение». 25.12.2011. URL: <http://journal-neo.com/>
- Локишин Г.М.* АТЭС и саммит-2012: горизонты надежд для России // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 1. С. 17–32.
- Лузянин С.Н.* Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс. Ч. 1 // Интернет-журнал «Новое восточное измерение». 05.03.2012. URL: <http://journal-neo.com>
- Мазырин В.М.* Развитие торгово-экономических отношений АСЕАН с Китаем // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. М.: ИД «Форум», 2010. С. 164–189.
- Молодцов С.В.* Международное морское право. М.: Международные отношения, 1987. 270 с.
- Мосяков Д.В.* Китай и страны Юго-Восточной Азии // Интернет-журнал «Новое восточное измерение». 22.02.2012. URL: <http://journal-neo.com>
- Сенин Р.А.* АСЕАН — Соединенные Штаты Америки // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. М.: ИД «Форум», 2010. С. 190–218.
- Степанов Е.Д.* Южно-Китайское море: острова на материковой отмели // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. 55–70.
- Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 623 с.
- Юго-Восточная Азия 2004: актуальные проблемы развития: идеология, история, культура, политика, экономика: [сб. статей]. М.: Инст. востоковедения РАН, 2005.
- Brzezinski Zb.* How U.S. Can Secure the New East // The Diplomat. February 16, 2012.
- Clinton H.* America's Pacific Century // Foreign Policy. 2011. October 11. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/>

¹⁰⁸ URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1715260/

- Clinton H.* Remarks to the ASEAN Regional Forum. Phnom Penh, Cambodia. July 12, 2012. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/07/194987.htm>
- Conference on “The South China Sea and Asia Pacific in Transition: Exploring Options for Managing Disputes”. Washington, D.C. June 27–28, 2012 / Center for Strategic & International Studies (CSIS).
- Cossa R.A.* Security Implications of Conflict in South China Sea: Exploring Potential Triggers of Conflict. Special Report. Pacific Forum CSIS. 1998. Honolulu, 1998. 56 p.
- Gomane J.-P.* La mer de Chine Meridionale, quelques elements de geostrategie // Archipel. 1979. Vol. 18. P. 301–309.
- Ho J.H.* The Security of Sea Lanes in Southeast Asia // Asia Survey. 2006. Vol. 46. No. 4. P. 558–574. DOI: 10.1525/as.2006.46.4.558.
- Hunt L.* Filipino Spratly Tweak // The Diplomat. July 21, 2011.
- Kaplan R.D.* The South China Sea Is the Future of Conflict // Foreign Policy. 2011. August 15. URL: www.foreignpolicy.com/articles/2011/08/15/
- Khanh Vu Duc.* A New Security Order in the Pacific. 01 June 2012. URL: <https://www.asiasentinel.com/s/defensesecurity>
- Le Dinh Thi.* Vietnam: New Thinking, New Risks, New Opportunities. Pacific Forum CSIS. March 6, 2012. Honolulu, 2012.
- Li Jianwei.* Cooperation in the South China Sea region: a way to regional peace, stability and prosperity // The South China Sea: Cooperation for Regional Security and Development: Proceedings of the International Workshop. Hanoi, 26–27 November 2009. Hanoi, 2010. 329 p. P. 195–214.
- Le Thi Thanh Huong.* Troubled waters. Paper for International Conference “Topical Regional Security Issues in East Asia”. Saint Petersburg, Russia, April 6–7, 2012.
- Moss T.* The South China Sea Seakness // The Diplomat. April 24, 2012.
- Murray H.* ASEAN Questions US: The US is ceding leadership to China and Korea in Southeast Asia. Passing key trade deals could help remedy that // The Diplomat. August 19, 2011.
- Nguyen Hong Thao.* South China Sea — Three Stages, Four Challenges, Two Regional Approaches and One Belief // The South China Sea: Towards a Region of Peace, Security and Cooperation / Ed. Tran Truong Thuy. Hanoi, 2011. 410 p. P. 269–292.
- O’Flaherty B.* Vietnam’s War on the Blogosphere: Despite growing ties with the U.S., a recent self-immolation in Hanoi was emblematic of the country’s deteriorating human rights situation and attacks on free speech // The Diplomat. August 14, 2012.
- Paal D.H.* (1) South China Sea: Plenty of Hazards for All // Asia Pacific Brief / Carnegie Endowment for International Peace. 2011. July 7.
- Paal D.H.* (2) United States: A Stabilizing or Destabilizing Factor in the Asia-Pacific Region? // Asia Pacific Brief / Carnegie Endowment for International Peace. 2011. September 19.
- Pei Minxin.* (1) How China Can Avoid the Next Conflict // The Diplomat. June 12, 2011. URL: <https://thediplomat.com/2011/06/how-china-can-avoid-next-conflict/>
- Pei Minxin.* (2) Is it China Turn to Pivot? // The Diplomat. November 28, 2011. URL: <https://thediplomat.com/2011/11/is-it-chinas-turn-to-pivot/>
- Pham Binh Minh.* A Conversation with Pham Binh Minh / Council on Foreign Relations. September 27, 2011. URL: <https://www.cfr.org/event/conversation-pham-binh-minh>
- Pomeranz K.* Chinese Development in Long-Run Perspective // Proceedings of the American Philosophical Society. 2008. Vol. 152. No 1. P. 83–100.
- Rousseau R.* South China Sea: Rising Tensions but no Permanent Solutions on the Horizon // Foreign Policy. 2011. Sept. 16. URL: <https://www.foreignpolicyjournal.com/2011/09/16/>
- Schaffer D.* China’s Seizure Process of the South China Sea. Through the Materialization of the 9-Dotted Line. Paper to the IV International Conference on the SCS. Hochiminh, 18– 21 November 2012.
- Shen Hong-fang.* Paper for Experts Group Meeting on Law of the Sea. Manila, July 5-6, 2011. Цит. по: URL: www.saigonbao.com/RFA/07.07.2011.

- Spitzer K.* U.S. Takes a Pass — for Now — on China Sea Disputes // *Time*. June 11, 2012. URL: <https://nation.time.com/2012/06/11/u-s-takes-a-pass-for-now-on-china-sea-disputes/>
- Su Hao.* Report at The Third International Workshop “The South China Sea: Cooperation for Regional Security and Development”. Hanoi, 4–5 November 2011.
- Su Hao, Ren Yuan-zhe.* Drowning the Rocs of Disputes in the Sea of Cooperation // *The South China Sea: Towards a Region of Peace, Security and Cooperation* / Ed. Tran Truong Thuy. Hanoi, 2011. 410 p. P. 17–30.
- Svanstrom N.* Conflict Management and Negotiations in South China Sea: The ASEAN Way? Upsala University, 2001. URL: https://isdpu.eu/content/uploads/publications/2001_swanstrom_conflict-management-and-negotiations.pdf
- Thayer C.A.* China’s New Wave of Aggressive Assertiveness in South China Sea // *International Journal of China Studies*. 2011. Vol. 2. No. 3. P. 555–583.
- Thayer C.A.* (1) Paper for International Conference “Topical Regional Security Issues in East Asia”. Saint Petersburg, Russia, April 6–7, 2012.
- Thayer C.A.* (2) The South China Sea Disputes and their impact on Security Environment of Southeast Asia: What Lies Ahead? Paper for the International Workshop on the South China Sea Dispute: Political and Security Implications for the Region’s Future. Taipei, January 12–13, 2012.
- Tran Cong Truc.* Measures for Maintenance of Peace, Stability and Enhancement of Cooperation in South China Sea // *The South China Sea: Cooperation for Regional Security and Development: Proceedings of the International Workshop*. Hanoi, 26–27 November 2009. Hanoi, 2010. 329 p. P. 37–43.
- Tran Khanh.* Can du va canh tranh chien lược My — Trung o Dong Nam A thap nien dau the ky XXI // *Nghien cuu Dong Nam A*. 2008. So 12 (105). Tr. 11–19.
- Tran Truong Thui.* Recent Developments in the South China Sea: From Declaration to Code of Conduct // *The South China Sea: Towards a Region of Peace, Security and Cooperation* / Ed. Tran Truong Thuy. Hanoi, 2011. 410 p. P. 101–116.
- The United States and Southeast Asia: Toward a Strategy of Enhanced Engagement. A Conference Report of the CSIS Southeast Asia Initiative. Washington, D.C.: The CSIS Press, 2008. IV, 28 p.
- Valencia M.J.* China and the South China Sea disputes: conflicting claims and potential solutions in the South China Sea. Oxford: Oxford University Press for the International Institute for Strategic Studies, 1995. 75 p.: 6 maps. (Adelphi papers; 298).
- Valencia M.J.* Beating the South China Sea Phoenix // *The Diplomat*. July 29, 2011.
- Vu Duong Huan.* Trung Quốc-ASEAN: quan hệ đối thoại và đối tác [Китай — АСЕАН: отношения диалога и партнерства] // *Nghiên cứu Đông nam Á*. 2007. Số 5(86). Tr. 3
- Why Philippines Stands Up to China // *The Diplomat*. May 14, 2012. URL: <https://thediplomat.com/2012/05/why-philippines-stands-up-to-china/>
- Yuan Jing-dong.* China-ASEAN Relations. Perspectives, Prospects, and implications for US Interests. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute; U.S. Army War College, 2006. URL: <https://www.loc.gov/item/2023692932/Pdf>
- Zhu Feng.* Scholars say China should be careful about using the term “core interests” on South China Sea issues. URL: <https://mil.news.sina.com.cn/2011-01-10/1456627649.html>

ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ В 2014 г.

(Опубликовано: Вьетнамские исследования. 2015. Т. 1. № 5. С. 96–118)

Очаг напряженности не утихает

Значение Южно-Китайского моря в последние годы заметно возросло по трем главным причинам. Первая — геэкономическое положение ЮКМ с проходящими через него плотно загруженными морскими коммуникациями, необходимыми для всех стран АТР и особенно для быстрорастущей экономики стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Вторая — превращение его в регион, который называют «следующим Персидским заливом» из-за предполагаемых запасов нефти, природного газа, минеральных и рыбных ресурсов. Третья — наличие архипелага Спратли, Парасельских островов, острова Пратас, Маклсфилд и отмели Скарборо, которые могут использоваться для военных целей, укрытия, отдыха и стоянки судов. При этом усиливается соперничество между Китаем, США и Японией, в которое постепенно втягивается и Индия.

Главными протагонистами территориальных споров в ЮКМ многие годы выступают Китай и Вьетнам. Прошедший 2014 год выдался в этом отношении особенно напряженным. Отношения между странами упали до самого низкого уровня за многие десятилетия, хотя еще в октябре 2013 г., после визита премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в Ханой, казалось, что китайско-вьетнамские отношения опять пошли в гору. Тогда обе стороны указывали, что они договорились продолжить обсуждение спорных проблем на море. Но уже в ноябре власти китайской провинции Хайнань неожиданно приняли постановление, которое предписывало всем иностранным рыболовным и научно-исследовательским судам испрашивать у них разрешение на любую деятельность в районе, охватывающем две трети акватории ЮКМ. В противном случае им грозил штраф в полмиллиона юаней и конфискация улова и оборудования. Постановление вступило в силу с 1 января 2014 г. Это была уже явная попытка китайских властей установить свой правовой режим на значительной части акватории ЮКМ, отмеченной

известной «линией из 9 отрезков» («линия U») или, как ее называют во Вьетнаме, «линией коровьего языка». Вьетнам и Филиппины немедленно заявили решительный протест против этой акции, расценив ее как грубое нарушение их прав на 200-мильную исключительную экономическую зону, предусмотренную Конвенцией ООН 1982 г. по морскому праву.

Отклонив протесты, власти КНР представили эти требования как чисто технические изменения в действующем законодательстве о рыболовстве от 1992 г., направленные на сохранение рыбных ресурсов региона, якобы находящегося под административным контролем провинции Хайнань. Но на практике уже 3 января это обернулось очередным задержанием нескольких вьетнамских рыболовецких судов в районе Парасельских островов с конфискацией всего улова и снастей. А каждый такой арест, естественно, вызывал бурю возмущения во Вьетнаме.

Усиление напряженности в ЮКМ, начавшееся с приходом к власти нового поколения китайских руководителей, в представлениях китайских политологов и пропагандистов стало ответом на объявленный «разворот» США в АТР, в результате которого малые и средние государства региона почувствовали поощрение со стороны США для противодействия законным национальным интересам Китая. И никакие уверения американских политиков, что этот «разворот» якобы никак не направлен против Китая, не смогли ослабить убеждение китайских политиков в противном.

22–29 апреля 2014 г. состоялся давно ожидавшийся визит президента США Б. Обамы в страны Восточной Азии с остановками в Японии, Южной Корее, Малайзии и на Филиппинах. Он проходил в тени важнейших событий в Европе и на Ближнем Востоке, а также совпал с двумя национальными трагедиями — в Южной Корее (затонувший паром) и в Малайзии (пропавший пассажирский «Боинг»). Однако визит все же стал очередным подтверждением стратегической переориентации внешней политики США и открыл двери для их еще более заметного военного присутствия в регионе. Визит президента показал продолжение «разворота» в АТР как стратегической инициативы США. При всех слабостях и недостатках она свое дело делает, особенно для тех, кому выгодно в нее верить. Но если ставилась задача подкрепить дух союзников и удержать Китай от дальнейших действий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, то решить ее явно не удалось.

Многие наблюдатели обратили внимание на то, что Б. Обама во время своего визита в страны Восточной Азии явно говорил одновременно с разными аудиториями и как бы на разных языках. С одной стороны, он пытался заверить своих союзников в непоколебимой поддержке США. С другой — он выражал надежды на то, что они все же сумеют вести себя достаточно сдержанно, и даже высказывался в том смысле, что США подумывают о прочных отношениях с Пекином и рассчитывают найти с ним вместе решение всех спорных проблем.

Вместе с тем в ходе этого визита Б. Обама публично выступил против разрешения территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях путем запугивания и давления. Лидеры КНР были возмущены критикой их пресловутой «линии из 9 отрезков» как не имеющей никаких правовых основа-

ний и особенно поддержкой со стороны США обращения Филиппин в Международный арбитраж с иском против Китая. Гневную реакцию вызвало и заявление Б. Обамы в поддержку Японии по островам Сэнкаку (Дяюйдао) и соглашение по базам на Филиппинах. Ответ на это был явно готов заранее, и он последовал ровно через день после возвращения Б. Обамы в США.

Новая эскалация напряженности в ЮКМ

1 мая 2014 г. Китай выдвинул свою гигантскую платформу для глубоководного бурения на нефть и газ HD 981 в район Парасельских островов на 80 миль в пределы исключительной экономической зоны (ИЭЗ) Вьетнама. Столь дорогостоящая и крупномасштабная операция, естественно, тщательно планировалась и долго готовилась. О появлении у Китая новой буровой установки, предназначенной для бурения на нефть и газ в глубоководных районах ЮКМ, сообщалось уже давно. Неизвестны были только место и время начала буровых работ. Визит президента США в страны Восточной Азии стал для этого удобным поводом, а момент был выбран наиболее благоприятный, когда внимание всего мира было приковано к событиям в Крыму и на юго-востоке Украины.

Провокационный характер этой операции ни у кого сомнений не вызывал. Это был первый случай, когда Китай столь открыто и так далеко пошел на нарушение статус-кво в ЮКМ.

Представитель МИД КНР охарактеризовал проведенную акцию как обычную деловую практику китайской нефтяной корпорации CNOOC, которая начала разведочное бурение в 17 км от одного из Парасельских островов и в 150 км от берегов Вьетнама. Поскольку Китай считает эти острова, бесспорно, ему принадлежащими, постольку вся операция, по мнению китайской стороны, происходила в ИЭЗ Китая, которую, правда, он никогда официально не заявлял и границы которой ни с кем не обсуждал. Но это позволяло представить именно Китай жертвой агрессивных действий Вьетнама, препятствующего нормальной работе китайской буровой.

Масштаб и интенсивность конфликта были значительно выше, чем во время обострившегося в 2013 г. конфликта с Японией из-за островов Сэнкаку (Дяюйдао). Но Китай не ввел в действие в ЮКМ свои военные корабли, находившиеся рядом. Авиация тоже почти не применялась. Явно не было никакого намерения начинать из-за этого войну с Вьетнамом. Как всегда, использовались только полувойенные охранные и гражданские суда, а военные стояли в резерве.

Место в районе Парасельских островов, где была установлена китайская буровая платформа, известно не тем, что там много нефти и газа, а скорее тем, что там их нет или очень мало. По данным американской энергетической компании AEIC, подсчитанные запасы там составляют всего около 1 млн баррелей¹. Офици-

¹ Contested areas of South China Sea likely have few conventional oil and gas resources / Energy Information Administration. April 3, 2013. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=10651>

альные представители СНООС даже не скрывали, что им было приказано ввести буровую в этот район ЮКМ. Они указывали на высокую цену содержания установки с сотней сопровождающих кораблей с 1 мая до 15 августа, как это было объявлено китайскими властями. Решение выдвинуть нефтяную платформу стоимостью в 1 млрд долл. в район с сомнительными запасами нефти и газа и вызвать тем самым серьезный дипломатический кризис говорит о запланированном, преимущественно политическом характере акции.

Наблюдатели разошлись в трактовке мотивов и целей Китая в этой операции. Некоторые считали ее ответом Китая на принятие Вьетнамом своего Морского закона в июне 2012 г., провозгласившего суверенитет на оба архипелага ЮКМ. До его принятия Китай безуспешно пытался оказать давление на Ханой. Когда это не удалось, национальная офшорная компания (СНООС) объявила тендер на 9 блоков в прибрежной зоне ЮКМ, входящей в ИЭЗ Вьетнама. Никто не откликнулся, и тогда СНООС решила вести разведывательное бурение сама. Но упомянутые выше заявления руководителей СНООС говорят об ином. В чем же тогда была причина эскалации напряженности со стороны Китая?

Основное объяснение действий Китая все-таки сводится к тому, что это был заранее подготовленный ответ на визит президента США. Он был, прежде всего, направлен на подтверждение территориальных претензий в ЮКМ. И он лишний раз показывает, что всю политику КНР в западной части Тихого океана следует рассматривать сквозь призму китайско-американского соперничества. Все последние годы Китай последовательно поднимал цену для малых и средних государств Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, которую им придется заплатить за возможное их участие в американских планах стратегического окружения Китая. Операция с буровой платформой свидетельствовала о намерении нового поколения китайских руководителей поддерживать контролируемую напряженность в регионе. Большинство наблюдателей также расценили эту акцию как попытку еще раз проверить реакцию США и АСЕАН, протестировать возможный международный ответ на ужесточение китайских территориальных требований в окружающих морях.

События на Украине в определенной мере повлияли на действия Китая, если учесть, что внимание США и стран ЕС было приковано в это время к отношениям с Россией. Но наступление Китая в ЮКМ началось задолго до этого и встраивается в целую цепь событий, связанных с Вьетнамом, с возбуждением Филиппинами иска против Китая и осложнением отношений с Малайзией после гибели «Боинга».

В правовом отношении район установки китайской буровой остается спорным, хотя Китай тут никакого спора не признает и категорически отказывается его обсуждать. С позиций международного права эта акция КНР была явно незаконной. Объявленная в ее оправдание граница китайской ИЭЗ, отмеряемая от одного из необитаемых Парасельских островков, налагалась на половину ИЭЗ Вьетнама, отмеряемую, как положено по Конвенции 1982 г., от базовой береговой линии. В этих случаях Конвенция 1982 г. требует, чтобы стороны вступили в переговоры, а предварительно воздерживались от каких-либо действий, нарушаю-

щих статус-кво, тем более от применения силы или угрозы силой. Меры, радикально меняющие статус-кво, считаются недопустимыми.

Поэтому последовавший жесткий протест Вьетнама представляется вполне обоснованным. По заявлению представителя МИД СРВ, со стороны КНР допущено грубейшее нарушение международного права, Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву (UNCLOS) и Декларации 2002 г. о поведении сторон в ЮКМ (DOC), а также совместного Заявления сторон из шести пунктов, подписанного в 2011 г. Эта исключительно опасная акция создала, по официальному мнению МИД СРВ, прямую угрозу миру, стабильности и безопасности судоходства в ЮКМ.

Вопрос в том, почему начали с Вьетнама? Эффект внезапности тут, несомненно, имел место. Ханой не предпринимал никаких шагов, которые могли бы стать оправданием беспрецедентного демарша КНР. Установка буровой платформы говорила о том, что Китай отказывается от «дипломатии улыбок» и переходит к политико-дипломатическому наступлению на СРВ и оказанию на нее прямого давления с позиции силы.

Вьетнамская дипломатия в период кризиса

Вьетнамское руководство почти две недели хранило молчание, проявляя выдержку и избегая драматизировать обстановку. Некоторые наблюдатели расценили это как признак отсутствия единства среди высшего руководства страны по отношению к действиям КНР. 8 мая 2014 г. в Ханое начал работу 9-й пленум ЦК КПВ. В докладе генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга на открытии пленума это событие не комментировалось. И только на его закрытии — уже 15 мая — он сказал: «Обстановка в Восточном² море развивается сложно и исключительно серьезно для нас. Это требует от всей партии, народа и армии исключительной стойкости, мудрости, сплоченности и единодушной готовности решительно защищать независимость, суверенитет и территориальную целостность Родины при сохранении мира и стабильности в регионе, жизненно необходимых для строительства и развития страны»³.

Длительное молчание высшего руководства в данном случае вовсе не означало бездействия. Все это время интенсивно работали все «горячие линии» связи министерств обороны и иностранных дел. 13–17 мая в Ханое прошли первые переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел обеих стран. Позднее такие же переговоры прошли в Пекине. И как уже не раз бывало, стороны активно задействовали межпартийные каналы связи.

Как сообщала со ссылкой на свои источники газета «Нью-Йорк Таймс», китайское руководство отклонило предложение КПВ о срочной встрече партийных лидеров на высшем уровне. Вместо этого в Ханой был направлен член Госсовета

² Восточным во Вьетнаме называют Южно-Китайское море.

³ Nhan Dan. 15.05.2014.

КНР Ян Цзечи, курирующий вопросы внешней политики. Однако его переговоры с вьетнамскими руководителями ни к чему не привели.

В этих условиях Вьетнам не ограничился одними дипломатическими средствами. Главное было не допустить ситуации свершившегося факта. Государству-жертве в современных условиях практически жаловаться некому — ни ООН, ни АСЕАН в их нынешнем положении оказать практическую помощь не могут. Пришлось выходить на международную арену и действовать через голову правительств.

В самом Вьетнаме действия КНР вызвали буквально взрыв возмущения общественности. К нему добавилось мощное давление вьетнамской диаспоры в США и в других странах. 13–14 мая в Ханое, Хошимине и в ряде других городов страны прошли массовые демонстрации протеста. На этот раз они проходили с разрешения и даже по инициативе местных властей, что оказалось, как было признано потом, серьезной ошибкой. События вышли из-под контроля и в ряде мест вылились в выступления рабочих предприятий, принадлежащих как Китаю, так и Тайваню, Сингапуру и другим странам. Прорвалось общее недовольство условиями труда и низкой зарплатой. Митинги и демонстрации кое-где перешли в погромы с жертвами и пострадавшими, что привело к закрытию некоторых предприятий, нанесло немалый ущерб экономике. Из Вьетнама эвакуировалось 3,5 тыс. китайских рабочих, занятых на строительстве важных объектов инфраструктуры.

В стране развернулась активная дискуссия, в которой многие ученые и политики выступали за то, чтобы по примеру Филиппин возбудить иск против Китая в Международном арбитражном суде. С этим предложением выступали и многие зарубежные эксперты на ряде международных конференций, прошедших в это время во Вьетнаме и в других странах. Но в конечном счете Ханой тогда на это не пошел, опасаясь вызвать еще большую ожесточенность со стороны Китая. Любое неосмотрительное действие могло быть использовано Пекином в атмосфере нагнетавшегося там национализма. Это могло привести к конфликту, которого, видимо, не хотели обе стороны.

В международном научном сообществе в целом высоко оценили действия вьетнамского руководства в ходе кризиса. Оно не дало втянуть себя в ловушку, проявило выдержку и хладнокровие при беспрецедентном давлении извне и изнутри со стороны определенной части собственной интеллигенции и студенческой молодежи.

Реакция мирового сообщества

Многие наблюдатели посчитали эту акцию Китая своего рода посланием всему миру о силе и решимости Пекина заставить США и АСЕАН ощутить и признать наконец, что именно Китай доминирует в этом регионе.

В Пекине, естественно, никто не сомневался, что в ответ на эту операцию КНР из Вашингтона последуют протесты, но без реальных мер противодействия. И не ошиблись — ответ США был именно таким. Хотя государственный секретарь

Дж. Керри осудил Китай, обвинив его в «провокационных действиях», но в заявлении Государственного департамента США содержался лишь призыв к неприменению силы и мирному решению спора. В нем не было ни слова о том, что эти действия являются агрессивными и нарушающими букву и дух Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву. Вашингтон от всякого вмешательства в возникший конфликт воздержался. Ни о каких санкциях против Китая и речи не было. В район противостояния не был направлен ни один военный корабль США.

В целом лидеры КНР бросили вызов США по основным направлениям американской стратегии, показав разрыв между риторикой Б. Обамы и его способностью эффективно ответить на ужесточение территориальных требований Китая. И это должно было показать странам региона, что США — это всего лишь «бу-мажный тигр».

Однако возникает также вопрос, почему действия Китая были предприняты за неделю до саммита АСЕАН в столице Мьянмы, хотя незадолго до этого, в марте и апреле, на консультациях по разработке Кодекса поведения сторон в ЮКМ был достигнут небольшой, но прогресс?⁴

Послание странам АСЕАН в данном случае тоже было очевидным: «Не ждите, наша позиция остается неизменной». Но в ответ 10 мая министры иностранных дел стран АСЕАН выразили «серьезную озабоченность продолжающимися событиями в ЮКМ, которые привели к росту напряженности в регионе»⁵. Это было сделано в отдельном Заявлении и указывало на однозначную поддержку Вьетнама в сложившейся ситуации. Все десять стран АСЕАН впервые за много лет выступили вместе против действий Китая в ЮКМ, что разительно отличалось от провала попыток занять такую же позицию на саммите в Пномпене в 2012 г.

Развернувшийся конфликт, несмотря на мировой экономический кризис, тревожные события в Европе и на Ближнем Востоке, привлек внимание мирового сообщества. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун обратился к обеим сторонам с призывом проявить сдержанность и разрешить конфликт миром. Похожее заявление сделал Европейский союз, а также отдельно Франция и другие страны ЕС. В целом ни одна страна, ни одно правительство не выступили в поддержку действий КНР. Не все, конечно, выразили Китаю протест, но одобрения эта акция Пекина в мире явно не нашла нигде.

В поддержку Вьетнама категорически выступил премьер-министр Японии С. Абе. Помощник государственного секретаря США Д. Рассел направился во Вьетнам для выяснения обстановки. По возвращении он сделал заявление в Конгрессе с осуждением действий Китая, в котором подробно остановился на необоснованности и неправовом характере территориальных требований Китая, выраженных в его пресловутой «линии из 9 отрезков».

⁴ В октябре 2013 г. на саммите Китай — АСЕАН на о. Бали под давлением стран АСЕАН Китай дал согласие на начало консультаций по превращению Декларации о принципах поведения сторон в ЮКМ (DOC) в юридически обязывающий Кодекс (COC).

⁵ ASEAN foreign ministers' statement on the current developments in the South China Sea (10th May 2014). URL: <https://asean.org/speechandstatement/24th-asean-summit-nay-pyi-taw-myanmar-10-11-may-2014/>

Позиция России

15 мая 2014 г. сделал заявление и МИД РФ на уровне своего представителя А. Лукашевича. В нем говорилось, что Россия выражает надежду, что Китай и Вьетнам сумеют найти мирное решение спора путем переговоров⁶. Эта позиция активного нейтралитета, которую неизменно занимает Россия в отношении споров в ЮКМ, была неоднозначно встречена как в Китае, так и во Вьетнаме. Но она логично вытекала из того факта, что Россия — стратегический партнер как Китая, так и Вьетнама. Ее отношения с ними отличаются от отношений, например, США с Японией или Южной Кореей. Стратегическое партнерство — это не военный союз против некоего общего противника.

Отношения России и Китая имеют ряд важных особенностей, сближающих обе стороны и обеспечивающих плодотворное взаимовыгодное сотрудничество в самых разных областях, но они не содержат обязательства во всех случаях поддерживать политику и целиком разделять национальные интересы друг друга. Эти интересы могут иногда и не совпадать, но они бросают вызов мировому порядку, в котором США были единственным распорядителем и арбитром в одном лице. И то, что Россия воздержалась от поддержки акции КНР в ЮКМ, лишний раз доказало независимость и самостоятельность ее политики в регионе. При любом повороте событий в ЮКМ для России важно не оказаться между двух огней и всегда иметь возможность влиять на ситуацию. Это, надо признать, осталось незамеченным в комментариях как вьетнамских, так и китайских СМИ.

Разум и логика здравого смысла подсказывают, что здоровые нормальные отношения и всестороннее сотрудничество двух великих азиатских держав на уровне стратегического партнерства не имеют альтернативы. Это является одним из главных достижений внешней политики современной России и важнейшим условием мира и безопасности всех народов АТР. Невозможно даже представить, что ждало бы малые и средние государства этого региона, Вьетнам в том числе, если бы события развернулись в обратном направлении.

В этих условиях нужны не обескураживающие заявления, нагнетающие скепсис или подливающие масло в огонь конфликта, а поддержка и поощрение усилий тех стран, которые пытаются выработать общий разумный подход к его мирному разрешению. Ответственная и тщательно выверенная позиция России по спорным территориальным проблемам в ЮКМ не имеет разумной альтернативы. Она максимально отвечает национальным интересам всех без исключения государств региона. А потому неизменно встречает должное понимание и поддержку со стороны вьетнамского руководства.

Кризис завершен, но согласия пока нет

Тем не менее время шло, а ситуация продолжала ухудшаться. Напряженность в отношениях сохранялась. Поступали все новые сообщения о столкновениях

⁶ URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/1597036/

патрульных катеров. Китайские подрядчики получили распоряжение правительства прекратить работы на различных объектах и не заключать никаких новых контрактов.

Кто-то должен был первым сделать шаг назад. И это сделал Китай. 16 июля 2014 г. буровая платформа HD 981 со всем сопровождением снялась с места и взяла курс в территориальные воды КНР. При этом корпорация CNOOC сделала заявление для печати о том, что разведочное бурение завершено досрочно, так как все поставленные задачи выполнены и буровая платформа выводится по экономическим соображениям, а вовсе не под давлением извне. Следующий этап работы будет зависеть от полученных данных. С тех пор о результатах бурения ничего не сообщалось.

Вряд ли можно считать случайным тот факт, что вывод буровой произошел через неделю после китайско-американского Диалога по стратегическим и экономическим проблемам с участием министров обороны и иностранных дел в Пекине 9–10 июля 2014 г. Но главное было в том, что Пекин готовился в ноябре принять саммит АТЭС, где ожидали президента США и лидеров других стран АТР. В преддверии таких событий Китай, конечно, не был заинтересован в продолжении кризиса в ЮКМ.

Многие наблюдатели усомнились в том, что досрочный (за месяц) вывод буровой означал отступление Китая или отказ от территориальных претензий в ЮКМ, но так или иначе это решение стало признаком очередной коррекции курса и перехода на более умеренные позиции.

Возможно, в Пекине поняли, что сильно «переборщили» с ужесточением позиций и тем самым толкнули соседей по Восточной Азии в объятия США. Самым неприятным было изменение курса Японии, ее попытки пересмотра мирной конституции и постепенное формирование союзов с Индией, Австралией и СРВ. Осторожность потребовала корректировки курса, что и было сделано. Таким образом, из двух протагонистов Китаю больше была необходима передышка. Продолжавшийся 75 дней кризис быстро пошел на спад.

27 августа в Пекин в качестве специального посланника генерального секретаря ЦК КПВ прибыл член Политбюро и Постоянного Секретариата ЦК КПВ Ле Хонг Ань. Его визит, как было объявлено, имел целью разрядить обстановку и нормализовать отношения двух партий и государств. Принимая вьетнамского гостя, председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай и Вьетнам являются соседними социалистическими государствами, а соседа нельзя передвинуть на другое место, и потому они прежде всего заинтересованы в мирных отношениях друг с другом.

Принятое по итогам переговоров Заявление свидетельствовало, что стороны решили нормализовать отношения и восстановить сотрудничество. Они условились держать под контролем все разногласия по ЮКМ, не допускать впредь никаких действий, которые осложняли бы положение и усиливали споры. Договорились усилить руководство межпартийными и межгосударственными отношениями, принять все меры к неукоснительному исполнению договоренностей высших руководителей. Ле Хонг Ань передал председателю КНР приглашение посетить СРВ, которое было принято.

Принятый документ фактически повторил основные положения, согласованные в октябре 2011 г. в ходе визита в Китай только что избранного тогда генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга. Это особенно касается совместного Заявления об основных принципах разрешения споров на море. Стороны условились «терпеливо вести переговоры по спорным проблемам на основе принципа: сначала легкое, потом трудное», стремиться к фундаментальному долгосрочному решению, приемлемому для обеих сторон. Они договорились взять под особый контроль свои разногласия на море, избегать осложнений обстановки, влияющих на отношения двух стран, совместно поддерживать мир и стабильность в Южно-Китайском море и принять меры к улучшению отношений между двумя партиями и государствами.

Особое внимание наблюдателей привлекла договоренность сторон активно изучать возможности принятия промежуточных решений без изменения позиций и политических установок сторон. Она включила также «изучение и обсуждение проблемы сотрудничества в целях совместного развития». Одновременно было решено активизировать созданные сторонами рабочие группы по заливу Бакбо (Тонкинскому) и по сотрудничеству в решении ряда других вопросов на море⁷.

По сути, это напоминало известную инициативу, выдвинутую еще Дэн Сяопином, которая состоит в том, чтобы отложить споры по суверенитету на будущее и перейти к совместной эксплуатации ресурсов ЮКМ. Но ресурсы в пределах исключительной экономической зоны Вьетнама по Конвенции 1982 г. являются его собственностью. Любая другая страна или компания может заключить соглашение о совместной разведке и добыче углеводородов по принципу раздела продукции. Но нельзя рассматривать эту акваторию моря как нечто общее и принадлежащее обеим сторонам. Так что реализовать эту идею без договоренностей о правовом статусе ЮКМ будет нелегко.

Последствия и перспективы

Китайско-вьетнамские отношения как бы вновь встали на путь оздоровления и нормализации. Это было подкреплено ответным визитом в Ханой члена ПК Политбюро ЦК КПК, председателя ВК НПСК Юй Чжэншена 27–29 декабря 2014 г. Его целью была объявлена дальнейшая реализация на практике достигнутых сторонами договоренностей, укрепление тренда на оздоровление отношений между КНР и Вьетнамом и продвижение всестороннего стратегического сотрудничества.

Все наблюдатели отметили, что тон и язык выступлений китайского гостя были значительно более мягкими и миролюбивыми по сравнению с недавним заявлением другого китайского руководителя Ян Цзечи во время его переговоров в Ханое в мае 2014 г. На встрече с Президентом СРВ Чыонг Тан Шангом он, в част-

⁷ URL: <http://tapchiquptd.vn/en/news/vietnam-china-agree-to-restore-develop-ties/6142.html>

ности, напомнил, что в 2015 г. исполняется 65 лет установлению дипломатических отношений между двумя странами. Укрепление единства и дружбы, по его словам, как и углубление взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и Вьетнамом, отвечают основополагающим интересам партий и народов обеих стран, способствуют миру, стабильности и процветанию региона. Президент СРВ, в свою очередь, ответил, что, несмотря на различные сложности и многочисленные перемены в международной жизни, традиционные дружественные отношения сотрудничества между Вьетнамом и Китаем останутся неизменными. «Вьетнамская сторона, — сказал он, — неизменно обозначает в качестве приоритетного направления своей дипломатии всесторонние отношения стратегического сотрудничества и партнерства с КНР, нацелена на совместную реализацию двусторонних договоренностей на высоком уровне и усиление политического доверия, продвижение прагматичного сотрудничества»⁸.

При этом некоторые из целей, которые ставил перед собой Китай летом 2014 г., были достигнуты. 75-дневный кризис в ЮКМ имел ряд серьезных последствий для самого Китая, СРВ и для всего региона.

Очередной раунд противостояния США и Китая в Восточной Азии можно считать завершившимся вничью. Визит президента США в страны ВА и развернувшиеся после него события в ЮКМ показали, что цель установления «отношений великих держав нового типа», выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином на встрече в Калифорнии летом 2013 г., оказалась еще более труднодостижимой, чем год назад. Пекин и Вашингтон остались недовольны политикой друг друга, но полномасштабный конфликт между ними остался маловероятным ввиду их большой взаимозависимости. Неслучайно после всех критических речей и заявлений в адрес друг друга стороны вернулись к более мирной атмосфере в двусторонних отношениях.

Кризис отбросил далеко назад вьетнамо-китайские отношения. От принципов «4 хорошо» и «16 золотых иероглифов», на которых они опирались, осталось не так много, хотя по-прежнему отношения охватывают много важных областей и не сводятся к конфликту в ЮКМ. Несмотря на признаки разрядки, различные подводные течения все еще подмывают эти отношения, которые когда-то провозглашались прочными и нерушимыми.

Кризис подтолкнул СРВ к более активному военному сотрудничеству с другими странами, прежде всего, с США, а также с Японией, Индией и др. США частично сняли запрет на продажу Вьетнаму летального оружия, что открыло для него возможность приобретать современное оборудование для наблюдения и контроля в территориальных водах. Вьетнам может закупить в США современные радарные установки, патрульные катера и самолеты морской разведки. В 2015 г. Вьетнам и США готовятся широко отметить 20-летие установления дипломатических отношений. И это будет не просто повод для воспоминаний. Отношения между двумя странами активно развиваются, готовы вступить в новую фазу, если Б. Обама выполнит данное им летом 2013 г. президенту СРВ обещание

⁸ Агентство Синьхуа. 27.12.2014.

посетить Вьетнам. Это может произойти в ноябре 2015 г. после саммита АТЭС в Маниле.

Индия согласилась оказать помощь в модернизации вооруженных сил СРВ, подготовке кадров для ВВС и ВМС, решила продолжать участие в разведке и добыче нефти и природного газа на шельфе Вьетнама вопреки протестам КНР. В 2014 г. также значительно расширились отношения Вьетнама с Японией, поднявшиеся до уровня всестороннего партнерства.

Вьетнам, Малайзия и Филиппины укрепили свои связи в противовес активности Китая в ЮКМ. Действия Китая начали беспокоить Малайзию после вторжения китайских ВМС и учений на островах Сент-Джеймс в южной части архипелага Спратли, на которые она претендует. Малайзия, избегавшая до последнего времени трений с Китаем, начала активно наращивать свои ВМС с целью защиты суверенитета и присоединилась к общей позиции АСЕАН в отношении последних событий в ЮКМ.

Кризис усилил сомнения стран региона в политике Китая и их опасения, что он может двинуться и дальше на юг. Это вызвало изменения в позиции АСЕАН, содействовало восстановлению единства в Ассоциации, подорванного в 2012 г. На прошедшей 8–10 августа 2014 г. в столице Мьянмы сессии Регионального форума АСЕАН по проблемам мира и безопасности (АРФ) Китай категорически отклонил все предложения США, Филиппин и других стран о моратории на провокационные односторонние действия. Министр иностранных дел КНР Ван И потребовал от США прекратить всякое вмешательство в споры в ЮКМ, заметив, что Тихий (он же Великий) океан достаточно велик для обеих держав, но ЮКМ слишком мало, чтобы его делить между Китаем и США. Ответом на действия Китая, по мнению некоторых аналитиков, вообще может стать стягивание стран Восточной Азии в одну группу и формирование нового баланса сил в регионе.

Независимо от того, как пойдет дальше развитие событий, стало очевидным, что территориальный спор в ЮКМ выходит на многостороннее обсуждение, чему Китай противился многие годы. Это подтверждается тем, что в разгар кризиса сначала Китай, а за ним Вьетнам обратились в ООН с подробным изложением своих позиций и с просьбой распространить эти послания среди всех государств-членов в качестве документа ООН. Одновременно получил дальнейшее развитие процесс рассмотрения иска Филиппин в Постоянном арбитражном суде (ПСА) в Гааге.

Декабрь 2014 г. был особенно наполнен событиями на этом фронте. Китай, США, Вьетнам — все высказали свои позиции по правовым аспектам споров в ЮКМ. Китай официально объявил бойкот арбитражному процессу, отказавшись предоставлять ответный меморандум арбитражному суду в Гааге до 15 декабря. Он повторил свои категорические возражения против рассмотрения третьей стороной споров по суверенитету в ЮКМ, ссылаясь на три аргумента. Во-первых, на отсутствие у трибунала юрисдикции для рассмотрения этих вопросов, так как Конвенция 1982 г. такой юрисдикции ему не дает. Во-вторых, на свои предполагаемые «исторические права», по которым Китай осуществляет «унаследованный и неоспоримый» суверенитет над оспариваемыми островами, включая и те, что расположены в пределах 200-мильной ИЭЗ Филиппин. И в-третьих, на то, что

Филиппины сами нарушили заключенные двусторонние и многосторонние договоренности, в частности Декларацию 2002 г, инициировав принудительную арбитражную процедуру по Конвенции 1982 г.

До последнего времени США неизменно заявляли, что они не поддерживают ни одну из сторон в территориальных спорах в ЮКМ. Но 5 декабря Госдепартамент опубликовал доклад с подробнейшим анализом проблемы, в котором официально поднял вопрос о «линии из 9 отрезков» и поддерживающей ее доктрине. В документе однозначно говорится, что эти претензии Китая в правовом отношении несостоятельны и порождают угрозу конфронтации, подрывают региональную стабильность и закрывают перспективы достижения мирного урегулирования.

К удивлению многих наблюдателей, в правовой спор в Гааге неожиданно вступил Вьетнам, представив в международный арбитраж свою позицию, состоящую также из трех главных пунктов. Он выразил поддержку иску Филиппин, поставил под вопрос обоснованность «линии из 9 отрезков» и обратился с просьбой уделить должное внимание его законным правам и интересам. Это вряд ли сможет повлиять на рассмотрение иска Филиппин против КНР, но имеет определенное политическое значение. Вместе с Филиппинами и США, открывшими правовой спор с Китаем, Вьетнам, во-первых, признал компетенцию трибунала, а во-вторых, выдвинув свою позицию по проблеме, подчеркнул свое право использовать существующие международно-правовые инструменты для разрешения потенциально взрывоопасных территориальных споров.

К сожалению, пока нет никаких оптимистических признаков того, что все стороны конфликта в ЮКМ готовы признать сложившиеся реальности и открыты для новых инициатив по разрешению споров. Можно с достаточной уверенностью говорить, что не будет стабильной обстановки в ЮКМ, пока там постоянно курсируют и проводят военные маневры с союзниками корабли 7-го Тихоокеанского флота США. Не будет искомой стабильности и до тех пор, пока Китай не обеспечит энергетическую безопасность для своего устойчивого развития.

Китай умело совмещает «дипломатию улыбок», подкрепленную многомиллиардными торговыми соглашениями, кредитами и крупными инвестиционными проектами на всем пространстве ЮВА, с целеустремленной военной стратегией, включающей многие проекты военного строительства и патрулирования всей спорной акватории ЮКМ в основном полувоенными силами охраны порядка. Таким образом, он успешно использует экономические рычаги и дипломатические подходы, чтобы расстроить все попытки стран ЮВА выработать какую-либо единую позицию. Придется еще долго ждать, когда Китай и страны АСЕАН сумеют договориться о самых общих положениях Кодекса поведения сторон (СОС).

Вывод буровой платформы не помешал Китаю одновременно направить два своих военных корабля в ИЭЗ Филиппин, начать строительство маяка на острове Фумай — самом большом из Парасельских островов, продолжить там захваты рыболовных судов Вьетнама, развернуть работы по искусственному расширению площадей занятых им частично затопляемых островов и коралловых рифов в архипелаге Спратли с целью строительства на них причалов, складов и посадочных полос.

Политический курс Вьетнама в сложившемся для него треугольнике Китай — Вьетнам — США остается таким, каким он был утвержден XI съездом КПВ в январе 2011 г. Он заключается в неуклонном проведении независимой, суверенной внешней политики при одновременной многовекторности и диверсификации международных отношений. Вьетнам в последние годы активно интегрируется в региональную и мировую экономику на основе этих принципов и в целях укрепления своего международного положения. Это требует сохранения и развития отношений с двумя важнейшими партнерами, какими для СРВ являются Китай и США.

В сложившейся ситуации на руководство Вьетнама оказывалось мощное давление извне и изнутри с целью радикальной перемены курса. Много зарубежных «советчиков» по всем каналам доказывали, что курс на неучастие ни в каких военных союзах против Китая в новой обстановке устарел и необходим военный союз с США. Они требовали возбуждения иска против Китая, по примеру Филиппин, и пересмотра принципа «трех нет», т. е. неучастия в военных блоках, недопущения иностранных военных баз на своей территории и неучастия в союзах против третьих стран.

Как всегда бывало в моменты обострения отношений с Китаем, пошли слухи о расколе в руководстве КПВ на прокитайские и прозападные реформистские группы. Хотя среди политической элиты страны мало тех, кто верит, что в обозримом будущем отношения с северным соседом радикально изменятся к лучшему, глубоко ошибочным является подсчет, кого больше в руководстве КПВ: так называемых «западников» или «прокитайцев». Ясно, что доминируют «провьетнамцы», которые озабочены прежде всего сохранением независимости, суверенитета и политической стабильности в своей стране, хотя пути к этому они видят по-разному.

В конечном итоге, стало очевидно, что вьетнамское руководство проявило в этом кризисе выдержку и ни на какие провокации не поддавалось. Вьетнам продолжил свое маневрирование для разрешения споров в ЮКМ на двусторонних и многосторонних переговорах. Одновременно он развивает сотрудничество с государствами региона и со всеми другими странами, которые заинтересованы в сохранении мира в ЮКМ и могут помочь ему в решении этой проблемы. Другой разумной альтернативы у него просто нет.

КОДЕКС ПОВЕДЕНИЯ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ — ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ ОТВЛЕКАЮЩИЙ МАНЕВР?

(Опубликовано: Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 40–60.
Текст печатается с сокращениями.)

Напряженность вокруг Южно-Китайского моря с 2014 г. заметно возросла. Конфликт вступил в новую фазу, когда территориальный спор в ЮКМ вышел далеко за рамки спора о суверенитете над теми или иными участками акватории и островами. Они оказались в поле экономических, геополитических и военно-стратегических интересов Китая и США, а также Японии, Индии и других государств АТР. Их борьба за контроль над проливами и за гегемонию в регионе переплелась с интересами и устремлениями малых и средних государств АСЕАН. Все это делает риск возникновения здесь опасного регионального конфликта вполне реальным [Кобелев 2010: 94–95; Локшин 2015].

В этих условиях принятие Кодекса поведения в ЮКМ (СОС) становится еще более актуальным. В настоящее время дипломатическая борьба вокруг подготовленного в АСЕАН проекта подошла к завершающему этапу. Большое значение имел вердикт Постоянного арбитражного суда в Гааге, вынесенный 12 июля 2016 г. по иску Филиппин против КНР. В связи с этим позиции и аргументы сторон, а также перспективы принятия Кодекса и последствия этого для мира и стабильности в регионе вновь стали существенным вопросом международной жизни, привлекающим растущее внимание мирового сообщества.

АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море

Обсуждение проекта СОС совпало с серьезными переменами в международном положении в ЮВА. Страны региона оказались в ситуации, когда всем придется решать крайне трудные внутривластные проблемы, выстраивать отношения друг с другом и в рамках провозглашенного 31 декабря 2015 г. триеди-

ного сообщества АСЕАН, состоящего из сообщества безопасности, экономического и социально-культурного сообществ.

Им также приходится считаться с активизацией политики Китая в регионе, чья роль значительно повысилась за десятилетие его превращения в крупнейшую мировую державу, готовую занять жесткие позиции по вопросам, в которых ее интересы расходятся с интересами соседей. Сюда же добавился заметный отход США при новом президенте Д. Трампе от своих долгосрочных обязательств поддерживать либерализацию торговли и инвестиций в Азии при одновременном акценте на военную силу в вопросах безопасности.

Сложившаяся после Второй мировой войны и поддерживаемая США архитектура безопасности и система экономических отношений в ЮВА, с одной стороны, и различные структуры, возникшие вокруг АСЕАН в последние годы, — с другой, оказались не готовы к тому, чтобы противостоять мощному давлению Китая и кризисам настоящего времени.

В этой обстановке немаловажное значение имеют попытки стран АСЕАН вовлечь Китай в переговорный процесс с целью принятия юридически обязывающего Кодекса поведения сторон в ЮКМ (СОС), который призван заменить подписанную 4 ноября 2002 г. в Пномпене Декларацию, оказавшуюся неэффективной и неспособной установить в регионе стабильный правовой порядок. Переговоры по этому вопросу идут уже более 20 лет, но пока остаются безрезультатными из-за отсутствия какого-либо согласия стран АСЕАН как с Китаем, так и друг с другом.

В 2017 г. АСЕАН отмечала свой 50-летний юбилей. За эти годы Ассоциация прошла большой исторический путь и включает ныне десять очень разных государств ЮВА. Все они несравнимы по мощи ни с кем из внерегиональных «тяжеловесов». У них нет другого выбора, кроме как балансировать хорошие отношения с одними тесным сотрудничеством с другими. И они вместе, а чаще в одиночку, руководствуясь своими собственными интересами и специфическими особенностями отношений с Китаем и с США, вот уже многие годы ведут эту игру, которая получила название «хеджирование» (от англ. hedging — управление рисками). Она означает привлечение всех крупных держав к сотрудничеству, поддержание их заинтересованности в стабильном развитии региона и связывание их определенными нормами поведения. Главное при этом заключается в том, чтобы не допускать доминирования какой-то одной страны во всем регионе и чтобы правила поведения в нем вырабатывались самими странами АСЕАН, а не привносились извне.

АСЕАН — это не военный блок государств. Наряду с общими у всех есть свои собственные интересы и разные возможности их отстаивать. Провозглашенному 31 декабря 2015 г. Сообществу АСЕАН предстоит еще долгий путь к единству ценностей и позиций по многим вопросам. Тем не менее оно играет свою важную роль в интеграционных процессах, развернувшихся в АТР. «Асеаноцентричность», т. е. лидирующая роль АСЕАН в региональной архитектуре безопасности — это главный принцип, на котором ведущие страны АСЕАН строят свои международные отношения с внерегиональными государствами для того, чтобы защитить свои интересы и сохранить региональную стабильность.

Территориальные споры в ЮКМ формально не являются общей проблемой между Китаем и всем Сообществом АСЕАН. Надо иметь в виду, что в структурном отношении АСЕАН — это не более чем довольно малочисленный Секретариат в Джакарте. Секретариат — это не наднациональный институт, и лидеры государств-членов не поручали ему заниматься вопросами территориального суверенитета в ЮКМ. Но важно отметить, что ни одна из десяти стран — членов АСЕАН никогда не соглашалась с «линией из 9 отрезков», заявленной Китаем в 2009 г.¹, как с претензией на некие особые «исторические права» Китая на 80% акватории ЮКМ и все его острова. Однако в зависимости от обстоятельств они нередко расходятся в том, как следует добиваться урегулирования споров с Китаем в ЮКМ. В этом АСЕАН можно разделить на три группы.

Первая включает континентальные страны — Таиланд, Камбоджу, Лаос и Мьянму, которые не являются сторонами в споре. Политика каждой из этих стран отличается своими особенностями, но в целом (за исключением сильно зависящей от Китая Камбоджи) они не заинтересованы в китайской экспансии в ЮКМ, хотя проявляют это не всегда и исключительно осторожно, чтобы споры в ЮКМ не мешали развитию их отношений с Китаем.

Вторая состоит из прибрежных государств — Филиппин, Вьетнама, Малайзии и султаната Бруней. Их претензии на 200-мильные исключительные экономические зоны (ИЭЗ) и континентальный шельф, положенные им в соответствии с Конвенцией ООН 1982 г. по морскому праву, и на суверенитет над островами отвергаются Китаем. Среди них наибольшую тревогу по поводу действий Китая проявляют только Вьетнам и Филиппины, которые до последнего времени были на переднем крае спора и активно противостояли территориальным амбициям Китая. Малайзия и Бруней тоже озабочены этим, но гораздо меньше. Они предпочитают играть менее заметную роль в споре, хотя всегда присоединяются к общей позиции АСЕАН в тех случаях, когда ее удается сформулировать.

И наконец, третья группа состоит из морских государств — Индонезии и Сингапура, которые формально не являются участниками спора в ЮКМ, но весьма заинтересованы в поддержании мира и стабильности в регионе, включая свободу судоходства. Позиция Индонезии имеет особое значение для АСЕАН. Это самая крупная страна ЮВА, предложившая в свое время саму идею создания АСЕАН. Все годы существования АСЕАН Индонезия уделяла большое внимание укреплению ее сплоченности и повышению эффективности. Неслучайно именно в Джакарте находится Секретариат АСЕАН. Многие годы Индонезия играла роль нейтрального посредника между странами-претендентами и Китаем. Именно она взяла на себя миссию активного продвижения проекта будущего Кодекса поведения в ЮКМ.

¹ «Линия из 9 отрезков», или «линия U», впервые появилась в 1947 г. на картах, выпущенных еще правительством Чан Кайши для обозначения территориальных требований к Японии. США и другие участники конференции в Сан-Франциско 1951 г. эти требования Китая отклонили. Парасельские острова были возвращены Вьетнаму (тогда под властью императора Бао Дая), а архипелаг Спратли остался в составе французской колонии Кохинхина. После всех исторических перемен XX в. они, по логике и по праву, должны были быть унаследованы СРВ. Но этого не произошло.

Учитывая большие различия между членами АСЕАН, она никак не может стать эффективным противовесом Китаю. Заинтересованность в том, чтобы как-то вместе противостоять ему, у стран АСЕАН есть, но удастся им это пока не часто. Разногласия и противоречия внутри АСЕАН, особенно между теми, кто участвует в территориальных спорах с Китаем, и теми, кто в них не участвует, иногда ставит под угрозу само существование АСЕАН.

От Декларации-2002 (DOC) к Кодексу поведения в ЮКМ (COC)

Путь к юридически обязывающему Кодексу поведения в ЮКМ долгий и трудный. Идея выработки обязательных для всех прибрежных стран правил поведения появилась в июле 1992 г. после принятия Декларации по архипелагу Спратли в Маниле на встрече министров иностранных дел стран АСЕАН. В ней были сформулированы базовые принципы поведения сторон, а именно: неприменение силы, сдержанность в заявлениях и действиях, отказ от посягательств на суверенитет других государств. При этом правовой основой решения споров назывался Договор о дружбе и сотрудничестве 1976 г. [Канаев 2007: 79; Кобелев 2010: 94–95].

В 1995 г. Китай оккупировал риф Мисчиф в архипелаге Спратли, на который претендовали и по-прежнему претендуют Филиппины, поскольку он находится явно в их ИЭЗ. Тогда Филиппины и предложили странам АСЕАН принять такой Кодекс, который удержал бы Китай от дальнейших посягательств на их суверенитет. Партнеры по АСЕАН не сразу, но согласились, однако предстояло еще привлечь к этому Китай, который категорически не желал никаких многосторонних переговоров по проблемам ЮКМ.

В декабре 1997 г. в Куала-Лумпуре прошел первый саммит АСЕАН — Китай, после которого двусторонние контакты стали достаточно частыми. Однако обсуждение предложенного странами АСЕАН проекта затянулось. И лишь в марте 2000 г. АСЕАН и Китай все-таки обменялись своими проектами Кодекса и согласились на то, чтобы объединить их в одном согласованном документе. Но в проектах Китая и АСЕАН сразу обнаружилось расхождение по четырем важным вопросам, а именно: географические границы действия Кодекса, ограничения на строительство различных объектов на занятых и не занимаемых никем территориях, действия в водах, омывающих архипелаг Спратли, и допустимость или, наоборот, недопустимость задержаний и арестов рыболовных судов в этих районах.

Постепенно позиции сторон с большим трудом сближались, но предложенный АСЕАН Кодекс так и не был подписан. Вьетнам, например, решительно возражал против требования Китая исключить занятые ими Парасельские острова из сферы действия СОС. Когда переговоры окончательно зашли в тупик, 4 ноября 2002 г. в Пномпене вместо Кодекса была подписана Декларация (DOC-2002). Она провозгласила ряд мер доверия и обязательства сторон решать свои споры только мирным путем, не прибегая к силе или угрозам силой. Как и всякая другая декларация, DOC-2002 была лишь политическим документом, давшим временное решение в тупиковой ситуации, возникшей из-за разногласий по указанным вы-

ше важнейшим пунктам проекта Кодекса. Поэтому сразу были созданы два органа: Совещание старших должностных лиц (на уровне заместителей министров иностранных дел) АСЕАН и Китая (SOM ASEAN — China) и Рабочая группа АСЕАН — Китай (ACJWG) по осуществлению Декларации. Рабочей группе поручили готовить предложения для старших должностных лиц и разработать конкретные указания — Директивы — по осуществлению Декларации-2002.

Несмотря на то что Декларация-2002 не имела обязательной юридической силы и ее цель — создание доверия между сторонами — достигнута не была, сохранение мира и относительной стабильности все же создало условия для некоторого продвижения вперед сотрудничества, особенно в вопросах нетрадиционной безопасности и стабильности между странами региона. Но претворение в жизнь Декларации-2002 шло исключительно трудно, и она постоянно нарушалась с обеих сторон.

Весь последующий ход переговоров по Кодексу также показал явное нежелание Китая связывать себя какими-либо обязывающими нормами и запретами в ЮКМ. Он откровенно затягивал все переговоры на эту тему. Первое заседание Рабочей группы состоялось только в августе 2005 г. На ней страны АСЕАН представили свой проект Директив по выполнению Декларации. Они, в частности, предусматривали проведение регулярных консультаций АСЕАН и Китая по ситуации в ЮКМ. Однако Китай в очередной раз категорически отверг этот пункт и повторил свою давнюю позицию: все вопросы решать только в двустороннем порядке с непосредственно заинтересованной страной.

На 13-м саммите АСЕАН в Ханое 23 октября 2010 г. лидеры АСЕАН и Китая подтвердили свои обязательства соблюдать Декларацию-2002 и одновременно вести дело к принятию Кодекса поведения (СОС) на основе консенсуса, чтобы внести вклад в сохранение мира, стабильности и сотрудничества в ЮКМ².

На следующий год министры иностранных дел АСЕАН и Китая, собравшиеся на о. Бали в Индонезии, 27 июля 2011 г. приняли наконец Директивы по претворению в жизнь Декларации-2002. В них дано общее для всех толкование положений Декларации. Много внимания уделяется эффективным мерам доверия и совместным действиям против терроризма, пиратства и транснациональной преступности, экологии и сохранению рыбных запасов, помощи при стихийных бедствиях.

Однако АСЕАН не удалось договориться с Китаем относительно общего толкования самой природы этого документа. Страны АСЕАН настаивали на том, что он является двусторонним соглашением, в котором с одной стороны выступает Китай, а с другой — АСЕАН в целом как международная организация. Китай заявил, что рассматривает Директивы только как общее соглашение 11 сторон друг с другом, а все возникающие споры необходимо решать только между теми, кого это касается, а не в формате один против 10. Не удалось получить согласия Китая и на то, чтобы все проблемы, возникающие при реализации Декларации-2002, предварительно рассматривались на встречах членов АСЕАН для предварительного согласования позиции.

² Chairman's Statement of the 13th ASEAN-China Summit. HaNoi, 29 October 2010. URL: <https://asean.org/chairmans-statement-of-the-13th-asean-china-summit/>

Как считает известный американский эксперт по ЮВА М. Валенсия, страны АСЕАН пошли на большую уступку Китаю, согласившись с этими его требованиями. Но это было необходимо, чтобы убедить Китай в том, что претендующие на суверенитет в ЮКМ страны (Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Бруней) не намерены использовать АСЕАН для устраивания «судилищ» над ним [Valencia 2011].

И все-таки им удалось добиться согласия Китая на то, чтобы все намечаемые проекты совместных действий в ЮКМ в рамках DOC-2002 предварительно утверждались саммитом АСЕАН — Китай и осуществлялись под его контролем, а о всех возникающих инцидентах в море и о спорах можно было докладывать очередному саммиту АСЕАН — Китай. Для АСЕАН и это был уже существенный шаг вперед.

В ноябре 2011 г. на очередном саммите стран АСЕАН на о. Бали лидеры государств договорились начать работу над текстом Кодекса пока внутри Ассоциации, чтобы подготовить основу для последующего обсуждения между АСЕАН и Китаем. Была создана контактная группа, которая провела семь раундов своих встреч. 24–25 июня 2012 г. на встрече старших должностных лиц (SOM) в Ханое они пришли к согласию по тексту и передали его на утверждение министров иностранных дел, которые собрались, как обычно, накануне очередной сессии АРФ, 12–13 июля в Пномпене. Но тут события неожиданно развернулись в обратную сторону.

Кризис в АСЕАН и инициатива Индонезии

В апреле 2012 г. всего через несколько дней после весеннего саммита АСЕАН разразился острейший кризис в отношениях Китая и Филиппин. Он был вызван попыткой филиппинских властей вытеснить десяток китайских рыболовных судов, занимавшихся, по их мнению, браконьерским ловом в лагуне Скарборо, которая находится к северо-западу от архипелага Спратли, в 124 милях от берегов филиппинского острова Лусон, т. е. в границах ИЭЗ Филиппин. Образуемая отмелями, обширная и безопасная лагуна Скарборо — традиционное место рыбной ловли для рыбаков Филиппин, Китая, Вьетнама и др. Китайские рыбаки призвали на помощь находившиеся неподалеку свои сторожевые корабли. Началась война нервов между Пекином и Манилой. Продолжавшееся два месяца противостояние завершилось в целом в пользу Китая, который, в конечном счете, закрыл для филиппинцев это излюбленное место промысла.

Расчеты Филиппин на солидарность других членов АСЕАН не оправдались. Кроме Вьетнама, в их поддержку почти никто не выступил.

Собравшиеся в июле 2012 г. в Пномпене министры иностранных дел стран АСЕАН в течение недели трудных дискуссий так и не смогли выработать общую позицию по ситуации в ЮКМ. В АСЕАН всегда многое зависит от политики государства, являющегося в порядке очередности председателем АСЕАН. В этом случае председателем была Камбоджа — одна из самых экономически зависимых

от Китая стран. Заведомо ожидалось, что Камбоджа не пойдет на то, чтобы бросить вызов Китаю — своему главному инвестору и донору экономической помощи. Камбоджийский министр иностранных дел категорически отверг то место в Коммюнике, где говорилось о событиях в районе островов Скарборо и о противоправных действиях Китая в ИЭЗ Вьетнама и Филиппин. В результате впервые за 45 лет существования АСЕАН участники не смогли принять общего Коммюнике по результатам встречи. В АСЕАН явно наметился серьезный раскол.

За поднятой в прессе шумихой вокруг этого кризиса остался незамеченным тот немаловажный факт, что министры все же успели согласовать между собой основные положения совместного проекта Кодекса поведения государств в ЮКМ, и это важное достижение тогда было проигнорировано в западных СМИ.

Стремясь преодолеть возникшую трещину в АСЕАН, тогдашний индонезийский министр иностранных дел Марти Наталегава приступил к «челночной дипломатии» между главными участниками спора. За несколько дней он побывал во всех странах АСЕАН. Это была беспрецедентная инициатива Индонезии, показавшей свое желание и способность на деле играть лидирующую роль в делах региона.

Усилия министра увенчались общим одобрением Заявления из 6 пунктов, которое было оглашено в Пномпене 20 июля 2012 г. Оно не только позволило АСЕАН «сохранить лицо», но и смягчило создававшуюся напряженность в регионе, хотя, по сути, в нем и не было ничего нового. Участники приняли следующие обязательства:

1. Полное выполнение Декларации о поведении сторон в ЮКМ (DOC).
2. Соблюдение Директив 2011 г. по выполнению Декларации-2002.
3. Скорейшее принятие Кодекса поведения сторон (COC).
4. Полное уважение общепринятых принципов международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS).
5. Сдержанность в спорах и неприменение силы.
6. Мирное решение споров в соответствии с общепринятыми нормами международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.³

В Китае это заявление было встречено в целом с одобрением. Через несколько дней после оглашения Заявления из 6 пунктов состоялся визит тогда министра иностранных дел КНР Ян Цзечи в Индонезию и Малайзию. В Джакарте он заявил на совместной пресс-конференции с М. Наталегава, что Китай готов работать с АСЕАН над реализацией Декларации на базе консенсуса, а также готов начать работу над Кодексом. Но в Малайзии совместной пресс-конференции уже не было, ввиду того что министр иностранных дел этой страны Анифа Аман выступил за то, чтобы страны АСЕАН до переговоров с Китаем сначала договорились между собой в тех случаях, когда их территориальные требования накладываются друг на друга [Thayer 2012].

Тем временем Индонезия продолжила взятую на себя инициативу. В сентябре 2012 г. в кулуарах сессии ГА ООН в Нью-Йорке М. Наталегава представил колле-

³ Statement of the ASEAN Foreign Ministers. Phnom Penh, Cambodia, 20 July 2012. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Documents-Series-2012.pdf>

гам по АСЕАН так называемый нулевой проект Кодекса, который, как сообщалось, был ими всеми одобрен. Он носил конфиденциальный характер, но для ряда известных экспертов, таких как австралийский профессор Карл Тэйер, все же были сделаны исключения⁴.

С его слов стало известно, что проект базировался на согласованных ранее ключевых элементах и Заявлении из шести пунктов. Но в нем был и целый ряд новых положений относительно прав и обязанностей сторон. А в целом разработанный Индонезией проект представлял значительное развитие и углубление позиции АСЕАН по намечаемому Кодексу.

Он состоит из трех частей. Преамбула подтверждает все ранее достигнутые договоренности и соглашения АСЕАН с Китаем. Во второй части содержатся оперативные нормы Кодекса, направленные на мирное решение споров и предотвращение их эскалации. В третьей части говорится об обязательстве сторон создать два механизма, обеспечивающих соблюдение Кодекса и разрешение споров, в том числе один на уровне министров, а другой на уровне экспертов для рассмотрения различий в толковании тех или иных положений Кодекса. Проект намечает, что сначала стороны, по взаимной договоренности, должны попытаться вместе достичь согласия на основе принципов Договора 1976 г. (ТАС), т. е. терпеливым поиском консенсуса. Но если это все-таки не удастся, они могут прибегнуть к помощи ООН или предусмотренных Конвенцией 1982 г. по морскому праву различных форм международного арбитража, посредничества и даже Морского трибунала.

В первом случае предлагается использовать существующий механизм в рамках действующего Договора 1976 г., который предусматривает образование, при необходимости, Высшего совета, уполномоченного предоставлять сторонам «добрые услуги», посредничество, расследование или примирение. К этому добавлено, что все участники каждые пять лет будут рассматривать действие этого механизма на министерском уровне и на базе консенсуса всех заинтересованных сторон.

Однако все эти элементы будущего Кодекса отражают позицию только одной стороны — АСЕАН, хотя полного единства мнений по этому проекту и в АСЕАН тоже не было. У Китая же были и остаются серьезные возражения. Он всегда отвергал оба предусмотренных в проекте механизма рассмотрения споров и постоянно заявлял, что готов участвовать в выработке Кодекса только в целях укрепления мер доверия в ЮКМ, а не для того, чтобы решать спорные вопросы о суверенитете, которые могут быть решены только непосредственно с заинтересованными странами на двусторонней основе.

И все же в 2013 г. появились первые признаки того, что усилия АСЕАН втянуть Китай в переговоры по Кодексу начали приносить плоды. Председательство в АСЕАН перешло к Брунею, а генеральным секретарем в свою очередь был избран заместитель министра иностранных дел СРВ Ле Лыонг Минь. Итоги прошедшего в апреле 2013 г. саммита АСЕАН в Брунее были достаточно успешными. Лидеры всех десяти государств решительно подтвердили приверженность основным прин-

⁴ URL: <https://www.seridd.com/doc/101698395/Thayer-ASEAN's-Code-of-Conduct-inofficial>

ципам АСЕАН, в том числе и Заявлению из шести пунктов. Опираясь на поддержку Индонезии и Вьетнама, султан Брунея задался целью (как оказалось, слишком оптимистичной) добиться подписания Кодекса уже к октябрю 2013 г., т. е. к 10-й годовщине Соглашения о стратегическом партнерстве Китая и АСЕАН.

В начале мая 2013 г. новый министр иностранных дел КНР Ван И нанес свои первые зарубежные визиты в Таиланд, Индонезию, Сингапур и Бруней, подчеркнуто игнорируя Вьетнам и Филиппины. Во время его пребывания в Джакарте было решено возобновить заседания Рабочей группы Китай — АСЕАН по проблемам реализации Декларации-2002 и там же начать консультации по проекту Кодекса. (В Китае всегда подчеркивали слово «консультации» в противоположность «переговорам» по ДОС-2002.) Одновременно в дополнение к ней была создана Группа видных деятелей (EPG) по 10 представителей от АСЕАН и Китая.

Таким образом, усилиями Индонезии, Вьетнама, Таиланда и Брунея была достигнута договоренность, что консультации с Китаем по Кодексу начнутся в Таиланде в августе 2013 г. на уровне генеральных директоров МИД. Китай дал на это свое согласие, и это было важным позитивным шагом китайского руководства, считавшего необходимым разрядить напряженность в регионе для продвижения своих грандиозных планов строительства Шелкового пути XXI века. В качестве условия перехода к Кодексу Китай поставил необходимость полного выполнения Декларации-2002, которую, по его мнению, грубо нарушали Филиппины и Вьетнам.

Вердикт Постоянного арбитражного суда в Гааге

До августа 2016 г. прошло 13 раундов консультаций, но заметного продвижения достигнуто не было. Китай не спешил связывать себя юридическими обязательствами, которые препятствовали бы строительству новых военных объектов на островах, разведке и добыче углеводородов в спорных районах моря. Мощным толчком послужил вердикт Постоянного арбитражного суда (Permanent Court of Arbitration, ПСА) в Гааге, вынесенный 12 июля 2016 г.

22 января 2013 г. после бесплодных переговоров с Китаем по поводу вышеупомянутого конфликта в районе отмели Скарборо Филиппины, в полном соответствии с Конвенцией ООН 1982 г. по морскому праву, возбудили иск против Китая в Постоянном арбитражном суде в Гааге⁵. Прежде всего, они поставили под вопрос утверждение Китая об «исторических правах» на воды, морское дно и ресурсы под ним в границах пресловутой «линии из 9 отрезков», за пределами того, что ему полагается по Конвенции 1982 г. Ссылаясь на свои суверенные права в их ИЭЗ, они добивались признания незаконными действия Китая, препятствующие промыслу филиппинских рыбаков в районе Скарборо.

Это сразу вызвало категорические возражения Пекина. 19 февраля 2013 г. Китай направил ноту правительству Филиппин, в которой изложил позицию по

⁵ URL: http://www.pca-cpa.org/showpage.asp?pag_id=1529

проблемам ЮКМ, решительно отклонил представленный Филиппинами иск и отказался сотрудничать с трибуналом, не признавая его юрисдикции. Одновременно началось давление на Филиппины по всем направлениям и лоббирование других стран АСЕАН с целью добиться отзыва иска Филиппин.

Слушания продолжались с перерывами три с половиной года и завершились единодушным принятием заключительного вердикта, который, в частности, гласит: «Требование Китая неких исторических прав и других суверенных прав или юрисдикции по отношению к участкам морской акватории Южно-Китайского моря, обозначенным “линией из 9 отрезков” (9DL), противоречат Конвенции 1982 г. и не имеет никакой юридической силы, ибо оно далеко выходит за географические пределы и границы полагающейся ему акватории моря»⁶.

Китай, как и ожидалось, немедленно объявил решения ПСА незаконными. В последние месяцы перед опубликованием вердикта китайские дипломаты, ученые и пропагандисты повсюду заявляли, что Китай не считает арбитраж легитимным и не намерен подчиняться его решению. У ПСА нет никакого механизма принуждения ответчиков к выполнению его постановлений. Тем не менее все действия Китая до и после вердикта ПСА показывают, что он был им крайне озабочен.

С принятием вердикта ПСА Китай был формально юридически лишен каких-то скрытых («исторических») полномочий в ЮКМ. И это несмотря на то, что официальные власти и ученые заранее заявляли, что никогда его не признают, потому что он был вынесен в отсутствие Китая. Хотя он сам не захотел защищать свои интересы в суде, и это было его правом.

Значение вердикта ПСА заключается в том, что он дал ясное толкование норм Конвенции 1982 г. (UNCLOS), а также всех других интересующих стороны вопросов на основе международного права. Он подтвердил право всех прибрежных государств пользоваться своими суверенными правами в отведенных им ИЭЗ и границах континентального шельфа. Вердикт также утвердил право свободы судоходства в международных водах и полетов над ними.

Хотя вердикт ПСА, несмотря на полную победу, после смены власти на Филиппинах был временно положен на полку, он принят судом единогласно, обжалованию не подлежит и сохраняет свое значение для других прибрежных государств. Да и Филиппины вовсе не отказались опираться на него в предстоящих переговорах с Китаем по проблемам ЮКМ.

Перспективы принятия Кодекса и его значение

Опубликование вердикта ПСА и реакция на него мирового общественного мнения, несомненно, подтолкнули китайских руководителей к активизации работы над Кодексом. С лета 2016 г. Китай резко изменил свою позицию по отношению к данному вопросу. Этому способствовали и такие факторы, как приход

⁶ URL: <https://docs.pca-cpa.org/2016/07/PH-CN-20160712-Award.pdf>

к власти нового президента Филиппин Р. Дутерте с его антиамериканскими заявлениями и стремлением к сближению с КНР, а затем и первые шаги тоже нового президента США Д. Трампа, вышедшего из Транстихоокеанского партнерства, больше всего озабоченного ядерной проблемой Северной Кореи и нуждавшегося в содействии Китая. Создавшаяся неопределенность в обстановке, складывавшейся в ЮВА, проявленная в этих условиях сдержанность стран АСЕАН по отношению к действиям Китая в ЮКМ давали основания рассчитывать на принятие такого Кодекса, который будет устраивать Китай и который можно будет противопоставить вердикту гаагского арбитража.

17 августа 2016 г. на встрече старших должностных лиц (SOM) в Китае участники договорились до середины следующего 2017 г. разработать «рамочный проект» СОС и одновременно установить «горячую линию» связи АСЕАН — Китай для использования при чрезвычайных происшествиях на море. Они также подписали заявление о применении в ЮКМ Кодекса поведения при незапланированных контактах на море⁷. Характерно, что все это происходило по инициативе Китая. На прошедшем в сентябре 2016 г. саммите АСЕАН — Китай в столице Лаоса Вьентьяне эти решения SOM были единогласно утверждены.

«Рамочный проект» — это еще не сам Кодекс, а только его «рамки», в которых выражены его структура и принципы, призванные определить все его основное содержание, в том числе соблюдение Конвенции 1982 г. по морскому праву, Декларации-2002 и Директив по ее претворению в жизнь 2011 г., географические границы его действия, юридическую обязательность для всех сторон, механизм контроля за соблюдением и др.

Важно, что при этом был установлен крайний срок, и все стороны проявили желание подписать документ, который обязывал их принять Кодекс. И это уже можно считать шагом вперед на бесконечно затягиваемых переговорах. 8 марта 2017 г. в кулуарах ежегодной сессии Конгресса народных представителей Китая министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что уже якобы разработан первый проект Кодекса. Однако через месяц после этого 4 апреля и.о. министра иностранных дел Филиппин Энрике Маноло сообщил, что две прошедшие в 2017 г. в Индонезии и Камбодже встречи (SOM) привели к сближению позиций «более чем по половине вопросов», что позволяет начать реальные переговоры по сути будущего «рамочного проекта», который предполагалось принять в августе на саммите АСЕАН — Китай⁸. Разница в этих двух заявлениях достаточно велика, но ясно, что переговоры по Кодексу все-таки сдвинулись с места. Чересчур оптимистичные заявления китайских представителей по поводу скорого принятия СОС были явно направлены на то, чтобы отвлечь внимание от предстоявшего вердикта ПСА, заведомо негативного для Китая.

⁷ Кодекс касается кораблей военно-морских сил и военной авиации стран-участниц. Он был подписан 21 государством в 2014 г. и подробно определяет порядок действий кораблей ВМС или военных самолетов при незапланированных встречах: порядок переговоров, используемые средства связи и частоты, порядок и очередность прохождения места незапланированной встречи и т.д.

⁸ ВВС на вьет. яз. 21.04.2017.

19 мая 2017 г. министр иностранных дел Филиппин Алан П. Каэтано заявил журналистам, что АСЕАН и Китай завершили работу над «рамочным проектом» Кодекса. Он не раскрыл его содержание. Проект будет передан еще на утверждение министрами иностранных дел АСЕАН и Китая, которые должны будут собраться на саммит в Маниле в августе 2017 г. Вместе с тем, отвечая на вопрос, филиппинский министр поставил под сомнение юридически обязывающий характер Кодекса, заявив: «Если это юридически обязывающее соглашение, то в какой суд должны обращаться его участники? И будут ли уважать решения этого суда государства, нарушившие Кодекс? Лучше начать с соглашения под честное слово»⁹.

Известный скандинавский эксперт Ян Стори (Ian Storey) в интервью агентству Associated Press 20 мая 2017 г. оценил договоренность АСЕАН с Китаем как небольшой шаг вперед на основе согласия, достигнутого в марте того же года. Но этот проект не обещает стать тем юридически обязывающим сводом законов, которого хотели страны АСЕАН, и потому его значение будет невелико.

Содержание «рамочного проекта» не разглашается, но он будет важным испытанием для АСЕАН. Главное — удастся ли Китаю включить в основополагающие принципы Кодекса свои так называемые исторические права в ЮКМ, откажется ли он от пресловутой «линии из 9 отрезков», которая фактически отводит ему 80% акватории моря? Согласится ли он включить Парасельские острова и омывающие их воды в сферу действия Кодекса? Примет ли он предлагаемый АСЕАН механизм контроля за соблюдением будущего Кодекса? Все это пока остается маловероятным.

Для Китая Кодекс поведения в ЮКМ — это инструмент удержания США и их союзников от вмешательства в проблемы ЮКМ под предлогом защиты свободы судоходства и сохранения региональной стабильности. Это также возможность сохранять контроль над территориальными спорами добиваясь их решения путем двусторонних переговоров, на чем неизменно настаивает Китай. Для десяти стран АСЕАН даже такая договоренность создает условия для того, чтобы не заходить слишком далеко в противостоянии Китаю в обстановке, когда США явно переносят центр тяжести своей политики из ЮВА в СВА. В новой неопределенной ситуации для них было важно стабилизировать сложившийся статус-кво.

После того как будет принят «рамочный проект», весь этот региональный свод правил и норм поведения сторон в ЮКМ будет согласовываться в деталях и постатейно в течение всего 2018 г., а затем он должен быть одобрен всеми участниками переговоров. Опыт прошедших десятилетий побуждает все-таки относиться к этим прогнозам с большим сомнением. Окончательный проект, скорее всего, займет еще много времени. АСЕАН и Китай давно договорились, что Кодекс может быть принят только на основе консенсуса, это означает, что любая страна из участников переговоров может отклонить проект, если он не будет отвечать ее интересам. Китай вряд ли будет торопиться. Достаточно длительный процесс позволит ему уверенно закрепиться на базах, строящихся на Парасель-

⁹ «Голос Америки» на вьет. яз. 20.05.2017.

ских островах и на семи искусственных островах в архипелаге Спратли. Переговоры АСЕАН с Китаем по Кодексу, похоже, просто не имеют конца. Они отвечают избранной китайской дипломатией тактике, получившей название «говорить и брать», что напоминает русскую поговорку: «А Васька слушает да ест».

Есть большие сомнения, что Китай вообще пойдет на принятие каких-либо обязательных для него правил. Он безраздельно владеет стратегической инициативой, и остановить его стремление к контролю над регионом ЮКМ может только он сам. Однако он может получить и немалые выгоды, если поддержит эффективный Кодекс поведения в ЮКМ. Это откроет путь к тесному сотрудничеству с прибрежными странами в осуществлении планов морского Шелкового пути, которым в Китае придают большое значение. Его имидж в регионе радикально улучшится, желание соседей втянуть США в этот спор уменьшится, а шансы ввязаться в конфликт исчезнут вообще.

Сомнительно, конечно, что Вьетнам, например, согласится принять такой проект Кодекса, который будет иметь силу только для части ЮКМ, исключая район Парасельских островов, аннексированных Китаем в 1956 и 1974 г. Но по опыту отношений стран АСЕАН с Китаем, которые там иногда называют «танцами со слоном», не следует исключать и возможности того, что они согласятся временно изъять из него все или многие положения, связанные с суверенитетом, которые в дальнейшем будут обсуждаться отдельно на других форумах, двусторонних или многосторонних. Это позволит принять некий временный свод правил поведения сторон в ЮКМ, при котором не будет ни победителей, ни побежденных. Именно такой вариант представляется наиболее вероятным в нынешней обстановке неопределенности в Юго-Восточной Азии. На протяжении уже почти трех десятилетий, несмотря ни на какие трудности, лидеры стран АСЕАН сохраняют канал для диалога с Китаем, чтобы шаг за шагом, укрепляя согласие и единство в своих рядах, добиться такого Кодекса, который они хотели получить с самого начала, или хотя бы близкого к нему.

Таким образом, Кодекс — это не решение всех проблем. Но даже при многих недостатках и компромиссах он может укрепить доверие и создать более благоприятные условия для их решения. Большое значение могли бы иметь меры доверия, направленные на сдерживание развернувшейся в регионе гонки вооружений. Они могли бы включать ограничение военных гарнизонов на островах и ненаращивание там вооруженных сил, открытость намерений друг друга, меры для избегания возможных ошибок и просчетов, договоренность о неразмещении на островах ракет и дальнобойной артиллерии, создание систем раннего оповещения на основе обмена информацией, создания «горячих линий» связи между руководством и отдельными ведомствами различных стран и т.д.

Принятие Кодекса значительно повысит роль АСЕАН в обеспечении безопасности в ЮКМ. В странах АСЕАН все еще надеются, что юридически обязывающий Кодекс побудит Китай воздерживаться от применения силы или других мер принуждения в решении споров в ЮКМ. Хотя утверждения, что Кодекс будет иметь обязательную силу для Китая, тоже проблематичны. Кодексы более применимы для организаций, межправительственных учреждений, агентств и т.п.

Для государств они срабатывают далеко не всегда. Национальное законодательство многих стран не рассматривает их как источник права. И все-таки, при всех сложностях и препятствиях, процесс, как говорится, пошел, хотя говорить, что в конце туннеля уже появился свет, еще рано. Путь к СОС будет весьма извилистым, но хоть в какой-то мере он позволит поддерживать баланс между великодержавными устремлениями Китая и интересами малых и средних государств региона, стремящихся получить от этого свои выгоды и собственную безопасность.

ЛИТЕРАТУРА

- Канаев Е.А.* Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М.: Готика, 2007. 322 с.
- Кобелев Е.В.* Южно-Китайское море — тлеющий очаг конфликтов // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. М.: ИД «Форум», 2010. С. 82–105.
- Локшин Г.М.* Южно-Китайское море: острова раздора // Азия и Африка сегодня. 2015. № 9. С. 2–8.
- Thayer C.A.* ASEAN's Code of Conduct in the South China Sea: A Litmus Test for Community Building? // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2012. Vol. 10. № 4. URL: <https://apjff.org/2012/10/34/carlyle-a-thayer/3813/article>
- Valencia M.J.* Beating the South China Sea Phoenix // The Diplomat. July 29, 2011.

НАПРЯЖЕННОСТЬ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ СОХРАНЯЕТСЯ

(Опубликовано в: Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.
2018. Т. 2. № 3 (40). С. 23–35.)

Информационное поле в Восточной и Юго-Восточной Азии в последнее время заполнено проблемами Северной Кореи и разгорающейся торговой войной между США и Китаем, усилившейся угрозой исламского терроризма в связи с событиями на Филиппинах и кризисом в Мьянме. Много писали о прошедших выборах в Малайзии и предстоящих в Камбодже. После 10 лет территориальных споров в Южно-Китайском море они на время как бы отступили в тень. Страны АСЕАН на время приглушили споры с Китаем в ЮКМ и пошли на ряд соглашений, включая участие в проекте «Один пояс, один путь».

Всё это, а особенно решение президента Филиппин Р. Дутерте положить на полку вердикт Постоянного арбитражного суда в Гааге от 12 июля 2016 г., оказало влияние на отношения АСЕАН с Китаем и привело к подписанию в августе 2017 г. «рамочного проекта» Кодекса поведения сторон в ЮКМ. Заключены также соглашения о «горячей линии» связи министерств иностранных дел и обороны ряда стран АСЕАН и Китая. Состоялись визиты в Китай руководителей Филиппин, Малайзии, Мьянмы и др., в результате которых ими получены обещания кредитов и инвестиций. Среди многочисленных соглашений, заключенных на Форуме открытия проекта «Пояс и путь» в Пекине 14–15 мая 2017 г., было немало соглашений со странами АСЕАН. На нем присутствовали главы восьми государств АСЕАН из десяти (кроме Таиланда и Брунея). Все это говорит о том, что Китай успешно расширяет сферу своего влияния в ЮВА.

Поэтому неслучайно прошедшие в ноябре 2017 г. в Маниле и в конце апреля 2018 г. в Сингапуре 31-й и 32-й саммиты АСЕАН на первое место ставили вопросы торговли, экономической интеграции и инноваций, а не проблемы безопасности в регионе. На саммите АТЭС в Дананге президент Филиппин Р. Дутерте заметил, что «с Китаем лучше не связываться, ибо никто не может объявить ему войну». А премьер-министр Сингапура Ли Сяньлун, выступая в Совете по междуна-

родным отношениям США 25 октября 2017 г., говорил: «Я хочу дружить и с американцами, и с китайцами и, если китайцы к этому готовы, я начну с них».

Тем временем избранный в ноябре 2016 г. новый президент США Д. Трамп, провозгласивший курс «Америка прежде всего!», сразу столкнулся с кризисом доверия в регионе. Выход США из Транстихоокеанского партнерства стал шоком для многих стран ЮВА. Прошедший в Дананге саммит АТЭС стал явным успехом китайской дипломатии, ставшей во главе противников политики протекционизма, объявленной Д. Трампом. Трудно припомнить другие времена, когда политика США в регионе вызывала бы одновременно столько вопросов по самым разным направлениям: от поворота к протекционизму в торговле до противоречивых зигзагов в политике по отношению к Китаю. В связи с этим авторитетный австралийский эксперт Карл Тэйер заметил: «Изоляционистский подход Трампа, с их точки зрения, означал передачу эстафеты руководства Си Цзиньпину и сигнализировал, что послевоенная эра американского превосходства стремительно сходит на нет»¹.

Если раньше (при Дэн Сяопине) Китай не считал себя готовым к роли лидера на региональном и глобальном уровнях, то прошедший в Дананге саммит АТЭС показал, что он начал уверенно выходить на эту позицию.

Страны ЮВА сделали свои выводы в соответствии с их традиционной стратегией «хеджирования рисков» в отношениях с великими державами. Ни одна из них не приемлет политическую систему Китая, но и не хочет иметь в лице Китая своего врага. Слишком асимметричны их экономики и военные потенциалы, слишком сильны позиции китайской диаспоры в этих странах. К тому же Китай уже несколько лет является их главным торговым партнером. Объем двусторонней торговли в 2016 г. составил 452 млрд долл. На саммите АСЕАН в Брунее в 2013 г. стороны договорились к 2020 г. довести объём взаимной торговли до 1 трлн долл. Похоже, это не получится, но роль главного экономического партнера останется за Китаем надолго. США оттеснены в торговле на 4-е место после Китая, ЕС и Японии.

Страны АСЕАН приглушили на время споры в ЮКМ и пошли на ряд соглашений, включая участие в проекте «Один пояс, один путь». Близки к завершению переговоры по Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП) при ведущей роли Китая. К этому надо добавить, что многим лидерам АСЕАН надоело слушать лекции Вашингтона о демократии и правах человека.

В августе 2017 г. был принят «рамочный проект» Кодекса поведения сторон в ЮКМ и в марте этого года во Вьетнаме начались переговоры уже по тексту самого Кодекса, хотя все с ним остается пока неясным и перспективы его принятия весьма туманны. Китай хочет превратить его в простое «джентльменское соглашение», тогда как Вьетнам настаивает на его обязывающем юридическом характере. Не определена география его будущего действия, не предполагается создание механизма для решения споров, остаются и другие проблемы. Сторонам предстоит пройти еще долгий путь к согласию, хотя Кодекс, даже если и будет принят, не касается проблем суверенитета в ЮКМ.

¹ URL: https://viet-studies.net/kinhte/Thayer_VNAnTiCorrupCaampaign.pdf

Так или иначе риск конфликта, усилившийся после принятия вердикта Постоянного арбитражного суда по морским спорам в Гааге в июле 2016 г., категорически отвергнутого Китаем, заметно уменьшился. Китай начал очередной раунд «дипломатии улыбок» и, демонстрируя «добрую волю», даже вступил в контакт с АСЕАН на многостороннем уровне, чего всегда всеми способами избегал. 30 октября 2017 г. у берегов китайской провинции Гуандун состоялись совместные учения ВМС шести стран АСЕАН и Китая, правда, без Вьетнама и Индонезии. На прошедшей в марте 2018 г. в Сингапуре встрече министров обороны АСЕАН и Китая стороны вновь договорились о проведении таких учений. Обстановка в спорных районах ЮКМ от всего этого, конечно, стала более спокойной. Стороны наблюдают друг за другом. Снижение риска возникновения нового конфликта стало важной частью политической повестки дня в 2017 г. Стороны договорились соблюдать принятые Правила поведения при незапланированных встречах на море, а затем и в воздухе. Намечены совместные учения ВМС Китая и АСЕАН в ряде районов ЮКМ по отработке методов борьбы с террористами и пиратами, а также спасения при катастрофах. Однако улучшение отношений требует еще много времени и усилий с обеих сторон.

Китай явно стремится добиться доверия соседей по ЮВА и их содействия грандиозному и долгосрочному проекту нового Шелкового пути XXI века или, как его называют кратко, Пояс и Путь. Китай предлагает странам АСЕАН начать «бриллиантовое десятилетие» совместного развития и сотрудничества. XIX съезд КПК и Всекитайское собрание народных представителей 12-го созыва заложили планы и породили в странах ЮВА некоторые надежды на десятилетия вперед, хотя и не рассеяли укоренившееся недоверие к Китаю и опасения его экспансии.

Остающиеся неразрешенными территориальные споры в Южно-Китайском море на время отошли как бы на второй план, хотя никуда не исчезли и не приблизились к своему решению. Основные движущие силы споров в ЮКМ, а именно: национализм, борьба за ресурсы, геополитические противоречия, к которым добавилось усилившееся соперничество Китая и США, остались неизменными. И вскоре оказалось, что китайское «наступление улыбок» в очередной раз было довольно кратким в двойственной политике КНР, которая в отношениях со своими соседями в ЮВА неизменно сочетает кнут и пряник, «мягкую силу» с ужесточением своих территориальных претензий в ЮКМ. За переговорами об инвестициях и кредитах, о заключении Кодекса поведения сторон в ЮКМ Китай продолжал начатую в 2014 г. программу наращивания территории искусственных островов на захваченных у Вьетнама и Филиппин семи рифах в архипелаге Спратли и на Парасельских островах. На них появились взлетно-посадочные полосы, там обнаружены китайские боевые самолеты, радарные установки и многие другие сооружения, превращающие их в непотопляемые авианосцы.

Единство АСЕАН после вердикта гаагского арбитражного суда было основательно подорвано. Сказалось резкое изменение политики Филиппин с избранием президента Р. Дутерте, сразу отказавшегося настаивать на выполнении выгодного им вердикта и начавшего двусторонние переговоры и активное экономическое сотрудничество с Китаем. Сказались и перемены в политике США в ЮВА. Сам-

миты АСЕАН в Маниле в апреле и ноябре 2017 г. принесли заметный успех китайской дипломатии. Ряд правительств стран АСЕАН, как известно, давно хотели снизить напряженность в отношениях с Китаем. Есть признаки, что и Ханой несколько скорректировал свою политику в ЮКМ, делая акцент на большее вовлечение Китая в совместные проекты сотрудничества, особенно в заливе Бакбо. Опыт, однако, говорит о том, что каждый раунд китайской «дипломатии улыбок» часто сменяется его новой экспансией и ужесточением позиций, что вскоре и произошло с теми же Филиппинами и Вьетнамом. Китай практически сохранил за собой контроль в районе Скарборо. Он решительно воспрепятствовал попыткам Филиппин построить какие-либо свои сооружения на принадлежащем им острове Титу и пригрозил войной в случае, если они начнут в одностороннем порядке эксплуатацию газовых и нефтяных месторождений в их ИЭЗ в ЮКМ. В июле 2017 г., по категорическому требованию Китая, Вьетнам был вынужден прекратить разведывательное бурение на газ тоже в своей исключительной экономической зоне, но в спорном районе ЮКМ в архипелаге Спратли в пределах проведенной Китаем пресловутой «линии из 9 отрезков», или «линией коровьего языка», как ее называют во Вьетнаме. Самое важное, что это тоже было сделано после открытой угрозы Китая применить силу против вьетнамских объектов на Спратли. Такого раньше еще никогда не было. Тогда же Китай заявил протест против решения Вьетнама продлить соглашение с Индией о передаче в лизинг компании ONGC блока № 128 на своем шельфе в ЮКМ. Ситуация повторилась в марте 2018 г. на соседнем блоке в том же архипелаге Спратли.

Вьетнам готовится заключить контракт на разработку крупнейшего газового месторождения с американской Exxon Mobil у берегов Центрального Вьетнама, оцениваемый в 4,6 млрд долл. Запасы там велики и оцениваются в 150 млрд куб. м, что в два раза больше самого крупного месторождения, которое эксплуатируется в настоящее время. Это месторождение расположено в 80 км от берега. Китай тоже претендует на это месторождение и ведет там свою разведку на газ, хотя этот блок ближе к берегу Вьетнама и в пресловутую «линию из 9 отрезков» явно не входит, хотя ее границы до сих пор так и не обозначены. Китайская компания CNOOC уже давно объявила тендер на аренду 22 участков, находящихся в ИЭЗ Вьетнама. Вьетнам тоже пригласил различные компании Индии и Франции участвовать в разведке месторождений. Китай пытается оказать на них давление, угрожая их интересам в самом Китае. 9 апреля Exxon Mobil выступила с заявлением, что «будет выполнять все коммерческие соглашения с правительством Вьетнама».

Угроза Китая применить силу увеличивает риск для всех иностранных компаний, работающих по контрактам с Вьетнамом и Филиппинами, включая и американскую Exxon Mobil. Некоторые вынуждены уходить из ЮКМ. Пока нет никаких сообщений по поводу давления Китая на российские компании «Роснефть», «Лукойл» и «Газпром», которые тоже добывают нефть и газ на шельфе Вьетнама. В 2015 г. такие попытки были, но затем прекратились. Газ является главным энергоресурсом Вьетнама. На него переходят многие ТЭЦ. Таким образом, Вьетнам вновь столкнулся с преградой для своего экономического развития.

В июне прошлого года напряженность в отношениях с Вьетнамом сильно возросла. Заместитель председателя Военного совета КНР генерал Фан Чаньлун прервал свой визит в СРВ в ответ на отказ прекратить работы на шельфе. Китайская сторона обвинила Вьетнам в нарушении договоренности о соблюдении статус-кво в спорных районах ЮКМ. Вьетнам пошел на уступки, учитывая приближавшийся саммит АТЭС в Дананге и нежелательность нового кризиса в отношениях с Китаем в этот момент.

Стратегические интересы Китая в ЮКМ остаются неизменными. Китай, скорее всего, будет и дальше двигаться на юг и укреплять свои позиции в отмели Скарборо. Размещение радарных установок и ракетных вооружений показывает, что все идет к завершению подготовки к объявлению в ЮКМ Зоны обязательно-го воздушного оповещения (ADIZ), наподобие той, что была введена в 2013 г. в Восточно-Китайском море.

Все, что строит и размещает Китай на островах в ЮКМ, является не чем иным, как открытой милитаризацией. Хотя по содержанию этого понятия среди ученых имеются разные мнения, но милитаризация островов в ЮКМ продолжается усиленными темпами. Не отстает и Тайвань на занимаемом им самом большом острове Тайпиндао в архипелаге Спратли. Начали укреплять свои посты на них Вьетнам, Филиппины и Малайзия. Индонезия наращивает свои вооруженные силы на островах Натуна.

Заметно участились маневры ВМС Китая в ЮКМ. В апреле Китай провел четыре таких учения со стрельбами боевыми снарядами — 10 апреля 2018 г. около своего самого южного острова Хайнань, где в это время проходил представительный международный форум по проблемам безопасности «Диалог Боао». Китай собрал все свои современные военные корабли и атомные подводные лодки для самой большой в истории страны демонстрации силы в ЮКМ. На борту 48 кораблей, включая первый авианосец «Ляонин», находилось более 10 тыс. моряков. В маневрах с десантом и стрельбой боевыми снарядами приняли участие 76 самолетов. Командовал учениями сам Председатель КНР Си Цзиньпин.

Тогда же США опубликовали спутниковые снимки крылатых противокорабельных ракет и ракет ПВО с радиусом действия в 200–300 км, развернутых Китаем на трех его искусственно созданных островах на рифах Суби, Мисчиф и Огненный крест в южной части архипелага Спратли. Это в самом центре ИЭЗ Филиппин, примерно в 200 км от острова Палаван. Такие же ракеты установлены Китаем севернее, на самом большом из Парасельских островов Вуди. Вместе с базирующимися там самолетами они позволяют держать под контролем все коммуникации ЮКМ.

Возобновились и операции ВМС США по свободе судоходства (FONOP). Они заключаются в так называемом мирном проходе американских эсминцев через зону ближе 12 миль вокруг китайских искусственных островов. В ответ раздаются предупреждения и угрозы китайских постов и поднимаются китайские самолеты. В прошлом году таких проходов было четыре. Отныне они проводятся ежеквартально, но без большой шумихи. Попытки привлечь к ним Австралию не удалось. Эти явно провокационные операции сильно напоминают акцию эсмин-

ца «Мэдокс» в 1964 г. в Тонкинском заливе, после которой последовала 9-летняя война.

Одновременно продолжается наращивание военного присутствия США в регионе. В акватории ЮКМ появились авианосцы США в сопровождении целых флотилий боевых кораблей. Все чаще там проводят учения и крупные военные корабли Китая, Японии, Англии, Франции и Австралии. Характерно, что в тот же день 10 апреля 2018 г., когда в северной части ЮКМ проходил смотр боевых сил ВМФ НОАК, американский авианосец «Теодор Рузвельт» тоже проводил учения в ЮКМ на пути из Сингапура на Филиппины. Более 20 самолетов отрабатывали взлет и посадку. А накануне этот же авианосец провел учения с сингапурскими военными кораблями. За месяц до этого, 5–7 марта, большое внимание привлек другой крупнейший авианосец США «Карл Винсон», впервые после войны США во Вьетнаме пришедший с «визитом вежливости» в Дананг в сопровождении эскорта боевых кораблей США. Как всегда, радушный прием, оказанный вьетнамскими властями американским морякам, стал еще одним красноречивым посланием Пекину с напоминанием, что с Вьетнамом лучше все-таки дружить и сотрудничать, чем нагнетать враждебность. На лето запланированы самые большие учения в Тихом океане «Римпак-2018». Они проводятся с 1970 г. Впервые в них будут участвовать Бразилия, Шри-Ланка, Израиль и Вьетнам. Вьетнам предпочел бы иметь куда более гармоничные, стабильные и взаимовыгодные отношения с Китаем, но территориальные споры в ЮКМ все чаще погружают отношения между двумя странами в состояние кризиса.

Инциденты в ЮКМ стали реже, но не прекращаются, особенно в районе Парасельских островов между китайскими сторожевыми кораблями и вьетнамскими рыбаками. 23 марта и 20 апреля 2018 г. в этом районе два китайских сторожевых корабля в очередной раз потопили рыбацкие шхуны из провинции Куангнгай. Рыбаков спасли другие вьетнамские корабли. Автору этих заметок вместе с профессором Д.В. Мосяковым пару лет назад довелось побывать на о. Лисон, что в 30 милях от Куангнгай. Нетрудно было убедиться, что подобные действия китайских сторожевых служб представляют угрозу голода для миллионов жителей прибрежных районов Центрального Вьетнама. С 1 мая Китаем вновь в одностороннем порядке введен мораторий на рыбную ловлю в зоне севернее 12-й параллели, включая Скарборо и Парасельские острова. Каждый год это ведет к росту напряженности в регионе.

Все упирается в пресловутую «линию из 9 отрезков». 22 апреля гонконгская газета South China Morning Post сообщила, что китайские ученые получили задание разработать новую «линию коровьего языка», как ее называют во Вьетнаме. И группа ученых из Клуба географических наук Гуанси-Чжуаньского автономного района эту карту опубликовала, ссылаясь на якобы «открытую» ими карту 1951 г. Только на этот раз она состояла не из девяти или десяти отрезков, как раньше, а прошла сплошной линией от залива Бакбо (Тонкинского) через ИЭЗ Вьетнама, Малайзии, Индонезии, Филиппин, Брунея и завершилась на юго-востоке о. Тайвань. Речь идет о превращении этой линии в официальную границу Китая. Опубликовавшие новую карту границ Китая ученые утверждают

ют, что она «доказывает» бесспорный суверенитет Китая в границах его «территориального моря» в ЮКМ. Пока это «открытие» китайских географов официального подтверждения Правительства КНР не получило. Но сам факт показателен, так как подобные публикации по собственной инициативе в Китае практически невозможны. Он говорит о том, что в противовес вердикту гаагского арбитражного суда Китай вновь выдвигает свою альтернативную правовую доктрину, известную под названием «4 ша» (Донгша, Сиша, Наньша и Чжунша), которая утверждает, что все эти четыре группы островов ЮКМ составляют один архипелаг со своими границами, суверенитетом и требует соответствующей 200-мильной ИЭЗ вокруг своей территории. Источники в Пентагоне тут же сообщили, что эта «новая» доктрина выдвигалась МИД КНР на встрече с Госдепом США в августе 2017 г. Очевидно, что доктрина «4 ша» не имеет ровно ничего общего с международным правом и не несет никакой юридической силы.

С приходом к власти Д. Трампа в США начали создаваться новые стратегические рамки политики в Азии, которые отличаются по масштабам, главному направлению и партнерам, но не по целям, оставшимся неизменными — сдерживание роста Китая и сохранение своего доминирующего влияния. Если Б. Обама много говорил о «развороте» политики США в АТР, но мало что для этого сделал, оказавшись втянутым в другие события, то Д. Трамп решил от слов перейти к делу и этот «разворот» действительно осуществить. Эта наглядно показала представленная им на саммите АТЭС в Дананге доктрина «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», как и сопровождающие ее попытки формирования нового военного блока «четверки» — США, Японии, Индии и Австралии. Эти попытки, во-первых, совсем не новы, а во-вторых, являются не американскими, а 10-летней давности японскими. Но главное — они представляют собой совсем неубедительный ответ США на укрепляющиеся позиции Китая в регионе и его проект «Один пояс, один путь».

Изменение названия региона стало идеологическим прикрытием включения второй крупнейшей державы Азии — Индии. До создания военного блока по модели НАТО для Азии еще далеко, но, как говорят в Китае, долгий путь начинается с первого шага. Был ли он уже сделан или еще нет, покажет время. Во всяком случае, можно заключить, что обстановка в ЮКМ в основном пока стабильна, но остается сложной и взрывоопасной. Все наблюдатели признают, что Китаю удалось изменить баланс сил в ЮКМ в свою пользу и продвинуть далеко вперед свой контроль там. АСЕАН все более втягивается в орбиту Китая. Он явно добивается успеха в установлении своей сферы влияния в ЮВА, включая контроль над важнейшими стратегическими коммуникациями в ЮКМ.

Создававшаяся головоломка в ЮКМ за последние месяцы отнюдь не приблизилась к своему решению. Напротив, она, скорее, подошла к своему еще более трудному этапу. Приближается новая фаза напряженности, хотя внешне, кажется, все не так опасно. Стратегические перемены ускорились и явно в неблагоприятном направлении для стран АСЕАН, что влияет на их возможность отстаивать свои интересы и сопротивляться давлению со стороны великих держав.

Ситуация в соперничестве Китая и США в ЮКМ далеко не идеальная, но на данный момент она стала тем, что называется «новой нормальностью». Демонстрации силы сторон становятся привычными. Однако военное столкновение остается маловероятным. США нужна контролируемая напряженность, Китаю — мобилизация националистической сплоченности народа. Ни Китай, ни США войны не хотят, да и не могут себе позволить зайти слишком далеко, учитывая огромную экономическую взаимозависимость при всех противоречиях. Обе страны хотят использовать напряженность в горячих точках региона для повышения своего влияния и роста доходов. США будут продолжать критиковать политику Китая и убеждать всех других в «справедливости позиции США».

США все более настойчиво подталкивают страны АСЕАН в задуманный ими новый блок против Китая путем возрождения «квартета четырех держав» и доктрины Индо-Тихоокеанского региона. Но ни одна страна АСЕАН не хочет, да и не может выбирать между Китаем и США. Все хотят американских инвестиций, доступа на американский рынок, к американским университетам, американским технологиям и т.д. Они хотят, чтобы США оставались в ЮКМ как противовес экспансии Китая, но в ужасе от возможного конфликта США с Китаем. «Далекой водой не потушить близкий пожар», — гласит вьетнамская пословица. Они все заинтересованы в сохранении свободы судоходства в ЮКМ, но при этом уклоняются от содействия не очень скрываемой цели США — закрыть усиливающиеся ВМС Китая за первой линией островов, не выпуская их на просторы Тихого и Индийского океанов. Точно также Китай надеется вытеснить американские корабли за первую, а затем и за вторую линию островов как можно дальше от своих берегов и от Тайваня. В целом на прошедшем в апреле 32-м саммите АСЕАН преобладали примирительные ноты в отношении споров с Китаем. Президент Р. Дутерте даже призвал к скорейшему заключению соглашения с Китаем о совместном использовании ресурсов ЮКМ.

Внешне все выглядит так, что Россия весьма далека от споров в ЮКМ и ничем с ними не связана. Она делает все возможное, чтобы не быть втянутой в этот спор двух ее стратегических партнеров — Китая и Вьетнама. Однако за фасадом неучастия и невмешательства происходят крупнейшие сделки в энергетике и крупные поставки вооружений в обе спорящие страны. Это доказывает общеизвестный факт, что у России как великой тихоокеанской державы есть свои и очень важные стратегические интересы в этом регионе.

Политика России в ЮКМ носит двойственный характер, отражая столкновение двух противоположных направлений политики великой державы на глобальном и на региональном уровнях. На глобальном уровне требуется системное балансирование с целью контроля и блокирования сильнейшей державы в этой системе — США. На региональном уровне она кровно заинтересована в сохранении мира и безопасности и в развитии экономического сотрудничества как с Китаем, так и с Вьетнамом и другими странами АСЕАН, без которого невозможно решение важнейшей стратегической задачи — подъема и развития наших регионов Сибири и Дальнего Востока.

В интересах России поддерживать стремление Вьетнама и АСЕАН к сохранению единства, независимости и своей главной роли в регионе — асеаноцентричности. Взятый администрацией Д. Трампа курс на создание четырехстороннего антикитайского альянса США, Японии, Индии и Австралии, как и его доктрина Индо-Тихоокеанского региона ставит прежде всего Вьетнам и другие страны АСЕАН в слишком опасное положение на передовой линии этого фронта. Это никак не отвечает интересам Вьетнама. Как и другие страны АСЕАН, он не намерен вмешиваться в противоборство США и Китая, реально рискуя стать побочной жертвой этой «битвы слонов». Вьетнаму приходится проявлять величайшую гибкость и осторожность, чтобы избежать превращения в разменную монету или пешку на шахматной доске их геополитики.

Вьетнам и Филиппины отклонили предложение Д. Трампа о посредничестве в спорах с Китаем. Официально они воздерживаются от критики новой доктрины США в Азии, заняв выжидательную позицию, как и другие страны АСЕАН. Пока неясно, получится ли у США и Японии создать новый военный блок. В документах прошедших в этом году различных форумов АСЕАН в Сингапуре в изложении их известной позиции по проблемам ЮКМ, по инициативе Вьетнама появился новый акцент на принцип «опоры на собственные силы». И это делается в противовес попыткам США втянуть Вьетнам и страны АСЕАН в формирующийся антикитайский альянс.

В создавшейся обстановке интересам России больше отвечает становление Вьетнама как влиятельного регионального игрока, проводящего независимую внешнюю политику, чем его подчинение той или иной стороне в китайско-американском противостоянии. В связи с этим было бы полезным оказание более активной поддержки провозглашаемой им политики «трех нет», которая означает: неучастие в военных блоках, неразмещение иностранных военных баз на своей территории, невступление ни с одной страной в военный союз против другой.

Одним из существенных направлений этой политики могло бы стать повышение активности России в многосторонних институтах АСЕАН, прежде всего в Восточноазиатском саммите и в регулярных встречах министров обороны АСЕАН и их партнеров по диалогу (ADMM+). Сейчас под председательством Сингапура в АСЕАН появляются возможности повышения роли этих институтов. Таким образом, представляется желательным более активное участие России в ADMM+, а главное — участие в предстоящем саммите ВАС в Сингапуре президента РФ, который еще ни разу на нем не был, и его выступление против опасного курса США на поляризацию сил в Азии имело бы большое международное значение. При этом оно, скорее всего, получит поддержку и с китайской стороны.

Получилось, что президент услышал наше мнение и в Сингапур на саммит АСЕАН прилетел.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО КИТАЯ С США В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

(Опубликовано в: Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 1. № 2 (43). С. 54–73.)

Очаг международной напряженности

Все последние годы в центре мировой политики остаются события на Ближнем и Среднем Востоке и на юго-востоке Украины. При этом уже достаточно ясно, что они вряд ли станут детонатором мировой войны, как это произошло на Балканах сто лет назад. Парадокс заключается в том, что при всей их взрывоопасности основная линия геополитического напряжения пролегает уже не здесь, а именно в Восточной Азии и АТР. Вместе с перемещением центра мировой экономики и политики сюда пришли и серьезные противоречия и проблемы. Главное отличие АТР от всех других регионов — это наличие системного, набирающего силу противоречия двух сверхдержав — США и КНР. Причем оба государства считают его «своим». «Старый» лидер (США) яростно борется за сохранение своих до недавнего времени господствующих позиций, а новый, «молодой» (Китай), не менее энергично пытается его вытеснить и занять его место. Противостояние Китая и США в Южно-Китайском море (ЮКМ) — это часть их общей борьбы за доминирование в АТР, а теперь и в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) в целом. Для США это попытка сохранить установившийся там после Второй мировой войны порядок, который называли в прошлом «Пакс Американа», против явно идущего ему на смену китаецентричного «Пакс Синика».

Отношения Соединенных Штатов и Китая, двух крупнейших мировых держав, которые находятся в состоянии странного симбиоза — политического, а постепенно и военного соперничества при неразрывной финансово-экономической взаимозависимости, определяют обстановку в АТР вообще и в регионе ЮКМ в особенности. В последнее время он все больше превращается в один из самых конфликтных регионов мира, где соперничество Китая с США и Японией наложило на давние территориальные споры Китая, прежде всего, с Вьетнамом и Филиппинами, а также с Малайзией, Брунеем и частично с Индонезией. К этому надо добавить и Тайвань, в основном разделяющий претензии КНР. В этих усло-

виях ЮВА стала ареной стратегического соперничества двух держав, а Вьетнам, Филиппины, Таиланд и другие, естественно, превратились в объект их дипломатических маневров. И как в недавнем прошлом Германия на долгие годы стала линией фронта в холодной войне, так и через акваторию ЮКМ может пройти линия фронта новой холодной войны на предстоящие десятилетия. Естественно, это будет совсем другая холодная война, без прежнего идеологического антагонизма (Китай не помышляет о победе коммунизма во всем мире), но не менее опасная для всего человечества.

Ужесточение политики Китая в зоне ЮКМ стало в определенной мере подарком для США, к этому времени значительно утратившим прежнее влияние в АТР. В среднесрочной перспективе должен решиться вопрос, смогут ли США и Китай выработать некий *modus vivendi* между собой в ЮВА, как и в АТР в целом. Главная проблема американо-китайских отношений в ЮКМ — глубокое взаимное недоверие, которое ведет к просчетам. Между ними до сих пор нет «горячей линии» связи ни на каком уровне.

В статье, опубликованной в декабре 2018 г., американский журнал *National Interest* прямо назвал ЮКМ одним из пяти мест в мире, где может начаться третья мировая война. А 29 января 2019 г. авторитетная сингапурская газета *Straits Times* привела оценки американской разведки, которая предсказывала наращивание военного присутствия ВМС Китая в ЮКМ и строительство там его новых военных баз, которые бывший командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Гарри Харрис назвал новой «Великой китайской стеной из песка» в ЮКМ, а в прессе их назвали «непотопляемыми авианосцами» Китая.

Индо-Тихоокеанская доктрина президента Д. Трампа

Сложившаяся в прошлом веке коалиция предпринимателей и политиков, последовательно лоббировавших установление добрых отношений с Китаем, за последние десять лет растворилась, уступив место критикам Пекина, который не пускает их на свой рынок и беззастенчиво ворует их интеллектуальную собственность. Решимость США сохранить свое лидерство в АТР, а также свои немалые инвестиции в странах региона формирует их все более жесткую позицию в отношении Китая.

Все главные инициативы последних лет («разворот» Б. Обамы в АТР, Транстихоокеанское партнерство 12 государств АТР и др.) имели своей целью сдержать Китай и не допустить его доминирования в Азии. Ту же цель имеет и взятая Д. Трампом напрокат у японского премьер-министра С. Абэ доктрина четырехстороннего альянса («квартета») США, Австралии, Индии и Японии.

С. Абэ еще в 2007 г., выступая в парламенте Индии, настойчиво призывал к партнерству этих четырех стран в строительстве так называемой оси свободы и процветания. В ответ на подъем авторитарного Китая, по его словам, самая богатая демократия Азии (Япония), самая многочисленная по населению (Индия) и самая большая по территории (Австралия) вместе с США должны приступить

к регулярным консультациям по вопросам безопасности. Такие консультации, как известно, не раз приводили к созданию военных союзов.

Тогда Китаю удалось воспрепятствовать формированию этого «квартета». Но через десять лет к этой инициативе вернулись. С. Абэ первым из всех глав государств встретился с Д. Трампом в феврале 2017 г., сразу после его вступления на пост. Ему не удалось изменить решение Трампа выйти из соглашения о ТТП, но легко удалось убедить его в необходимости строить политику США в Азии в тесном союзе с Японией.

Так старое японское саке оказалось в новом американском кувшине. 10 ноября 2017 г. на саммите АТЭС в Дананге президент США начал свою речь словами: «Я прибыл во Вьетнам — в самый центр Индо-Тихоокеанского региона...» В итоге вышло так, что саммит АТЭС в Дананге оставил после себя новую политическую карту Азии, на которой Тихий и Индийский океаны образовали единый Индо-Тихоокеанский регион. И это, действительно, был не просто риторический экзерсис, не случайная словесная альтернатива признанному названию региона — Азиатско-Тихоокеанский. Он добавил в него весь Индийский океан вплоть до восточных берегов Африки. Как вскоре выяснилось, именно так обозначается Тихоокеанским командованием США район его ответственности — от Японии на Востоке до Индии на Западе. Изменение названия стало идеологическим прикрытием попытки включения второй крупнейшей державы Азии — Индии — в противостояние Китаю.

Таким образом, на саммите АТЭС в Дананге Д. Трамп огласил свою доктрину региональной безопасности, основанную на четырехстороннем союзе США, Японии, Индии и Австралии. С тех пор прошло уже несколько консультаций представителей «четверки», проведено несколько совместных учений ВМС, но весь процесс затормозился в связи с неопределившейся позицией Индии, которая явно не торопится отказываться от своей традиционной политики неприсоединения, а также из-за сдержанного отношения стран АСЕАН, большинство которых заняли позицию настороженного выжидания.

До создания военного блока по модели НАТО для Азии, как видно, еще далеко, и все участники «квартета» категорически отказываются признавать, что дело идет именно к этому. Но, как говорят в Китае, долгий путь начинается с первого шага. И он был сделан, хотя пока еще не очень твердо и уверенно.

Целая серия принятых в последнее время администрацией Д. Трампа документов свидетельствует, что США склоняются на этом направлении к «игре с нулевой суммой». В Национальной стратегии безопасности 2017 г. говорилось о том, что Китай бросает серьезный вызов «американскому могуществу, влиянию и интересам в Индо-Тихоокеанском регионе и во всем мире». Такой же подход выражен и в последующей Национальной стратегии обороны 2018 г. Оба документа не жалеют самых жестких выражений для подчеркивания «китайской угрозы». За этим последовало известное выступление вице-президента М. Пенса, ряд заявлений государственного секретаря М. Помпео, советника по безопасности Дж. Болтона и др. Все начинались и заканчивались одним — корабли и самолеты США ходили и летали и впредь будут ходить и летать там, где это разрешено

международным правом и потребуются интересами США, а американские фирмы добывали и будут добывать нефть и газ на шельфе стран ЮКМ в полном соответствии с Конвенцией ООН 1982 г., которую, правда, США в отличие от подавляющего большинства государств мира, до сих пор не ратифицировали.

Пентагон усилил развертывание сил в западной части Тихого океана и значительно активизировал свои сдерживающие действия в ЮКМ. Заметно возросло число операций FONOP¹. В 2017 г. их было всего четыре. В 2018 г. стало уже больше, а с начала 2019 г. они становятся практически ежемесячными. С октября 2015 по май 2019 г. прошло уже 15 таких операций. К этому следует добавить участвовавшие полеты над ЮКМ американских бомбардировщиков Б-52. Так что идет постоянная «игра мускулами». В 2018 г. США провели самые большие в мире международные учения ВМС — RIMPAC. В 2014 и 2016 г. в них участвовал и Китай. В прошлом году администрация Д. Трампа отозвала приглашение Китаю, рассматривая его действия в ЮКМ как «несовместимые с целями и принципами учений RIMPAC».

Вашингтон занял более активную позицию в восстановлении и расширении сотрудничества со своими союзниками и партнерами. Особое внимание привлекло развитие отношений с Вьетнамом, с которого были сняты все ограничения на продажу вооружений. В марте 2018 г. крупнейший авианосец США «Карл Винсон» совершил исторический заход в порт Дананг. Это было впервые после войны, когда такой корабль в сопровождении целой эскадры зашел в порт, служивший главной базой США в годы войны.

США обратились и к своим европейским союзникам с призывом присоединиться к их патрульным операциям в ЮКМ, но пока на это откликнулись только Англия и Франция, направившие осенью 2018 г. свои авианосцы для прохода через ЮКМ и Тайваньский пролив. Все остальные до последнего времени от этого воздерживались.

Стратегические цели и интересы Китая в ЮКМ

Усиление напряженности в ЮКМ в текущем десятилетии в представлениях китайских политологов и пропагандистов стало результатом «разворота» США в АТР, начатого при президентстве Б. Обамы, и того, что малые и средние государства региона якобы почувствовали поощрение со стороны США и стали предъявлять свои завышенные права и территориальные требования к Китаю. И хотя ужесточение политики КНР в регионе началось задолго до этого «разворота», никакие уверения американских политиков, что он никак не направлен против Китая не смогли ослабить убеждения китайского руководства в противном.

В военном отношении западная часть Тихого океана имеет особое значение для Китая, который пытается вырваться из закрытой коробки (зоны) с домини-

¹ FONOP — операции по свободе судоходства, состоящие в целенаправленном проходе военных кораблей США через территориальные воды вблизи от искусственных островов Китая в архипелаге Спратли.

рованием США на море и в воздухе. Отсюда в значительной мере и проистекают многие конфликты в ЮКМ. Провозглашенный при президенте Б. Обаме «разворот в Азию», конечно, подтолкнул Китай принять меры против возможных неприятностей со стороны США в этом регионе.

«Ключевой интерес», как называют его китайские политики, — это Тайвань. Китай полон решимости блокировать действия военных судов США, которые потенциально могут воспрепятствовать его возможной операции по воссоединению с Тайванем в случае силового воздействия, а также способны перекрыть его торговое судоходство со странами Ближнего Востока и Центральной Азии через ЮКМ.

Китайская стратегия направлена на нейтрализацию угроз нападения с моря и с воздуха. Она строится на стратегии создании закрытых для нападения зон (Anti Denial/Anti Access Strategy). Перед НОАК поставлена задача к 2020–2025 гг. оттеснить американские военные корабли за пределы так называемой первой цепи островов, которая проходит от Японии через Тайвань к Филиппинам. Далее речь идет уже о выходе в открытый океан и о «второй цепи» островов от той же Японии до о. Гуам. Цель состоит в том, чтобы лишить США возможности безнаказанно проводить операции в этих зонах, где они всегда должны быть в пределах досягаемости для китайских береговых и корабельных ракет.

Китайские военные строят на месте семи оккупированных ими рифов в архипелаге Спратли искусственно насыпанные земснарядами острова, размещают на них взлетно-посадочные полосы (ВПП), склады, радары, пусковые установки ракет и другие современные вооружения, совершают регулярные полеты своих бомбардировщиков с посадкой на островах, но одновременно Пекин утверждает, что все это делается исключительно в мирных целях и отрицает, что все построенные военные объекты и сооружения могут быть использованы в военных целях.

ЮКМ имеет в ширину несколько сот миль и не кажется на первый взгляд горлышком бутылки, как Суэцкий канал или Малаккский пролив. Но Китай уже выстроил на трех из семи искусственных островов ВПП, способные принимать любые самолеты, разместил на некоторых из них установки для запуска ракет ПВО и противокорабельных. Так, например, на рифе Огненный крест в западной части архипелага Спратли все работы уже давно завершены. И они позволяют Пекину овладеть стратегическим ключом к одному из самых главных торговых путей на планете.

Военное строительство Китая на искусственных островах в ЮКМ уже достигло, как считают многие эксперты, «точки невозврата». Все это готовит возможность для объявления ЮКМ полностью или частично зоной ADIZ², как это произошло в Восточно-Китайском море в 2012 г. По сути, эти действия направлены на то, чтобы превратить ЮКМ в «стратегический пролив» под своим полным контролем.

Китайские рыбаки уже не первый год ведут гибридную «народную войну» в ЮКМ. Это третий элемент ВМС Китая — вооруженная армада рыболовецких судов, самая большая морская милиция в мире. Значительная часть китайских допризывников готовится к армии в качестве будущих «рыбаков». Это — новое

² ADIZ — зона обязательного оповещения для кораблей и самолетов.

воплощение идеи «народной войны» Мао. Пока США и их союзники только разрабатывают методы борьбы против этих сил. Вьетнам тоже создает свои аналогичные силы.

Одним из недавних примеров таких действий стали события вокруг острова Титу, который расположен в ИЭЗ Филиппин, который они считают своим и называют Пагаса. В начале 2019 г. Филиппины планировали укрепить там свои позиции. Но Китай направил туда 275 небольших рыболовных судов, значительная часть которых на деле были вооружены и принадлежали к силам морской полиции КНР. Они не допустили туда филиппинских строителей, а также вытеснили из этого региона всех филиппинских рыбаков. И это после всех горячих встреч с филиппинским президентом Р. Дутерте и заявлений о дружбе и сотрудничестве.

Анализ развития последних событий выдает военно-стратегические намерения Китая и его двойственную стратегию в ЮКМ, направленную на установление полного доминирования в этом регионе. Пекин стремится, во-первых, распространить свой суверенитет на все ЮКМ через объявление 12-мильной зоны территориальных вод вокруг всех его недавно построенных искусственных островов и расширенной ИЭЗ вопреки всем нормам морского права; во-вторых, использовать эти искусственные острова для создания минибаз для размещения средств ПВО, противокорабельных ракет и радарных установок с целью вытеснения американских ВМС из западной части Тихого океана и предотвращения любой интервенции США. Это также следует понимать как пролог к провозглашению ADIZ Китая в ЮКМ. Это однозначно серьезный вызов США и явная попытка изменить сложившийся статус-кво в ЮКМ с конечной целью превратить его во внутреннее море Китая.

Китай категорически отказывается обсуждать свои территориальные претензии на какой-либо правовой основе, хотя и является участником Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву. Стратегические интересы Китая перекрывают все спорные проблемы права и суверенитета в зоне ЮКМ.

Экономические и энергетические аспекты при этом тоже весьма велики и во все не снимаются с повестки дня. Значительные природные ресурсы этого региона, которые могут заметно ускорить подъем Китая, если они станут его собственностью, остаются важным фактором китайской стратегии. ЮКМ — это одна из пяти самых продуктивных рыболовных зон в мире. В 2015 г. там добывалось 12% общемирового улова рыбы и морепродуктов. В его водах работает более половины всех рыболовных судов мира, на которых занято 3,7 млн человек, но, как предполагается, еще больше занято в нелегальном и никем не контролируемом промысле. Эта жизненно важная экосистема, по мнению ученых, подвергается серьезнейшей угрозе из-за неограниченного вылова рыбы, поощряемого государственными субсидиями Китая и грубейшими нарушениями многочисленными китайскими судами всех общепринятых норм и ограничений³.

Мощный экономический подъем Китая потребовал значительного роста потребления энергоресурсов. Большая часть из них импортируется из стран Ближ-

³ URL: <https://amti.csis.org/coc-blueprint-fisheries-environment/>

него и Среднего Востока. Подтвержденные и предполагаемые запасы нефти в ЮКМ, по американским данным, составляют около 11 млрд баррелей, что может заменить весь импорт сырой нефти страны за пять лет, и 190 трлн куб. м природного газа, что покрывает его импорт более чем за 100 лет⁴. В целях уменьшения зависимости от сильно загрязняющего экологию каменного угля, что уже стало опаснейшей проблемой во многих городах страны, Китай наращивает потребление природного газа, что привело к значительному росту потребности в нем, которая будет расти и дальше.

Китай претендует на все месторождения углеводородов в ЮКМ. Его сторожевые корабли не раз обрезают кабели исследовательских судов различных стран, которые вели разведку на шельфе Вьетнама. В 2018 г., например, он потребовал прекратить работы испанской фирмы «Репсоль» по разведке месторождения нефти на шельфе Вьетнама, угрожая применить силу против вьетнамских постов на островах Спратли. Такие же требования уже не раз выдвигались и российским компаниям «Газпрому» и «Роснефти», но каждый раз встречали категорический отказ с российской стороны, и на этом все заканчивалось.

Накал споров в ЮКМ усилиями китайского руководства пока сохраняется в так называемой «серой зоне», т. е. преимущественно на уровне политического и экономического давления на оппонентов, которое не должно вызвать прямую военную интервенцию США, и остается одним из средств стратегического давления на них самих. Это порождает так называемую тактику «салями», что означает отрезание акватории ЮКМ по кусочкам и продвижение вперед постепенно, шаг за шагом отвоевывая свои позиции и ставя своих противников перед свершившимися фактами, не доводя дело до военного конфликта. Такой подход минимизирует международное вмешательство, локализует все проблемы и обеспечивает выгодный исход для Китая. Для меньших игроков в регионе это влечет серьезные вызовы их безопасности, суверенитету и экономике, особенно из-за их ограниченной способности противостоять изощренным и комплексным методам Китая. И хотя в целом действия КНР в представлении китайских политиков, ученых и пропагандистов носят оборонительный характер, они ущемляют жизненно важные интересы соседей по региону. Они противоречат интересам равной безопасности и балансу интересов государств. Это попытка добиться удовлетворения своих интересов за счет жизненно важных интересов других народов и государств. Так, во всяком случае, эта политика видится во Вьетнаме, на Филиппинах и в других странах АСЕАН, вызывая тревогу и рост национализма во всем регионе, который еще больше затрудняет разрешение противоречий.

Принцип «трех нет»

Пекин официально выступает за соблюдение норм международного права, но лишь тогда, когда это отвечает его интересам. Китай в роли лидера и выразителя интересов развивающихся стран в 70-е годы прошлого века активно продвигал

⁴ URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1139119.shtml>

Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. и ратифицировал ее в 1994 г., но не соблюдал и, похоже, не собирается соблюдать ее важнейшие положения. Он категорически отверг решение международного арбитража в Гааге, когда тот на основании этой Конвенции признал неправомерными все притязания КНР на некие «исторические права» в ЮКМ, которые якобы не подпадают под действие Конвенции 1982 г.

Политика Китая в ЮКМ до последнего времени формулировалась на основе принципа «трех нет», который означает недопущение интернационализации конфликта, отказ от любых многосторонних переговоров и в любых международных структурах, включая АСЕАН, а также отказ от спецификации и обозначения границ своих территориальных требований в ЮКМ.

Со стороны Китая неизменно оказывается самое жесткое сопротивление любой попытке интернационализировать решение конфликта вовлечением внерегиональных государств или позволить какому-либо региональному органу (например, АСЕАН+1 или АСЕАН+3, не говоря уже об АРФ), а тем более ООН или Международному суду ООН вмешаться в это дело. Единство АСЕАН в представлении Пекина должно быть ослаблено так, чтобы не допустить и регионализацию спора, т. е. общего противостояния десяти государств АСЕАН одному Китаю. Он постоянно заявляет, что будет обсуждать споры в ЮКМ только на двусторонней основе, индивидуально с каждым из заинтересованных государств. И пока эта позиция в АСЕАН имеет успех в силу различных интересов членов Ассоциации в отношениях с КНР.

Очевидно, что Китай не желает лишиться своих преимуществ на переговорах с партнерами, которые во всех отношениях намного слабее, и у каждого имеются свои специфические интересы в отношениях с ним. Правда, в 2011 г. в совместном Заявлении с Вьетнамом о порядке урегулирования споров в ЮКМ Китай сделал уступку, согласившись, что двусторонние споры должны решаться только двумя сторонами, а если в споре участвуют и другие (как на Спратли), то и они должны принимать участие в переговорах.

Принцип «трех нет» остается неизменным, но сохранять его становится все труднее. Все труднее уходить от обсуждения этих вопросов на Восточноазиатских саммитах (ВАС) и на других форумах под эгидой АСЕАН. А после вердикта арбитражного суда в Гааге Китай пошел на активизацию переговоров о разработке Кодекса поведения сторон в ЮКМ (СОС).

Перспективы на обозримый период

При Си Цзиньпине Китай стал для американских политиков еще более непредсказуем. Своими действиями в ЮКМ он породил серьезные сомнения в своих мирных намерениях, вызвал среди соседних государств и в американском истеблишменте восприятие Пекина как угрозы своим интересам и безопасности. Ускоренная модернизация вооруженных сил, усиление военной подготовки, новые доктрины, расширенные возможности развертывания ВМС в ВКМ и ЮКМ — все это

вместе взятое значительно сократило разрыв в военной мощи между Китаем и США, хотя он остается еще значительным.

Рабочая группа из ряда ведущих американских китаистов в 2018 г. подготовила доклад для новой администрации, в котором предлагается стратегия «умной конкуренции». Она предусматривает создание международной коалиции для давления на Китай, чтобы заставить его соблюдать выработанные нормы и правила, но продолжать сотрудничество везде, где это в общих интересах. В докладе подчеркивается разница в отношениях с Россией и с Китаем. Россия, по их мнению, подрывает демократию на Западе. Китай не делает ничего подобного, он только убеждает Запад принять его однопартийный авторитарный режим. Россия — уже не серьезный конкурент, но и не партнер в экономике. Китай — одновременно конкурент, но и экономический партнер. Поэтому разрывать экономические и политические связи надо крайне осторожно⁵.

США практически ничего не могут сделать против вызовов Китая, кроме громкой риторики относительно свободы судоходства. Руководители КНР не раз заявляли, что Китай тоже придает первостепенное значение свободе и безопасности торгового судоходства в ЮКМ. Они всегда настаивали на том, что свобода судоходства должна быть обеспечена, и выражали готовность к сотрудничеству в этой сфере со всеми прибрежными государствами. Другими словами, они в той или иной форме обязывались обеспечить эту свободу торгового судоходства, которой якобы так озабочены США, но категорически возражали и продолжают возражать против военной активности вблизи своих границ и вовлечения в споры о суверенитете в ЮКМ.

Таким образом, риторика США о свободе судоходства в морях, представляющих общее достояние человечества, применительно к ЮКМ имеет мало смысла, поскольку США до сих пор сами не ратифицировали Конвенцию 1982 г. Их концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (FOIP) тоже еще остается достаточно сырой.

Независимо от того, кто начал, а кто отвечает, США и Китай оба оказались заперты в известной дилемме безопасности «действие-противодействие», которая вряд ли скоро разрешится. В США наблюдается достаточно опасный рост антикитайских настроений, имеются явные попытки раздуть угрозу со стороны Китая ликвидировать гегемонию США в Азии. Точно такая же тенденция наблюдается и в Китае против США. Там каждое действие США воспринимается как свидетельство попыток Вашингтона сдерживать неизбежный рост Китая. Ответственные политики и ученые в обеих странах понимают, что такое положение опасно как для одной, так и для другой стороны. И у Китая, и у США еще есть много возможностей для маневра, если они хотят избежать войны и расширять сотрудничество.

Практически никто из серьезных наблюдателей не ожидает, что Китай в предстоящий период откажется от своих территориальных требований в ЮКМ. При этом им преследуются сразу несколько целей, и одна из них — это подорвать на-

⁵ URL: <https://www.csis.org/analysis/building-allied-interoperability-indo-pacific-region-discussion-paper-1>

дежность альянсов стран региона с США, играя на постоянно возникающих противоречиях между Америкой и их союзниками.

В то же время нынешняя американская политика, направленная на то, чтобы избежать повышенной ставки в региональных проблемах ЮКМ, привела к тому, что их союзники/партнеры ставят под вопрос обязательства США перед ними. Отсутствие полного ответа США на этот вопрос также позволяет Китаю неизменно предопределять региональный геополитический ландшафт. Позиция Д. Трампа, вышедшего из соглашения о ТТП и взявшего курс на жесткий протекционизм в торговле, стала подарком для Китая, который не преминул им воспользоваться.

Стратегическое соперничество между Китаем и США усиливается на фоне продолжающейся торговой войны между ними, и обе страны движутся в сторону враждебности в духе холодной войны, которая характеризуется интенсивным оспариванием зон влияния друг у друга и, в меньшей мере, военного превосходства. Единственное важное отличие — отсутствие идеологического антагонизма (Китай не помышляет о победе коммунизма во всем мире). К тому же обе стороны сознательно избегают чрезмерной конфронтации, по крайней мере, на обозримый период времени, ввиду их сложной взаимозависимости в экономике.

Китайские лидеры достаточно прагматичны, чтобы трезво оценивать свои силы и возможности. Естественно, что по мере роста Китая его влияние в Азии тоже росло, но еще далеко от того, чтобы вытеснить оттуда гегемонию США. Элиты стран АСЕАН не приемлют китайскую модель общества и экономики. Они хотят торговать с Китаем, но сохранять военное присутствие США. Поэтому утверждения, будто Китай «бросает вызов гегемонии США в Азии» — это во многом миф, которым пользуются сторонники нагнетания напряженности и гонки вооружений в США, особенно среди «неоконсерваторов» в Республиканской партии и в ВПК США.

Эксперты считают, что в краткосрочной перспективе, до 2020–2025 гг., США сохраняют свое абсолютное стратегическое доминирование в АТР, но будут вынуждены смириться с внедрением Китая в военно-стратегическое пространство, которое еще недавно США считали исключительно своим.

США по-прежнему не будут поддерживать ни одну из сторон в территориальных спорах в ЮКМ, но будут активно продвигать любой формат многостороннего обсуждения проблем безопасности в этом регионе, включая завершение работы над Кодексом поведения сторон в ЮКМ. Они будут также оказывать давление на все страны региона (включая Филиппины и Вьетнам) с тем, чтобы избежать применения силы в территориальных спорах. Одновременно они будут продвигать свою концепцию свободы навигации и полетов в этой зоне, хотя администрация Трампа и не думает ратифицировать Конвенцию ООН 1982 г. по морскому праву из-за неизменного сопротивления республиканцев в Сенате, что значительно выхолащивает его призывы к «господству права». К тому же США и Китай по-разному толкуют некоторые важные положения этой Конвенции.

Китай, по всей вероятности, будет прилагать больше усилий для успокоения своих соседей в ЮВА. Осуществление провозглашенной «китайской мечты» тре-

бует мирной и стабильной Азии. Территориальные споры в ЮКМ сложны, но они еще могут быть решены мирно. Все будет зависеть от внутренних проблем самого Китая. Если они будут решаться достаточно успешно, волна национализма в Китае спадет, и станет возможным начать двусторонний и многосторонний диалог с соседями в ЮКМ.

Точно так же Китай будет продолжать игру на противоречиях внутри АСЕАН, предлагая некоторым его членам экономические приманки за поддержку его инициативы «Один пояс, один путь» и предупреждая о серьезных последствиях, если они от нее откажутся. Так что расчеты на то, что АСЕАН сыграет в ближайшие годы более активную роль в разрешении кризиса, вряд ли оправдаются. Переговоры о Кодексе поведения сторон в ЮКМ между Китаем и АСЕАН, хотя и продвинулись после вынесения вердикта ПСА в Гааге 12 июля 2016 г., но неизбежно, в силу противоречивых позиций сторон, еще затянутся на годы, так как Китаю этот Кодекс не нужен вообще, но ему нужен только сам процесс переговоров по нему, исключаяющий вмешательство других игроков, прежде всего США.

Самой очевидной тенденцией в предстоящем десятилетии станет усиленное использование различных полувоенных правоохранительных служб Китая для осуществления юрисдикции в спорных районах обоих морей. Правда, с лета 2018 г. растет и количество кораблей ВМФ НОАК, направляющихся в спорные районы ЮКМ. Вероятность столкновения военных флотов здесь пока мала. Тактика тоже уже очевидна: спровоцировать Вьетнам и Филиппины на применение силы первыми для защиты своих рыбаков и исследовательских судов и как бы уже только в ответ установить свой полный контроль в ЮКМ.

Наблюдатели сходятся во мнении, что споры в ЮКМ нельзя разрешить простым территориальным разграничением. Они ожидают от Китая выдвижения такого плана, который будет осуществим и на деле сможет погасить шторм в регионе. Споры в ЮКМ трудно разрешимы, а скорее, вообще неразрешимы на базе действующего международного права и экономической и политической ситуации в мире. Как и на Ближнем Востоке, такие споры разрешить нельзя, их можно только регулировать. Ни одной стране, включая Китай, не удастся заполучить полный суверенитет в ЮКМ в обозримом будущем. Поэтому для Китая наиболее практичным является именно сохранение текущего статус-кво. Но при этом ему придется считаться с правами и интересами стран ЮВА, особенно претендующих на суверенитет в ЮКМ. Многие авторитетные представители КНР на проходящих форумах экспертов в различных странах заявляют, что Китай действительно выступает за сохранение сложившегося статус-кво в ЮКМ, не уточняя, что это значит. А это значит подтверждение политики свершившихся фактов.

Прежде всего, ему будет необходимо признать все территории за пределами его территориальных вод и 200-мильной ИЭЗ как «открытое море» и отказаться от пресловутой «линии из 9 отрезков», или линии «коровьего языка», как ее называют во Вьетнаме.

Первым шагом в этом направлении могло бы стать соглашение о рыболовстве в ЮКМ, чтобы избежать конфликтов и сохранить стремительно сокращающиеся ресурсы, создать благоприятные условия для рыболовства вместо преследования

рыбаков в традиционных местах их промысла. Для этого могут быть установлены зоны совместного рыболовства за пределами 200-мильной ИЭЗ всех береговых государств. Подобные соглашения уже действуют с Японией и Южной Кореей в ВКМ. Некоторые принципы могут быть взяты из действующего соглашения СРВ и КНР в заливе Бакбо. В дополнение к этому соглашению можно создать Региональный комитет по рыболовству, который установит нормы поведения для всех промысловых судов.

Второй необходимой мерой является создание механизма сотрудничества между морской полицией Китая и Вьетнама, а также всех прибрежных государств, чтобы предотвратить конфликты и обеспечить соблюдение принятых всеми кодексов поведения при незапланированных встречах кораблей в море и самолетов в воздухе. Для этого необходимо установление «горячей линии» связи между соответствующими службами сторон и выделение компетентных органов для контакта. Такой механизм сотрудничества уже действует в заливе Бакбо. Такой же механизм может быть создан и с другими странами ЮКМ.

В-третьих, настало время со всей серьезностью начать содержательные переговоры по Парасельским островам. Все встречи Китая и Вьетнама на высшем уровне пока ничего не дают. Оставлять эту проблему будущим поколениям не получится. Всякое оттягивание ее решения только затруднит решение в будущем. Концентрация всех усилий только на управлении конфликтом в данном случае равносильно тому, что лечить болезнь обезболивающими средствами. Семена раздора остаются, и зона конфликта будет только расширяться. А пока рыбакам Вьетнама и Китая должно быть позволено ловить рыбу у Парасельских островов, ибо этот регион не разграничен и является местом их традиционного промысла. Все попытки монополизировать этот район противоречат международному праву.

Отказ Китая от репрессий в отношении вьетнамских и филиппинских рыбаков может стать главной мерой доверия, которая поможет снять напряжение и откроет путь к переговорам по существу.

С завершением строительства китайских искусственных островов в ЮКМ шансы на восстановление доверия между Китаем и Вьетнамом уменьшились. Только готовность Китая подписать обязывающий Кодекс поведения в ЮКМ (СОС) и его явное воздержание от провокационных действий смогут в этом помочь. Но этого желания пока не видно. А эскалация напряженности путем милитаризации искусственных островов и введения ADIZ в ЮКМ нанесут непоправимый ущерб отношениям Китая с Вьетнамом, как и с регионом в целом. Китайские опасения возглавляемого США стратегического окружения могут стать реальностью.

Рискнет ли Китай своей глобальной репутацией из-за горстки крошечных и фактически необитаемых островов в ЮКМ? Это до сих пор спорный вопрос. Большинство наблюдателей считают, что его руководство, да и большинство населения действительно убеждены, что у них есть пресловутые «исторические права» на ЮКМ. Этот миф выгоден политической элите. Но считает ли руководство страны, что энергетические ресурсы ЮКМ действительно настолько велики, а главное настолько дешевы (особенно нефть и газ) в своей эксплуатации в настоящее время, что они оправдывают насильственный захват на основе пре-

словутой «реал-политик». Китай еще должен все это просчитать, прежде чем предпринимать какие-либо краткосрочные, но насильственные акции в ЮКМ, заплатив взамен тоже немедленной потерей репутации, от которой он рассчитывает получить большие выгоды в долгосрочном плане.

Учитывая характер китайско-американских отношений, когда ни та, ни другая сторона серьезного конфликта друг с другом явно не хотят и делают все, чтобы его избежать, перед руководством ряда стран АСЕАН стоит вопрос, а хотят ли США действительно перебрасывать свои силы в этот регион ради сохранения своих геополитических позиций в АТР. Или они лишь пытаются извлечь выгоду из дестабилизированной обстановки и управляемого кризиса для того, чтобы сохранить там свое влияние.

В самом регионе ЮВА для малых и средних государств вновь складывается биполярная система противостояния США и Китая. Они будут и впредь исходить из прерогативы развития своего потенциала в собственных национальных интересах, а не в рамках соперничества внешних сил.

Конечно, обстановка в ЮКМ будет по-прежнему связана с положением, которое сложится в Тайваньском проливе и на Корейском полуострове. Поэтому вместо формирования группы G-2 Китая и США в Тихом океане постепенно возникает другой, более сложный международный порядок в регионе. Выдвинутый Си Цзиньпином в 2014 г. лозунг «Азия для азиатов!» медленно, но верно превращается в реальность, но вместо предлагавшегося Китаем порядка, в котором руководство должно было перейти от США к Китаю, складываются условия для рождения другого, многополярного регионального порядка, другими словами, для многополярной Азии для азиатов.

Страны ЮВА, при всех различиях между ними, как показывают последние события в отношениях Китая и США с АСЕАН, будут и впредь настаивать на принципе асеаноцентричности, т. е. на сохранении ведущей роли АСЕАН в решении региональных проблем в собственных национальных интересах своих членов, а не в рамках соперничества Китая и США. Вместе они не пойдут добровольно на возвращение к подчиненному положению ни Китаю, ни США. Они не воспринимают себя как орудие американской политики сдерживания или американского проекта изменения внутренних институтов Китая. Они стремятся к хорошим отношениям и с Пекином, и с Вашингтоном и будут сопротивляться любому давлению, вынуждающему их сделать выбор. Они, как говорят там об отношениях с Китаем, научились «танцевать со слоном». Один слон в посудной лавке — плохо, ну а два еще хуже.

С учетом всего, что произошло в последние пять лет, ожидать спокойствия в ЮКМ было бы наивно, хотя с точностью предсказать, как и что произойдет, трудно. Дело не только в непредсказуемости политики Д. Трампа и Си Цзиньпина. Ключевым вопросом остается, смогут ли и каким образом государства АСЕАН, претендующие и не претендующие на суверенитет в ЮКМ, согласовать свои ответные действия на явную стратегию Китая, направленную на то, чтобы всех их поставить перед свершившимся фактом своего монопольного контроля в ЮКМ и еще более тесной экономической зависимости от Китая.

И в заключение. Хотя сравнительная мощь Китая существенно возросла и продолжит расти в предстоящее пятилетие, основные цели его внешней политики носят оборонительный характер, а именно: ослабить дестабилизирующее влияние из-за рубежа, избежать территориальных потерь, уменьшить недоверие и подозрительность соседей, обеспечить высокие темпы экономического роста. Если в предстоящую пятилетку Китай и продолжит наращивать военные расходы и модернизацию своих вооружений, это повысит его возможности противодействовать любой интервенции в западной части Тихого океана, но этого, как считают многие эксперты, будет еще недостаточно для того, чтобы эффективно проецировать силу на большие расстояния.

В целом же перспективы сохранения стабильности и безопасности в ЮВА, по крайней мере, на ближайшие пять-семь лет представляются далекими от оптимизма. Баланс сил неизбежно будет меняться в пользу КНР. Китай давно сместил США с роли главного торгового партнера АСЕАН. Каждая из двух стран будет развивать свои конкурирующие стратегии в экономике и в обороне. Китай будет расширять свою способность отражения интервенции, а США развивать возможности для преодоления его обороны. Китай продолжит рассматривать американо-японскую доктрину «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» как усиление попыток его окружения и сдерживания. Он окажет давление на государства региона, добиваясь свертывания их сотрудничества с США, особенно военного.

Чрезмерная жесткость в территориальных спорах с Вьетнамом и Филиппинами при наращивании ВМС и ВВС ведет к перегруженности спорных участков моря самыми современными вооружениями, что увеличит угрозу неизбежных инцидентов и их перерастания в вооруженные столкновения.

Тем не менее ситуация в регионе не безнадежна. Возможности для преодоления взаимного стратегического недоверия и налаживания сотрудничества в сфере безопасности кроются в растущей экономической взаимозависимости Китая, США, Японии и стран АСЕАН. Лидеры всех участвующих в территориальном споре стран признают этот жизненно важный для них факт и придают большое значение поддержанию рабочих отношений друг с другом вопреки нарастающей волне националистических настроений.

В регионе, хотя и с большим трудом, но постепенно формируется архитектура безопасности, создающая возможности для сотрудничества. Сложный и многоуровневый механизм взаимодействия членов АСЕАН друг с другом и с партнерами по диалогу открывает перспективу превращения Восточноазиатских саммитов (ВАС) — самой представительной многосторонней структуры в АТР — в азиатский аналог ОБСЕ. Это — не задача сегодняшнего дня. Но признаваемый всеми «метод АСЕАН», подкрепленный упорно продвигаемым Россией постулатом равенства и неделимости безопасности всех государств региона, может открыть путь к решению этой задачи, хотя и не завтра.

КРИЗИС В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ И РОЛЬ АСЕАН

(Опубликовано: Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. Гл. 5–7. С. 122–183. Текст печатается с сокращениями.)

СТРАНЫ АСЕАН И КРИЗИС В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

«Ключевой интерес» или «неоспоримый суверенитет» Китая

Правовой спор, вызванный «линией U» в ЮКМ представляет, похоже, классический случай конфликта между историей и существующей реальностью. В то время как Китай полностью опирается на свою многовековую историю для оправдания своих претензий на территориальный суверенитет и юрисдикцию в этом море, все другие претендующие государства постоянно подчеркивают, что их права вытекают из Конвенции ООН 1982 г. Но все дело в том, что ссылки Китая на историю говорят совсем не в его пользу, они либо недостоверны, либо ничем не подтверждаются¹.

Вынесенный 12 июля 2016 г. вердикт Постоянного арбитражного суда в Гааге по иску Филиппин к Китаю дал повод для юристов и политологов различных стран внимательнее рассмотреть исторические и правовые свидетельства, представленные сторонами спора в ЮКМ. Суд не имел полномочий рассматривать вопросы территориального суверенитета и разграничения на море. Он их и не рассматривал. Но он явно поставил под сомнение некие якобы исторические свидетельства, представленные Китаем в оправдание своих требований в ЮКМ, что было сделано не в суде, с которым он категорически отказался иметь дело, а в неоднократном публичном изложении своих официальных позиций в течение

¹ Изложение аргументов основано на опубликованном 7 декабря 2014 г. документе “Position Paper of the Government of the People Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the SCS Arbitration initiated by the Republic of the Philippines”, а также на докладе “China Position and Interests in the SCS: A Rational Choice in the Cooperative Policies” директора Центра стратегии и урегулирования конфликтов Университета внешней политики КНР профессора Су Хао на международной конференции «Споры в ЮКМ и пути их мирного решения» в Токио 9 января 2017 г.

3,5 лет продолжавшихся слушаний в гаагском арбитраже. Тщательный анализ этих свидетельств и различных публикаций 30-летней давности судьями и экспертами различных стран показал, что все они носят явно односторонний характер и ровным счетом ничего не доказывают.

В противовес Конвенции 1982 г. по морскому праву Китай отстаивает свою альтернативную правовую доктрину, известную под названием «четыре ша» (Донгша, Сиша, Наньша и Чжунша), в соответствии с которой все четыре группы островов ЮКМ (Пратас, Парасельские о-ва, Спратли и Скарборо) якобы составляют один архипелаг со своими границами, суверенитетом, который «бесспорно» принадлежит Китаю. По мнению большинства экспертов мирового научного сообщества, эта доктрина не имеет ничего общего с действующим международным правом.

Выдвинутая Китаем концепция так называемого исторического моря в мировом научном сообществе (за исключением китайских юристов и историков) рассматривается как правовой абсурд. Китай никогда не осуществлял продолжительного и неоспоримого суверенитета над всем регионом. А ЮКМ — важная артерия в глобальной торговле, связывающая Индийский и Тихий океаны — не является заливом, бухтой или другим видом прибрежных вод, на которые можно было бы распространить какие-либо «исторические права», как это допускается в некоторых случаях по морскому праву. Конвенция ООН 1982 г., подписанная и ратифицированная Пекином, допускает лишь строго ограниченное применение «исторических фактов» и вытекающих из них прав только в разграничении территориальных вод прибрежных государств (т. е. в радиусе 12 миль), но в ней ни слова не сказано об «исторических оправданиях» требований суверенитета или каких-либо особых прав на столь значительном отдалении от береговой линии Китая, как в случае, например, архипелага Спратли. Китайская история в ЮКМ начинается, считают китайские ученые, еще до новой эры и продолжается непрерывно до нашего времени, и китайский народ имеет право защищать свой суверенитет от любых интервентов. Основным аргумент, который приводят китайские ученые на многих международных конференциях, заключается в том, что у них имеются многочисленные свидетельства того, что китайские рыбаки плавали и ловили рыбу в ЮКМ с давних времен, начиная еще с древней династии Хань. Из этого, по их мнению, следует, что Китай имеет «историческое право» на рыболовство и разработку полезных ископаемых почти во всем ЮКМ.

Этот аргумент мало кого может убедить. У Китая в этом смысле те же права требовать суверенных прав во всем ЮКМ, что и у Мексики на Мексиканский залив, у Ирана на Персидский, а у Индии на Индийский океан, другими словами, никаких прав нет. Даже если острова и были впервые обнаружены китайскими рыбаками, этого абсолютно недостаточно для утверждения на них его государственного суверенитета.

Китай имеет такую долгую историю, что вполне могло быть, что древние китайцы первыми открыли и дали названия многим островам в ЮКМ и в других морях, омывающих их страну. Правда, никаких доказательств в подтверждение этого факта пока представлено не было нигде. Дать название и претендовать на

суверенитет — это совсем разные вещи. Важно еще, чтобы эти названия были признаны мореплавателями других стран. А вошли они в общепризнанные навигационные карты всего мира под другими названиями, которые были даны капитанами португальских и английских кораблей.

Южно-Китайское море было так названо вовсе не китайцами, а европейскими мореплавателями и картографами. Исследования ученых, в частности, работы профессора Королевского института международных отношений (Chatham House) в Лондоне Билла Хайтона неопровержимо доказали, что в 1935 г., когда тогдашнее китайское правительство начало присваивать китайские названия островам, оно просто переводило их с английского. Так, например, на Парасельских островах риф Антилопы был назван китайским словом, означающим именно антилопу. Точно так же были переведены названия всех рифов и атоллов в архипелаге Спратли. В некоторых случаях были сохранены английские названия только в китайской транскрипции. Некоторые названия впоследствии менялись по несколько раз. Но сегодня все официальные заявления о «бесспорном» суверенитете Китая в ЮКМ почти всегда начинаются словами: «китайцы были первыми, кто открыл и дал островам название Наньша (Спратли) и Сиша (Парасельские). Но на самом деле это был простой перевод на китайский язык слов «южные пески» и «северные пески», как их называли вьетнамцы. В 1947 г. это название на китайских картах было сдвинуто южнее, где находится большинство островов архипелага Спратли. А назвал их своим именем английский капитан Ричард Спратли, открывший в 1848 г. один из самых больших островов архипелага и нанесший его на карту [Hayton 2014].

Понятия «исторические права», «исторические факты» часто используются китайской дипломатией на переговорах, например, с Вьетнамом для того, чтобы скрыть отсутствие правовых аргументов и оказать давление на вьетнамцев. Так, например, известное Заявление из шести пунктов, которое было подписано лидерами КПК и КПВ в Пекине в 2011 г. сразу после XI съезда КПВ, утверждало главные принципы решения споров в ЮКМ. На переговорах китайская сторона настаивала на том, чтобы слова «исторические факты» включить в это Заявление сразу после упоминания Конвенции 1982 г. по морскому праву.

И все же история — далеко не на стороне китайских требований. Китайские ученые, например, ссылаются на то, что Вьетнам почти тысячу лет находился в вассальной зависимости от Китая, которая была прервана только колониальным захватом Франции. Вьетнам признавал эту зависимость и сюзеренитет китайского императора, направляя ему ежегодную дань. А это значит, по их мнению, что все принадлежавшие ему острова в заливе Бакбо и в ЮКМ тоже принадлежали Китаю. К тому же они нередко объявляют «китайцами» даже правителей татаро-монгольских и маньчжурских династий, правивших в Китае, и соответственно, все их завоевания — своими «исконными землями».

Конечно, с такой логикой можно договориться до того, что и весь Вьетнам принадлежит Китаю. Но тут происходит так называемая правовая алхимия. Некоторые китайские эксперты, пользуясь неосведомленностью широких масс, подменяют два совершенно разных понятия — суверенитет (полную власть) и сюзере-

нитет, т. е. вассальную зависимость сопредельных стран от Китая в Средневековье. Во времена различных древних и средневековых китайских династий вообще не существовало такого понятия, как суверенитет. Оно появилось в Европе только после Вестфальского договора 1648 г. До этого все существовавшие империи и королевства не фиксировали своих границ и не охраняли их. Китайские историки попросту приравнивают осуществлявшийся китайскими императорами суверенитет к суверенитету.

После нескольких десятилетий массивной пропаганды китайское население и само руководство страны убедили самих себя, что Китай является законным владельцем всех островов и, возможно, всей акватории моря между ними в пределах «линии U» на современных китайских картах. А на всех сохранившихся многочисленных картах Китая XVIII–XX вв. его южная граница заканчивается островом Хайнань. И никакой зоны «исторических вод» на них никогда не было.

Это не подтверждается и никакими свидетельствами в XX в., хотя китайские ученые часто их приводят в оправдание своих требований. Не выдерживает, например, критики утверждение, что союзники во Второй мировой войне на совещаниях в Каире в 1943 г. и в Потсдаме в 1945 г. якобы договорились о передаче Китаю всех островов в ЮКМ, захваченных Японией. В действительности же речь шла о возвращении Китаю захваченных у него островов Формоза, Пратас и других, но не Парасельских и Спратли, которые ему до войны не принадлежали. Китаю было поручено принять капитуляцию японских гарнизонов на этих островах, что его войска на американских десантных кораблях и выполнили. Но претензии Чан Кайши на возвращение этих островов Китаю были отклонены на мирной конференции в Сан-Франциско в 1951 г. Парасельские острова были переданы Государству Вьетнам (тогда под управлением императора Бао Дая), а архипелаг Спратли был возвращен французской колонии Кохинхина.

В китайских статьях часто приводится как аргумент тот факт, что после опубликования «линии из 9 отрезков» в 1948 г. никто из соседних стран протестов не заявил, а значит, согласился с ней. Но эта линия никогда не была представлена от имени правительства и потому не требовала никакого признания или протеста. Это был внутренний рабочий документ гоминьдановских властей Китая, разработанный к предстоявшей мирной конференции в Сан-Франциско. На него тогда никто просто никакого внимания не обратил.

В 1954 г., по Женевским соглашениям о прекращении войны в Индокитае, с согласия КНР эти острова были временно, до проведения выборов в 1956 г. переданы под управление Республики Вьетнам (Южному Вьетнаму). И по всей логике после объединения страны в 1976 г. они должны были быть полностью под суверенитетом СРВ. Но этого не произошло.

Короче, для судей гаагского арбитража было очевидно, что требования Китая выходят далеко за пределы того, что ему положено по Конвенции ООН по морскому праву. 12 июля 2016 г. Постоянный арбитражный суд, действовавший в строгом соответствии с этой Конвенцией ООН 1982 г., подписанной и ратифицированной КНР, единогласно вынес свой вердикт. Самое главное — суд признал, что для так называемых «исторических прав» Китая на ресурсы ЮКМ

в пределах «линии U» нет никаких правовых оснований. Заключительный вердикт ПСА по этому вопросу гласит: «Требование Китая неких исторических прав и других суверенных прав или юрисдикции по отношению к участкам морской акватории Южно-Китайского моря, обозначенным “линией из 9 отрезков” (9DL), противоречит Конвенции 1982 г. и не имеет никакой юридической силы, ибо оно далеко выходит за географические пределы и границы полагающейся ему акватории моря»².

Вердикт арбитражного суда вызвал полное одобрение США, которые с самого начала поддерживали, а вероятно, и подталкивали Филиппины на возбуждение иска против Китая. Они сразу призвали все стороны выполнять его предписания. Аналогичную позицию заняли ведущие страны ЕС, Япония, Индия и Австралия. Специальное заявление сделали собиравшиеся в Токио страны G7.

Вместе с тем вскоре США проявили довольно осторожный подход, убеждая своих союзников тоже не предпринимать каких-либо активных действий сразу после 12 июля. Как утверждали некоторые наблюдатели, США якобы решили дать Китаю время, чтобы постепенно снизить тон своих заявлений и пойти навстречу некоторым требованиям своих соседей относительно свободы судоходства, рыбной ловли и по другим спорным вопросам.

Что бы ни заявляли китайские ученые и пропагандисты, с точки зрения права и как это записано в Конвенции, вердикт арбитражного суда является окончательным, обжалованию не подлежит и должен выполняться сторонами по доброй воле, хотя у этого суда, в отличие от Международного суда ООН, нет никакого механизма принуждения ответчиков к выполнению его постановлений. И тем не менее все действия Китая до и после вердикта суда показывают, что он был им крайне озабочен. Игнорирование гаагских решений могло нанести немалый ущерб его репутации и подорвать доверие, которое необходимо для осуществления грандиозных планов строительства Великого Шелкового пути XXI века. Да и для него самого не менее важно, чтобы международные обязательства государств на морях и океанах неукоснительно соблюдались.

В китайских требованиях суверенитета в ЮКМ содержатся очевидные парадоксы.

1. В ходе почти 10-летних дискуссий в ООН по поводу Конвенции развивающиеся страны признали право всех государств на свободу судоходства через проливы и исключительные экономические зоны в обмен на признание их 200-мильной (от базовой линии берега) исключительной экономической зоны. И это было особенно важно для них, потому что значительная часть рыбных ресурсов находится именно в этой зоне, и от них зависела их продовольственная безопасность. Отказ Китая, который во время этих дискуссий особенно активно защищал интересы развивающихся стран, признавать ИЭЗ своих соседей по ЮКМ является открытым нарушением основополагающих пунктов Конвенции ООН.

2. Китай признал положения Конвенции и на этой основе урегулировал проблемы разграничения с Вьетнамом в заливе Бакбо (Тонкинском) и с Южной Ко-

² URL: <https://docs.pca-cpa.org/2016/07/PH-CN-20160712-Award.pdf>

реей. Однако он никак не желает признавать эти же правовые нормы в оставшейся части ЮКМ.

3. Китай полностью пользуется правами, предоставленными ему Конвенцией 1982 г., но сам уклоняется от ее применения на практике. Он был среди главных сторонников расширения границы территориальных вод с 3 до 12 миль. Но за иностранными военными кораблями было сохранено право «мирного прохода» через территориальные воды. Режим прохождения через ИЭЗ вообще совсем другой. Прибрежные государства имеют суверенитет в своих территориальных водах, но не в ИЭЗ. В ИЭЗ они имеют суверенные права только на ресурсы, но не суверенитет на всю акваторию. ИЭЗ — это не территориальные воды и не открытое море. Корабли и самолеты в ИЭЗ обязаны уважать суверенные права прибрежных стран на все ресурсы моря, но режим прохождения и пролета здесь такой же, как в открытом море. Китай этого категорически не признает. Но не только Китай, а целый ряд государств (включая СССР, Индию, Вьетнам и др.) при подписании Конвенции сделали оговорки, требуя, чтобы военные корабли и самолеты запрашивали на это разрешение прибрежных государств. Ведь 200 миль для корабельных ракет — не расстояние. На этой почве возникли и до сих пор существуют серьезные разногласия между Китаем и США, которые обвиняют Китай в нарушении свободы судоходства. Вопрос только, какого: торгового или военного?

Это отношение к Конвенции 1982 г. подтверждает, что после Мао в Китае сложилось довольно противоречивое отношение к международному праву и абсолютное недоверие ко всем международным судам. Пекин опасается, что все они нацелены на то, чтобы ущемить его интересы. Публичное международное право, считают в КНР, — это произведение западных стран и неразрывно связано с их прошлым господством, которое было свергнуто только в 1949 г. победой китайской революции. Поэтому в Китае не принимают концепцию «верховенства права» (“rule of law”). Там предпочитают другую установку — «правление через закон» (“rule by law”). Такой же подход наблюдается и к морскому праву, которое выглядит как несправедливое ущемление законных прав Китая, ставших особенно важными в связи с ростом морской торговли и с тем, что Китай чувствует себя окруженным цепью островов, находящихся в руках враждебных ему сил. В то же время Китай хорошо понимает и принимает нормы международного права только в тех случаях, когда они ему выгодны.

Морские границы в ЮКМ были фактически установлены Договором 1951 г. в Сан-Франциско, но КНР его не подписывала, поэтому не считает себя им связанной. Затем были Женевские соглашения 1954 г., но опять же Китай не является их подписантом. Формально их подписали Франция, ДРВ и Южный Вьетнам.

Очевидно, что в настоящее время на первый план для Китая вышли его политические и военно-стратегические интересы в ЮКМ, которые преобладают над всеми правовыми нормами, а иногда даже и экономическими интересами Китая, которые тоже с повестки отнюдь не снимаются. Отсюда двойственная политика «кнута и пряника», которую Китай уже десять лет проводит в регионе.

Исполнение решения арбитражного суда от 2016 г. вполне может стать делом нескольких поколений. Председатель Верховного суда Филиппин Антонио Кар-

пио, поддерживающий Филиппины в борьбе за их морские права, еще перед вынесением вердикта предсказывал: «Первоначально они будут говорить “мы не будем соблюдать это решение”, однако цена несоблюдения будет гораздо выше цены соблюдения, поэтому в итоге они подчинятся. Но это займет определенное время, поэтому мы должны рассматривать это как долгосрочный процесс, который затронет не одно поколение. Настоящее поколение добьется этого решения, следующее поколение убедит в этом решении мир, а последующее поколение — Китай, однако мы не должны ожидать немедленного удовлетворения, если действительно этого добьемся»³.

ЧТО МОЖЕТ И ЧЕГО НЕ МОЖЕТ АСЕАН

Пути разрешения конфликтов в АСЕАН

Конфликт в ЮКМ формально не является общей проблемой между Китаем и всем Сообществом АСЕАН. Надо иметь в виду, что в структурном отношении АСЕАН — это не наднациональный институт, и лидеры государств-членов не поручали ему заниматься вопросами территориального суверенитета в ЮКМ. Они сами нередко расходятся в том, как следует добиваться урегулирования споров с Китаем в ЮКМ. И пока страны-претенденты не договорятся друг с другом, как им вместе подходить к спорам с Китаем, невозможно говорить о какой-то общей позиции АСЕАН.

Споры в ЮКМ стали привычным делом почти для всех форумов АСЕАН вопреки многолетнему упорному сопротивлению Китая. Они превратились в одни из самых важных территориальных споров во всей Азии, которые рискуют стать крупнейшим силовым конфликтом в регионе. Однако выработать общую позицию по этим спорам АСЕАН не удастся, хотя по принципам их решения и общим подходам разногласий нет, и есть общее понимание, выраженное во многих принятых документах.

Надежды на АСЕАН как на механизм регулирования напряженности в ЮКМ появились относительно недавно. Скорее, они относились к противоречиям внутри АСЕАН, для преодоления которых она, собственно, и создавалась. Ставка при этом всегда делалась на дипломатические средства разрешения конфликтов путем переговоров. Никакого вмешательства третьей стороны, никакого механизма принудительного решения споров в АСЕАН никогда не было и нет.

С 1969 г. страны АСЕАН, как подсчитали в Центре международных и стратегических исследований (CSIS) в Вашингтоне, заключили между собой 39 соглашений по демаркации морских границ, из которых только одно было связано с посредничеством третьей стороны. Это было соглашение между Мьянмой и Бангладеш по границе в Бенгальском заливе. Два других исключения из общего

³ Цит. по: URL: <https://www.justiceantoniocarpio.com/category/lectures/>

правила составили решения споров между Малайзией и Индонезией и между Сингапуром и Малайзией, которые принимались Международным судом ООН.

Так что на АСЕАН как на место решения территориальных споров с Китаем практически никто и никогда не рассчитывал. Все страны АСЕАН (кроме Камбоджи) подписали и ратифицировали Конвенцию ООН 1982 г. по морскому праву. Все они являются участниками Договора о дружбе и сотрудничестве 1976 г., который по своей сути устанавливает главные принципы поведения всех стран в ЮКМ. Нерешенность территориальных споров с Китаем вряд ли можно объяснить слабостями и недостатками АСЕАН. США тоже не могут найти подходящих рычагов влияния на Китай. А как можно ожидать от десятка малых и средних стран, соседствующих с Китаем, что они все могут твердо противостоять давлению своего главного торгово-экономического партнера и его мощной диаспоры внутри этих государств?

Когда странам АСЕАН все-таки удавалось выйти на такие вопросы, по которым было единство интересов (например, в сохранении «асеаноцентричности»), АСЕАН проявляла достаточно смелости и упорства. Несмотря на сильнейший нажим со стороны Китая, ни одна страна «линию У» не признает. Во всех принимаемых документах АСЕАН неизменно подчеркивает, что в регионе должно соблюдаться международное право и Конвенция ООН 1982 г. по морскому праву, а вовсе не пресловутые «исторические права», на которых настаивает Китай.

События последних лет и новые вызовы многое сказали об АСЕАН как о международной организации, об ограниченности ее возможностей в условиях, когда крупнейшие державы извне все более осложняют ее задачи. Поэтому все оценки роли АСЕАН в решении споров требуют учитывать политические, геостратегические и институциональные параметры Ассоциации. Но в конечном счете при всех обстоятельствах АСЕАН остается важным региональным механизмом и площадкой, на которой разрабатываются и принимаются меры доверия, необходимые для управления сложной ситуацией в отношениях АСЕАН — Китай.

Неудача министров иностранных дел в Пномпене в июле 2012 г. в попытке принять совместное заявление с указанием на действия Китая в ЮКМ драматически показала различия не только между Китаем и рядом стран АСЕАН по этим вопросам, но и между ними самими. Страны АСЕАН сильно отличаются друг от друга не только тем значением, которое они придают спорам в ЮКМ, но и степенью сотрудничества с Китаем — их главным торговым партнером и инвестором, а для некоторых донором экономической помощи. Таким образом, членов АСЕАН можно разделить на три группы в зависимости от их отношения к спорам в ЮКМ.

Страны, не претендующие на суверенитет в ЮКМ

Эта группа включает Таиланд, Камбоджу, Лаос и Мьянму, которые не являются сторонами в споре. Политика каждой из этих стран отличается своими особенностями, хотя в целом, они тоже против китайской экспансии в ЮКМ, но проявляют это (за исключением Камбоджи) осторожно и не часто, дабы не вызвать недовольство Китая.

Лаос как одна из беднейших стран региона заинтересован в сотрудничестве с АСЕАН и соседним Вьетнамом. Руководство Лаоса имеет давние и прочные связи с Вьетнамом. Но влияние Китая в Лаосе тоже достаточно сильно и возрастает. Ведущееся Китаем строительство нескольких плотин для ГЭС в верхнем течении Меконга вызывает категорические возражения в соседних странах из-за вероятных тяжелейших экологических последствий для всего региона. Плотина Сэйабури (Хаябури), например, полностью строится на средства Китая, но 95% полученной электроэнергии планирует закупать Таиланд. Строительство плотины вызывает протест населения в прибрежных провинциях как Таиланда, так и Лаоса. Но еще большее недовольство оно вызывает у населения Камбоджи и Вьетнама, проживающего в нижнем течении Меконга. Самую большую угрозу эта плотина несет Вьетнаму, где дельта Меконга является главной житницей страны.

22 мая 2014 г. в Таиланде произошел военный переворот, который вызвал недовольство со стороны США, сокративших оказание военной помощи правящей хунте. Это привело к тому, что она начала склоняться к более активному сотрудничеству с КНР. **Таиланд** всегда выступал против того, чтобы споры в ЮКМ мешали развитию отношений АСЕАН с Китаем. Эта политика продолжалась и после военного переворота. В период выполнения функций координатора отношений АСЕАН с КНР (2012–2015 гг.) Таиланд активно способствовал консультациям по подготовке проекта Кодекса поведения сторон в ЮКМ. В последнее время правящее правительство военных пытается стабилизировать обстановку в стране и добиться поддержки сторонников свергнутого ими популярного премьера Тхаксина Синаватра. Одновременно оно постепенно восстанавливает военное сотрудничество и с США.

Воспользовавшись длительной изоляцией **Мьянмы** Западом после военного переворота, Китай сумел завоевать в ней доминирующие позиции как в экономике, так и в политике. Но после произошедших перемен в Мьянме Япония попыталась подвинуть китайского соперника в этой многообещающей азиатской стране как с политической, так и экономической точек зрения. Японский бизнес намерен не упустить свой шанс и в полной мере воспользоваться как богатейшими природными ресурсами Мьянмы, так и ее емким внутренним рынком в 60 млн потенциальных потребителей. Во время своего визита в эту страну в конце мая 2013 г. японский премьер Синдзо Абэ не только списал ее долг в размере 1,8 млрд долл., но и пообещал новый заем в 500 млн долл. Однако обстановка в стране для этого оказалась неблагоприятной.

Хотя длительный период военного правления в Мьянме завершился, переход к «управляемой демократии» оказался очень непростым. Мьянма долго воздерживалась от заявлений по ЮКМ. Но ее позиция несколько изменилась, когда пришла ее очередь возглавить АСЕАН в 2014 г. На этот период пришелся один из самых острых кризисов в ЮКМ, вызванный введением 1 мая 2014 г. китайской буровой платформы со всем многочисленным сопровождением в центр ИЭЗ Вьетнама. В этом качестве Мьянма сделала все возможное для сохранения солидарности государств-членов. Это позволило Вьетнаму и Филиппинам впервые за долгое время добиться явно негативной коллективной реакции АСЕАН на действия Китая.

Камбоджа, как и Лаос, долго отталчивалась по территориальным спорам с Китаем. Став в свою очередь в 2012 г. председателем АСЕАН, Камбоджа провозгласила себя нейтральной стороной в этих спорах. Это не помешало ей активно поддержать интересы Китая, заблокировав впервые в истории АСЕАН принятие совместного коммюнике 45-й встречи министров иностранных дел АСЕАН в июле 2012 г. Это было сделано, как уже говорилось выше, из-за того, что Филиппины, а с ними и Вьетнам настаивали на включении в текст выражения тревоги в связи с ужесточившимся поведением Китая в ЮКМ.

В октябре 2012 г. Камбоджа получила от Китая прямую безвозмездную помощь в 237 млн долл. и еще 90 млн долл. было списано с ее долга, а дополнительная военная помощь камбоджийской армии составила 15 млн долл. [Strangio 2017].

В августе 2018 г. стороны широко отметили 60-летие дипломатических отношений. Эти отношения никогда не были такими тесными, как в последние годы. Китай стал главным инвестором в Камбодже. За пять лет с 2013 по 2017 г. его ПИИ составили 5,3 млрд долл. Только в 2017 г. в недвижимость в Камбодже Китаем было вложено 1,4 млрд долл., или 27% всех ПИИ, полученных страной в этом году. Двусторонняя торговля в 2017 г. составила 5,1 млрд долл. К 2017 г. Камбоджа получила около 4,2 млрд долл. безвозмездной помощи и привилегированных кредитов Китая. Внешний долг Камбоджи в 2017 г. равнялся 9,6 млрд долл., из которых 42% приходилось на Китай [Pheakdey Heng 2018].

В 2017 г. США подтвердили свое требование правительству Камбоджи вернуть долги 40-летней давности за кредиты, предоставленные еще Лон Нолу и доставшиеся Пол Поту после прекращения войны США в Индокитае. За прошедшие годы долг с процентами дорос до 500 млн долл. Премьер-министр Хун Сен неоднократно обращался к предшественникам Д. Трампа с просьбой списать этот долг, называя эти деньги «грязными и омытыми кровью народа Камбоджи». Но все оказалось напрасно. Из-за отказа Камбоджи платить долги США настояли на том, чтобы МВФ ограничил свои отношения с Камбоджей и прекратил предоставление ей новых кредитов.

Требование Д. Трампа не могло не толкнуть страну еще ближе к Китаю. Возрастающая экономическая зависимость заставляет камбоджийских руководителей, оказавшихся в свое время у власти при решающей помощи Вьетнама, проводить двойную игру, балансируя между ним и Китаем. Оппозиционные правящему режиму силы активно эксплуатируют укоренившиеся с времен колониальной зависимости антивьетнамские настроения в стране. С ними не может не считаться и нынешний премьер-министр Хун Сен, в прошлом отколовшийся от группы Пол Пота и перешедший на сторону Вьетнама.

Страны-претенденты

Вторая группа состоит из прибрежных государств — Филиппин, Вьетнама, Малайзии и султаната Бруней. Их претензии на ИЭЗ по Конвенции 1982 г. и на суверенитет над островами оспариваются Китаем. Главными оппонентами Китая

в территориальных спорах в ЮКМ до последнего времени выступали Вьетнам и Филиппины. Непрерывающийся спор с Китаем из-за границ ИЭЗ и суверенитета над островами в ЮКМ является самой «горячей» проблемой в общественном мнении обеих стран.

30 июня 2017 г. на очередных президентских выборах на Филиппинах победил бывший губернатор южной провинции Минданао Родриго Дутерте. Он резко изменил политический курс страны, отказавшись в первое время от активного сотрудничества с США и взяв курс на сближение с Китаем. Отказавшись от прежней активной оппозиции Китаю правительства Д. Акино, новый президент Филиппин прекратил все споры на море в пользу более тесных экономических и политических связей с Китаем. Этот шаг был вознагражден обещанием много-миллиардных инвестиций в инфраструктуру Филиппин с большим списком намеченных проектов. Филиппинские рыбаки вернулись на привычное место промысла в лагуне Скарборо, хотя и оказались под надзором кораблей китайской береговой охраны, которые остались в лагуне [Baviera 2017].

Визит Р. Дутерте в Пекин в октябре 2016 г. побудил почти всех аналитиков, наблюдателей и принимающих решения политиков в Восточной Азии сделать вывод, что Филиппины сошли с пути сотрудничества со своим традиционным союзником — США и бросились в объятия Китая. В ходе этого визита Р. Дутерте объявил, что он решил разорвать зависимость его страны от США и отныне соглашается с Китаем в том, что все спорные вопросы в ЮКМ надо решать на двусторонних переговорах. Это тут же было представлено в мировых СМИ как большая политическая и дипломатическая победа Китая, которая позволит ему значительно укрепить свое влияние в ЮВА. И это же было воспринято как начало новых отношений Филиппин с Китаем, тем более что Р. Дутерте в Пекине заверил, что отныне «многолетняя дружба двух стран нерушима».

В отличие от попыток дипломатической изоляции Филиппин во время арбитражного суда в Гааге Китай отныне рассматривал Филиппины как желательного партнера в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций и в проекте ОВОР. А в это время строительство различных объектов на искусственных островах в Спратли продолжалось без всякого перерыва, но на отмелях лагуны Скарборо никаких работ не начиналось. В СМИ Филиппин были сообщения, будто США и Филиппины довели до сведения Китая, что это стало бы «красной линией», которую Китай не должен переходить. После участия в саммите по ОВОР в мае 2017 г. между Манилой и Пекином возобновился двусторонний диалог и по оставшимся спорным вопросам в ЮКМ.

Однако вскоре стало ясно, что за такой короткий срок невозможно радикально изменить отношения, которые еще год назад были крайне враждебными. Не могли так резко измениться национальные интересы двух стран, чтобы они открыли новую страницу и начали строить отношения с чистого листа.

По сообщениям СМИ, в стране все чаще разгораются скандалы в связи с преследованием китайскими патрулями филиппинских рыбаков в лагуне Скарборо и конфискациями их улова. Проблема Скарборо вновь начала грозить всем договоренностям сторон и позициям самого Р. Дутерте.

По сообщениям экологических служб, большой ущерб наносят частные китайские промысловые суда, которые с использованием динамита добывают ценные цветные кораллы, разрушая таким образом сами коралловые рифы. Это лишает рыбу и всю морскую фауну привычного для них корма, что заставляет ее уходить в другие места. Рыбные ресурсы лагуны Скарборо и других традиционных мест промысла быстро истощаются. Ранее была достигнута трехсторонняя договоренность Филиппин, Китая и Вьетнама о совместном патрулировании в Скарборо. Но, как заявляют филиппинские рыбаки, там действуют только патрульные корабли Китая [Heydarian 2018 (1)].

19 мая 2017 г. агентство Рейтер сообщало о беседе Председателя КНР Си Цзиньпина с президентом Филиппин Р. Дутерте, в которой тот выразил намерение начать разведочное бурение на нефть на шельфе в своей ИЭЗ. На это Си Цзиньпин ответил, что считает Филиппины дружественной страной и хочет сохранить теплые отношения с ней, «но, если она будет усложнять проблему, Китай ответит войной».

За прошедшие 2,5 года после визита Р. Дутерте в Пекин, где ему было обещано инвестировать 24 млрд долл., ни один проект не был реализован. Из 27 сделок, заключенных в 2016 г. в Пекине, лишь несколько начали осуществляться. Это говорило о том, что Дутерте, пожертвовав суверенными правами в ЮКМ, фактически ничего не получил взамен. В октябре 2016 г. Китай обещал предоставить Филиппинам 9 млрд долл. «легких кредитов», включая кредитную линию Банка Китая на 3 млрд долл. И еще 15 млрд долл. ПИИ должны были вложить различные китайские компании. Но сроки их инвестиций обозначены не были. С тех пор, на середину 2018 г., Филиппины получили лишь одно кредитное соглашение на 73 млн долл. на строительство ирригационной системы в северной части Манилы. Получение кредитов от Китая шло значительно медленнее, чем помощь других стран, особенно Японии по программе ОДА. ПИИ из Китая вместе с Гонконгом составили 800 млн долл., это две трети того, что было при прежней администрации Д. Акино. Кредит доверия к Китаю, и без того небольшой, пошел резко вниз.

Несмотря на все заявления в Пекине и предвыборную острую риторику в адрес США (включая обещание закрыть американские базы в течение двух лет), президент Р. Дутерте не решился на пересмотр или разрыв тесных отношений с Вашингтоном. Хотя во второй половине 2016 г. связи между Филиппинами и США прошли период охлаждения, они вновь заметно потеплели с начала 2017 г., когда президент США Д. Трамп вступил в должность. Он прекратил критику Дутерте за нарушения прав человека и поддержал его действия в объявленной войне с наркомафией.

США исторически остаются главным союзником Филиппин в западном мире. Обе страны связаны широкими экономическими, общественными и военными отношениями. Большинство политической элиты Филиппин получило высшее образование в Соединенных Штатах. По данным Бюро переписи населения 2016 г., в США проживают около 4 млн филиппинцев. Это вторая по численности группа среди американцев азиатского происхождения. В то же время это крупнейшая филиппинская диаспора в мире.

Несмотря на улучшавшиеся отношения с Китаем, вооруженные силы Филиппин продолжали укреплять свою обороноспособность, выполняя все программы, принятые еще при прежних президентах. Все контракты, заключенные ранее с США и Японией, сохранились. Главной задачей Филиппин оставалась борьба против терроризма и повстанцев на юге страны. В октябре 2016 г. Р. Дутерте принял помощь Японии в укреплении береговой охраны и закупил у нее два фрегата, а также взял в лизинг два самолета-разведчика.

По просьбе правительства Филиппин, в 2017 г. американские военные осуществляли активную поддержку операции, проводимой силами правительственных войск по освобождению г. Марави от захвативших его боевиков ИГИЛ (признана в России террористической организацией). Город на острове Минданао, населенный преимущественно мусульманами, удерживался полгода (с 23 мая по 23 ноября) местными боевиками, присягнувшими на верность этой террористической группировке. Американцы осуществляли техническую и консультационную поддержку, но, по словам официальных лиц, не принимали непосредственного участия в боевых действиях.

Тем не менее в качестве председателя АСЕАН в 2017 г. Филиппины всячески ограничивали обсуждение проблем ЮКМ, обходили тему строительства искусственных островов и возведения на них военных объектов. Это было видно из заявлений председателя 30-го и 31-го саммитов АСЕАН в Маниле в апреле и ноябре 2017 г. В ответ Китай снял запрет на импорт сельскохозяйственной продукции Филиппин, разрешил филиппинским рыбакам ловить рыбу в лагуне Скарборо и в других спорных районах ЮКМ и начал предварительные переговоры о совместной добыче нефти и газа.

11 апреля 2018 г. на представительном Азиатском форуме Боао на острове Хайнань Р. Дутерте имел беседу с Си Цзиньпином, в которой они договорились начать переговоры экспертов о совместной добыче нефти и газа на шельфе Филиппин в их ИЭЗ. Однако переговоры так и не начались. Они явно столкнулись с многими правовыми проблемами, связанными с запретом на такие действия в филиппинском законодательстве и с неудачей подобного соглашения, подписанного в 2003 г.

В результате **Вьетнам** остался в АСЕАН практически в одиночестве без активной поддержки соседей по региону. С точки зрения вьетнамских политиков защита территориальной целостности и сохранение стабильных мирных отношений в регионе — это две задачи, которые не только не противоречат друг другу, но неразрывно связаны, так как одно невозможно без другого. Ключ к достижению обеих целей — неукоснительное соблюдение норм международного права и осуществление на практике принципа мирного разрешения всех споров и разногласий. И потому даже в самые напряженные моменты летнего кризиса 2014 г. в ЮКМ вьетнамцы терпеливо вели диалог, добиваясь его мирного разрешения, и одновременно продолжали сотрудничество с Китаем во многих областях.

Географически Вьетнам — это небольшая страна, живущая в тени своего гигантского соседа. Для него свойственно оказывать давление на меньшего соседа, как столь же естественно для малой страны сопротивляться этому давлению

и защищать свою независимость до тех пор, пока обе страны не достигнут взаимно удовлетворяющего положения.

Если проанализировать многие совместные заявления руководителей Китая и Вьетнама за последние годы, то станет очевидно, что все они провозглашают лучшие намерения и принципы. Китай призывает Вьетнам вместе работать на основе «исторических фактов» и международного права, чтобы сохранить мир и стабильность в ЮКМ. Для Вьетнама это означает навсегда забыть про Парасельские острова и признать все завоевания Китая на Спратли в 80–90-е годы прошлого века. Пока не ясно, есть ли еще у Вьетнама какое-либо поле для компромисса и маневра, кроме растущего противостояния Китая и США, в котором оба заинтересованы в привлечении Вьетнама на свою сторону.

Вьетнамское руководство не пошло по пути обращения в международные инстанции, но оно оставило за собой это право на крайний случай. На данном этапе это было сочтено нецелесообразным прежде всего из-за масштабов и характера общих отношений с Китаем — главным торговым партнером. Вьетнам предпринимает все усилия для нормализации отношений с Китаем и для предотвращения нового кризиса. Но в будущем не исключено, что и Вьетнам почувствует необходимость изменить свою позицию и использовать возможность прибегнуть к международно-правовым инструментам в потенциально взрывных территориальных спорах в ЮКМ.

Вердикт арбитражного суда в Гааге был с ликованием встречен на Филиппинах как историческая победа страны. Но с приходом к власти президента Р. Дутерте в июне 2016 г. Филиппины радикально пересмотрели свою политику в ЮКМ, что привело к определенному охлаждению их отношений с США, хотя военный союз между ними сохраняется. С другой стороны, отношения с Китаем постепенно возвращаются к тем, что были при президентстве Глории Арройо, которая в 2003 г. подписала с ним соглашение о совместном проведении изыскательских работ в ЮКМ. Наблюдатели считают, что Р. Дутерте до своего возможного переизбрания в 2022 г. продолжит эту политику и ограничит влияние спора на двусторонние отношения. Так что на передней линии противостояния с Китаем Вьетнам остался в относительном одиночестве.

Малайзия многие годы предпочитает играть менее заметную роль в споре, хотя и присоединяется к общей позиции АСЕАН в тех случаях, когда ее удается сформулировать. Страна с 31-миллионным населением, которая еще недавно считалась успешным примером космополитичной поликультурности и толерантности, все более подвергается давлению со стороны мусульманских стран. Претендуя на несколько территориальных объектов в южной части архипелага Спратли, Малайзия, в отличие от Вьетнама и Филиппин, до последнего времени занимала весьма осторожную позицию с учетом того, что более трети населения страны составляют этнические китайцы. Ее отношения с Китаем долго развивались без каких-либо публичных противоречий. Китай — главный торговый партнер страны.

Этому способствовала и антиамериканская направленность внешней политики премьер-министра Махатхира Мохаммада, много лет возглавлявшего прави-

тельство, а также оказанная в прошлом Китаем помощь в ликвидации повстанческого движения маоистов в Малайзии. Китайские рыболовные суда до сих пор беспрепятственно работают в ИЭЗ Малайзии. В 2013–2014 гг. ВМС Китая неоднократно проводили учения со стрельбами и высадкой десанта в южной части архипелага Спратли на необитаемые рифы, которые Малайзия считает своими, но особых протестов с ее стороны это не вызывало.

Китай многие годы успешно разыгрывал «малайзийскую карту» для давления на Сингапур и другие страны АСЕАН, а Малайзия охотно это позволяла. Уже сточение китайской политики в ЮКМ все же встревожило новое поколение лидеров страны, особенно в связи с тем, что китайская «линия U» проходит через ИЭЗ Малайзии и отсекает от нее крупные месторождения нефти и газа. Отношения между ними осложнились в 2014 г. в связи с так и оставшейся не раскрытой катастрофой малайзийского «Боинга» в Индийском океане. Малайзия начала выражать тревогу по поводу маневров китайских ВМС вблизи от своего острова Сент-Джеймс в южной части Спратли. Она приступила к созданию базы для своих ВМС в провинции Саравак и сформировала корпус морской пехоты в ответ на действия Китая. В том же 2014 г. Малайзия приняла визит американских военных кораблей.

Заняв пост председателя АСЕАН в 2015 г., Малайзия сделала все возможное для сохранения единства, пошатнувшегося после председательства Камбоджи. Но в последнее время Малайзия оказалась вовлеченной в крупный финансовый скандал, связанный с расхищением государственного инвестиционного фонда. В сложившейся неблагоприятной ситуации правительство Наджиба Разака, оказавшегося лично замешанным в этом деле, вновь начало быстрое сближение с Китаем.

Осенью 2016 г. Малайзия и Китай подписали Меморандум о совместных инвестициях в строительство порта в Мелака, который намечается превратить в крупнейший торговый порт в Малаккском проливе. Он расположен всего в 200 км от Сингапура и имеет глубину моря в 25 м. Китай включил его в свой проект «Один пояс, один путь». Наблюдатели обратили особое внимание на возможность военного использования этого порта, который в будущем может быть превращен в крупнейшую базу ВМС Китая в Малаккском проливе, через который проходит 80% импорта его нефти. Таким образом Китай нейтрализует Сингапур, который привлекает США в регион. Такое развитие событий совсем не устраивает Сингапур.

В конечном счете Малайзия и Китай при Разаке все-таки достигли негласной договоренности и, как говорят, «согласились не соглашаться». Но все изменилось с неожиданной победой на прошедших 9 мая 2018 г. выборах 93-летнего Махатхир Мохаммада, вновь пришедшего к власти.

На 20-й день после избрания Махатхир Мохаммад совершил официальный визит в Индонезию. По стандартам дипломатии в ЮВА это было слишком быстро. Ему был устроен пышный прием. И там он сделал геополитически важное предложение объединить усилия двух стран против давления Европы на мировой рынок пальмового масла, где доминируют Индонезия и Малайзия.

Но самое главное новшество состояло в том, что он потребовал пересмотреть почти все контракты с Китаем, заключенные его предшественником или при его поддержке. Китайские инфраструктурные проекты в Малайзии вызвали серьезные опасения угрозы удушающего долга объемом в 250 млрд долл. и большие сомнения в связи с их закрытостью и усиленным политическим давлением внутри страны. В результате Малайзия — один из главных торговых и инвестиционных партнеров Китая — стала источником растущего скептицизма и сопротивления усилившемуся влиянию Китая в ЮВА [Heydarian 2018 (2)].

18 июня 2018 г. на вопрос гонконгской газеты South China Morning Post, чем его позиция по проблемам ЮКМ отличается от осторожного подхода его предшественника, Махатхир Мохамад сказал: «В ЮКМ есть несколько рифов, которые мы превратили в острова. И мы хотим там оставаться, ибо они составляют важный элемент защиты принадлежащего нам участка моря от пиратов и других преступников. Поэтому мы хотим сохранить за собой 4-5 таких островов, которые мы занимаем. Все остальные пусть занимают те, кто считает их своими». Но главным в этом интервью было заявление о том, что для поддержания мира и безопасности в ЮКМ не требуется держать там столько больших боевых кораблей, сколько их имеется сейчас. Они создают большую напряженность в регионе. В один прекрасный день может произойти ошибка, и произойдет боестолкновение. Ряд кораблей будет уничтожен, и начнется настоящая война. Лучший способ поддерживать мир в ЮКМ — это сократить число боевых кораблей в ЮКМ и использовать только небольшие патрульные корабли береговой охраны, достаточно оснащенные для борьбы с пиратами и криминалом, но не для войны с другим государством. При этом возможно организовать и международные патрули с участием всех прибрежных государств. Не исключается участие в них кораблей США и Китая, если они этого пожелают. Предложения малайзийского лидера вызвали большой интерес в ряде стран АСЕАН. Известный политический обозреватель Вьетнама назвал их даже «формулой мира для ЮКМ» [Hông Thủy 2018].

Бруней заметно активизировался в 2013 г., когда стал председателем в АСЕАН. Султанат попытался ускорить подписание юридически обязывающего Кодекса поведения в ЮКМ, но это ему не удалось. С тех пор он никакой активности в спорах не проявляет.

Разведка на нефть и газ на шельфе Брунея ведется в основном китайскими компаниями. В начале 2017 г. в Брунее вступило в строй совместное предприятие Muara Port Company (MPC), которое было создано усилиями китайской компании Guangxi Weibu Gulf Port Group и брунейской Darussalam Asset для налаживания работы крупнейшего контейнерного терминала страны «Муара». Новый оператор должен повысить операционную эффективность терминала, снизить логистические затраты и существенно увеличить пропускную способность порта. Проект осуществляется в рамках Морского Шелкового пути.

В 2017 г. султан Брунея принял решение ввести у себя законы шариата, что вызвало протесты во многих столицах стран АСЕАН.

Страны, не участвующие в споре, но заинтересованные в его решении

Третья группа состоит из морских государств — Индонезии и Сингапура, которые формально не являются участниками спора в ЮКМ, но весьма заинтересованы в поддержании мира и стабильности в регионе. В АСЕАН только Сингапур и Индонезия действительно хотят играть роль посредников в споре, тогда как другие все более склоняются на сторону Китая, привлекаемые экономическими выгодами от сотрудничества с ним. Активное сотрудничество с ВМС таких стран, как Индия, Япония и США, иногда способно несколько разрядить обстановку, но это никому не дает никаких гарантий безопасности сейчас и в стратегическом плане. Громких заявлений и, возможно, даже нескольких патрульных кораблей явно недостаточно, чтобы противостоять планам Китая. И всегда остается возможность их договоренности за счет интересов стран ЮВА.

Позиция **Индонезии** имеет особое значение для АСЕАН. Это самая крупная страна ЮВА, предложившая в свое время саму идею создания АСЕАН. Она производит до 40% годового ВВП всех стран АСЕАН в целом. Все годы существования АСЕАН Индонезия уделяла большое внимание укреплению ее сплоченности и повышению эффективности. Неслучайно, что именно в Джакарте находится Секретариат АСЕАН.

Отношения Индонезии и Китая отличаются особой сложностью. После сокрушительного погрома китайской диаспоры в октябре 1965 г. они были надолго заморожены. Дипломатические отношения были восстановлены только в 1990 г. В 2005 г., после визита Ху Цзиньтао, они были подняты до уровня стратегического партнерства. Индонезия как ведущая страна АСЕАН была глубоко вовлечена в процесс восстановления мира в Камбодже после введения туда вьетнамских войск.

Многие годы Индонезия пыталась взять на себя роль нейтрального посредника между странами-претендентами и Китаем. С 1990 г. там проходили неформальные международные семинары экспертов и политиков. Одним из важнейших результатов этих дискуссий стала Декларация 2002 г., а также ряд договоров о проведении научных исследований и спасении терпящих бедствия.

Индонезия не претендует на суверенитет над островами ЮКМ, но около 50 тыс. кв. км акватории моря севернее группы островов Натуна, входящие в ИЭЗ Индонезии, оказались отрезанными «линией U». А там эксплуатируются крупнейшие месторождения природного газа. Они также являются излюбленным местом промысла для рыбаков не только Индонезии, но и других прибрежных стран.

За последние годы индонезийское руководство стало играть более заметную роль в регионе, оказавшись перед вызовом со стороны Китая. Один из ближайших советников президента министр по морским делам Л. Панджайтан в интервью сингапурской газете *Straits Times* предупреждал: «Сегодня восприятие Китая значительно ухудшается, и не в последнюю очередь из-за милитаризации, а можно сказать, колонизации Южно-Китайского моря»⁴.

⁴ Цит. по: [Kurlantzick 2018].

Индонезия добивается от Китая разъяснения его требований в границах «линии U», но однозначного ответа пока так и не получила. Она категорически отказывается признавать, что в этом районе у нее есть какой-то спор с Китаем, хотя и настаивает на том, чтобы обе страны провели переговоры о морской границе между ними. Для подкрепления своих требований в этой зоне власти Индонезии не только активно заселяли мигрантами острова Натуна в течение последних 20 лет, значительно усилили военный гарнизон на этой группе островов и направили туда дополнительно несколько военных кораблей. Крайне негативное отношение в Китае вызывают и шаги Индонезии по формированию стратегического партнерства с Австралией, Индией и США. Время от времени Индонезия проводит здесь крупные военные учения. Новое правительство страны ужесточило свою политику и в отношении «чужих» рыбаков вплоть до все более частого применения силы.

Однако с 2016 г. начались частые инциденты с китайскими рыболовными судами и прикрывающими их сторожевыми кораблями Китая в ИЭЗ Индонезии севернее островов Натуна. Серьезное недовольство в мусульманской Индонезии вызвали репрессии Китая против уйгур в Синцзяне и других мусульманских меньшинств. В стране сохраняются сильные антикитайские настроения, связанные с наличием весьма зажиточной и влиятельной китайской диаспоры, а также с растущим числом китайских рабочих, приезжающих на стройки. Постоянно сохраняется опасность повторения этнических чисток и погромов. Несмотря на все усилия правительств поддержать отношения на должном уровне, это удается не всегда.

С приходом к власти президента Дж. Видодо Индонезия, многие годы являвшаяся духовным и политическим лидером АСЕАН, сделала приоритетом свои внутренние проблемы. Во внешнем плане она проявляет стремление укрепить собственные позиции за рамками АСЕАН в качестве крупной морской державы на двух океанах. Во время своей избирательной кампании в 2014 г. Дж. Видодо заявлял, что проблема ЮКМ настолько сложна, что ей не стоит уделять слишком много внимания, пока на горизонте не появится реальная возможность ее решения. Он также поддержал китайский проект OBOR. Китай в этом проекте также рассматривает Индонезию как ключевого игрока. На данном этапе экономическое сотрудничество Китая и Индонезии растет по всем направлениям. Стороны поставили задачу удвоить объем торговли и довести его к 2020 г. до 150 млрд долл. Индонезия импортирует из Китая товаров больше, чем из какой-либо другой страны, а Китай является вторым после Японии направлением ее экспорта. Стороны заключили восемь соглашений о различных проектах инфраструктурного строительства, осуществляемого Китаем. В целом возникла ситуация, когда стороны очень нужны друг другу.

Тем не менее в первой половине 2016 г. произошло несколько инцидентов между индонезийскими пограничниками и китайскими рыболовными судами. В ответ на протесты индонезийских властей последовали обычные заявления МИД КНР о том, что китайские рыбаки якобы вели промысел в своем традиционном месте и ничего не нарушали.

Индонезия не утратила интереса к АСЕАН. Вряд ли случайно в центре Джакарты возводится 17-этажное здание Секретариата АСЕАН с вертолетной площадкой на крыше. По случаю 50-летия АСЕАН министр иностранных дел Индонезии г-жа Ретно Марсуди в сингапурской газете *Straits Times* призвала по достоинству оценить все достигнутое АСЕАН. «Всегда очень соблазнительно критиковать АСЕАН за его недостатки, — писала она, — но давайте представим наш регион и мир без АСЕАН. Регион, где споры легко превращались в полномасштабные войны, где каждая страна могла рассчитывать только на себя, а в мире Юго-Восточная Азия была ареной, на которой большие державы играли мускулами. Вместо всего этого, благодаря АСЕАН, мы имеем регион, который после окончания войны во Вьетнаме стал относительно свободным от любого крупного межгосударственного вооруженного конфликта; регион, в котором соглашение 1992 г. о свободной торговле позволило поднять внутренний товарооборот с 80 млрд долл. в 1993 г. до почти 550 млрд долл. (748 млрд сингапурских долл.) в 2015 г., выдвинув АСЕАН на место шестой экономики мира; для которого АСЕАН стал одним из двигателей к миру и прогрессу. Короче, АСЕАН добилась успеха в создании экосистемы мира и процветания в регионе»⁵.

Индонезия особенно активно выступила против этнических чисток в Мьянме в отношении мусульманского меньшинства рохинджа. И это было не удивительно. Как и в соседней Малайзии это стало частью ее внутренней политики, как и решительное осуждение действий Д. Трампа на Ближнем Востоке.

Некоторое снижение активности Индонезии в АСЕАН создало возможность для других членов АСЕАН взять ответственность на себя за действия в тех направлениях, где они находятся на переднем крае. И это стало особенно заметно в последнее время на примере Вьетнама. В 2013 г. Индонезия и Вьетнам установили между собой отношения стратегического партнерства. Это такой статус, который обе страны придают самым важным для них межгосударственным отношениям. До последнего времени Вьетнам — это единственный стратегический партнер Индонезии в АСЕАН, а для Вьетнама такими партнерами являются Индонезия и Таиланд.

Стратегическое партнерство Индонезии и Вьетнама, подкрепленное многолетним сотрудничеством в АСЕАН, имеет большое значение для укрепления единства всей Ассоциации. По мнению директора Института внешней политики и стратегии Дипломатической академии Вьетнама Хоанг Ань Туана, оно может «подтолкнуть другие страны АСЕАН к созданию целой сети стратегических партнерств между собой, которое принесет свои дивиденды всему региону» [Hoang Anh Tuan 2013].

Сингапур как единственная экономически развитая страна среди членов АСЕАН с большой зависимостью от морской торговли активно вовлечена в процесс интеграции и часто играет роль «начальника генерального штаба» АСЕАН. До последнего времени он был одним из самых громких критиков действий Китая в ЮКМ. Это уже не раз приводило к серьезным проблемам в его отношениях

⁵ The Straits Times. August 7, 2017.

с Китаем. Но при всем этом его экономика тесно связана с Китаем, и у его руководителей никогда не было ни желания, ни возможностей вставать на путь конфронтации с Пекином.

Если ЮКМ окажется под военным контролем Китая, это может стать смертельным ударом для самого существования Сингапура. Он обязан своим процветанием тому, что всегда был важнейшим центром притяжения иностранных инвестиций. Сингапур активно рвался в задуманное Б. Обамой Транстихоокеанское партнерство. Это не нравилось Китаю, как и то, что Сингапур позволял себе критиковать его политику, несмотря на его преимущественно китайское население. Сингапур всегда был уверен в поддержке США, но эта уверенность оказалась поколеблена с того момента, когда в США президентом стал Д. Трамп — адвокат протекционизма в торговой политике. Возможно, по этой же причине премьер-министр Ли Сяньлун, который демонстративно не был приглашен в Пекин на форум, посвященный проекту Нового Шелкового пути XXI века, стал активно поддерживать этот проект. На проходившем очередном Диалоге Шангри-ла в июне 2017 г. выступление министра обороны США Дж. Маттиса было встречено очень холодно авторитетными представителями стран ЮВА. После него министр обороны Сингапура резко раскритиковал президента Трампа за выход из Транстихоокеанского партнерства. Он подчеркнул, что в отличие от США Китай «нажал на все педали, чтобы продвинуться еще дальше в своих планах оставаться лидером в торговле в АТР»⁶. И при этом он, однако, ни словом не упомянул милитаризацию Китаем островов в ЮКМ.

Сингапур предоставил США доступ на свою базу ВМС Чанги и разрешил американским кораблям береговой охраны базироваться там постоянно. Он также позволил самым современным самолетам США вылетать со своей территории для наблюдения за действиями Китая в ЮКМ.

Два месяца продолжался конфликт с Китаем из-за ареста в Гонконге военных машин Сингапура, возвращавшихся с совместных учений на Тайване. Но затем отношения вновь начали восстанавливаться. Лидеры встретились в Гамбурге на саммите G 20 в июне 2017 г. Точно так же в кулуарах встречи министров иностранных дел АСЕАН и Китая в Маниле 5–7 августа состоялась беседа министров, после которой обе стороны дали ей весьма позитивную оценку.

И все же Сингапур был и остается неизменным сторонником существенного присутствия США в ЮВА. В дипломатических кругах Китая после встречи министров иностранных дел в Маниле опасались, что в 2018 г., когда председательство в АСЕАН перейдет к Сингапуру, там вновь поднимется волна критики в адрес Китая за действия в ЮКМ. 10 августа 2017 г. агентство Рейтер, ссылаясь на свои источники, указывало на давление со стороны Китая с целью не допустить этого. По сообщениям агентства, ряд должностных лиц КНР на закрытых встречах со своими коллегами из Сингапура настойчиво требовали не допускать новых неприятностей для Пекина.

В Пекине считают, что Сингапур, где большинство населения составляют китайцы, должен больше прислушиваться к мнению Китая. Ужесточившийся курс

⁶ The Straits Times. June 5, 2018.

Китая и непредсказуемая политика президента США Д. Трампа превращают город-государство в некое подобие игральной кости. Чтобы стать действительно глобальным центром, Сингапур должен, насколько возможно, оставаться дипломатически нейтральным. Это легко сказать, но непросто сделать, особенно если речь идет о такой маленькой стране-городе, оказавшейся на пути двух сверхдержав — США и Китая.

Итак, Вьетнам и Филиппины в том, что касается их споров с Китаем, оказались в АСЕАН в относительной изоляции, а после смены курса филиппинскими властями Вьетнам остался вообще один. Все другие члены АСЕАН предпочитают сохранение своих торговых и политических связей с Китаем принятию более жесткой позиции по спорам в ЮКМ. Как показали прошедшие в августе 2017 г. в Маниле встречи министров иностранных дел АСЕАН и очередная сессия АРФ, из десяти стран АСЕАН девять сдвинули свои позиции в сторону Китая с момента прихода к власти в США Д. Трампа. Вьетнам остался на какое-то время единственным из членов АСЕАН, который открыто и решительно выступал с жестких позиций по отношению к Китаю. Остальные предпочли выражать свое беспокойство его действиями в частном порядке.

Общая стратегия «хеджирования рисков»

Страны АСЕАН несравнимы по мощи ни с кем из внерегиональных «тяжеловесов». У них нет другого выбора, кроме как балансировать хорошие отношения с одними тесным сотрудничеством с другими. И они вместе, а чаще в одиночку, руководствуясь своими собственными интересами и специфическими особенностями отношений с Китаем и с США, вот уже многие годы ведут эту игру, которая получила название «хеджирование». Она означает привлечение всех крупных держав к сотрудничеству, поддержание их заинтересованности в стабильном развитии региона и связывание их определенными нормами поведения. Главное при этом заключается в том, чтобы не допускать доминирования какой-то одной страны во всем регионе и чтобы правила поведения в нем вырабатывались самими странами АСЕАН, а не привносились извне.

Всегда, когда есть возможность, страны АСЕАН предпочитают не занимать чью-либо сторону. Они не желают быть втянутыми в конфликт интересов между Китаем и США, как и между ним и Японией или Индией. Но они при этом рассматривают эти противоречия и как шанс воспользоваться ими в своих собственных интересах. Деловые круги, например, хотели бы больше и напрямую торговать именно с США, Японией и другими промышленно развитыми странами, откуда к ним поступают инвестиции и новые технологии. Не все, но многие из них поощряют США к сохранению военного присутствия в регионе, обеспечивают им определенные услуги и доступ к базам (ранее покинутым, как на Филиппинах), охотно участвуют в совместных военных учениях. Однако АСЕАН как международная организация в отличие от ряда своих индивидуальных членов старается по возможности не занимать чью-то сторону в стратегическом противостоянии США и Китая в ЮКМ.

Страны АСЕАН по-разному восприняли итоги арбитражного суда в Гааге. Не все положения принятого вердикта отвечали интересам того же Вьетнама. Особенно это касается отказа признать естественными островами все его территориальные объекты в архипелаге Спратли. А это значит, что им не полагается ни зона территориальных вод, ни тем более ИЭЗ. В вердикте суда нет ни слова о Парасельских островах. Да и в архипелаге Спратли его требования суверенитета противоречат некоторым требованиям Филиппин. Неслучайно МИД СРВ сделал заявление, приветствующее сам факт вынесения вердикта, но не дающее оценки его содержания.

Малайзия как еще одна претендующая на суверенитет страна призвала всех участников спора к проявлению сдержанности и недопущению эскалации напряженности в реализации принятого вердикта. Довольно общий характер имело и заявление Индонезии, в котором вердикт суда даже не упоминался. Сингапур через своего министра иностранных дел заявил, что он занимает сугубо нейтральную позицию в этом споре, но призвал все стороны уважать «правовые и дипломатические процессы» в их разрешении.

Все говорило о том, что страны АСЕАН решили воздержаться от открытой поддержки вердикта и требований его выполнения, чтобы не провоцировать Китай на какие-либо новые действия. Министры иностранных дел, собравшиеся на очередную встречу в столице Лаоса Вьентьяне, тоже под сильным давлением Китая в принятом заявлении от 25 июля 2016 г. об этом вердикте ни словом не упомянули, но в развернутом виде впервые сформулировали общую позицию по ситуации в ЮКМ. По сложившейся традиции, ими не был назван Китай, но ясно выражена озабоченность всей десятки стран АСЕАН ростом напряженности в результате последних действий именно Китая, и подчеркивается призыв к решению споров мирным путем на основе международного права и особенно Конвенции ООН 1982 г.

Принятый там же министрами иностранных дел АСЕАН и Китая документ был оценен наблюдателями как успех китайской дипломатии. В создавшейся ситуации страны АСЕАН явно воздержались от провоцирования Китая на дальнейшее повышение напряженности. Они нашли «новый консенсус», который был зафиксирован на саммите АСЕАН 6–7 сентября 2016 г. во Вьентьяне. В традиционном заключительном Заявлении председателя было полностью воспроизведено ранее принятое заявление министров иностранных дел АСЕАН, которые призвали к «полному уважению правовых и дипломатических процессов» урегулирования споров в ЮКМ. С тех пор это выражение («правовые и дипломатические процессы») употребляется во всех последующих документах АСЕАН и подразумевает некий паллиатив поддержки вердикта гаагского арбитражного суда. Но это только для тех, кто умеет читать документы между строк.

Таким образом, учитывая большие различия между членами АСЕАН, она никак не может стать эффективным противовесом Китаю. Заинтересованность в том, чтобы как-то вместе противостоять ему, у стран АСЕАН есть, но пока им это удается редко. Чаще Китаю удается сыграть на противоречивых интересах членов АСЕАН. Все это наглядно проявилось в целом ряде последних форумов АСЕАН

до и после вердикта арбитражного суда, включая саммиты АСЕАН во Вьентьяне (сентябрь 2016 г.) и в Маниле (ноябрь 2017 г.). Но для этого и Китаю пришлось пойти на некоторые уступки своим соседям, согласившись ускорить переговоры по разработке Кодекса поведения сторон в ЮКМ (СОС).

АСЕАН не может играть никакой роли в решении споров о суверенитете над островами и акваториями моря, в которые вовлечены четыре государства — члены АСЕАН и Китай. Они могут быть решены только самими претендентами в двустороннем порядке, если речь идет о споре двух стран, и в многостороннем порядке, когда затронуты интересы нескольких стран. Но АСЕАН может и пытается сыграть свою роль в принятии мер доверия и в управлении конфликтами.

Благодаря дипломатической инициативе Индонезии АСЕАН сумела в основном преодолеть возникший в 2012 г. раскол, хотя единства позиций по спорам в ЮКМ по-прежнему нет.

Многочисленные внутренние проблемы в странах АСЕАН влияют на положение Ассоциации в регионе. Они часто отвлекают внимание правительств от региональных проблем. К тому же различные оценки геостратегической ситуации нередко приводят их к компромиссам с внешними партнерами, прежде всего с Китаем, которые могут быть выгодными только им или нескольким другим странам, но отнюдь не всей АСЕАН. Но лидеры государств исходят из соображений собственной выгоды и сохранения политической стабильности в своих странах, ставя эти интересы превыше всех остальных.

Эскалация соперничества между Китаем и США создает стратегическую проблему для многих стран АСЕАН. Они не заинтересованы в том, чтобы вставать на чью-то сторону, но, когда их принуждают к этому, возникает вопрос, что станет с единством АСЕАН и ее центральной ролью в регионе. В сложившейся в 2016 г. обстановке они склонились к тому, чтобы выдержать некоторую паузу вместо того, чтобы активно добиваться прорыва в отношениях с Китаем.

В интервью вьетнамскому радио заместитель министра иностранных дел СРВ Нгуен Куок Зунг, курирующий работу с АСЕАН, назвал ошибочным мнение, что с образованием Сообщества сильно ослабло единство стран АСЕАН, особенно по ключевым вопросам региона, таким как споры в ЮКМ с Китаем. По его словам, нельзя считать, что в процессе строительства Сообщества сплоченность АСЕАН ослабла. С принятием целого ряда соглашений, с конкретными мерами по строительству Сообщества во всех трех областях взаимосвязь его членов значительно окрепла. Но есть, конечно, такие вопросы, которые требуют много времени для своего решения. Естественно, никто не думал, что с созданием Сообщества исчезнут все различия между его членами. Поэтому разные мнения и позиции по некоторым проблемам — это вполне обычное дело. Члены АСЕАН всегда строили свое Сообщество по принципу «единство в разнообразии». Но по таким трудным проблемам, как территориальные споры в ЮКМ, страны АСЕАН полностью едины в основных принципах решения этих споров⁷.

Обстановка в ЮКМ станет менее напряженной, когда Китай этого захочет в интересах своего «мирного развития». Все претендующие стороны еще хотят

⁷ Радио «Голос Вьетнама» на англ. яз. 07.08.2017.

поддерживать диалог с Китаем и пусть медленно, но продвигаться вперед. При этом малые страны будут пытаться выносить проблемы ЮКМ на международные и региональные форумы, когда это будет им необходимо. Все форумы, действующие в рамках АСЕАН, останутся еще долго местом встреч внутри и вне региональных сторон для неформального обсуждения положения в ЮКМ. И это будет способствовать сохранению трудноразрешимого спора в рамках переговорного процесса, пока не созреют условия для его разрешения.

ДОЛГИЙ ПУТЬ К КОДЕКСУ ПОВЕДЕНИЯ В ЮКМ

От Декларации-2002 к базовому проекту Кодекса

Впервые АСЕАН оказалась вовлеченной в проблемы ЮКМ в июле 1992 г., когда между Китаем и Вьетнамом разгорелся спор по добыче нефти около рифа Вангард, что в границах ИЭЗ Вьетнама. АСЕАН тогда сделала Заявление, призвав обе стороны к сдержанности (Вьетнам еще не был членом АСЕАН.) и к выполнению обязательств по Договору 1976 г. о дружбе и сотрудничестве в ЮКМ.

В этом Заявлении впервые появилось словосочетание «Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море», который предлагалось принять. Но призывы АСЕАН тогда услышан не был.

В ноябре 1997 г. в Куала-Лумпуре состоялся первый саммит АСЕАН — Китай, а через шесть лет уже на 6-м саммите на о. Бали в 2003 г. была подписана Декларация о стратегическом партнерстве ради мира и процветания.

Потребовалось 10 лет для того, чтобы сначала уговорить Китай в 2002 г. присоединиться к Декларации о принципах поведения сторон в ЮКМ (DOC), а затем еще 10 лет для того, чтобы уговорить его начать хотя бы не переговоры, а только предварительные консультации о превращении этой Декларации в юридически обязывающий Кодекс. Китай явно не хотел связывать себя никакими ограничениями в своих действиях в ЮКМ и откровенно затягивал разработку СОС.

Декларация 2002 г. провозглашала обязательство сторон мирно решать все споры в ЮКМ путем переговоров, не применяя силу или угрозу силой, проявлять сдержанность в своих действиях в зоне ЮКМ и избегать возникновения конфликтных ситуаций. Среди прочего стороны также договорились не прибегать к односторонним попыткам эксплуатации нефтегазовых месторождений и не заселять остающиеся необитаемыми острова, рифы и атоллы.

Принятие Декларации, по сути, стало первым шагом на пути интернационализации дискуссии вокруг сложившейся ситуации в ЮКМ. Но страны АСЕАН не отказались от идеи некоего обязывающего кодекса поведения в регионе. Постепенно им все-таки удалось втянуть Китай в процесс обсуждения проблем в ЮКМ. Этому способствовала и его заинтересованность в расширении и укреплении политических и экономических отношений с соседними странами ЮВА в период политики реформ и открытости.

В 2013 г. усилиями Индонезии, Вьетнама, Таиланда и Брунея была достигнута договоренность о начале консультаций по Кодексу на уровне генеральных директоров МИД. Затем прошло почти двадцать раундов таких консультаций, но Китай не спешил связывать себя никакими юридическими обязательствами. И только накануне принятия в Гааге вердикта арбитражного суда наметился определенный прогресс. Отвергнув этот суд и его вердикт, Китай попытался отвести от себя критику стран АСЕАН и мирового общественного мнения и предстать в образе ответственного партнера, готового сотрудничать с АСЕАН в установлении стабильного мирного порядка в ЮКМ.

6 августа 2017 г. в Маниле министры иностранных дел Китая и АСЕАН утвердили двухстраничный «рамочный проект» СОС, который затем был принят саммитом АСЕАН в ноябре того же года в Маниле. И это считалось важным шагом со стороны Китая. А 3 августа 2018 г. министры иностранных дел на встрече в Сингапуре приняли уже первый, базовый текст Кодекса как основу для дальнейших переговоров по окончательному варианту до конца 2018 г.

Базовый проект Кодекса поведения

Ни рамочный проект СОС, ни его базовый вариант опубликованы не были, но, как обычно бывает, стороны допустили определенные утечки информации. Как стало известно, базовый проект на 19 страницах состоит из трех частей и заключения. В нем зеленым цветом внесены все поправки, поступившие от 11 стран, участвующих в переговорах. В преамбуле говорится об основах Кодекса, его связи и соотношении с DOC-2002. Дело в том, что Китай с самого начала рассматривал и продолжает рассматривать принятие Кодекса как часть процесса по реализации этой Декларации. Это предполагает, что основные ее положения будут воспроизведены и в Кодексе. Китайские официальные лица неоднократно заявляли, что не стоит надеяться, что он будет радикально отличаться от Декларации. С самого начала принятый за основу проект повторяет предупреждение рамочного проекта, что настоящий Кодекс «не является инструментом разрешения территориальных споров и разграничения морских границ».

Карл Тэйер, которому удалось ознакомиться с принятым текстом базового проекта, отмечает пять его главных особенностей: география действия, разрешение споров, обязательства по сотрудничеству, роль третьей стороны или посредников, правовой статус Кодекса. Оказалось, что географические границы действия СОС в нем по-прежнему не указаны вообще. Вьетнам предложил, чтобы он действовал применительно ко всем оспариваемым объектам и границам морских зон в ЮКМ в соответствии с Конвенцией ООН 1982 г. Индонезия добавила обязательство соблюдать границы ИЭЗ и континентального шельфа [Thayer 2018].

Значительная часть проекта посвящена предупреждению и разрешению споров в ЮКМ, но ни одна статья не содержит ссылки на обязательный характер участия сторон в рассмотрении споров, что записано в Приложении VII Конвенции 1982 г. Индонезия в этой связи напоминает о существующем механизме раз-

решения споров, который указан в Договоре 1976 г. о дружбе и сотрудничестве. Близкое по содержанию предложение внес и Вьетнам.

Проект повторяет записанное в Конвенции обязательство сотрудничать в охране окружающей среды, в предотвращении инцидентов, требует проявлять сдержанность и т.д. Вьетнам предложил целый раздел из 26 пунктов, который ясно указывает, что стороны могут делать и чего не могут, включая строительство искусственных островов и размещение на них военных объектов и вооружений.

Самое важное в предложениях Китая по этой статье состоит в том, что прибрежные страны не должны вступать в сотрудничество с компаниями из стран за пределами региона. В противоположность этому, Малайзия предлагает, чтобы ничто в СОС не касалось прав и возможности сторон вести дела с другими государствами или частными компаниями по их собственному выбору.

О том, что касается отношения других стран к СОС, в проекте не говорится ничего. Бруней предложил внести на ГА ООН проект резолюции, по которой все страны выразили бы поддержку принципам СОС. Китай настаивает на том, что СОС обязывает только страны АСЕАН и исключает любое вовлечение других стран.

Базовый проект, как заметил К. Тэйер, не содержит указания на то, что Кодекс является договором по международному праву. Вьетнам настаивает на том, что стороны должны признать юридически обязывающий характер СОС, который должен быть по всем правилам ратифицирован подписавшими государствами, а ратификационные грамоты переданы Генеральному секретарю ООН и зарегистрированы в соответствии со ст. 102 Устава ООН. Китай еще на предыдущей стадии переговоров с этим был не согласен, поэтому данное предложение не вошло в базовый проект. На практике это означает, что Кодекс может стать просто «джентельменским соглашением».

Шаг вперед или отвлекающий маневр?

При всех отмечаемых многими наблюдателями недостатках сам факт принятия базового проекта Кодекса поведения в ЮКМ был шагом вперед на еще долгом пути, который предстоит пройти. Привлечь Китай к переговорам по решению проблем ЮКМ было крайне трудным делом. Это требовало не только согласия в АСЕАН, но политической воли руководства КНР принять это согласие. Процесс выработки позиции идет на трех уровнях: национальном в каждой стране, внутри АСЕАН и между АСЕАН и Китаем. И это делает процесс достижения договоренностей очень длительным.

Важной задачей для наиболее заинтересованных стран АСЕАН было удержание Китая в этом переговорном процессе. Для политических элит стран АСЕАН это еще один путь сохранения контроля за действиями Китая. Путь к СОС будет весьма извилистым и долгим, но хоть в какой-то мере он позволяет поддерживать баланс между великодержавными устремлениями Китая и интересами малых и средних государств региона, стремящихся получить от этого свои выгоды и собственную безопасность.

В создавшихся в ЮКМ условиях принятый базовый проект, несмотря на все недостатки, это позволяет. Он предоставил основу для дальнейших переговоров по полному содержанию СОС. Они вряд ли удовлетворят те страны АСЕАН, которые надеются на обязывающий и всеохватывающий Кодекс. Об этом свидетельствует и весь опыт прошедших десятилетий. Но за ними остается право такой Кодекс не принимать.

Итак, через 16 лет после того, как в 2002 г. в Пномпене стороны обещали принять Кодекс, они подошли к решающей стадии переговоров. По мнению наблюдателей, Китай будет оттягивать его принятие до тех пор, пока не создаст все возможности для того, чтобы проецировать свою силу и влияние на весь регион. Так что Кодекс для него станет средством закрепления своего контроля, а вовсе не его ограничения [Yong 2018].

Есть большие сомнения, что Китай вообще пойдет на принятие каких-либо обязательных для него правил. Но достаточно длительный процесс позволит ему уверенно закрепиться на базах, строящихся на Парасельских островах и на семи искусственных островах в архипелаге Спратли. Переговоры АСЕАН с Китаем по Кодексу, похоже, просто не имеют конца. Они отвечают избранной китайской дипломатией тактике, получившей название «говорить и брать» (“talk and take”), что напоминает русскую поговорку: «А Васья слушает да ест».

Но он может получить и немалые выгоды, если поддержит эффективный Кодекс поведения в ЮКМ. Это откроет путь к сотрудничеству в осуществлении планов морского Шелкового пути. Его имидж в регионе радикально улучшится, желание соседей втянуть США в этот спор уменьшится, а шансы ввязаться в конфликт исчезнут вообще. Если и когда такой Кодекс будет все-таки принят, то откроется возможность сделать его обязательным для присоединения и других стран вне региона, что не решит территориальные споры, но создаст атмосферу доверия, необходимую для их решения, и сделает его эффективным инструментом поддержания регионального мира и стабильности.

Самыми трудными вопросами для АСЕАН являются три следующих момента.

1. Механизм ответственности (компенсации, финансовая ответственность или другие соответствующие действия).

2. Ответственность по суду или через арбитраж по рассмотрению споров, возникающих между сторонами.

3. Связь решений по СОС с Конвенцией ООН по морскому праву. Тем самым СОС стал бы частью Конвенции, как и вопросы определения статуса острова, скалы, рифа, отмели и т.п. Важно, что в нем будет сказано относительно преимущественных прав в исключительной экономической зоне, а также относительно пресловутой «линии U». Если какого-либо из этих моментов СОС не будет, то и значение его будет ограниченным. Поэтому предстоят еще длительные и трудные переговоры с Китаем.

До сих пор страны АСЕАН были согласны между собой только в том, чтобы наиболее трудные вопросы отложить на более поздний этап. И, наконец, этот этап наступил. Теперь важно, чтобы по этим вопросам было единство мнений в самой АСЕАН, но его по-прежнему еще нет.

Милитаризация ЮКМ усиливается

Наблюдатели отмечали, что за внешне примирительными жестами со стороны Китая скрываются его активные действия по наращиванию вооруженных сил и средств для контроля над всей акваторией ЮКМ. Пока обстановка в ЮКМ некоторое время оставалась не такой напряженной, как раньше, Китай успел значительно укрепить свои позиции. Он продолжал наращивание присутствия своих ВМС, увеличивал число и масштабы военных учений на море, а также сооружение различных укреплений, узлов связи, складов, радаров и пусковых ракетных установок на своих искусственных островах в архипелаге Спратли, совершал тренировочные посадки стратегических бомбардировщиков на Парасельских островах. Только с марта по сентябрь 2018 г. Китай провел восемь таких учений в ЮКМ с участием кораблей ВМС и авиации, включая пять учений с применением боевых снарядов.

В них участвовал и первый китайский авианосец «Ляонин» со всей эскадрой сопровождения. На самом крупном учении присутствовал лично Председатель КНР Си Цзиньпин. Китайские военные на искусственных островах препятствовали полетам любых иностранных самолетов над ними и заходу американских кораблей в 12-мильную зону вокруг этих островов, хотя границы этой зоны Китай еще не объявлял. Значительно возросла в этом районе и активность китайских рыболовных судов. В гавани острова Суби отныне постоянно базируется китайский поисково-спасательный корабль. Рыбаков сопровождают полувоенные сторожевые корабли.

В марте 2018 г. вновь возникли проблемы в отношениях Китая с Вьетнамом после того, как вьетнамское руководство решило начать эксплуатацию нефтяного месторождения в квадрате 136 03 в ИЭЗ Вьетнама, но за китайской «линией U». Находившийся в это время с визитом в Ханое заместитель председателя Военной комиссии ЦК КПК прервал свой визит, а китайские власти потребовали от Вьетнама немедленно прекратить все работы на этом участке, впервые открыто угрожая прямой атакой на вьетнамские острова в архипелаге Спратли. Перед такой угрозой Вьетнам был вынужден дать указание испанской компании «Репсоль» временно работы в этом блоке прекратить. Таким образом, Вьетнам под сильным китайским давлением отступил, хотя это и могло стать поворотной вехой и изменением всего баланса отношений в пользу Китая. Китай вполне может сделать из этого пример того, как заставить все страны региона признать свою «линию U» и продолжать свою стратегию «свершившихся фактов» в ЮКМ. Это подтвердилось уже в июне того же года, когда Китай предъявил аналогичные требования уже российской компании «Роснефть». Официального ответа на этот демарш не последовало.

На 51-й встрече министров иностранных дел в Сингапуре в августе 2018 г., где был принят за основу базовый проект СОС, все десять стран АСЕАН, в отличие от прошлых встреч, согласились выразить в принятом коммюнике «озабоченность созданием искусственных островов и действиями, которые подрывают доверие, усиливают напряженность и способны нарушить мир, безопасность и ста-

бильность в регионе». Все они также выступили за сохранение центральной роли АСЕАН [Viet Anh 2018].

Министр иностранных дел КНР Ван И на этой встрече в Сингапуре признал милитаризацию островов, но назвал эти действия «сугубо оборонительными и ответными на давление США и других внерегиональных держав» [Там же]. Точно так же глава китайской делегации на Диалоге Шангри-ла в июне 2018 г. заявил, что Китай дислоцирует войска и вооружения на островах в ЮКМ, что является его суверенным правом и вполне допускается международным правом.

С 2015 г. США начали все громче обвинять Китай в милитаризации ЮКМ путем строительства передовых баз ВМС и ВВС на искусственно созданных им островах. В ответ Китай выставил свои контробвинения США, которые милитаризируют обстановку полетами своих бомбардировщиков, походами авианосцев с сопровождением и постоянными учениями по совместному патрулированию с другими странами. Китай утверждает, что, во-первых, только принимает некоторые оборонительные меры для защиты своих интересов, которые зависят от уровня угрозы, с которой он сталкивается. И следовательно, он имеет полное право на самооборону. А во-вторых, он делает только то, что делают другие претенденты на суверенитет в ЮКМ, которые тоже размещают военный персонал на занимаемых ими островах для защиты построенных ими объектов, включающих доки для кораблей и взлетно-посадочные полосы. Спутниковые снимки, действительно, показывают, что военная инфраструктура имеется и на островах архипелага Спратли, контролируемых Вьетнамом, Филиппинами и Тайванем, но она в разы уступает по масштабам и количеству китайской.

Ни Китай, ни США до сих пор не дали определения, что они имеют в виду под понятием «милитаризация». Такого определения, считает ныне работающий в Китае старейший американский эксперт по проблемам ЮВА Марк Валенсия, вообще не существует. Обычно под этим понимаются любые действия, означающие подготовку к войне. И под этим может подразумеваться самый широкий спектр действий [Valencia 2018].

В мае 2017 г. Пентагон одобрил предложенную Тихоокеанским командованием программу операций по свободе судоходства (FONOP), в соответствии с которой до сентября 2018 г. было проведено 11 таких операций, причем уже не по одному кораблю, как раньше, а по два сразу. С базы на о. Гуам и до восточного побережья Китая продолжают летать бомбардировщики Б-52. Между сторонами развивается процесс «действие-противодействие».

5–9 марта 2018 г. во вьетнамский порт Дананг вошел американский авианосец «Карл Винсон» с эскортом сопровождающих его кораблей. Это был первый с 1964 г. заход такого корабля в порт Вьетнама. Один такой авианосец с сопровождением несет огневую мощь, превосходящую потенциал всех вооружений, размещенных Китаем на его семи искусственных островах в архипелаге Спратли. Его долго обсуждавшийся заход в международный порт Камрань⁸ привлек большое внимание как свидетельство усиливающегося военного сотрудничества Вьетнама

⁸ Не следует путать с одноименной военной базой Вьетнама, куда доступ имеют только корабли России.

с США. Такое сотрудничество развивается, но осторожно и с оглядкой на реакцию Китая. Вьетнамская поговорка гласит: «Дракон под дверью должен спать спокойно». В августе Государственный департамент сообщил, что Вьетнам подписал контракты на закупку некоторых американских вооружений, включая патрульные катера и беспилотники фирмы «Боинг» на общую сумму 94,7 млн долл., что намного меньше, чем хотелось бы американской стороне. Сам же прием авианосца был очередным посланием в Пекин: давайте лучше сотрудничать и дружить, чем испытывать терпение друг друга.

Сообщения из ЮКМ в последнее время все чаще становятся похожи если не на сводки с театра боевых действий, то, по крайней мере, на предвоенные новости. В мае 2018 г. сообщалось, что два корабля ВМС США (эскадренный ракетный миноносец и ракетный крейсер) в рамках операции по обеспечению свободы судоходства в Южно-Китайском море (FONOP) выполнили задачу по патрулированию заданного района и проплыли в 12 милях (20 км) от контролируемых китайцами Парасельских островов. В ответ к островам немедленно выдвинулись военные корабли китайских ВМС. В Министерстве обороны КНР отправку кораблей объяснили тем, что американские корабли «без предварительного разрешения нарушили **территориальные воды** (выделено автором. — Г.Л.) Китая».

30 сентября 2018 г. ракетный эсминец США в ходе операции FONOP около занятого Китаем рифа Суби едва не столкнулся с вышедшим ему навстречу китайским фрегатом. Министерство обороны КНР заявило резкий протест, оценив вторжение американского эсминца как «угрозу суверенитету и безопасности Китая». Этот инцидент произошел перед тем, как министр обороны США Дж. Маттис отменил свой намечавшийся визит в Пекин. По мнению К. Тэйера, это был самый серьезный инцидент после прихода к власти президента Д. Трампа⁹.

Очевидно, что в случае продолжения выполнения FONOP, от которых Вашингтон отказываться не намерен, Пекин готов занять не менее жесткую позицию, которая вполне может привести в один прекрасный день к серьезному столкновению. На память приходит ситуация, возникшая в августе 1964 г. в Тонкинском заливе, где якобы произошло столкновение вьетнамских пограничников со специально посланным туда эсминцем «Мэдокс», которое тут же привело к известной Тонкинской резолюции Конгресса США и 9-летней войне во Вьетнаме.

В середине мая группа военных самолетов НОАК, включавшая стратегические бомбардировщики, приземлилась на острове Вуди (самый большой из Парасельских островов), где находится штаб группировки китайских войск, дислоцированных в ЮКМ. В районе проходили учения, целью которых была отработка практических действий в случае вооруженного конфликта. Китайские ВВС и раньше сажали свои самолеты на спорных островах, но на этот раз впервые посадку совершил стратегический бомбардировщик Хian Н-6К, способный нести ядерное оружие и с радиусом действий 6000 км.

Китай также разместил в апреле 2018 г. противокорабельные ракеты и ракеты класса «земля-воздух» на трех рифах архипелага Спратли, превращенных им

⁹ URL: <https://www.voanews.com/a/uss-decatur-almost-crashes-into-chinese-ship/4626927.html>

в острова, — Суби, Мисчиф и Огненный крест. НОАК, как сообщают американские СМИ, устанавливает там оборудование, позволяющее глушить радиопереговоры потенциального противника. Естественно, дальнейшая милитаризация спорных островов является недвусмысленным предупреждением всем соседним государствам, претендующим на них, и всем союзникам США вообще.

Однако в конце августа британский десантный корабль «Альбион» совершил патрульное плавание в водах около Парасельских островов, после чего направился в порт Хошимин с 4-дневным визитом. Командование королевского флота не раскрывало цели этой операции. Его представитель лишь кратко заявил, что «Альбион» воспользовался своим правом свободной навигации в полном соответствии с нормами международного права. Однако наблюдатели в регионе интерпретировали этот патрульный поход, как и ряд предыдущих, как вызов чрезмерным территориальным требованиям Китая в районе Парасельских островов и всего ЮКМ.

Китай заявил Великобритании протест в связи с тем, что «Альбион» прошел через его территориальные воды, не запросив предварительного разрешения. Отмечено, однако, что китайское заявление было сдержанным, как и его ответные действия на море, при которых китайские сторожевые корабли избегали прямой конфронтации с британским кораблем. Но Китай в ответ отменил крупную торговую сделку, которая намечалась сторонами после брекзита.

Это плавание показало серьезные намерения Великобритании участвовать в делах региона и осуществлять там регулярное патрулирование. Великобритания и Австралия заключили соглашение об усилении военного сотрудничества. Британский авианосец «Королева Елизавета» не позже 2020 г. должен быть выведен в Тихий океан, где будет осуществлять дежурство вместе с австралийскими военными кораблями [Tuan Anh Luc 2018].

Поход «Альбиона» добавил к действиям ряда других стран, решивших подтвердить свои права на свободу судоходства в ЮКМ и полетов над ним. Так, в июне 2018 г. французские и британские корабли провели совместную патрульную операцию около островов Суби, Мисчиф и Огненный крест в архипелаге Спратли, о чем было объявлено на 17-м Диалоге Шангри-ла в Сингапуре.

Великобритания и Франция считают себя тихоокеанскими державами, обязанными поддерживать свободу судоходства на стратегических коммуникациях ЮКМ. Кроме указанной выше, они вместе с Австралией проводили такие операции в 2017 г. Франция, например, направляла туда уже пять своих кораблей [Там же]. С 20 по 25 сентября 2018 г. в международном порту Нячанг, что около базы Камрань, побывали с визитами три иностранных военных корабля, в том числе канадский эсминец «Калгари», японский вертолетоносец и южнокорейская подводная лодка. Все говорило о том, что союзники все же не оставили без внимания призыв Д. Трампа.

С октября 2015 г. и до октября 2018 г. США провели 11 таких операций — пять на Парасельских островах, а шесть в Спратли. Но все они не остановили строительства военных объектов Китая. Он благополучно завершил строительство самих искусственных островов и разместил на них наступательные и оборонительные вооружения.

США ответили на дальнейшую милитаризацию спорных островов ЮКМ не только усилением патрулирования региона американскими кораблями и самолетами вместе с союзниками, но и демонстративно тем, что отозвали приглашение для НОАК принять участие в крупнейших международных военно-морских учениях RIMPAC, которые проводятся раз в два года в Тихом океане. Причем в заявлении Пентагона недвусмысленно подчеркивалось, что если КНР не изменит подход и будет продолжать действовать в том же ключе, то одним отзывом приглашения Америка не ограничится. За этими предупреждениями стоит, как всегда, угроза увеличения поставок вооружений Тайваню.

Тем не менее все больше экспертов считают, что американцы явно упустили время и что сейчас стратегическая инициатива полностью у Китая. Операции FONOP, по их мнению, малоэффективны, но опасно провокационны.

Напряженность сильна, однако пока что сложно представить себе, что укрепление позиций сторон может привести к лобовому конфликту. К. Тэйер сравнил эту ситуацию в ЮКМ с «подогреваемым на огне супом», еще не таким горячим, как в момент оглашения вердикта гаагского арбитражного суда в июле 2016 г., но по-прежнему с многими потенциальными рисками. Температура в ЮКМ повышается, но до кипения еще не дошла, так как не было случаев перехвата американских и других патрулей китайскими ВМС и не было пока никаких инцидентов на море между военными кораблями. Смену языка принимаемых заявлений АСЕАН Тэйер объясняет тем, что председательство в АСЕАН перешло от Филиппин к Сингапуру¹⁰.

Китай категорически отказывается обсуждать свои территориальные претензии на какой-либо правовой основе, хотя и является участником Конвенции 1982 г. по морскому праву. Принцип «трех нет», являющийся базовым в политике Китая по отношению к спорам в ЮКМ, пока остается неизменным. Он означает, как уже сказано выше, категорический отказ от любой интернационализации спора, а также от рассмотрения его в каком-либо многостороннем органе, будь то ООН или Международный суд, а также и от уточнения своих территориальных требований.

Китай неизменно рассматривает свои отношения с АСЕАН сквозь призму китайско-американских отношений и проблемы Тайваня. Западная часть Тихого океана имеет для него особое значение. Китай пытается вырваться из закрытой зоны, ограниченной двумя линиями островов от Японии до Индонезии с доминированием в ней США на море и в воздухе. Отсюда в значительной мере и происходят многие конфликты в ЮКМ.

Усиление напряженности в ЮКМ, в представлениях китайских политологов и пропагандистов, является результатом «разворота» США в АТР и того, что малые и средние государства региона почувствовали поощрение со стороны США в их сопротивлении экспансии Китая. И потому никакие уверения американских политиков, что этот «разворот» никак не направлен против Китая, не могут ослабить их убеждения в противном.

¹⁰ Цит. по: [Viet Anh 2018].

Китайская стратегия в ЮКМ нацелена на решение трех задач:

1. Не допустить интернационализации споров по суверенитету в ЮКМ, особенно вмешательства в них внерегиональных государств, прежде всего США.

2. Ослабить единство внутри АСЕАН, чтобы не допустить регионализации спора, т. е. общего противостояния десяти государств региона, входящих в АСЕАН, одному Китаю¹¹.

3. Поддерживать накал споров в ЮКМ на уровне политического и морального давления на оппонентов, которое не вызовет прямой военной интервенции США и останется одним из направлений стратегического давления на них самих.

Выступая на сессии ВСНП в марте 2015 г., министр иностранных дел КНР Ван И в отношении споров в ЮКМ заявил: «Китай хотел бы вести равноправные консультации и переговоры и добиться соответствующего результата мирными средствами на основе уважения исторических фактов и международного права. Никаких изменений в этой позиции не будет». И он же добавил: «Мы никогда не будем унижать меньшие страны, но мы никогда не согласимся и с их неразумными требованиями»¹². И действительно, никаких изменений в этой позиции с тех пор не было и в обозримом будущем не предвидится.

Все страны АСЕАН, включая Вьетнам, в создавшейся неопределенности в отношениях США и Китая и в политике США в ЮВА при новом президенте в целом не были заинтересованы в дальнейшем усилении напряженности в регионе. Для них плохо, когда США разрывают соглашение о Тихоокеанском партнерстве и вообще удаляются от региона. Но им не лучше, и когда США слишком активно вмешиваются в его дела. Лучше всего некая середина, когда США занимают жесткую позицию в отношении Китая, но не доводят ее до высшей точки напряженности. В то же время столкновения между кораблями Китая и других стран могут привести к опасным инцидентам. Как это ни покажется циничным, но возможная при этом гибель вьетнамских или филиппинских моряков не выльется во что-либо серьезное. В то же время, если пострадают американцы или китайцы, кризис может резко усилиться, и справиться с ним будет на порядок сложнее.

Китай наращивает свое военное сотрудничество со странами АСЕАН. Оно поддерживается с Вьетнамом, несмотря на все разногласия по проблемам на море. Китай поставляет вооружения Индонезии, Филиппинам, Камбодже и Лаосу. В 2017 г. Китай подписал контракт на поставки вооружений с Малайзией на 278 млн долл. Во время встречи министров обороны АСЕАН с партнерами по диалогу (ADMM+) на Филиппинах в 2017 г. министр обороны Китая Чан Ваньцюань и министр обороны Сингапура Н Эн Хэнь, который в 2015–2018 гг. выполнял функции координатора отношений АСЕАН с Китаем, обсудили подробный план проведения совместных военных учений в ЮКМ. «Когда вы вместе тренируетесь, — сказал журналистам сингапурский министр, — вы, по крайней мере, укрепляете доверие друг к другу». Он не сообщил деталей, но в прессе Филиппин говорилось о проведении учебных стрельб, операций по поиску и спасению терпящих бедствие судов. Китайский министр обороны, в свою очередь, заявил, что Китай готов внести свой вклад

¹¹ Тайвань ни в каких дискуссиях в АСЕАН не участвует.

¹² Агентство Синьхуа. 15.03.2015.

в дальнейшее укрепление связей со странами АСЕАН «в строительстве Сообщества государств единого будущего». По мнению К. Тэйера, совместные учения будут означать сигнал, что «они не считают Китай врагом». Китай же, приглашая на такие учения страны АСЕАН, как бы спрашивает: «А готовы ли вы относиться к нам так же, как к Японии, США, Австралии и другим странам?»¹³.

ЛИТЕРАТУРА

- Baviera Aileen*. Duterte's China policy shift: strategy or serendipity? // East Asia Forum. August 13, 2017. URL: <https://eastasiaforum.org/2017/08/13/dutertes-china-policy-shift-strategy-or-serendipity/>
- Hayton B.* The South China Sea: The Struggle for Power in Asia. New Haven: London: Yale University Press, 2014. 298 p.
- Heydarian R.J.* (1) Anger grows in Philippines over China's control of shoal: Public backlash as documentary shows Filipino fishermen accusing Chinese para-military forces of forcibly taking the best of their catch // Asia Times. June 18, 2018. URL: <https://asiatimes.com/2018/06/anger-grows-in-philippines-over-chinas-control-of-shoal/>
- Heydarian R.J.* (2) For Prime Minister Mohammad Mahathir, revisiting China's Malaysian projects is part of resetting a relationship // South China Morning Post. September 5, 2018. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2162339/mahathir-revisiting-chinas-malaysian-projects-part-resetting>
- Hoang Anh Tuan*. Why the new Vietnamese-Indonesian strategic partnership will strengthen ASEAN // East Asia Forum. August 20, 2013. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2013/08/20/why-the-new-vietnamese-indonesian-strategic-partnership-will-strengthen-asean>
- Hồng Thủy*. Công thức hòa bình cho Biển Đông của Thủ tướng Malaysia Mahathir Mohamad [Формула мира для ЮКМ премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамада]. June 2, 2018. URL: <https://nguyentandung.org/cong-thuc-hoa-binh-cho-bien-dong-cua-thu-tuong-malaysia-mahathir-mohamad.html>
- Kurlantzick J.* Shifting U.S.-Indonesia Relations to a Transactional Approach // Council on Foreign Relations, February 20, 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/shifting-us-indonesia-relations-transactional-approach>
- Pheakdey Heng*. Are China's gifts a blessing or a curse for Cambodia? // East Asia Forum. August 29, 2018. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/08/29/are-chinas-gifts-a-blessing-or-a-curse-for-cambodia>
- Strangio S.* Cambodia's Crumbling Democracy // Foreign Affairs. September 16, 2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/cambodia/2017-09-14/cambodias-crumbling-democracy>
- Thayer C.* A Closer Look at the ASEAN-China Single Draft South China Sea Code of Conduct // The Diplomat. August 03, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/08/a-closer-look-at-the-asean-china-single-draft-south-china-sea-code-of-conduct>
- Tuan Anh Luc*. Are France and the UK Here to Stay in the South China Sea? // The Diplomat. September 14, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/09/are-france-and-the-uk-here-to-stay-in-the-south-china-sea>
- Valencia M.J.* The South China Sea and the Decline of US Influence // The Diplomat. January 31, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/the-south-china-sea-and-the-decline-of-us-influence>
- Viet Anh*. South China Sea is "on low boil", analysts warn // VnExpress. August 26, 2018. URL: <https://e.vnexpress.net/news/news/south-china-sea-is-on-low-boil-analysts-warn-3798555.html>
- Yong Ch.* ASEAN, China agree on text to negotiate Code of Conduct in South China Sea // The Straits Times. August 02, 2018. URL: www.straitstimes.com/politics/asean-china-agree-on-text-to-negotiate-code-of-conduct-in-south-china-sea

¹³ South China Morning Post. October 24, 2017.

ПРАВОВОЙ СПОР В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: ТРЕТИЙ РАУНД

(Опубликовано: Вьетнамские исследования. 2020. Т. 4. № 2. С. 5–17.)

Южно-Китайское море, действительно, стало опасным очагом международной напряженности. Ставки для всех заинтересованных сторон здесь высоки: экономические ресурсы моря (углеводороды, рыба и др.) и транзитные пути через него имеют важнейшее значение для их экономик.

Сложившуюся в этом регионе обстановку определяют отношения Соединенных Штатов и Китая — двух крупнейших мировых держав, которые находятся в состоянии политического, а постепенно и военного соперничества при неразрывной финансово-экономической зависимости друг от друга. Обе сверхдержавы считают ЮКМ своей подконтрольной территорией. «Старый» лидер (США) яростно борется за сохранение до недавнего времени господствующих позиций, а новый, «молодой» (Китай) не менее энергично пытается вытеснить оттуда США и занять их место. Это все больше превращает ЮКМ в один из самых конфликтных регионов мира, где сталкиваются и налагаются друг на друга территориальные требования Китая, Вьетнама, Филиппин, а также Малайзии, Брунея и Индонезии.

Продолжающееся отсутствие нормативного правового статуса ЮКМ ведет к острым юридическим спорам, дипломатическим конфликтам и множеству опасных инцидентов. Спор идет по трем главным вопросам: разграничение исключительных экономических зон (ИЭЗ) и континентального шельфа; суверенитет над островами; свобода навигации и эксплуатация ресурсов моря в ИЭЗ и у архипелагов. От решения этого спора зависит не только сохранение мирного внешнего окружения, суверенитет, территориальная целостность, но и энергетическая и продовольственная безопасность Вьетнама и других прибрежных стран АСЕАН. В связи с этим поиск справедливого и устраивающего все стороны решения конфликта в ЮКМ на основе международного права является исключительно актуальной и важной задачей для всего мирового сообщества.

ЮКМ в новых условиях

Страны АСЕАН в последнее время столкнулись с несколькими проблемами одновременно. Наряду с распространением пандемии COVID-19 им приходится иметь дело с другими нетрадиционными угрозами и защищать свои суверенные права в акватории Южно-Китайского моря. У границ ряда стран ЮВА наблюдается массовое появление нелегальных мигрантов. Так, например, малайзийские флот и авиация заняты недопущением на свою территорию сотен тысяч беженцев народности рохинджа, спасающихся от репрессий в Мьянме. В разных местах хозяйничают морские пираты и террористы, которым удалось вернуться на родину с Ближнего Востока. На юге Таиланда и Филиппин активизировались экстремистские группировки исламистов.

В условиях противостояния США и Китая политические элиты стран АСЕАН чувствуют себя крайне некомфортно. Их исторический опыт предупреждает: все конфликты когда-то разрешаются, поэтому если США и Китай заключат сделку друг с другом, то вряд ли им от этого станет лучше. Великие державы всегда пытаются заставить заплатить за нее малые и средние страны, являются они их союзниками или нет.

В связи с началом пандемии COVID-19 руководство прибрежных стран АСЕАН ожидало, что Китай понизит свою активность в ЮКМ. В первые месяцы 2020 г. некоторое затишье, действительно, наступило. Это, правда, не помешало Пекину ввести в строй две якобы научно-исследовательские станции на превращенных в искусственные острова рифах Огненный крест и Суби в архипелаге Спратли, по словам китайских представителей, предназначенные для изучения экологии моря и строения рифов. Однако большинство экспертов убеждены, что станции служат военным целям, прежде всего для установки новых электронных средств слежения за подводными лодками противника и создания коридоров для прохождения своих подводных лодок, базирующихся в Санья на о. Хайнань. На этих рифах были также развернуты противокорабельные и противовоздушные ракеты. 26 марта 2020 г. МИД СРВ заявил протест против строительства станций на принадлежащих Вьетнаму рифах и потребовал уважать его суверенитет и не допускать действий, осложняющих обстановку и угрожающих миру в ЮКМ.

Все последовавшие действия Китая в ЮКМ свидетельствуют, что никакие события или проблемы не отвлекли китайские власти от их планов в этом регионе. Китайская экономическая, военная и дипломатическая экспансия начала выходить на принципиально новый уровень.

С марта 2020 г. КНР возобновила заходы крупных геологоразведочных судов в сопровождении полувоенных кораблей в исключительные экономические зоны Вьетнама и Малайзии, направление сотен китайских рыболовных судов в ИЭЗ Филиппин и Индонезии. 10 марта 2020 г. Минсельхоз КНР в очередной раз в одностороннем порядке объявил запрет на рыбную ловлю в ЮКМ севернее 12° с.ш. с 1 мая по 1 сентября. При этом в постановлении говорится, что китайские рыболовные суда, имеющие разрешение на промысел в районе архипелага Спратли, могут продолжать лов. Так что запрет распространяется только на иностранных

рыбаков. Для наблюдения и контроля за ними намечено в 2–3 раза увеличить количество рейсов кораблей китайской морской охраны¹.

Китай также запустил новый проект под названием «Открытое море 2020» на период с 1 апреля до 30 ноября 2020 г. Он ставит задачу положить конец всем «нарушениям» китайского законодательства в таких областях, как промысел морепродуктов, добыча нефти и газа, строительство различных объектов, добыча песка и другие подобные действия.

Все прибрежные страны заявили протест против моратория. Вьетнам, например, призвал все рыболовецкие кооперативы продолжать промысел в своих традиционных местах лова, пообещав им необходимую охрану. Но уже 2 апреля китайский сторожевой корабль, преследуя вьетнамский рыболовный траулер около о. Фулам Парасельского архипелага, вытеснил его на подводные рифы, в результате чего траулер затонул, а десять членов экипажа спасли другие вьетнамские рыбаки. Вьетнам заявил решительный протест по этому поводу, требуя расследования и наказания виновных. Китайская сторона ответила, что вьетнамский экипаж сам был виноват в столкновении, и явно издевательски потребовала от Ханоя лучше учить своих рыбаков.

В поддержку Вьетнама высказалась Манила. 8 апреля МИД Филиппин сделал заявление, в котором выразил серьезную озабоченность инцидентом с вьетнамскими рыбаками. Такие действия китайских властей, говорилось в нем, приведут к серьезному осложнению отношений стран ЮВА с Китаем. Протест СРВ против потопления рыболовного судна у Парасельских островов поддержала также Малайзия.

18 апреля 2020 г. Китай объявил о создании двух административных районов, включающих все острова и подчиненных административному центру Тамша, созданному в 2012 г. на самом большом острове Парасельского архипелага Фулам. Один район под названием Тэйша был образован на самом о. Фулам, а второй, Намша — на рифе Огненный крест к востоку от архипелага Спратли, который принадлежал Вьетнаму, но в 1988 г. был с боем занят китайским десантом. Образование этих административных районов означает продвижение доктрины, известной под названием *Ты ша* (Четыре острова). Она провозглашает все четыре группы островов ЮКМ (Пратас, Параселлы, Спратли и Маклесфилд) единым архипелагом, от базовых береговых линий которого надо отсчитывать границу территориальных вод, ИЭЗ и континентальный шельф Китая. При этом Пекин не обращает внимания на то, что все эти рифы, скалы и отмели фактически находятся под водой, а каждая из этих групп островов не является территорией, вокруг которой можно проводить базовую береговую линию. Эта доктрина вновь служит оправданию «линии из 9 отрезков», признанной незаконной вердиктом Постоянного арбитражного суда в Гааге в 2016 г.

Одновременно Министерство гражданской администрации КНР присвоило китайские названия 25 коралловым рифам и 55 другим безлюдным объектам, находящимся в пределах пресловутой «линии из 9 отрезков» на карте ЮКМ, придав

¹ URL: <http://biendong.net/bien-dong/34108-nhin-lai-nhung-hanh-dong-phi-phap-cua-tq-o-bien-dong-tu-dau-nam-den-nay-va-phan-ung-cua-cong-dong-quoc-te15-04-2020.html>

им в одностороннем порядке статус островов, который они не могли иметь по обязательным критериям Конвенции ООН 1982 г. Цель была в том, чтобы заявить права на администрирование этих затопляемых клочков суши. Подобные действия нужны Китаю на будущее для подтверждения своего суверенитета в случае обращения в международные суды других претендентов, нацелены на то, чтобы запугать соседние государства и не допустить разработки ими месторождений углеводородов на своем шельфе с участием внерегиональных государств.

Профессор Александр Вувинг из американского Центра исследований безопасности в АТР в этой связи заметил: «Очень похоже, что, несмотря на все меры против пандемии COVID-19, Китай не забыл о своих долгосрочных стратегических целях. Пекин хочет создать ситуацию “новой нормальности” в ЮКМ. Чтобы добиться этого, он предпринимает все более агрессивные действия»².

Действительно, Пекин полон решимости установить полный контроль над всей деятельностью в ЮКМ в пределах объявленной им «линии из 9 отрезков», а кое-где и за ней. Завершение строительства баз на семи искусственных островах в архипелаге Спратли позволило Китаю в последние годы обеспечить прикрытие и обслуживание кораблей своей береговой охраны и морской милиции, которые охраняют целые флотилии китайских рыбаков, ведущих незаконный промысел в ИЭЗ других стран. Все эти искусственные острова, как и ожидалось, объявлены частью территории КНР с установлением вокруг них 12-мильной зоны территориальных вод, 200-мильной ИЭЗ, закрытого для чужаков национального воздушного пространства. Это открывает прямой путь к превращению ЮКМ во внутреннее озеро КНР.

На фоне усилившейся напряженности в ЮКМ вновь появились сообщения о планах Китая установить Зону обязательного воздушного оповещения (ADIZ) над ЮКМ³. Но эксперты скептически относятся к этой информации, полагая, что Китай не пойдет на такую провокационную акцию, пока у него для этого не будет достаточно технических возможностей. К тому же ряд стран, как Вьетнам, Филиппины и Тайвань, тоже построили на островах Спратли свои взлетно-посадочные полосы и совершают с них довольно частые полеты.

Война дипломатических нот

Еще 12 декабря 2019 г. Малайзия в установленный срок внесла в Комиссию ООН по границам континентального шельфа⁴ заявку, в которой просила расширить границы своего шельфа на север в ЮКМ за пределы 200-мильной ИЭЗ в соответствии со ст.76 Конвенции. При этом Малайзия заявила, что ее заявка не противоречит заявкам других государств на их континентальный шельф. Это

² Radio Free Asia. 29.05.2020. URL: <https://www.rfa.org/english/malaysia-southchinasea-05292020180945.html>

³ URL: <https://trithucvn.co/trung-quoc/trung-quoc-len-ke-hoach-lap-khu-vuc-nhan-dang-phong-khong-adiz-o-bien-dong.html>

⁴ Комиссия создана согласно Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву

означает, что она оставляет открытыми возможности для того, чтобы урегулировать этот вопрос с Филиппинами и Вьетнамом в случаях, когда границы их континентального шельфа будут налагаться друг на друга⁵.

Заявка Малайзии вызвала незамедлительную реакцию Китая, который выразил категорический протест и предъявил свои «исторические права» на весь континентальный шельф как этого государства, так и Вьетнама и Филиппин. Соответственно последовали заявления протеста со стороны этих стран. А вскоре к ним присоединилась и Индонезия.

Так начался новый (уже третий) раунд правового спора пяти стран АСЕАН с Китаем. Первый проходил десять лет назад, когда Малайзия и СРВ в назначенный срок в мае 2009 г. представили в упомянутую Комиссию ООН совместную заявку на границы своих ИЭЗ в южной части ЮКМ, которая вызвала решительный протест Китая. Тогда он впервые предъявил ООН карту с «линией из 9 отрезков»⁶.

Вторым раундом можно считать развернувшуюся полемику накануне и после принятия ПСА в Гааге вердикта от 12 июля 2016 г. по иску Филиппин к Китаю. Последний в ПСА участвовать отказался и его вердикт не признал. Но вердикт дал повод для юристов и политологов различных стран внимательнее рассмотреть исторические и правовые свидетельства, представленные сторонами спора в ЮКМ. Все утверждения о противоправности арбитража по иску Филиппин лишены оснований, ибо он проводился в полном соответствии с Приложением VII к протоколу Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву. Китай отказался в нем участвовать, но это тоже предусмотрено в Уставе арбитражного суда. Это делают многие государства, когда заранее понимают, что решение будет не в их пользу. Так случилось и на этот раз.

Заявка Малайзии направлена на рассмотрение всем государствам — членам ООН и участникам Конвенции 1982 г. по морскому праву. Ее окончательное обсуждение назначено на 6 июля — 21 августа 2021 г. в Нью-Йорке. Заявка поставила вопрос об отношении Комиссии ООН к выводам Международного арбитражного суда по иску Филиппин к Китаю, которым «линия из 9 отрезков» признавалась не имеющей юридической силы. Тем самым правовой спор между сторонами в ЮКМ фактически был вынесен на уровень ООН. Но скорее всего Комиссия ООН, в соответствии с ее полномочиями, никакого решения не примет и оставит территориальный вопрос на согласование самим спорящим сторонам.

В январе 2020 г. Филиппины направили сразу две ноты Генеральному секретарю ООН. В одной они категорически отвергли территориальные претензии Китая в ЮКМ и впервые при этом сослались на вердикт ПСА от 12 июля 2016 г. На это МИД КНР ответил, что Филиппины не имеют права на него ссылаться и потребовал «вернуться на правильный путь» разрешения споров с Китаем в ЮКМ.

Миссия Филиппин при ООН в свою очередь 26 марта 2020 г. направила в ООН ноту, теперь уже в ответ Китаю. В ней повторяется, что требования Пекина

⁵ Так предусмотрено в Конвенции.

⁶ Ни тогда, ни до настоящего времени Китай не обозначил ориентиры этой линии ни по широте, ни по долготе.

в ЮКМ противоречат международному праву и Конвенции 1982 г. Филиппины подтвердили свою юрисдикцию на занимаемых ими объектах в архипелаге Спратли, включая отмель Скарборо. В ноте вновь цитировался вердикт ПСА относительно статуса территорий в архипелаге Спратли и его главный вывод, что Конвенция имеет безусловный приоритет по отношению к каким бы то ни было «историческим правам», если они выходят за пределы того, что установлено ее нормами. Таким образом, Филиппины вернулись к использованию положительного для них вердикта ПСА для возражения Китаю с трибуны ООН.

23 марта 2020 г. Китай направил Генеральному секретарю ООН вербальную ноту в ответ на ноты Малайзии и Филиппин. В ней подтверждается суверенитет КНР на весь архипелаг Спратли и отмель Скарборо со всеми омывающими их водами. Все требования суверенитета, говорится в ноте, опираются на весомые исторические и юридические свидетельства. Группа островов Калаян, на которую претендуют Филиппины, является частью архипелага Спратли и никогда не принадлежала Филиппинам.

В ответ Вьетнаму 17 апреля МИД КНР направил Генеральному секретарю ООН новую ноту, по содержанию которой можно предположить, что отныне Китай может даже применить силу для возвращения себе якобы отнятых у него островов Спратли. И среди его главных аргументов вновь приводится пресловутая нота премьер-министра ДРВ Фам Ван Донга от 14 сентября 1958 г., которая, как считают в Пекине, означает признание Вьетнамом суверенитета Китая на все группы островов в ЮКМ.

Учитывая сильное давление националистических сил, Китай еще не «созрел» для того, чтобы признать посредничество третьей страны или считать международный арбитраж приемлемым путем решения своих споров на море, но и предстать в роли разрушителя регионального порядка, не признающего норм международного права, для него тоже нежелательно. Поэтому в китайской печати вновь появились угрозы в адрес Вьетнама с предупреждением о том, что ему придется дорого заплатить за возбуждение судебного иска.

Индонезия не считает себя участником территориальных споров в ЮКМ и явно отдает приоритет позитивным отношениям с КНР. Однако в середине декабря 2019 г. 60 китайских рыболовных судов в сопровождении нескольких военных кораблей в очередной раз вошли в пределы ее ИЭЗ. Правительство Индонезии заявило протест, в котором говорилось, что оно никогда не признавало и не признает китайскую «линию из 9 отрезков», южная часть которой пересекает ИЭЗ Индонезии.

Индонезия также вступила в развернувшийся обмен дипломатическими нотами с Китаем. 26 мая она направила свою ноту Генеральному секретарю ООН, изложив позицию, занятую ею еще в 2010 г., и выражая поддержку вердикту ПСА. Джакарта также заявляет, что не будет связана никакими обязательствами в отношении требований любой страны, если они выходят за пределы того, что положено государствам по Конвенции 1982 г.⁷

⁷ Radio Free Asia. 28.05.2020. URL: [http:// RFA.org/vietnamese/news/blog/Indonesia-issues-diplomat-not-to-un-about-scs-30z020101915.html](http://RFA.org/vietnamese/news/blog/Indonesia-issues-diplomat-not-to-un-about-scs-30z020101915.html)

Нота Индонезии придала большой вес дипломатическим демаршам трех других государств АСЕАН. Они оказались едины по двум пунктам: 1) все против «линии из 9 отрезков»; 2) все ссылаются на вердикт ПСА 2016 г. как на важный источник международного права. Таким образом, нота Индонезии — самой большой страны АСЕАН — создает основу для сплочения членов Ассоциации и сохранения ее центральной роли в делах региона.

Вьетнам занимает позицию в споре и получает поддержку США

Вьетнам не мог оставить ноты Китая без ответа. За период с 30 марта по 10 апреля 2020 г. он направил три ноты на имя Генерального секретаря ООН. Все они содержат резкий ответ на заявления КНР в адрес СРВ, а также реакцию в адрес Малайзии и Филиппин по поводу их обращений в Комиссию ООН по границам шельфа.

Территориальные требования КНР, говорится в ноте СРВ от 30 марта, грубо нарушают суверенитет, суверенные права и юрисдикцию Вьетнама в ЮКМ. Ханой имеет все доказательства своего суверенитета над Парасельскими островами и Спратли. Он категорически утверждает, что единственной основой для разграничения на море между Китаем и Вьетнамом является Конвенция ООН 1982 г. Границы вод вокруг всех территориальных объектов Парасельских островов и архипелага Спратли, говорится в ноте, должны быть определены в соответствии со ст. 121 (3) Конвенции ООН 1982 г. А это означает, что они не могут иметь общую базовую линию для определения границ ИЭЗ. Их самые отдаленные и выходящие в море объекты не являются островами и не могут иметь ни зоны территориальных вод, ни ИЭЗ. Границы ИЭЗ в таком случае определяются от базовой линии берегового государства⁸.

10 апреля Вьетнам ответил на заявку Малайзии. Он попросил Комиссию ООН по границам континентального шельфа учесть его права, вытекающие из Конвенции, и в случае, если предлагаемые Малайзией границы ее шельфа налагаются на границы шельфа Вьетнама, отложить рассмотрение заявки до достижения договоренности между двумя сторонами.

Такую же позицию Вьетнам занял и в отношении ноты Филиппин, хотя в этом вопросе положение другое. Ханой не признает захват этим государством в 1970 г. группы островов Калаян как якобы ничейных и расположенных ближе к Филиппинам. Но в своей ноте Вьетнам этого не касается. Зато он выразил полную поддержку позиции Филиппин в отношении вердикта ПСА, и это было новым шагом в политике СРВ.

Вьетнам впервые ссылается на ст. 121 (3) Конвенции. В июле 2016 г. он в общих словах приветствовал вердикт ПСА, но никаких ссылок на эту статью не сделал, а это была ключевая статья, на которой основан вердикт ПСА в пользу

⁸ URL: https://dantri.com.vn/xa-hoi/viet-nam-gui-cong-ham-phan-doi-trung-quoc-len-lien-hop-quoc-20200407_214229534.htm

Филиппин⁹. Она не отвечает интересам Вьетнама, который занимает наибольшее количество рифов и атоллов в Спратли.

Второе новшество в этой ноте заключается в том, что, ссылаясь на вердикт ПСА, Вьетнам отрицает требования суверенитета, выдвигаемые как Китаем, так и Малайзией в ее заявке от 12 декабря 2019 г. Вьетнам рассматривает их как нарушение его суверенных прав в ЮКМ¹⁰. И это напоминает, что нерешенные территориальные проблемы существуют и между странами АСЕАН.

До последнего времени вьетнамское руководство избегало говорить о возможном обращении к ООН или в международные судебные органы с иском по поводу действий Китая. А тем временем в политической элите этот вопрос активно обсуждается. Недовольство общественного мнения вызвало даже выступление министра иностранных дел и заместителя премьер-министра Фам Бинь Миня в сентябре на ГА ООН, где он воздержался прямо назвать КНР ответственной за растущую напряженность в ЮКМ. Многие вьетнамские эксперты предлагали по примеру Филиппин возбудить иск в ПСА. Но вьетнамское руководство, в принципе не исключая этого, решило пока воздержаться. 11-й пленум ЦК КПВ, состоявшийся 7–12 октября 2019 г. в Ханое, после горячей дискуссии подтвердил оправдавший себя внешнеполитический курс и поставил три задачи: сохранить отношения с Китаем, защитить суверенитет и сохранить мирную обстановку для развития страны.

В ноябре 2019 г. на 11-й международной конференции по проблемам ЮКМ, которые ежегодно проводятся во Вьетнаме, заместитель министра иностранных дел СРВ Ле Хоай Чунг сказал, что его страна не исключает никаких инструментов и правовых каналов для решения споров с Пекином в ЮКМ. Нота миссии СРВ в ООН от 30 марта, как и две другие от 10 апреля, как раз и свидетельствуют, что Ханой начал, пока еще достаточно осторожно, прощупывать подходы к международным правовым институтам.

Не остались в стороне и США. 1 июня 2020 г. их постоянный представитель в ООН К. Крафт направила Генеральному секретарю ООН Антониу Гутерришу письмо, в котором отреагировала только на территориальные требования Китая в ЮКМ и не касалась заявки Малайзии на континентальный шельф. В письме говорится, что противоречащие всем нормам международного права территориальные претензии Китая «прямо ущемляют права и свободы, которыми пользуются в этом регионе США и другие государства». В связи с этим Вашингтон заявил решительный протест и отверг все претензии Китая¹¹.

Одновременно ВМС США усилили свое присутствие в ЮКМ, развернув два специализированных корабля, предназначенных для боевых операций в прибрежных районах. Это указывает на то, что их ВМС переходят от стадии наблюдения и разведки к устрашению и наращиванию атакующей мощи. Трудно припомнить, когда политика США в регионе вызывала бы одновременно столько

⁹ Указанная статья утверждает, что ни одна территориальная единица в архипелаге Спратли не является островом в правовом статусе.

¹⁰ BBC на вьет. яз. 08.04.2020.

¹¹ URL: https://usun.usmission.gov/wp-content/uploads/sites/296/200602_KDC_ChinasUnlawful.pdf

вопросов по самым разным направлениям: от поворота к протекционизму в торговле до противоречивых зигзагов в отношении к Китаю. В связи с этим австралийский эксперт Карл Тэйер, говоря о реакции стран ЮВА на громкое выступление Д. Трампа на саммите АТЭС в Дананге (Вьетнам) в октябре 2017 г., заметил: «Изоляционистский подход Трампа, с их точки зрения, означал передачу эстафеты руководства Си Цзиньпину и сигнализировал, что послевоенная эра американского превосходства стремительно сходит на нет»¹².

Ситуация соперничества Китая и США в ЮКМ стала тем, что наблюдатели называют «новой нормальностью». Демонстрации силы с обеих сторон становятся привычными. Однако военное столкновение остается маловероятным. США нужна контролируемая напряженность. Китаю, как и Вьетнаму и другим странам ЮВА — сплоченность народа вокруг патриотических лозунгов. Ни Китай, ни США, похоже, войны не хотят, да и не могут себе позволить зайти слишком далеко, учитывая огромную экономическую взаимозависимость при всех своих противоречиях.

* * *

Третий раунд правового спора в ЮКМ показывает, что его решение таким образом, чтобы оно стало приемлемым для всех сторон, в обозримом будущем маловероятно из-за сложности самой проблемы, несовместимости занятых сторонами позиций и уровня националистических настроений в регионе в целом. Все соперники, в первую очередь Китай и Вьетнам, будут вынуждены принимать временные меры, исходя из принципа «сохранения статус-кво» ради мира и развития. Примером этого служит Соглашение СРВ и КНР от 25 декабря 2000 г. о сотрудничестве в рыболовстве в заливе Бакбо (Тонкинском), которое выполняется обеими сторонами. При наличии политической воли в будущем не исключено подобное соглашение и для всего ЮКМ, как и договоренности о совместном суверенитете или кондоминиуме на некоторых островах.

При этом происходит усиление американо-китайского соперничества в АТР и становление новой биполярности. Коронавирусный кризис подтолкнул Пекин к более активной внешней политике в ЮКМ.

Как показал наш анализ, Китай, с одной стороны, Вьетнам, Малайзия, Филиппины и Индонезия — с другой, на новом этапе территориальных споров в ЮКМ защищают свои права в ООН. Содержание их нот говорит о том, что все они обращаются к международному праву, пытаясь опереться на его действующие нормы и принципы. Следовательно, правовой спор между ними и КНР вышел за рамки двусторонних отношений и поднят на международный уровень. Вынесение требований сторон в ООН, по мнению президента вьетнамского Союза юристов-международников профессора Нгуен Ба Шона, требует реакции других государств, ибо в противном случае даст основание Китаю считать молчание заинтересованных государств согласием с его позицией¹³.

¹² Thayer Consultancy Background Brief. December 22, 2017.

¹³ URL: <https://tuoitre.vn/vi-sao-viet-nam-co-cong-ham-phan-doi-trung-quoc-20200516174420391.htm>

Политика и практика Китая в регионе подтверждают, что ЮКМ еще надолго останется очагом международной напряженности. Все будет зависеть, во-первых, от того, какое значение будет придавать Китай проблемам ЮКМ в свете других приоритетов внутренней и внешней политики. И во-вторых, от того, как далеко зайдут в совместных ответных действиях прибрежные страны АСЕАН и как они смогут использовать международные институты.

Исследование показало, что ключ к решению проблем ЮКМ — это принцип равной и неделимой безопасности для всех государств региона, всестороннее и взаимовыгодное сотрудничество АСЕАН с Китаем и, наоборот, Китая со странами АСЕАН, которое должно привести к приемлемому для обеих сторон компромиссу и оптимальному балансу сил и интересов.

СОТРУДНИЧЕСТВО АСЕАН — КИТАЙ: КЛЮЧ К МИРУ В ЮВА

(Опубликовано: Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 142–150)

В стратегическом треугольнике Китай — АСЕАН — США

Вместе с перемещением центра мировой экономики и политики в Азиатско-Тихоокеанский регион пришли серьезные проблемы и угрозы. Главная из них — системный, набирающий силу конфликт двух сверхдержав — США и КНР. При этом обе считают этот регион своим. Прежний лидер — США — борется за сохранение своих до недавнего времени господствующих позиций, а идущий ему на смену Китай не менее энергично пытается вытеснить соперника. В этом контексте китайско-американские отношения характеризуются нередко применяемым в таких случаях выражением «ловушка Фукидида», описанная в V в. до н.э. древнегреческим философом и историком Фукидидом в «Истории Пелопонесской войны», когда Афины и Спарта оказались заложниками в «ловушке неизбежной войны», созданной ростом могущества Афин и страхом Спарты перед их усилением. Это стало классической проблемой слабеющего лидера и набирающего силу претендента на его место¹.

Десять стран Сообщества АСЕАН оказались на пересечении стратегических интересов США и Китая. Оба эти государства оказывают на них постоянное давление с целью привлечь на свою сторону. Странам АСЕАН не часто удается найти общий язык. В научном сообществе немало критиков АСЕАН. Они не замечают ее крупных достижений, прежде всего, в том, что за полвека существования ей удалось избежать серьезных конфликтов между государствами-членами и обес-

¹ Это выражение первым применил декан Высшей школы государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском университете профессор Грэм Аллисон. Через несколько дней после визита Председателя КНР Си Цзиньпина в США в сентябре 2015 г. в журнале *Atlantic* вышла его статья «Ловушка Фукидида: США и Китай идут к войне?» (*The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War?*).

печить их экономическое развитие. АСЕАН — это не ЕС и не НАТО. В регионе, исторически раздираемом конфликтами, Ассоциация с ее испытанным «методом АСЕАН» — это не самая плохая альтернатива. Достаточно спросить, а что бы стало с ЮВА, если бы не многолетние терпеливые усилия ее лидеров в поисках консенсуса?

31 декабря 2015 г. в столице Малайзии Куала-Лумпуре было провозглашено Сообщество АСЕАН, основанное на «трех китах» — сообществах политики и безопасности, экономическом и социально-культурном. Постепенно оно становится единым экономическим пространством с населением 650 млн человек (9% населения Земли) и общим объемом ВВП в 2018 г. почти 3 трлн долл. Оно занимает 5-е место в мировой экономике после ЕС, США, Китая и Японии. Ожидается, что к 2050 г. Сообщество может выйти на 4-е место, если сохранит среднегодовые темпы роста экономики 5,1%².

Это уже совсем не та рыхлая коалиция пяти государств ЮВА, решивших в 1967 г. объединить усилия против «экспансии китайского коммунизма». Сегодня одна Индонезия с населением в 270 млн (почти равная США по численности населения) обладает экономикой, которая через пару десятилетий тоже может стать четвертой в мире. Население Вьетнама и Филиппин приближается к 100 млн человек. Только эти три страны в среднесрочной перспективе будут обладать экономикой выше 1 трлн долл. [Ngoc Lê 2020].

В элитах ведущих стран АСЕАН утвердилось мнение, что Китай — это главный экономический партнер, а США — опора их безопасности. Но они не меньше заинтересованы и в американских инвестициях, кредитах и технологиях. Возросшая военная мощь Китая внушает им тревогу. Его модель политического устройства — «социализм с китайским лицом» — элитами АСЕАН однозначно отвергается. Исключением являются Вьетнам, Лаос и Камбоджа, где опыт Китая применяется с существенными коррективами.

Выход США из соглашения 12 государств АТР о Транстихоокеанском партнерстве, торговая война против Китая, практика жесткого протекционизма — все это и многое другое посеяло в странах АСЕАН сомнения в надежности США как опоры в сфере безопасности. Д. Трамп вызвал возмущение в АСЕАН тем, что проигнорировал саммиты в Сингапуре и Бангкоке. Дабы смягчить эту реакцию, в январе он пригласил лидеров АСЕАН провести 14 марта 2020 г. саммит в Лас-Вегасе, но и это было сделано крайне неловко. Никакой повестки предложено не было. Странно выглядело место для саммита — игорный центр Лас-Вегас. Никто из лидеров АСЕАН энтузиазма не проявил. Все кончилось тем, что 28 февраля Государственный департамент США объявил об отмене саммита якобы из-за начавшейся эпидемии коронавируса.

Эксперты указывали на то, что Д. Трамп, не добившись от стран АСЕАН поддержки своей стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», утратил интерес к саммиту, который задумывался прежде всего как его пред-

² По данным: ASEAN Statistical Yearbook 2019. URL: <https://www.aseanstats.org/publication/asyb-2019/>

выборное шоу. Так что вирус тут пригодился как повод. Но отмена саммита нанесла сильный удар по отношениям США и АСЕАН. Новый саммит в текущем году уже вряд ли возможен из-за президентских выборов в США в ноябре. Ясно, что баланс сил в регионе склонился явно в сторону Китая.

Китай не упустил возможности использовать выход США из Транстихоокеанского партнерства для того, чтобы продвинуть свой проект «Один пояс, один путь» и занять позицию лидера региональной экономической интеграции. На саммите АТЭС в Дананге в ноябре 2017 г. и на саммитах АСЕАН в Маниле, Сингапуре и Гонконге эта политика Китая явно получила поддержку. Лидеры АСЕАН сделали выводы из политики США в соответствии с их традиционной стратегией «хеджирования рисков». Их не устраивает сценарий, при котором проблемы региона будут решаться США или Китаем, а им отводится только роль наблюдателей. Они постоянно декларируют (и пытаются внедрить) принцип «асеаноцентричности», то есть своей главной роли в решении региональных проблем. А это означает выстраивание международных отношений в регионе на базе «метода АСЕАН», который прежде всего означает невмешательство во внутренние дела, неприменение силы и терпеливый поиск консенсуса.

США и Китай на словах отдают дань центральной роли АСЕАН. На проходившей в августе 2018 г. в Сингапуре встрече министров иностранных дел АСЕАН и США государственный секретарь США Майк Помпео говорил: «США остаются приверженными центральной роли АСЕАН в зоне американской стратегии Индо-Тихоокеанского региона»³. Но было очевидно, что он и его коллеги из АСЕАН говорили о разных вещах. К этому моменту в АСЕАН уже заметно усилилось беспокойство, вызванное провозглашенной на саммите АТЭС в Дананге (Вьетнам) в ноябре 2017 г. президентом Д. Трампом доктрины «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» и его попытками сколотить на этой основе антикитайский блок четырех государств — США, Японии, Индии и Австралии. Политическая элита в АСЕАН не захотела быть втянутой в эту игру.

Выступая в Бангкоке на 22-м саммите АСЕАН — Китай, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян призвал страны АСЕАН вместе защищать многосторонние организации и соглашения о свободной торговле, бороться против финансовых рисков и добиваться общего развития. Он подчеркнул, что Китай всегда поддерживал центральную роль АСЕАН в сотрудничестве государств Восточной Азии⁴.

Эта позиция была намного ближе для его коллег из АСЕАН, но и она вызвала вопрос, насколько эта поддержка соотносится с проблемами безопасности в регионе. Она не подтверждалась ни строительством различных военных объектов на насыпных искусственных островах в Южно-Китайском море, ни размещением на них современных вооружений, ни масштабными учениями кораблей ВМФ с высадкой десантов и стрельбой боевыми снарядами, а главное — участвовавшими нарушениями суверенных прав прибрежных государств со стороны Китая.

³ Цит. по: Straits Times. 14.08.2019.

⁴ Агентство Синьхуа. 02.11.2019.

АСЕАН пошла по «третьему пути»

В условиях противостояния США и Китая элиты стран АСЕАН чувствуют себя крайне некомфортно. Но их исторический опыт предупреждает: если когда-нибудь США и Китай даже договорятся друг с другом, то вряд ли странам АСЕАН от этого станет лучше. Когда великие державы заключают сделку, они всегда пытаются заставить платить за нее малые и средние страны, и при этом не имеет значения, являются они союзниками или нет.

Неприсоединение пока остается общей стратегией АСЕАН, но дело идет к тому, что уже в недалеком будущем США или Китай предъявят ей ультиматум: «Мы или они?»

Немало исследователей на Западе делают из этого вывод, что странам АСЕАН все-таки придется сделать свой выбор: либо подчиниться требованиям Китая, либо опереться на США. Третьего, мол, не дано. Они предсказывают в ЮВА явление, которое в Европе в годы холодной войны называли «финляндизацией», а именно постепенный сдвиг малых и средних государств в сторону находящейся рядом великой державы. Все они в конечном счете сгруппируются вокруг Китая, подобно тому, как Финляндия строила свои отношения с СССР.

И все же пока мало признаков того, что все страны региона потянулись на сторону Китая. Уступки, сделанные ему на нескольких прошедших саммитах АСЕАН, не означали снятия всех опасений и подозрений. Летом 2019 г. новым вторжением своих кораблей в ИЭЗ Вьетнама, Малайзии и Индонезии в ЮКМ Китай вызвал весьма негативную реакцию в ведущих странах АСЕАН. По данным опроса, проведенного в Сингапуре в ноябре 2019 г. Институтом изучения ЮВА (ISEAS) 318 экспертов из всех стран АСЕАН, 70% заявили, что ЮВА была бы более стабильным регионом, если бы США взяли на себя соответствующие обязательства. США до прихода к власти президента Д. Трампа рассматривались ими как более надежный союзник. Более половины (54,3%) опрошенных экспертов сочли, что США с приходом новой администрации утратили свои стратегические позиции в ЮВА. Тот же опрос показал, что АСЕАН неизбежно расколется, если будет поставлена перед выбором — США или Китай. Во Вьетнаме 86% хотели бы скорее союза АСЕАН с США, чем с Китаем. На Филиппинах, где президент Р. Дутерте третий год проводит политику сближения с Китаем, 81% опрошенных экспертов тем не менее тоже высказались за союз с США. И третьим был Сингапур с 61%. В Индонезии и Таиланде голоса разделились почти пополам. В Малайзии и Камбодже по 60% респондентов выступили за союз с Китаем. За это же были 65% опрошенных экспертов в Брунее и 74% в Лаосе. Так что из всех стран АСЕАН только три предпочли союз с США. Но в среднем по АСЕАН голоса разделились примерно поровну: 54% за США и 46% за Китай. В целом же опрос показал, что для АСЕАН при всех обстоятельствах лучше избегать выбора между ними⁵.

Но страны АСЕАН не в том положении, чтобы поддерживать антагонистическую политику Д. Трампа в отношении Китая. Лидеры АСЕАН явно не желают,

⁵ «Голос Америки» на вьет. яз. 18.01.2020.

чтобы их так или иначе втягивали в «сдерживание» Китая. Это подтвердил прошедший в июне 2019 г. 34-й саммит АСЕАН (Бангкок), на котором *единогласно* был одобрен «Взгляд АСЕАН на концепцию Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Это был их общий ответ на усилия американской дипломатии добиться поддержки политики США в регионе. Он готовился по инициативе Индонезии и в течение года обсуждался на разных форумах АСЕАН. В Бангкоке был принят окончательный вариант, в котором подчеркивается центральная роль АСЕАН в региональной архитектуре безопасности и ее особая роль в качестве связующего моста в эффективном сотрудничестве двух геополитических регионов Тихого и Индийского океанов. В целом АСЕАН тоже выступила за свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион, но в противоположность доктрине Д. Трампа она настаивает на принципе инклюзивности, а это означает не исключение, а привлечение Китая к участию во всех соглашениях, которые должны содержать однозначное обязательство всех государств ИТР сохранять мир, соблюдать международное право и признавать центральную роль АСЕАН.

Стратегическое партнерство ради мира и процветания

Китай начал осторожное сближение с АСЕАН только после окончания холодной войны. В 1996 г. он стал партнером Ассоциации по диалогу⁶. В 2003 г. — первым подписал основополагающий документ АСЕАН — Договор о дружбе и сотрудничестве 1976 г. И тогда же в Индонезии стороны заключили Соглашение «О стратегическом партнерстве во имя мира и процветания».

Китай принял активное участие в формировании и деятельности всех институтов региональной безопасности, которые были созданы странами АСЕАН, включая группу АСЕАН+33, Региональный форум безопасности (АРФ), Встречи министров обороны АСЕАН плюс партнеры по диалогу (ADMM+).

Китай наращивает и свое военное сотрудничество со странами АСЕАН. Оно поддерживается с Вьетнамом, несмотря на существующие разногласия по проблемам на море. Пекин поставляет вооружение Индонезии и Филиппинам. Армия Камбоджи почти полностью обеспечивается поставками из Китая. В 2017 г. был подписан контракт на продажу вооружений Малайзии на 278 млн долл.⁷

Сотрудничество в борьбе против нетрадиционных угроз безопасности стало одним из главных в отношениях Китая с АСЕАН. Китай оказал этим странам немалую помощь в борьбе против терроризма, пиратства и сепаратизма, в ликвидации последствий стихийных бедствий, в борьбе против транснациональной преступности, торговли людьми и наркотиками.

⁶ Отношения с партнерами в АСЕАН делятся на три категории: партнер по развитию, по сотрудничеству в определенной области и, наконец, партнер по диалогу. Партнерами по диалогу являются 9 стран (Австралия, Индия, Канада, Китай, Новая Зеландия, Республика Корея, Россия, США, Япония), а также ЕС.

⁷ South China Morning Post. 24.10.2017.

АСЕАН привлекает внимание КНР как относительно успешная, независимая межправительственная организация, которая не представляет никакой опасности для Китая, не признает Тайвань как государство, а сама нуждается в поддержке и не имеет большого отрыва от него по уровню экономического развития. АСЕАН представляет интерес для КНР и потому, что имеет емкий внутренний рынок и богатую сырьевую базу. Настойчиво и разумно повышая свою инвестиционную привлекательность, КНР открывает странам АСЕАН собственный внутренний рынок и одновременно позиционирует себя на международной арене в качестве защитника прав развивающихся государств АСЕАН.

Между сторонами сложился постоянно действующий многоуровневый механизм связей. Они поддерживают регулярные контакты руководителей на высоком и высшем уровнях, осуществляют взаимные визиты и ведут постоянный диалог по двусторонним, региональным и международным проблемам.

Асимметричная экономическая взаимозависимость

Отношения АСЕАН с КНР, или «танцы со слоном», как их иногда называют в странах АСЕАН, свидетельствуют, что за прошедшие полвека они научились не только хеджировать многие политические риски от соседства с такой могущественной державой, как Китай, но и извлекать из ее подъема немалые выгоды. При всей разнице потенциалов между ними сложилась устойчивая экономическая взаимозависимость.

Китай уже десять лет является главным торговым партнером АСЕАН в целом и для каждой страны в отдельности. Ассоциация с 2010 г. стала третьим, а в 2019 г. вторым по объему товарооборота торговым партнером КНР, и уже в первые месяцы 2020 г. из-за пандемии она оказалась даже на 1-м месте. Страны АСЕАН связаны с Китаем глобальными цепочками поставок. Китай опирается при этом на поддержку своих диаспор (хуацяо) в странах АСЕАН. В них живет 35 млн китайцев, то есть почти 80% всей китайской диаспоры. В Сингапуре китайское население составляет 75%, в Малайзии — 25 и в Таиланде — 15% [Афонасьева 2013].

Китай осуществляет свою политику через Соглашение о свободной торговле АСЕАН — Китай, заключенное в 2003 г., но полностью вступившее в силу только в 2015 г. В результате образовалась самая большая в мире Зона свободной торговли (ЗСТ) по масштабам рынка и третья по объему экономики (после ЕС и НАФТА) с населением 1,9 млрд человек, общим ВВП в 2 трлн долл. и объемом торговли 1,7 трлн долл. [Saw Swee-Hock 2005] В 2013 г. стороны договорились о создании ЗСТ между АСЕАН и Гонконгом. В октябре 2019 г. вступил в силу Протокол о расширении списка товаров и услуг, освобождавшихся от пошлин при упрощении процесса инвестиций и сотрудничества в ряде новых сфер экономики и современных технологий.

ЗСТ АСЕАН — Китай принесла ощутимые выгоды для бизнеса. В 2018 г. объем двусторонней торговли Китая со странами АСЕАН достиг рекордного уровня 483,7 млрд долл. Это больше, чем с ЕС (288,2 млрд долл.), США (263 млрд долл.) и Японией (231 млрд долл.). На АСЕАН пришлось 10,7% внешней торговли Ки-

тая. Оттуда пришло 20% импорта АСЕАН, а туда ушло 14,1% экспорта. Дефицит АСЕАН составил 85,8 млрд долл. Примерно такие же показатели были и в предыдущие два года⁸.

Грузопотоки в обе стороны во многом связаны с производственными цепочками поставок комплектующих изделий для предприятий, находящихся под управлением крупнейших ТНК. Китай стал главным поставщиком широкого спектра готовых промышленных товаров на рынки АСЕАН. От поставок китайского сырья зависят целые отрасли промышленности в странах АСЕАН, особенно текстильная, швейная, обувная и др.

Сотрудничество Китая с АСЕАН осуществляется в 11 приоритетных областях: сельском хозяйстве, информационно-коммуникационных технологиях, развитии человеческих ресурсов, инвестициях, проектах развития бассейна Меконга, развитии транспорта, энергетике, культуре, туризме, здравоохранении и экологии. Страны АСЕАН имеют свою немалую долю в китайском экспорте как поставщики комплектующих деталей для китайских изделий, поставляемых на мировой рынок. Все это указывает на то, что в торговых отношениях между Китаем и АСЕАН присутствует высокая степень взаимозависимости, причем для обеих сторон.

На 16-м саммите АСЕАН — Китай в Брунее в октябре 2013 г. было принято решение довести к 2020 г. объем торговли до 1 трлн долл. Достичь этого явно не удастся из-за торговой войны США с Китаем и эпидемии коронавируса. Но, по данным Главного таможенного управления КНР, общий объем торговли с АСЕАН в 2019 г. все же вырос на 14,1% и составил 4,43 трлн юаней (около 642,7 млрд долл.)⁹.

Роль Китая во внешнеэкономических связях разных стран АСЕАН не одинакова. Вьетнам является главным торговым партнером Китая (из стран АСЕАН), уже многие годы имеет большой дефицит в торговле с ним, доходящий в последнее время до 30 млрд долл. Наибольшая зависимость от внешней торговли с Китаем наблюдается в экспорте и импорте Мьянмы и Лаоса в силу исторически сложившихся отношений, фактора соседства и экономической экспансии Китая. В начале этого десятилетия на долю КНР приходилась четверть совокупного товарооборота Лаоса и более трети — Мьянмы. Понятно, почему именно эти страны, наряду с Камбоджей, с такой осторожностью относятся к любой критике Китая.

По объему прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Китай уступает только ЕС и Японии. В 2018 г. они составили 10,2 млрд долл., или 6,5% от общего объема ПИИ в АСЕАН. К этому статистика АСЕАН добавляет еще 6,6% инвестиций из Гонконга. Однако экономически более развитые страны АСЕАН (Сингапур, Малайзия, Таиланд и Бруней) вкладывают в экономику Китая больше капиталов, чем получают от него. Из стран АСЕАН главным инвестором в КНР является Сингапур. В 2018 г. он вложил 9,8 млрд долл., или 43% общего объема ПИИ из стран АСЕАН в Китае. Вторым был Вьетнам (17,9%) и третьим Таиланд (14,5%)¹⁰.

⁸ По данным: ASEAN Statistical Yearbook 2019. URL: <https://www.aseanstats.org/publication/asyb-2019/>

⁹ URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=3260963

¹⁰ По данным: ASEAN Statistical Yearbook 2019. Fig. 7.4. URL: <https://www.aseanstats.org/publication/asyb-2019/>

С середины 2018 г. страны АСЕАН стали нести ущерб от торговой войны США с Китаем. Азиатский банк развития предсказывал снижение темпов роста ВВП в 2019 г. до 4,4%, а на 2020 г. до эпидемии ожидалось 4,7%, но будет явно меньше. Прежде, с 2011 г. этот показатель ниже 5% не опускался [Steinbock 2020]. Вместе с тем торговая война сделала некоторые страны АСЕАН привлекательной альтернативой для инвестиций ТНК в дополнение к китайской «фабрике мира». Из Китая в соседние страны АСЕАН начало переводиться производство товаров с низкой добавочной стоимостью. Так что общий эффект для АСЕАН мог бы через некоторое время оказаться даже положительным, но этому помешала эпидемия коронавируса в Китае.

До пандемии Китай был вторым главным источником туристов в АСЕАН. Там ежегодно бывало до 10 млн китайских туристов. Наряду с сокращением торговли и закрытием туризма меры по ликвидации эпидемии привели к тому, что многие проекты строительства шоссе и скоростных железных дорог в Лаосе, Таиланде, Малайзии и Мьянме в рамках проекта «Один пояс, один путь» оказались отложены или вообще закрыты. Прекращение китайского экспорта ряда сырьевых товаров (например, кожи и тканей) одновременно с закрытием кредитования привели к банкротству многих предприятий во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе, к замедлению экономического роста и повышению безработицы и нищеты.

АСЕАН и региональное экономическое партнерство

Китай занимает важное место в приоритетах АСЕАН с точки зрения развития такой ее масштабной инициативы, как создание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Оно нацелено на интеграцию всех существующих ЗСТ АСЕАН с Китаем, Японией, Республикой Корея, Индией, а также с Австралией и Новой Зеландией в единую ЗСТ, которая стала бы крупнейшей в мире с общим ВВП более 25 трлн долл. и населением более 3,5 млрд человек [Хуе Зухиан 2014]. Все партнеры из группы АСЕАН+6 имеют соглашения о свободной торговле со странами АСЕАН, но у этих 6 стран, не входящих в АСЕАН, нет таких соглашений между собой. Это создавало немалые трудности в выработке текста договора о ВРЭП. Оно содержит более глубокие обязательства сторон и значительное усовершенствование существующих соглашений о ЗСТ в формате АСЕАН+1. В отличие от Транстихоокеанского партнерства оно основано на центральной роли АСЕАН и не включает целый ряд условий, которые США вписали в создававшееся ими соглашение без Китая и в противовес ему.

Переговоры идут с 2013 г. и до сих пор не завершены в основном из-за желания Индии добиться исключения многих товаров из списка освобождаемых от таможенных пошлин. Она опасается наплыва в страну дешевых китайских товаров. На 35-м саммите АСЕАН в Бангкоке, где намечалось завершить обсуждение текста соглашения, она его не поддержала, хотя и не вышла из переговоров. Остальные решили продолжить переговоры с Индией, но дали понять, что подпи-

шут договор о ВРЭП и без нее¹¹. В марте 2020 г. в Дананге министры экономики АСЕАН заявили, что подписание договора состоится в октябре этого года на саммите АСЕАН во Вьетнаме.

АСЕАН и Морской Шелковый путь XXI века

АСЕАН играет роль «стратегических ворот» для осуществления проекта «Один пояс, один путь», называемого в Китае «проектом века». Его составная часть — «Морской Шелковый путь XXI века» — охватывает почти все государства АСЕАН. Китайский проект поначалу был воспринят многими из них чуть ли не как божий дар. На Форуме открытия этого проекта в Пекине 14–15 мая 2017 г. присутствовали главы почти всех государств АСЕАН. Среди заключенных на нем сделок было немало соглашений и со странами АСЕАН, призванных оказать поддержку в реализации Генерального плана развития транспортной и коммуникационной связи до 2025 г., принятого АСЕАН в 2012 г. В стратегическом партнерстве с Китаем это одна из главных проблем.

Китайский проект намечает строительство сети железных дорог, которые охватывают почти всю ЮВА. Проблема только в том, что они связывают отдельные страны АСЕАН с Китаем, но не между собой, как это предусматривает принятый ими собственный план транспортной взаимосвязанности. И все-таки страны АСЕАН позитивно откликнулись на эту инициативу, рассчитывая согласовать свои проекты инфраструктурного строительства и планы «Пояса и Пути». Частично это им удалось на встрече министров иностранных дел в Бангкоке в августе 2019 г. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций выделил на инфраструктурное строительство в АСЕАН кредит в 20 млрд долл.¹²

Со временем, однако, оптимизма стало меньше. На взятые в долг у Китая деньги строительство всех объектов ведется китайскими рабочими и китайскими же государственными подрядчиками. Ввиду высокой стоимости проектов долги растут, и рано или поздно их накопленный объем может оказаться критическим. Многоуровневое и многостороннее партнерство, необходимое для таких инвестиций, требовало немалого вклада и из ресурсов стран АСЕАН.

* * *

Многоплановые и многоуровневые отношения Китая со странами АСЕАН в российских и мировых СМИ часто сводятся к территориальным требованиям Китая в акватории ЮКМ. Но если отделить эти споры от других аспектов отношений Китая с АСЕАН, то оказывается, что они связаны гораздо теснее, чем когда-либо в прошлом. Подытоживая основные меры и механизмы развития отно-

¹¹ Как стало известно после встречи министров иностранных дел и обороны Японии и Индии в Нью-Дели 30 ноября 2019 г., Япония при отказе Индии тоже может отказаться вступать в это соглашение.

¹² Данные взяты из: L'Asie Pacific. 17.05.2019. URL: <https://asiapacifique.fr/la-chine-et-les-nouvelles-routes-de-la-soie-ralentissement-ou-second-souffle/>

шений между ними, важно отметить глубокий уровень политического диалога и высокую степень их экономической взаимозависимости. Об этом свидетельствуют динамично растущий товарооборот, совместные проекты развития, наличие такого ресурса, как крупнейшая в мире зона свободной торговли. Китайские инвестиции направляются в растущих объемах в АСЕАН. Китай полностью вовлечен во все форумы по региональной безопасности, организуемые АСЕАН. Этот период в отношениях сторон мог бы стать самым благополучным. Но над ним все же нависает мрачная тень то тлеющего, то разгорающегося конфликта в ЮКМ. При этом единой политики стран АСЕАН в отношении Китая нет и пока не предвидится, учитывая большие различия между ними и их интересами в отношениях с Китаем. Для АСЕАН и Китая равноправное и взаимовыгодное сотрудничество не имеет разумной альтернативы. И скорее всего оно будет развиваться, сводя тем самым вероятность конфликта в регионе к минимуму и приводя его к нулевому выигрышу при любом раскладе.

ЛИТЕРАТУРА

- Афонасьева А.В.* Зарубежные китайцы — бизнес в КНР: экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010). М.: ИДВ РАН, 2013.
- Ngoc Lê.* Chuyên gia: Cần lập 'tiểu Asean' đối phó với Trung Quốc. 28.11.2019. URL <https://www.voatiengviet.com/a/chuy%C3%AAn-gia-c%E1%BA%A7n-l%E1%BA%ADp-ti%E1%BB%83u-asean-%C4%91%E1%BB%91i-ph%C3%B3-v%E1%BB%9Bi-trung-qu%E1%BB%91c/5184039.html>
- Saw Swee-Hock, Sheng Lijun, Chin Kin Wah,* eds. ASEAN-China Relations: Realities and Prospect. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2005. 375 p. URL: <https://bookshop.iseas.edu.sg/publication/1156>
- Steinbock D.* Virus Outbreak at Crossroads? Impact on ASEAN: Analysis // Eurasia Review. 12.02.2020. URL: <https://www.eurasiareview.com/12022020-virus-outbreak-at-crossroads-impact-on-asean-analysis>
- Xue Zuxian.* ASEAN-China relations go beyond disputes // Global Times. 17.11.2014. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/892219.shtml>

РОЛЬ РОССИИ В СОХРАНЕНИИ МИРА И СТАБИЛЬНОСТИ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

(Опубликовано: Российско-вьетнамские отношения сегодня:
сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 44–58.)

Очаг международной напряженности

В центре мировой политики много лет остаются события на Ближнем Востоке. При этом уже очевидно, что они не станут детонатором мировой войны, как это произошло на Балканах сто лет назад. Парадокс заключается в том, что при всей их взрывоопасности основная линия геополитического напряжения пролегает уже не здесь, а скорее в Восточной Азии. Вместе с перемещением центра мировой экономики и политики сюда пришли и серьезные проблемы. Главная из них — это системное, набирающее силу противостояние двух сверхдержав — США и КНР.

Обе считают Юго-Восточную Азию «своей». При этом «старый» лидер (США) яростно борется за сохранение своих до недавнего времени господствующих позиций, а явно идущий ему на смену «молодой» (Китай) не менее энергично пытается вытеснить «старого лидера» и занять его место. Отношения Соединенных Штатов и Китая — двух крупнейших мировых держав, которые находятся в состоянии странного симбиоза — политического, а постепенно и военного соперничества при неразрывной финансово-экономической взаимозависимости, — определяют обстановку в АТР вообще и в регионе Южно-Китайского моря (ЮКМ) в частности.

В складывающейся в АТР сложной системе международных отношений свое место, хотя и с запозданием, но все более активно занимает Россия. Президент РФ В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что Россия издавна является составной частью Азиатско-Тихоокеанского региона. Развитие Дальнего Востока и Сибири он не раз называл главным российским приоритетом XXI в. Выступая на V Восточном экономическом форуме во Владивостоке 5 сентября 2019 г., В.В. Путин говорил: «Развитие Дальнего Востока для нас безусловный приоритет.

Повторю, это последовательная, долгосрочная политика. Наши усилия направлены на то, чтобы создать здесь, в динамично растущем Азиатско-Тихоокеанском регионе, мощный центр международного сотрудничества и интеграции, деловой и инвестиционной активности, образования, науки и культуры. Создание такого центра прежде всего в интересах граждан России, дальневосточников, их благополучия, для того чтобы люди могли в полной мере реализовать себя»¹.

В силу многих объективных и субъективных причин этот регион оказался в двойной изоляции: отдаленность от европейской части России и от стран АТР. Создавая территории опережающего развития и специальные экономические зоны с благоприятным фискальным и инвестиционным режимом, Россия пытается привлечь инвесторов в разработку богатейших природных ресурсов региона и выстроить необходимую инфраструктуру в соответствии с долгосрочными планами интеграции этого региона в АТР. Тем самым будущее наших регионов Сибири и Дальнего Востока тесно связано с благополучием в АТР и в той его части, что находится в зоне ЮКМ.

На первом плане начавшегося «поворота на Восток» по многим причинам находился Китай и страны Северо-Восточной Азии. Нормализация отношений с Китаем в конце прошлого века — величайший успех внешней политики России после распада СССР. Он до сих пор сохраняет все свое всемирно-историческое значение. Но развитие сотрудничества с АСЕАН — это тоже выход России в экономически быстро развивающийся регион.

Придавая первостепенное значение стратегическому партнерству с Китаем, следует, однако, помнить и слова выдающегося востоковеда, друга и знатока Китая — ушедшего от нас директора ИДВ РАН академика М.Л. Титаренко: «Развивая стратегические отношения с Китаем по всем возможным направлениям, необходимо отслеживать и негативные моменты, которые тоже наличествуют в политике КНР — прежде всего, усиление националистических настроений»².

Тот факт, что Китай — поднимающаяся мировая держава, имеющая свои законные интересы обеспечения безопасности в ЮКМ, не дает ему права навязывать своим соседям юридически необоснованные требования территориального суверенитета и каких-то особых «исторических прав» чуть ли не на все Южно-Китайское море. Это справедливо рассматривается ими как проявление великоханьского шовинизма, на что указывал академик М.Л. Титаренко. Исторический опыт убедительно подтверждает, что невозможно обеспечить собственную безопасность за счет интересов и безопасности других.

Многоплановая политика России в отношениях с Вьетнамом

Как и все великие мировые державы, Россия проводит многоплановую внешнюю политику, отдельные элементы которой могут иногда по некоторым про-

¹ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61451>

² Цит. по: Лузянин С.Г. Многомерный Китай академика М.Л. Титаренко // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М.: ФОРУМ, 2014. С. 15.

блемам и районам накладываться друг на друга. Для России отношения с Вьетнамом как раз и являются такими, где два курса ее политики — системное противостояние гегемонии США в глобальном масштабе и несистемное региональное хеджирование рисков, связанных с ростом могущества Китая и проводимой им политикой в Восточной и Юго-Восточной Азии — пересекаются и накладываются друг на друга.

Как системный противовес США, Россия имеет дело с их попытками сохранить однополярный мировой порядок. Необходимость создания такого противовеса США на глобальном уровне, резкое ухудшение отношений с США и с Западом в целом, санкции против России, — все подталкивает ее если не к союзу, которого, судя по всему, не хочет и Китай, то к всестороннему сотрудничеству и сближению с ним.

Однако на уровне региональных действий и рисков политика России мотивируется ее внутренними и региональными интересами. Она материализуется в комбинации усилий, направленных на диверсификацию региональных отношений, предотвращение конфликта и дестабилизации региона, которые могут крайне отрицательно повлиять на экономические интересы России в АТР, прежде всего на перспективы развития наших районов Сибири и Дальнего Востока.

Наряду с этим политика России также направлена на получение стабильной коммерческой выгоды от торговли, энергетических, инфраструктурных и других совместных проектов и, конечно, от военно-технического сотрудничества (ВТС), которое успешно развивается не только с Вьетнамом, но и с другими странами АСЕАН.

С этой точки зрения политика России в ЮВА в целом, включая Вьетнам, — это часть большой глобальной игры, в которой она как партнер не может выступать против Китая и часто оказывает ему негласную, а то и достаточно заметную поддержку по ряду вопросов. Но поскольку российско-китайское сотрудничество — это еще далеко не военный союз, российско-китайские и российско-вьетнамские отношения на данном этапе остаются сутоубо двусторонним делом этих стран.

Стратегические цели и интересы России в регионе ЮКМ

В качестве великой мировой и азиатской державы с растущим военным потенциалом и как постоянный член Совета Безопасности ООН Россия была и остается существенным фактором поддержания мира и стабильности в регионе. Она играет и может играть все более важную роль в формировании будущей системы безопасности в АТР вообще и в ЮВА в частности в качестве как активного участника, так и надежного гаранта будущих договоренностей.

Политика России в этом регионе в целом была многие годы и остается открытой и нацеленной на создание климата доверия и тесного взаимодействия со всеми странами, большими и малыми. У нее нет никаких идеологических или иных противоречий ни с Китаем, ни с традиционно дружественным Вьетнамом. Двусторонние отношения и сотрудничество в многосторонних структурах региона

успешно развиваются. Россия не меньше других заинтересована в поддержании мира и стабильности в этом регионе, а также в использовании динамично растущего экономического потенциала государств — членов АСЕАН при реализации программ подъема производительных сил Сибири и Дальнего Востока. Россия не вмешивается и не собирается вмешиваться в территориальные споры в ЮКМ. Она стремится занять позицию уважаемой и в то же время нейтральной внешней державы, помогающей поддерживать равновесие в этом крайне нестабильном районе мира.

Оздоровление региональной обстановки, сохранение там стабильной, предсказуемой ситуации, продолжение динамичного развития экономики региона — в совокупности все это должно не только обеспечить спокойствие на наших дальневосточных рубежах, но и создать благоприятные условия для социально-экономического подъема страны.

В мае 2016 г. президент В.В. Путин принимал в Сочи глав государств ЮВА на 3-м саммите АСЕАН — Россия, который впервые проходил в России. Он призвал к установлению связей между ЕАЭС, ШОС и АСЕАН и к созданию единого евроазиатского экономического пространства.

Одновременно в ЮКМ вошли российские крейсера «Варяг» и «Адмирал Пантелеев» в сопровождении танкера «Борис Бутوما», которые приняли участие в совместных учениях в Брунее и зашли в порты Японии, Китая, Южной Кореи, Филиппин и ряда других стран. Поход кораблей ТОФ продолжался три месяца. И это была уже не первая «демонстрация флага» России в ЮКМ. Летом 2019 г. эта операция повторилась. Постепенно, шаг за шагом за фасадом формального неучастия России в территориальных спорах в ЮКМ идет восстановление былого военного могущества России в АТР. Заключаются многомиллиардные сделки на продажу оружия и энергоресурсов Вьетнаму и другим странам АСЕАН. Поэтому, даже если Россия не имеет никаких территориальных претензий в ЮКМ, там проходят важные для нее коммуникации и у нее есть свои стратегические цели и интересы, а ее политика и практика оказывают свое влияние и на споры в ЮКМ.

Россия и Вьетнам в стратегическом партнерстве

Отношения России и Вьетнама пережили период глубокого спада 90-х годов прошлого века и с приходом к руководству страной президента В.В. Путина уже два десятилетия поддерживаются в нормальном для них активном состоянии. Стороны давно вышли на согласованные подходы к формированию архитектуры безопасности и сотрудничества в регионе. С их точки зрения, она должна основываться на принципах коллективности, многосторонности и равенства, на общепринятых нормах международного права, включая особенно важную для Вьетнама Конвенцию ООН 1982 г. по морскому праву. Россия и Вьетнам поддерживают центральную роль АСЕАН в архитектуре мира и безопасности в регионе. Они за полное выполнение Декларации о принципах поведения сторон в ЮКМ (DOC-2002) и за скорейшее принятие Китаем и АСЕАН эффективного и юриди-

чески обязывающего Кодекса поведения сторон в ЮКМ. Все это неизменно подтверждается в совместных заявлениях руководителей обоих государств, регулярно встречающихся друг с другом.

Отношения России с Китаем и Вьетнамом определяются как всеобъемлющее стратегическое партнерство. Когда говорят о партнерстве (стратегическом или нет), неизбежно встает вопрос, что это означает и кому оно нужно. Однозначного определения этого типа современных международных отношений не существует. Легче сказать, чем это партнерство не является. После окончания холодной войны оно пришло на смену прежнему принципу мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Но сам этот термин пришел из экономики, а значит ясно, что стратегическое партнерство, прежде всего, должно быть выгодно обоим партнерам и рассчитано на длительный срок.

В политической сфере Россия и Вьетнам занимают одинаковые или очень близкие позиции по жизненно важным вопросам современного мирового развития. Особенно это касается проблем обеспечения безопасности и сотрудничества в ЮВА и АТР. Однако это не исключает и различий в позициях по ряду вопросов. У каждой страны есть свои национальные интересы, которые иногда могут и не совпадать. При этом не всегда только в финансово-экономической сфере. В неявном виде это кроется и в их геополитических интересах, о которых дипломаты обычно умалчивают. В этом плане интересам России отвечает проводимая СРВ политика неприсоединения на основе принципа «трех нет». В связи с этим заслуживает особого внимания опубликованная в СРВ в ноябре 2019 г. «Белая книга по обороне 2019», однозначно подтвердившая политику неприсоединения СРВ.

И все-таки очевидно, что сотрудничество России как с Китаем, так и с Вьетнамом в условиях продолжающегося территориального спора между ними в ЮКМ иногда осложняет диалог с обоими стратегическими партнерами. Это касается и продаж Китаю новейших российских вооружений, что, естественно, вызывает негативную реакцию среди части вьетнамского руководства и в общественном мнении страны. В связи с этим необходимо еще раз подчеркнуть отмеченное выше историческое значение нормализации российско-китайских отношений во всех областях не только для России, но и для всего мира, не исключая, конечно, и Вьетнам.

Главное последствие двухуровневой политики России (глобальной и региональной) состоит в том, что ее реакция на территориальный спор в ЮКМ во многом определяется тем, насколько эта региональная проблема принимает характер противостояния однополярному мировому порядку. Соответственно, чем меньше в этот конфликт вовлечены США, тем меньше политика России будет связана с системным балансом на глобальном уровне и тем более вероятно, что она будет больше определяться страхованием (или, как говорят, хеджированием) своих региональных рисков. До сих пор эта двойственная позиция работала так, что обе ее стороны не противоречили друг другу. И как показывают прошедшие встречи руководителей РФ и СРВ, эта политика встречает понимание и с вьетнамской стороны.

В апреле 2016 г. в ряде выступлений министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на международных форумах с участием Китая говорилось о том, что

главную ответственность за обострение обстановки в ЮКМ несут США. Во Вьетнаме так, естественно, не считают. Это послужило поводом для слухов о том, что позиция России начала якобы меняться в сторону поддержки китайской политики в этом регионе. Слухи еще более усилились после того, как 5 октября того же года в Пекине в кулуарах встречи Группы 20 президент РФ В.В. Путин фактически поддержал позицию КНР в отношении вердикта Постоянного арбитражного суда (ПСА) в Гааге. Некоторые аналитики на Западе утверждали, что Россия якобы закрывает глаза на то, что Китай построил искусственные острова и начал размещать на них военную инфраструктуру, что радикально меняет всю обстановку в регионе. В действительности это не совсем так, а, скорее, совсем не так. Возражения российского президента вердикту ПСА относились не к его содержанию, а к процедуре принятия арбитражных решений в отсутствие одной из сторон. От такой процедуры пришлось уже не раз пострадать и России. Состоявшийся вскоре после этого (в мае 2016 г.) визит премьер-министра СРВ Нгуен Суан Фука в Россию все опять расставил по своим местам. Так что говорить о том, что Россия этим нашумевшим заявлением В.В. Путина поддерживает территориальные требования Китая в ЮКМ или его пресловутую «линию из 9 отрезков», нет никаких оснований.

Сотрудничество с Вьетнамом не угрожает третьим странам

Сотрудничество с Вьетнамом — важное направление совершаемого Россией «поворота на Восток», ставшего особенно актуальным в нынешней международной обстановке. Оно необходимо не *вместо* и не как *альтернатива* сотрудничеству с Китаем, а *наряду с ним* как возможность диверсифицировать политические и торгово-экономические отношения страны на Востоке, не складывая, как говорят, «все яйца в одну корзину».

Развивая сотрудничество с Ханоем, включая экспорт вооружений, ВТС вообще, совместную добычу углеводородов на шельфе Вьетнама, Россия создает в ЮКМ более уравновешенную конфигурацию в плане баланса сил и интересов. Поэтому, никоим образом не выступая против Китая, Россия достаточно заметно проявляет близость к позиции Вьетнама по проблемам ЮКМ.

Высокий статус партнерства и значительные объемы трансфера вооружений Вьетнаму дают РФ преференциальные условия использования возможностей глубоководного порта в бухте Камрань, где до 2002 г. находился пункт материально-технического обеспечения советского (а позднее и российского) военно-морского флота. Уже пять лет действует межправительственное соглашение об упрощенном порядке захода российских военных кораблей в Камрань. Вьетнам стал второй страной в мире после Сирии, с которой у России существует такое соглашение.

Вьетнам располагает большим опытом использования российского оружия и военной техники. Среди его крупных закупок — истребители, фрегаты, торпедные катера и подводные лодки. Вьетнам собирается приобрести и другие, более мощные, военные корабли. В частности, сообщалось, что идет переговоры о по-

купке еще двух фрегатов типа «Гепард» и более мощных российских ракетных крейсеров «Адмирал Горшков» и «Адмирал Касатонов»³.

Кроме того, вьетнамские верфи по российской лицензии производят корветы «Тарантул». Сюда надо добавить противокорабельные ракеты, системы ПВО, включая С-300 (идут переговоры и о системе С-400) и другие новейшие виды вооружений. Новой формой взаимовыгодного сотрудничества стало лицензионное производство современного оружия на территории Вьетнама, например, ракетных катеров, средств ПВО ближнего боя, дронов и др. Его расширение поможет модернизации и повышению боеспособности вьетнамских вооруженных сил, а также сократит шансы конкурентов на поставку этих видов вооружений во Вьетнам.

Содействие повышению оборонительного потенциала Вьетнама никак не угрожает Китаю, учитывая асимметрию их потенциалов, но способствует сохранению мира и стабильности в регионе. Это также не означает, что Вьетнам готовится победить Китай в случае войны. И все же это в определенной мере сдерживает амбиции китайских военных, охлаждает некоторые «горячие головы» в Пекине, ибо цена, которую придется заплатить за развязывание конфликта в ЮКМ, может быть весьма высокой.

Хотя стратегическое партнерство России и Вьетнама с сильным военно-техническим компонентом может выглядеть в глазах руководителей КНР как антикитайское, в действительности, как это ни странно, оно работает и на интересы Китая, так как помогает сдерживать укрепление альянса Ханоя с Вашингтоном.

Будучи сильно недовольным российскими поставками вооружений Вьетнаму, китайское руководство сознает, что сокращение или полное прекращение этих поставок приведет к тому, что Вьетнам откажется от своей политики «трех нет» (нет иностранным военным базам, нет участию в военных блоках и нет вступлению в союз с одним государством против другого) и пойдет на дальнейшее усиление связей с США, Японией и Индией, что замкнет кольцо окружения и сдерживания вокруг Китая, которое создают США. Поэтому, несмотря на активное сопротивление интернационализации споров в ЮКМ, Пекин громко не возражает против военного сотрудничества России с СРВ. Даже потенциальное возвращение России на базу Камрань, о котором много говорят в последнее время, для КНР сейчас представляется более приемлемым, чем возвращение туда США.

Больше всего не нравится Пекину участие России в разработке месторождений нефти и газа на шельфе Вьетнама, в его исключительной экономической зоне (ИЭЗ), положенной ему по Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву, которую Китай подписал и ратифицировал. Летом 2019 г. в ходе очередного кризиса в связи с вторжением китайских геологоразведочных судов в блок 06-03 у отмели Вангард, которая находится немного южнее архипелага Спратли, но целиком во вьетнамской ИЭЗ, китайские власти потребовали от работающей там российской компании «Роснефть» прекращения деятельности на шельфе Вьетнама. Однако

³ URL: <https://vn.sputniknews.com/military/201907147783474-viet-nam-quan-tam-phien-ban-xuat-khau-cua-chien-ham-do-doc-gorshkov>

с российской стороны на это было указано, что все работы «Роснефти» ведутся в строгом соответствии с действующими нормами международного права.

Нейтральная позиция не есть безразличие

Таким образом, Россия, поддерживая отношения стратегического партнерства с Китаем и СРВ, добивается своих глобальных и региональных целей. Она укрепляет свои позиции в азиатском балансе сил, в определенной мере притормаживает вьетнамско-американское сближение (к которому Вьетнам тоже относится достаточно осторожно) и воздействует на споры в ЮКМ таким образом, чтобы было больше места переговорам, двусторонним и многосторонним.

Поддержание статус-кво для России, каким бы несовершенным он ни был, лучше, чем оказаться перед фактом победы одной стороны над другой. Стремление Вьетнама к сохранению своей независимости и самостоятельной внешней политики отвечает интересам России. К сожалению, некоторые важные инициативы России, выдвинутые в 2010 г. (на встрече Д. Медведева и Ху Цзиньтао в Пекине), а затем в 2013 г. (на саммите АСЕАН в Брунее) по разным причинам необходимого развития пока так и не получили.

При всех возникающих время от времени трудностях РФ традиционно остается и в обозримом будущем будет главным партнером Вьетнама по военнотехническому сотрудничеству, хотя конкуренция и здесь растет с каждым годом. С удовлетворением можно отметить, что в точно назначенный срок все заказанные Вьетнамом подводные лодки поступили на боевое дежурство. В 2019 г. еще четыре фрегата класса «Гепард» также приняты в ВМС Вьетнама и уже совершили ряд заходов в порты дружественных стран.

3 декабря 2019 г. в Нячанге (СРВ) прошел уже 5-й Стратегический диалог по проблемам обороны России и Вьетнама. Стороны договорились продолжать тесное сотрудничество в разных областях, включая обмен делегациями на высоком уровне, подготовку кадров, сотрудничество различных родов войск, военнотехническое сотрудничество, взаимодействие на многосторонних форумах, в военной медицине и в ликвидации последствий войны против агрессии США. Председательствовал на диалоге с вьетнамской стороны заместитель министра обороны генерал-полковник Нгуен Ти Винь, недавно награжденный президентом РФ орденом Дружбы. С российской стороны был заместитель министра обороны генерал-полковник А.В. Фомин.

Благодаря этому партнерству Вьетнамская народная армия сегодня имеет новейшие виды российских вооружений и военной техники. Недавно стало известно, что Вьетнам проявляет большой интерес к ракетным системам С-400 и в недалеком будущем ожидается его заказ на приобретение этих систем. Эта система стоит недешево. К тому же добавляются климатические условия во Вьетнаме. Жара и влажность не очень подходят для сложнейшей электроники на этих системах. Но, по сообщениям корпорации «Алмаз-Антей», после использования ракет С-400 в Сирии появились уже образцы, приспособленные к условиям тропического климата.

В период 2014–2018 гг. Россия поставила 77,9% закупленного Вьетнамом за рубежом вооружения. За ней следуют Израиль, Беларусь, Южная Корея и Украина (9; 4,1; 2,8 и 2% соответственно)⁴.

Вьетнам начал по лицензии производить целый ряд видов оружия и военной техники у себя в стране и даже предлагает их на экспорт. Образцы их были представлены на международной выставке в Индии INDO DEFENCE 2018.

Таким образом, на современном этапе российско-вьетнамские отношения остаются, несомненно, важным фактором обеспечения мира и безопасности как в регионе ЮВА, так и в АТР в целом. Но эти отношения больше не могут развиваться по инерции. Пришло время подумать о том, как сохранить их и наполнить новым содержанием, как придать новый импульс всеобъемлющему стратегическому партнерству.

На практике оно еще не стало всеобъемлющим. Пришло время серьезно задуматься, а может ли Россия предложить Вьетнаму что-то, чего не могут предложить другие? За счет чего наращивать торговый оборот? Достаточно ли только рассчитывать на военно-техническое сотрудничество? Но и здесь встает проблема, как поддерживать соотношение цены и качества своей продукции на привлекательном для Ханоя уровне и оставаться конкурентоспособными на этом рынке? Пока все эти вопросы ждут ответа.

Во Вьетнаме автору не раз приходилось слышать вопрос, на чьей стороне будет Россия, если между Китаем и Вьетнамом, не дай Бог, разгорится война? Ответ можно было дать только один: такую войну допустить нельзя! При этом на память часто приходят слова, сказанные очень авторитетным разработчиком вьетнамской военно-политической стратегии, заместителем министра обороны СРВ генерал-полковником Нгуен Ти Винем на представительном ежегодном форуме Диалог Шангри-ла в Сингапуре еще в 2012 г.: «Отстаивая всеми средствами и силами свой суверенитет и территориальную целостность в Восточном море (так во Вьетнаме называют ЮКМ. — Г.Л.), Вьетнам сделает все возможное для того, чтобы бедствие войны больше никогда не пришло вновь на его многострадальную землю»⁵.

Вьетнам, как показывает «Белая книга по обороне 2019», и впредь будет проводить «независимую, мирную, многовекторную внешнеполитическую линию, политику сотрудничества и развития, активно участвовать в международной интеграции на основе принципа: Вьетнам — друг, достойный доверия партнер и ответственный член международного сообщества»⁶. Эта политика приносит свои позитивные результаты во многих областях. В июне 2019 г. в ООН состоялись выборы непостоянных членов СБ ООН, на которых произошло уже второе и на этот раз практически единогласное избрание Вьетнама в СБ ООН, которое показало высокий авторитет страны в мировом сообществе.

⁴ URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/4764514/future-of-the-vietnamese-defense-industry#cat-pos-1>

⁵ Цит. по: The Straits Times. 06.06.2012.

⁶ Цит. по: URL: <https://sputniknews.vn/20191216/viet-nam-da-co-chien-luoc-rieng-o-bien-dong-quyet-khong-lien-minh-quan-su-8384423>

Научное издание

Г.М. Локшин

**Южно-Китайское море:
поиск согласия продолжается**

Избранные труды

Редактор *О.И. Мальцева*

Художественное оформление и верстка *О.В. Волкова*

Подписано в печать 26.06.2024

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная

Печ. л. 17,0. Усл. п. л. 22,0. Бумага офсетная

Тираж 200 экз.

ФГАУН Институт Китая и современной Азии РАН

117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 32

тел.: +7(499) 124 02 17

<https://iccaras.ru>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ООО "Фотоэксперт"

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, эт. 1, пом. 6.3-23Н